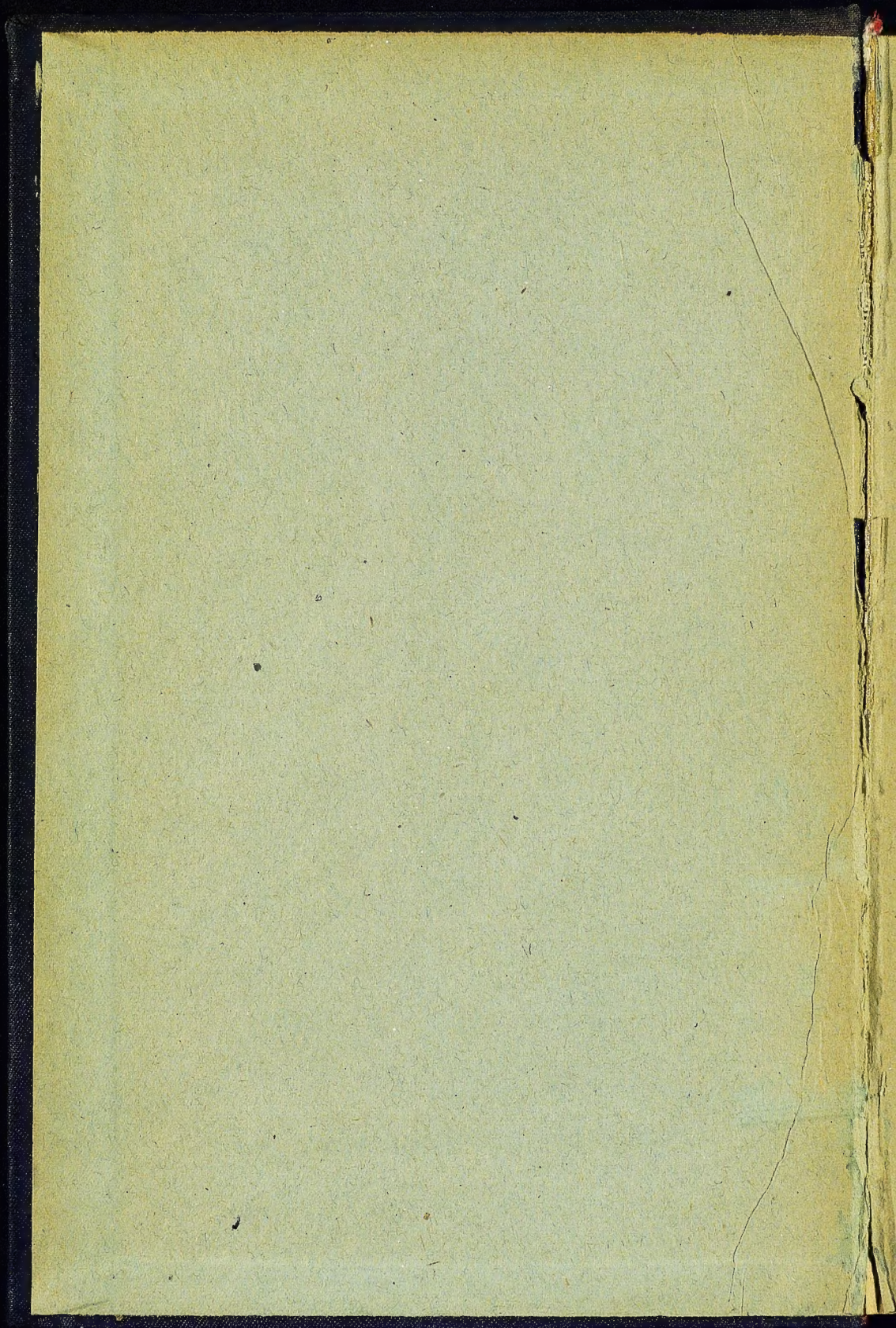

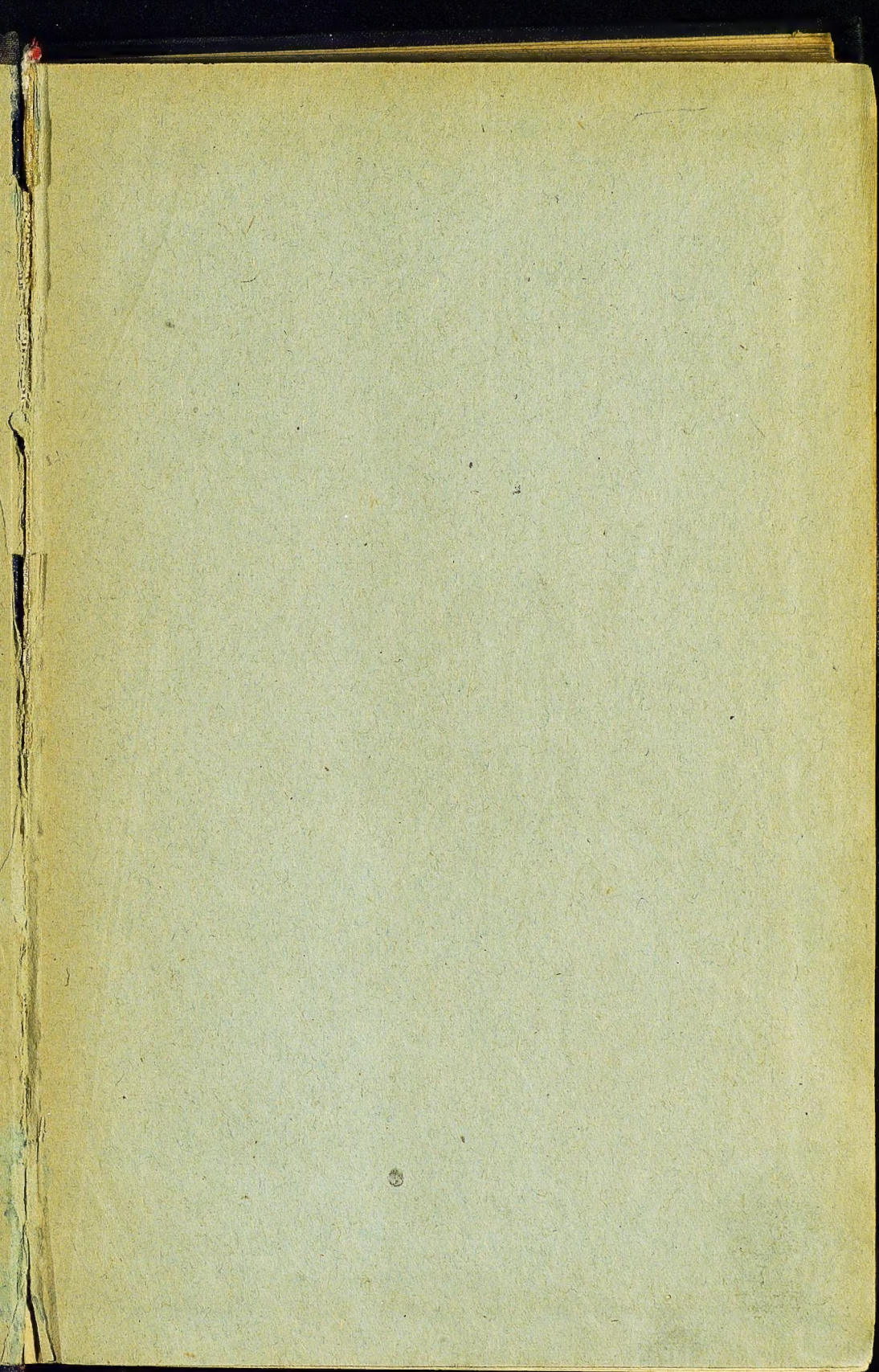
1782.78
✓

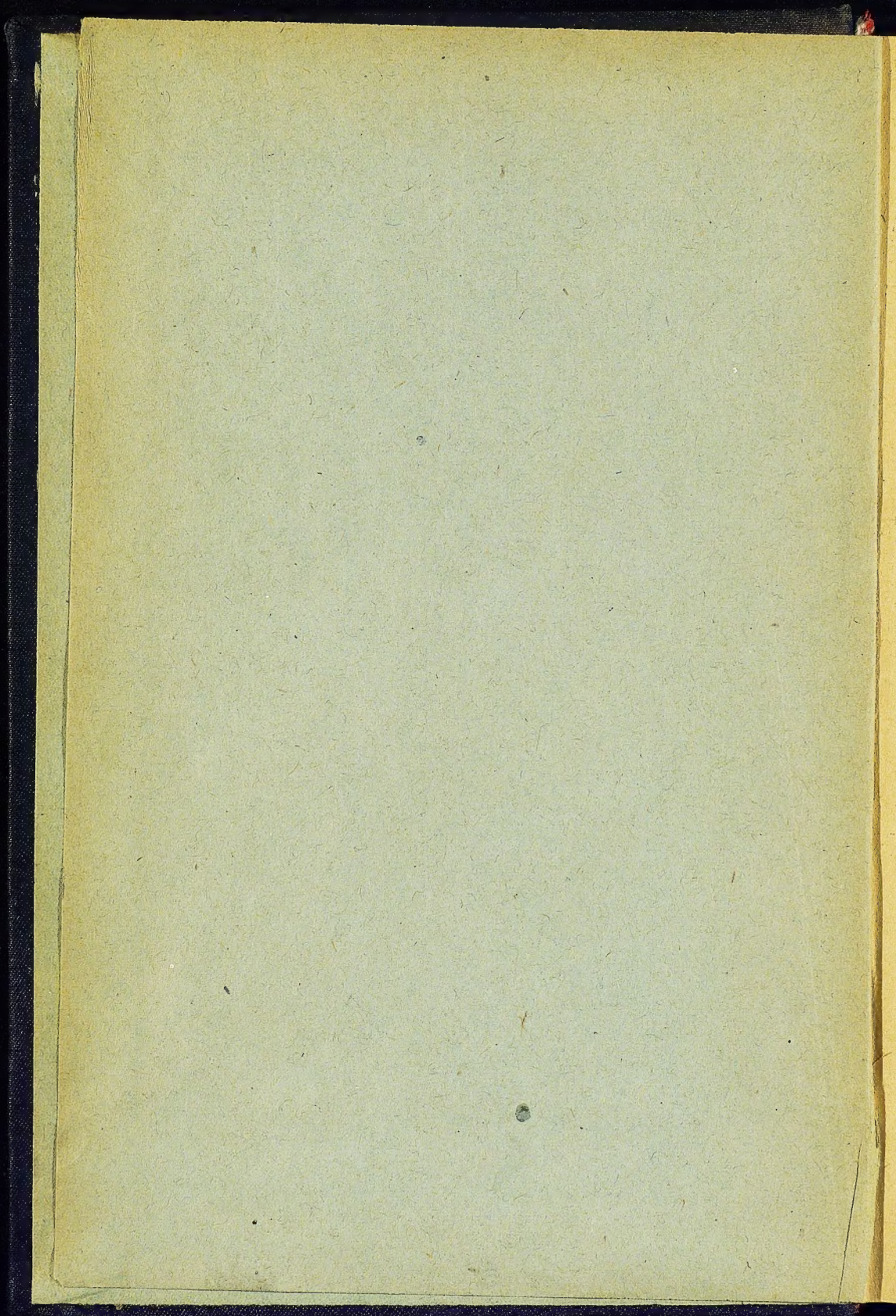
Давид Львовъ Вурденбургъ

ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

СПИСОКЪ СОДЕРЖАНІЯ
1880 г.

K.82 98
Давид Меллер Дугердус

ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

том

V

Перевод с английского

И. ЗВАВЧА

С предисловием

Ф. А. РОТШТЕЙНА

Государственное
Социально-экономическое издательство
Москва — 1938

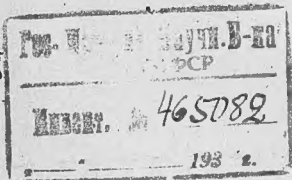
David Lloyd George

WAR MEMOIRS

V

Translated
by Y. ZVAVITSH

With a preface
by Fh. ROTHSTEIN

The State Social and Economic Press
Moscow — 1938

ПРЕДИСЛОВИЕ

Читатель, знакомый с английской литературой о войне 1914-1918 гг., прирав из рук неистощимого автора пятый том «Военных мемуаров», по прочтении его, вероятно, спросит себя: «Где это я уже читал нечто подобное?» Он подойдет к своим книжным полкам и найдет небольшую, но отлично написанную и убедительно документированную книжку кап. Райта (Peter E. Wright) «В Верховном военном совете» («At the Supreme War Council»), изданную еще в 1921 году, где сжато, но чрезвычайно ярко рассказано почти все то, что в изложении Ллойд Джорджа занимает большую и наиболее важную часть тома. Речь идет о борьбе за единое командование на «западном» (каким он был для англичан и немцев, на восточном, каким он был для французов) фронте — проблеме, от решения которой зависел дальнейший ход и, в конечном счете, исход войны. Райт был одним из секретарей упомянутого совета, который был создан после итальянского разгрома при Капоретто в качестве первой меры к объединению или согласованию действий на гигантском фронте от Ламанша до Персидского залива; он же, Райт, был переводчиком для французов и англичан. Он, таким образом, не только имел доступ к самым секретным и важным документам, но и был осведомлен о тех интимных разговорах, которые велись членами совета между собою и с командующими генералами. Неудивительно, что он оказался в состоянии уже через два года после заключения мира рассказать то, что сейчас, спустя шестнадцать лет, нам рассказывает — правда, с большими подробностями, может быть, с большими и ненужными повторениями, по обычаю адвокатов, — главный деятель этого совета и главный, наиболее энергичный поборник единого командования западного фронта.

ИСПРАВЛЕНИЕ

На стр. 347 между 22-й и 23-й строками выпали следующие две строки: и распространить воинскую повинность на Ирландию. Последний вопрос вызвал серьезные разногласия в кабинете, а впоследствии

Ллойд Джордж, Военные мемуары, т. V.

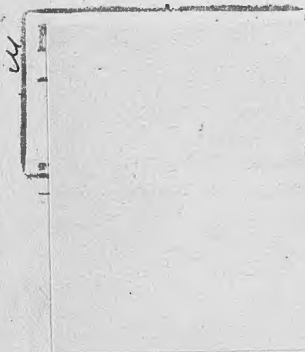
David Lloyd George

WAR MEMOIRS

V

Translated
by Y. ZVAVITSH

With a preface
by Ph. ROTHSTEIN

ПРЕДИСЛОВИЕ

Читатель, знакомый с английской литературой о войне 1914-1918 гг., прияв из рук неистощимого автора пятый том «Военных мемуаров», по прочтении его, вероятно, спросит себя: «Где это я уже читал нечто подобное?» Он подойдет к своим книжным полкам и найдет небольшую, но отлично написанную и убедительно документированную книжку кап. Райта (Peter E. Wright) «В Верховном военном совете» («At the Supreme War Council»), изданную еще в 1921 году, где сжато, но чрезвычайно ярко рассказано почти все то, что в изложении Ллойд Джорджа занимает большую и наиболее важную часть тома. Речь идет о борьбе за единое командование на «западном» (каким он был для англичан и немцев, на восточном, каким он был для французов) фронте — проблеме, от решения которой зависел дальнейший ход и, в конечном счете, исход войны. Райт был одним из секретарей упомянутого совета, который был создан после итальянского разгрома при Капоретто в качестве первой меры к объединению или согласованию действий на гигантском фронте от Ламанша до Персидского залива; он же, Райт, был переводчиком для французов и англичан. Он, таким образом, не только имел доступ к самым секретным и важным документам, но и был осведомлен о тех интимных разговорах, которые велись членами совета между собою и с командующими генералами. Неудивительно, что он оказался в состоянии уже через два года после заключения мира рассказать то, что сейчас, спустя шестнадцать лет, нам рассказывает — правда, с большими подробностями, может быть, с большими и ненужными повторениями, по обычаю адвокатов, — главный деятель этого совета и главный, наиболее энергичный поборник единого командования, тогдашний премьер-министр Англии Ллойд Джордж. Замечательно, что не только само изложение этой борьбы, но и отношение к ней у обоих авторов целиком совпадает. Райт в полной мере признает за Ллойд Джорджем главную заслугу в борьбе за создание единого командования, высоко расценивает его прозорливость, правильное понимание задачи и неутомимую энергию, с какой он настаивал на ее решении, и одинаково отрицательно относится к генералам-саботажникам, срывавшим это решение, и другим противникам, дошедшим в своем противодействии Ллойд Джорджу до прямой государственной измены. Книжка Райта является неоценимым дополнением к настоящему тому «Мемуаров».

В V т. своих «Мемуаров» с огромной силой своего ораторского искусства, подкрепляемого обильными выдержками из секретных официальных документов и многочисленными цифрами, взятыми из секретных докладов, Ллойд Джордж обрушивается на своих противников, апологетов бездарных и тщеславных генералов, и доказывает с неопровержимой логикой, что они вели войну на поражение и капитуляцию и что не будь проведено в двенадцатом часу объединение командования в руках наиболее (Ллойд Джордж, да и Райт склонны даже думать: единственно) даровитого полководца Фоша, война была бы проиграна еще до того, как американские силы влились в общий фронт. Без сомнения, можно спорить насчет того, действительно ли одна эта реформа обеспечила союзническую победу; в одном месте (гл. 72, стр. 124). Ллойд Джордж, говоря об ограниченном кругозоре военных (кроме Фоша), сам замечает: «Было ряд фактов, которых они или совершенно не знали или не осознавали. Они или не были осведомлены или недооценивали значение серьезного недостатка продовольствия и топлива у неприятеля. Этот недостаток безусловно ускорял катастрофу для центральных государств, деморализуя армию и препятствуя ее передвижению, ослаблял дух и волю нации в тылу армии и отнимал также у немцев и австрийцев преимущества мира, заключенного с Россией: они вынуждены были держать значительные силы в России с целью использовать ее продовольственные ресурсы». Но если серьезные продовольственные и топливные затруднения сыграли большую роль в крахе германских армий — Ллойд Джордж почему-то забыл на этот раз упомянуть о революции, ускоренной, чтобы не сказать больше, этими затруднениями, — то все же неоспоримо, что создание единого командования явилось существенным условием для победы. В конце концов, продовольственное положение во Франции и даже в Англии было серьезное и становилось серьезнее с каждым днем. В одном из предыдущих предисловий (к т. III, стр. 8) нами уже указывалось, что между союзниками и Германией расстояние в этом отношении было не более 6 месяцев. Еще совсем недавно майор Ллойд Джордж, сын автора настоящих мемуаров, заявлял в палате общин, что «в 1917 году мы находились в пределах трех недель от повального голода» (см. парламентский отчет в «Таймсе» от 26 февраля 1937 г.). Это заявление его отец через пару недель уточнил, заметив, также в речи в парламенте, что «именно нехватка продовольствия сломила Германию, Австрию, Болгарию и Россию в мировой войне, и мы сами едва-едва не потерпели краха еще до того, как потерпели крах перечисленные страны по той же причине» (см. «Таймсе» от 13 марта 1937 г.). Кто может сказать, не настигла ли бы союзников голодная Немезида раньше, чем Германию, если бы военные действия затянулись еще на год, как они предполагали? Создание единого командования дало перевес союзникам, ускорив развязку и тем предупредив катастрофу.

Огромная важность единого командования, конечно, теоретически понималась и Хейгом и Петаном в 1917—1918 гг. По одно дело понимать это, а другое подчиниться командованию лица другой стра-

ны и расстаться не только с патристическим самолюбием, не только с законными опасениями, как бы не оказаться предметом эксплуатации ради интересов другого государства, но и с личными соображениями карьеры, честолюбием, уверенностью в своих больших способностях и простым тщеславием. Такое самопожертвование — дело нелегкое, особенно нелегкое для таких людей, какими являлись англичане Хейг, Робертсон и другие генералы. Не только Ллойд Джордж, которого можно заподозрить в пристрастии и адвокатском иезуитизме, дает им уничтожающую характеристику, но и Райт, человек явно в этом отношении безупречный, выдает им крайне нелестный аттестат. Неудивительно, что, захваченные вначале врасплох, они затем не только не выполнили постановлений Верховного военного совета в Версале, но и повели через своих единомышленников в прессе кампанию против правительства, не останавливаясь даже перед оглашением всех связанных с этими постановлениями стратегических и иных деталей. Интересно отметить некоторый нюанс, отличающий изложение Ллойд Джорджа от изложения Райта по поводу поведения Хейга. В то время как первый констатирует лишь предательство и преступное нарушение дисциплины со стороны английского главнокомандующего, Райт предполагает, что Хейг был слишком глуп, чтобы сразу понять смысл того, под чем он сам подписался в Версале и о чем он лишь потом спохватился, поняв, что поступил не так, как сам хотел. Английской патристической публике представляется, таким образом, сделать приятный выбор между непроходимой глупостью и бездонным коварством своего полководца, который вскоре затем скрепил свой акт кровью десятков тысяч английских солдат в боях под Сен-Кантеном. Замечательно при этом одно упущение Ллойд Джорджа, которое восполняет Райт: сообщение о своем отказе выполнить постановление Версаля Хейг сделал лишь накануне начала боев, когда его уже поздно было снимать! Некоторый нюанс отличает также объяснение, даваемое обоими авторами тому колебанию, которое в конце концов проявил сам Клемансо по отношению к версальским постановлениям о создании общесоюзного резерва и о передаче командования им Фошу. По мнению Райта, Клемансо вообще не был тем сильным человеком, каким он старался себя изображать, и если его прозвали «тигром», то это не скорее было набитое чучело тигра. Отсюда и его колебания между Петеном и Фошем. Ллойд Джордж же объясняет непоследовательность Клемансо его сильным антиклерикальным недоверием к воспитаннику иезуитов, каким был Фош. Этот же его антиклерикализм, уверяет Ллойд Джордж, был причиной провала Клемансо на президентских выборах 1920 года: ему не могли простить того, что по вступлении французов в освобожденный Страсбург он отказался пойти на молебствие в собор. Вероятно, и то и другое имеет за собой основание: мы знаем как непоследователем был в своей политической карьере Клемансо, и как сильна была во Франции клерикальная реакция накануне, во время и непосредственно после войны.

Изображение борьбы военной клики против правительства принадлежит к самым сильным страницам тома; напрасно только наш

автор забыл обстановку, в какой он сам пришел к власти в декабре 1916 года: свой собственный заговор с военными и с тем же военным корреспондентом «Таймс» Репингтоном, им же инспирированные разоблачения военных секретов в прессе, свой союз с отъявленнейшими консерваторами и свержение правительства в самый напряженный момент на фронтах. Об этом читатель найдет рассказ во втором томе его же мемуаров. Не следует также слишком доверять его прославлению победы в данном случае конституционной гражданской власти над военной. Накануне войны, в июле 1914 года, конституционное правительство Асквита, в котором Ллойд Джордж был важнейшей фигурой, смиренно отступило перед мятежными генералами и офицерами в Ирландии, отказавшимися выполнить приказ подавить ольстерских белогвардейцев, открыто вооружавшихся, под руководством и при гласном поощрении вождей английских консерваторов Бонара Лоу и Карсона, с тем чтобы сорвать проведенный в парламенте закон о самоуправлении Ирландии (см. об этом у Ленина «Конституционный кризис в Англии», т. XVII, стр. 309—311). Это была неслыханная победа офицерских эполет над конституционным правительством и парламентом. Что еще пикантнее, гражданские герои этого мятежа, упомянутые два вождя, были в 1916 году Ллойд Джорджем введены в его военный кабинет. Из военных же героев, зачинщиков мятежа, один Вильсон был им назначен начальником имперского генерального штаба на место уволенного Робертсона, а другой, генерал Гоф, потерпевший жестокое поражение в боях под Сен-Кантэном и за это смещенный, в этом же томе изображается как невинно пострадавший и полностью реабилитируется. Ллойд Джордж нас не убедит, что он из идеальных побуждений спас английскую конституцию и за это заслуживает цивического венка: он спас свое правительство и себя самого.

В связи с этим делом тесно стоит весь гомерический эпизод германского наступления в марте — апреле на западном фронте: знаменитые бои под Сен-Кантэном и при Лисе — последние гигантские взмахи крыла германского милитаризма. Вокруг них уже создалась большая литература, несомненно, знакомая нашим военным специалистам. Им же посвящен вышедший в апреле этого года том английской официальной истории войны, написанный ген. Эдмондсом. Кроме того, читатель найдет интересный дополнительный материал и у Райта, который в противоположность Ллойд Джорджу гораздо менее настаивает на технической неподготовленности английской обороны. Больше того, Райт презрительно отмахивается разговоры о недостатке «проволочных заграждений» и пр. и почти не упоминает о неудовлетворительном физическом и моральном состоянии V армии под начальством Гофа, только что прошедшей кошмар фландрских наступлений, по поводу которого Ллойд Джордж так много и красноречиво распространяется. Но зато, как человек, изучавший дело в штабе, Райт подчеркивает органические недостатки дислокации этой армии по линии фронта и на соседних участках и нелепое распределение резервов в тылу. Его замечания на этот счет существенно дополняют изложение Ллойд Джорджа. Согласно Райту, Хейг, со-

гласившись на просьбу Петэна удлинить британский фронт на своем правом участке, где он смыкался с левым флангом французов, собственно, не удлинил своей фронтовой линии, оставляя ее попрежнему гораздо более плотной, нежели была французская, а бросил в промежуток V армию, заставив ее занять такой длинный фронт, что плотность его оказалась даже ниже, чем у французов. Неудивительно, что бросив силы, втрое превосходившие численностью V армию, Людендорф прорвал фронт и лавиной хлынул за линию ее. У Ллойда Джорджа этого существенного момента нет. Слабо у него также обоснован, несмотря на обилие соображений, другой момент, а именно, что удар Людендорфа не только не был неожиданным, но был заранее известен англичанам до мелочей на основании не просто догадок и косвенных показателей, а весьма точного изучения в британском штабе. Вильсон даже устроил пробную «военную игру» между двумя партиями, и известие о прибытии на германский фронт ген. Хуте, только что применившего при взятии Риги особый тактический прием (секретный подвоз с далекого тыла в ночь перед атакой частей, предназначенных для выполнения ее), точно указало англичанам как сектор, так и метод подготавливавшегося удара. «Людендорфский удар, — говорит Райт, — не мог бы быть более ясно предусмотрен, если бы он даже был сообщен заранее в письменном виде со всеми подробностями, и поэтому, — ядовито замечает Райт, — будущий военный историк, несомненно, будет рассматривать дело под Сеп-Кантэном как образец того, чем должно быть поражение — классический пример, совершенный во всех своих частях, подлинная, безупречная жемчужина бездарности, превосходящая даже такие шедевры того же рода, как дело при Камбре». Недостаточно Ллойд Джордж объясняет и причины конечной неудачи Людендорфа. У него все дело сводится к стойкости английского солдата, и лишь мельком он упоминает о французской помощи, говоря (гл. 78, стр. 252): «справедливость требует добавить, что французские войска, бросившиеся на помощь разбитой пятой армии, оказались достойными репутации искусных и храбрых бойцов». У Райта, который тоже воздает высочайшую хвалу стойкости английского солдата, об этой помощи сказано более членораздельно. Наступление началось 21 марта, и уже через три дня положение было таково, что оно казалось проигранным: германский клин грозил раздвинуть английскую и французскую армии, отбросить первую к Ламаншу — éventuellement через Ламанш в Англию, а французскую на юг, и Клемансо уже поднимал перед президентом республики Пуанкаре вопрос об эвакуации Парижа и переезде правительства в Бордо. Петэн, правда, перебросил на помощь Гофу в течение недели десять дивизий, но они были снаряжены в спешке «без орудий, транспорта, достаточного штабного и другого аппарата», как жаловался Хейг. Последний тогда сам обратился в Лондон с предложением создать единое командование всеми союзническими силами, и 25 марта из Лондона прибыли лорд Милнер, заместитель Ллойда Джорджа в кабинете, и начальник имперского генштаба Вильсон. На следующий день состоялось совещание в Дулане с Пуан-

каре и Клемансо, и Фошу было вручено высшее командование. Райт продолжает: «Фош был назначен лишь около полудня 26-го, но уже в три четверти пятого, спустя несколько часов после своего назначения, ему удалось связаться по телефону с Дебенэ, командовавшим на крайне-правом французском фланге, и приказать ему снять все свои войска с южного участка, протяжением в шесть миль (около 9,6 км), рискуя оставить там пустое место, и послать их на фронт к Амьену. Об эти войска разбилось в среду последнее усилие истощенной германской волны». Как видим, Ллойд Джордж немного преувеличил значение доблести английской армии и недооценил значения помощи, оказанной французской.

Цепосредственно примыкая к этой волнующей теме начала последнего германского наступления, идет у Ллойда Джорджа изложение одной из самых трудных в английских условиях проблем, которые правительству Ллойда Джорджа пришлось разрешать: проблеме «живой силы», как он это называет, — проблему пушечного мяса, как мы бы это назвали, учитывая цели, для которых миллионы трудящихся были отправлены в окопы. Наш автор особенно подробно останавливается на этом вопросе потому, что и тогда и еще сейчас, как это видно из вышеупомянутого нового тома официальной английской истории войны, его и его правительство обвиняли в недостаточном питании фронтов подкреплениями, вследствие чего будто бы и получился этот кровавый конфуз под Сен-Кантреном. Ллойд Джордж (как до него и Райт) достаточно убедительно доказывает, что это обвинение было необоснованным: никакой нехватки в солдатах на фронтах не было, а была лишь очень плохая группировка их и полное неумение маневрировать резервами. Правда, к моменту прекращения военных действий, по заключении перемирия, в самой Англии еще оставалось около полутора миллионов человек под ружьем отчасти свежих рекрутов, отчасти войсковых единиц, расположенных гарнизонами по всей стране или готовых к переброске во Францию. Но не говоря уже о том, как трудно было предвидеть, что война так неожиданно и скоро прекратится и что поэтому нужно было держать и накапливать резервы для кампании следующего года, само положение внутри Англии не позволяло с точки зрения империалистического правительства оголять страну. Об этом Ллойд Джордж по понятным причинам не пишет, но это было так: сильные гарнизоны были расположены в разных частях страны и, в частности, в Ирландии и в центральном военном округе Олдершоте. В других частях страны также были бесспорно сосредоточены большие силы на случай народных волнений. В начальных строках первой главы настоящего тома Ллойд Джордж сам констатирует, что патриотический угар давно уже прошел и что даже наиболее воинственные слои общества втайне вздыхали о скорейшем окончании бойни. А в своих предыдущих томах он нам рассказал про настроения рабочих и антивоенное движение среди них, которое иногда принимало довольно неприятные для вдохновителей войны формы. Кроме того, предстоило, возможно,

создание нового фронта на российской территории, где большевики, не добившись у союзников согласия на переговоры об общем мире, заключили сепаратный мир с немцами и отказались платить царские долги, о чем мы еще будем говорить ниже. По всем этим соображениям правительство Ллойд Джорджа не могло отдавать Хейгу последнего солдата, по у английского главнокомандующего, как доказывают цифры, их и без того было достаточно. Если взять западный фронт в целом, как это нужно было делать с самого начала, то силы союзников были гораздо значительнее германо-австрийских не только численностью, но еще более, снаряжением — орудиями, танками, самолетами и пр. В частности, у Хейга самого было достаточно сил, чтобы отразить германское наступление, для которого, по его собственному расчету, нужно было иметь превосходство трех к одному, какого у Людендорфа не было. Тем не менее, ему щедро продолжали давать солдат. Английское правительство умудрилось поставить под ружье шесть с половиной миллионов человек, «вбрасывая» их из всех предприятий, из всех контор, из всех углов и закоулков при постепенном снижении призывного возраста до 18 и столь же постепенном повышении его до 55 лет включительно. Это было достигнуто не только голым насилием — это нужно признать, — но и искусной военной пропагандой, мобилизацией общественного воздействия на колеблющихся, уклоняющихся и сопротивляющихся, и, наконец «душевными» разговорами с реформистскими лидерами рабочих организаций, активно помогавшими своему империалистическому правительству вести войну до победного конца.

Ллойд Джордж для оправдания своей карьеры нашел в себе достаточно смелости, чтобы разоблачить, хотя и задним числом, всю бездарность «национальных» военных героев, которые, наподобие Хейга, удостоились величайших почестей и денежных наград и даже прижизненных памятных. Главы, посвященные делам фронта и составляющие добрые три четверти всей книги, полны богатейшим фактическим материалом, который по достоинству будет оценен нашими военными специалистами. Они, воспитанные и работающие в условиях социалистического государства, не знающего в настоящее время антагонистических классов, не знающего разрыва между армией и трудящимися народными массами, полностью оценят и презрительный сарказм, которым наш автор целыми ушатами обливает английскую военщину, представляющую собой лишь сколок с надменной и тупой аристократически-плутократической касты своей страны и считающую допустимым наглешим образом обманывать правительство своего класса, не говоря уже о народе, ради своего кастового престижа. В этом отношении она лишь немногим отличалась от соответствующей военно-юнкерской касты Германии: но в Германии не было Ллойд Джорджа, продукта английской буржуазной демократии, а был кайзер, продукт своеобразной смеси капитализма и феодализма бисмарковской империи, и это отразилось на различии в положении ее в обеих странах — тогда и ныне.

Обращаясь к другим главам настоящего тома, составляющим гораздо меньшую, хотя все же интересную часть его, мы можем,

пожалуй, пройти мимо делаемого им во вступлении обзора общего положения на фронтах к началу 1918 года. Он констатирует, как уже выше упоминалось, всеобщую усталость от войны и всеобщее желание мира, но отрицает наличие где бы то ни было, кроме России, какого-либо желания кончить войну раньше, чем будет достигнута победа над противником. Однако, когда дезертируют целые полки, как из австрийской или турецкой армий дезертировали чехи или арабы, когда целые полки поднимают знамя мятежа, как во Франции, или когда по всем военно-промышленным заводам прокатывается гигантская волна забастовок, как в Германии или Австрии в начале 1918 года, то разве это не достаточный показатель того, что народ не желал больше воевать за империалистические интересы правящих классов?

Попрежнему Ллойд Джордж в этой главе вздыхает по усиленному искании решения на восточном и вообще второстепенных фронтах, и попрежнему он встречает отказ, правда, лишь до заседания Верховного совета в Версале, на котором было принято решение одновременно с созданием общего резерва форсировать наступление против турок в Азии. Впрочем, Ллойд Джордж об этом решении почему-то не упоминает; мы узнаем это из книги Райта. Любопытно, что Италии опять предложена была помощь союзников в виде не только снаряжения, но и живой силы, с тем чтобы она возобновила наступление против австрийцев; но опять мы узнаем, что Италия теперь, после Капоретто, еще менее склонна была пойти на это. Почему? Ллойд Джордж попрежнему остается у нас в долгу, не объясняя причины итальянского отказа, но она ясна и без слов. С одной стороны, Италия резонно считала, что ей выгоднее, чтобы дрались ее союзники, а с другой стороны, перспектива присутствия союзников на ее территории ей явно не улыбалась, так как оно могло легко перейти в протекторат (французский). Райт рассказывает про жалкое положение Кадорны, злосчастного героя катастрофы при Капоретто, в Версале, где он был итальянским представителем на Верховном совете: «он был побитым генералом, и французы никогда не давали ему забывать это и давали ему пинки без всяких церемоний». И Райт приводит одну сцену между Фошем и Кадорной, которая ярко показывает, как француз действительно давал пинки итальянцу. Если так было в Версале, то итальянцы вправе были спрашивать себя, что было бы в Италии, если бы французы явились во главе целой армии «помогать» им. Перед лицом такой перспективы стихала и жажда реванша в отношении австрийского противника. У Мольера, в «Лекаре поневоле», имеется сцена, в которой Сганарель тушит свою жену Мартину, когда входит друг Робер и хочет заступиться за нее; но Мартин становится перед непрошеным заступником и, отстраняя его, говорит: «а что если я хочу, чтобы он меня бил?» Итальянцы, повидимому, предпочитали побои австрийцев заступничеству французов. Так ли уже они были неправы? Когда англо-французы разбили и погнали немцев обратно и австрийский фронт зашатался так, что его можно было взять голыми руками, то итальянцы произвели

атаку и без труда разгромили почти не сопротивлявшегося противника. *Isolati mai, independenti sempre*, как говорил еще Кавур: никогда не быть изолированными, но всегда — независимыми.

«Гвоздем» этой части книги является рассказ о секретных переговорах с Австрией о мире, которые происходили между ген. Смутсом, с английской, и графом Менсдорфом, с австрийской стороны. Смуте, бывший бурский генерал в знаменитой борьбе с англичанами в 1899—1902 гг., с тех пор перешедший всецело на их сторону, в империалистической войне руководил захватом германской Юго-западной Африки, а затем командовал на фронте в германской Восточной Африке против знаменитого Леттов-Форбека. Он принимал участие в парижской конференции, выработавшей условия мира, и затем был несколько лет премьером Южно-африканского союза. Несмотря на это довольно воинственное прошлое, он изображает себя пацифистом и выдвигается в этом качестве английским правительством всякий раз, когда нужно обмануть публику. Его контрагент Менсдорф был много лет, до самой войны, австро-венгерским послом в Лондоне: он был, что называется на дипломатическом языке, *persona gratissima*, так как приходился родственником английской королевской семье и был своим человеком в ее кругу. Швейцария была своего рода клирингом между воюющими державами по части шпионских сведений и секретных переговоров, и хотя из изложения Ллойд Джорджа неясно, кому принадлежала инициатива в переговорах, но, вероятно, она принадлежала англичанам. Это явствует из того, что Менсдорф стоял на позициях общего мира между обеими сторонами, в то время как его собеседник имел инструкции договариваться лишь о сепаратном мире, т. е. об отрыве Австрии от ее германского союзника в согласии с всеобщей концепцией Ллойд Джорджа — устранить из игры тем или иным способом союзников Германии и таким образом изолировать и окружить ее. Смуте, как говорится, из кожи лез, рисуя Менсдорфу замечательную будущность Австрии, если она откажется от тех или иных земель в пользу Италии и Румынии (с царской и милюковской Россией, метившей на Галицию и Буковину, уже не было надобности считаться) и предоставит другим иномональным землям автономию на основе федерации с перспективой расширения своего влияния на балканский восток — точь-в-точь как некогда рисовал ей эту же заманчивую картину Бисмарк, с тем чтобы отдалить ее от германских дел. Но Менсдорф, будучи стрелянной птицей, не поддавался на эту мякуну, памятуя урок, полученный его страной от попыток осуществить бисмарковскую программу, и упорно отстаивал свой тезис о необходимости заключить всеобщий мир. Из усердных уговариваний Смутса, очень многому научившегося у англичан, и, в частности, вероятно, у гладкоязычного Ллойд Джорджа, ничего не вышло. Попытка продолжить разговоры, но уже с самим Черниным, австро-венгерским министром иностранных дел, только что доказавшим свое «миролюбие» в Брест-Литовске, не удалась вовсе: началось германское наступление, и Чернин предпочел в Швейцарию не ехать. Все

это оставалось глубочайшей тайной для народов и, насколько нам известно, Ллойд Джордж оглашает содержание этих переговоров впервые.

Нашей революции и отношению к ней английского правительства Ллойд Джордж опять, как в прошлом томе, посвящает отдельную главу. В промежутке между обоими томами он, повидимому, кое о чем передумал и в свете германского фашизма, к которому одно время он проявлял заметную симпатию, кое-что понял. Правда, только кое-что. О непонимании действительного значения Великой пролетарской революции говорит его сравнение нашей революции с основанием Лиги наций, как события, которое окажет большое влияние на судьбы человечества. О том же говорит его предупреждение по нашему адресу, что наша революция сможет иметь даже еще большее влияния на жизнь народов (!), чем французская конца XVIII века, если только мы не возьмем курса на войну. Ллойд Джордж не только проводит поверхностную аналогию Октябрьской социалистической революции с Великой буржуазной революцией, но и поддерживает шарлатанскую легенду о бонапартизме и «красном империализме». Но Ллойд Джордж, повидимому, не учел, что если нам однажды уже приходилось брать «курс» на войну, то это было потому, что сам он и его друг Клемансо пошли на нас вооруженным походом; не подлежит сомнению, что мы и в дальнейшем будем воевать, если кто-нибудь будет посягать на наши границы. «Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому» (Сталин). Что касается бонапартизма, то мы своей расправой с троцкистско-правыми террористами, вредителями и шпионами, агентами японо-германского фашизма, присягнувшими на верность учению того же Клемансо о захвате власти в случае военных осложнений, достаточно убедительно доказали, что он у нас невозможен. Все же в некоторых других местах этой главы Ллойд Джордж обнаруживает отрадное понимание того, что у нас произошло в исторический 1917 год. Временное правительство Львова — Милюкова, старавшееся «вернуть Россию на фронт», пало, говорит он, потому, что оно совершенно не понимало действительного положения вещей. Ни Львов, ни Милюков, ни Керенский, продолжает он, не в состоянии были направлять революцию. Она могла бы, по его мнению, «закончиться полной анархией и распадом России на бесчисленные мелкие и непримиримые государства, враждующие между собой из-за неясно очерченных границ, или могла завершиться новой военной диктатурой». Корнилов даже был близок к установлению такой диктатуры. По положение было спасено Лениным, который «устранил эту угрозу, и через хаос, кровопролитие и страдания привел Россию к изумительному преобразованию». О Ленине он вообще отзывается, как о «гигантской фигуре», как о «действительно могучей личности», и по этому поводу делает интересное замечание. Он говорит: «Есть люди, которые утверждают, что ни одна личность, как бы она сильна ни была, не в состоянии предписывать ход событий, или изменять их, кроме как

временно. Их толкование великих исторических переворотов гласит, что время созревает для определенных событий и что эти события наступят все равно, даже если на сцене не появится великий человек, который потянет рычаг, ускоряющий их. Это всегда казалось мне неправильным пониманием истории. Бывали случаи, когда сильная личность задерживала, если не предупреждала катастрофу, казавшуюся близкой и, в конечном счете, даже неминуемой. Бывали и такие времена, когда сильный человек ускорял перемены, которые, не будь его, были бы надолго задержаны». Несомненно, Ллойд Джордж дошел до этих исторических концепций в сознании той большой роли, которую он сам сыграл во время войны, но мы у себя знаем еще более яркие примеры того, как история направляется, ускоряется или задерживается личностями, умеющими распознавать движущие силы данного момента и диалектически их использовать, внося сознательность в стихию и бросая на надлежащую чашку весов вес своего предвидения, авторитета, воли и талантов.

Вместе с тем Ллойд Джордж стремится оклеветать и Великую пролетарскую революцию, и русских рабочих, и крестьян, и большевиков. Он повторяет на страницах своих мемуаров гнуснейшую клевету о «пломбированном вагоне и германском золоте», он клеветает на русских солдат — этих рабочих и крестьян в солдатских шинелях, — не желавших больше отдавать своей жизни за интересы Антанты и русских фабрикантов и помещиков, утверждая, что солдаты уходили с позиций из лени, из нежелания возводить новые укрепления, поскольку это требовало много труда! Кронштадтских моряков, выступивших против Временного правительства, которое пыталось утвердить власть капиталистов, он обвиняет... в любви к децентрализации! Ллойд Джордж даже цитирует с одобрением письмо одного из своих информаторов, в котором тот утверждает, что в России произвести эффект может только сапог и кулак фельдфебеля. Вот как «глубоко» подходит Ллойд Джордж к революции в России!

Интересны высказывания Ллойда Джорджа по вопросу о Временном правительстве. Он откровенно говорит, что «союзнники стремились оказать русскому правительству всю ту помощь, которая была в их силах, чтобы стабилизировать его положение в стране и восстановить фронт против врага». Таким образом, он прямо признает, что Антанта использовала Временное правительство как свое орудие. И дальше, в связи с рассказом о большевиках, призывавших русский народ к борьбе против Временного правительства, в цитируемом Ллойд Джорджем письме говорится: «К счастью, правительство только что было поддержано вотумами доверия, вынесенными Всероссийским советом рабочих и солдатских депутатов и Всероссийским крестьянским съездом». Речь идет о событиях, имевших место в июне 1917 г., т. е. о периоде, когда Советы были меньшевистско-эсеровскими. Признание Ллойд Джорджем значения этого вотума доверия для определения отношения Антанты к Временному правительству лишний раз освещает предательскую

роль меньшевиков, вступивших на путь открытой измены революции, — путь, который привел троцкистско-бухаринскую банду к террористическим актам, вредительству, шпионажу, к сговору с международным фашизмом против народов СССР.

Значительный интерес главы заключается в документах, которые приводит Ллойд Джордж в объяснение отношения его правительства к новому Советскому государству. Бальфур, старый реакционер, занимавший пост министра иностранных дел и слышавший у своих коллег оракулом, считал, как и сам Ллойд Джордж, большевиков германскими даймитами, стоял за разрыв и éventуально за интервенцию. Повидимому, весь аппарат его министерства разделял его взгляды. Пишущему эти строки помнится, как один из них вскоре после Великой пролетарской революции бросил ему негодующее замечание: «Придется против вас послать японцев!» Дело было вовсе не в английских опасениях создания немцами нового фронта на российской территории или использовании ими ее продовольственных и сырьевых ресурсов, как старается нас уговорить Ллойд Джордж, дело было в том, что большевики подали «дурной пример» пролетариату других стран и, — что было также горько, — отказались платить царские долги. Выражая неудовольствие знаменитой телеграммой президента Вильсона от 12 марта 1918 года Чрезвычайному IV Всероссийскому съезду Советов с выражением «искреннего сочувствия русскому народу», Ллойд Джордж проговаривается: «американская публика не имела таких оснований возмущаться Россией, как европейские союзники, у которых были большие капиталы в России». Вот где была зарыта собака!

Ллойд Джордж пытается, однако, найти оправдание в непризнании советского правительства в том, что большевики тогда еще не были хозяевами всей страны, забывая, что впоследствии он признавал различных генералов и адмиралов «правителями» России, хотя они ничем, кроме белогвардейских банд, не располагали. Кающемуся Ллойд Джорджу следовало бы уже покаяться до конца и признать, что поведение его и его правительства было беспардонно и ничуть не лучше нынешней итало-германской интервенции на стороне испанского Корнилова ген. Франко, которую он сейчас осуждает.

Читатель не нуждается в дальнейших комментариях по поводу других моментов этой главы: приводимые в ней документы говорят сами за себя. Развернутую же характеристику Ллойда Джорджа он найдет в предисловии к VI т. «Мемуаров».

Ф. Ротштейн.

Глава шестьдесят девятая

ПЕРСПЕКТИВЫ 1918 ГОДА

Перед союзниками стояла теперь пятая кампания. Союзные нации были уже истощены и потеряли всякие иллюзии. Во всех воюющих странах военный пыл уже давно остыл. Энтузиазма больше не было. На улицах не было больше патриотических демонстраций. Даже среди приверженцев войны существовало затаенное и глубокое желание, чтобы она скорее прекратилась. Но нигде, кроме России, не было никаких признаков готовности воюющих наций прекратить войну. Борьба продолжалась благодаря той упорной решимости, которая заставляет мужественных представителей животного мира бороться, пока им позволят силы. Поверхностный наблюдатель, обозревая театр военных действий, мог прийти к заключению, что центральные державы побеждают. Сербия и Бельгия были всецело в их руках. Большая часть Румынии была занята их войсками. Русская армия перестала существовать как боевая единица. Героические, хотя и неразумные, плохо координированные усилия, предпринятые в 1917 г. армиями Франции и Британии для изгнания немцев из Бельгии и оккупированных территорий Франции, кончились кровопролитными поражениями. Отпор, данный Франции, был так сокрушителен, что он привел к временной деморализации и подорвал дисциплину прекрасной французской армии. Со времени поражения в апреле 1917 г. на французские войска нельзя было больше рассчитывать для какой бы то ни было крупной операции. Не было уверенности в том, что после года отдыха и восстановления сил вернувшиеся на фронт французские солдаты будут пригодны для кампании, которая требовала усилий, способных сломить германскую оборону. В 1918 г. генерал Петэн стоял за концентрирование сил с целью обороны и за отсрочку окончательного наступления до 1919 г. Он считал, что в 1919 г. американцы будут готовы прислать армию, способную дать союзникам превосходство сил, которое позволит им преодолеть сопротивление противника, уже истощенного пятью кампаниями.

Что касается британской армии, то она, упорно сражаясь, держалась до декабрьских туманов. Но она была утомлена и потеряла доверие к мудрости командования, которое несло ответственность за нелепую и бестолковую стратегию последних двух месяцев Пашеи-

дела и за грубейшую ошибку, уничтожившую большие возможности, которые открывались в битве при Камбрэ. Неудачные и дорогостоящие наступления 1915—1917 гг. нанесли урон мощи и боеспособности союзников в двух или трех направлениях:

1. Они уничтожили лучшие силы союзных наций, не достигнув каких-либо стратегических преимуществ и не причинив не только больших, но даже и равных потерь армии противника. В этих битвах в общем союзники потеряли три единицы против двух, потерянных Германией. Каждое неудачное наступление существенно сокращало, таким образом, то преимущество в действующих силах, которым союзники обладали в начале войны. Баланс потерь человеческих сил становился еще менее благоприятным для союзников в силу того, что непоправимые потери среди опытного офицерского и унтер-офицерского состава были значительно больше во французской и британской армиях, чем на стороне их противника.

2. Британская армия, которая в июне была наиболее крупной силой на стороне союзников, вела непрерывно с марта и вплоть до первой недели декабря целый ряд тяжелых битв, не достигая каких-либо стратегических успехов. Эти кровопролитные атаки, сопровождавшиеся большими потерями, имели своим результатом лишь захват двух новых высот, которые штаб признавал невозможным удержать. Таким образом, несмотря на тяжелые жертвы нашей прекрасной армии, увеличились стратегические преимущества противника. Экспедиционные войска были истощены душевно и физически. Цитируем слова французской официальной военной истории:

«Теперь, в начале зимы, стало очевидно, что английская армия находится в состоянии истощения, являющегося результатом напряженных и длительных усилий в течение лета. Эта армия начала в конце концов испытывать серьезнейшие затруднения в пополнении своих войск; в середине декабря ее пехоте не доставало 116 тысяч человек».

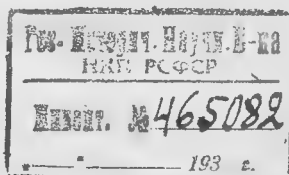
Хейг также ссылался на «истощение своих войск». Он говорил о них, о «своих утомленных и истощенных частях», обращая внимание на то, что «занятая наступлением с весны» армия не была в состоянии уделить нужное количество людей или времени на организацию обороны.

Оба эти факта, т. е. усталость и численное ослабление армии в результате непрерывных наступлений, сыграли большую роль в том, что весной британская армия оказалась неспособной отразить наступление противника. Общее утомление пагубно отразилось на физическом состоянии и настроении всей армии, начиная от высшего командного состава и кончая пехотой в траншеях и рабочими батальонами, которые непрерывно работали за линией обороны. Только лишь нервным и умственным переутомлением можно объяснить исключительную нерешительность и бездеятельность нашей главной ставки, которыми характеризовались три месяца, следовавшие за окончанием кампании 1917 г. Бойня, которая не прекращалась ни на один час ни днем ни ночью в течение четырех месяцев, неизбежно

оказывала влияние на наши резервы. Когда комитет министерства рассматривал в июне 1917 г. предложение главнокомандующего о наступлении во Фландрии, сэр Виллиам Робертсон подсчитал на основании сведений, сообщенных главной ставкой, что 130 тыс. человек возместят потери на всем британском фронте в период наступления. В действительности мы послали во Францию для пополнения потерь значительно большее количество людей. Как сообщил фельдмаршалу Хейгу в своем письме от 3 ноября 1917 г. сэр Виллиам Робертсон, британское правительство сделало для пополнения французской пехоты в течение 1917 г. значительно больше, чем оно обещало. Хейгу было сообщено, что между 1 марта и 31 октября во Францию будет послано 356 тысяч солдат. Фактически было послано 376 тысяч человек. Кровавопролитная битва фландрской кампании совершенно нарушила подсчеты имперского генерального штаба. Общие потери на всем британском фронте в период наиболее ожесточенных боев достигли ужасающей цифры в 399 тысяч человек — в три раза больше официального военного расчета. Главную часть этих потерь понесла пехота. Если бы первоначальные предположения оправдались, произошло бы фактическое увеличение нашей боевой мощи на западном фронте на 160 тысяч вместо уменьшения на 100 тысяч человек. Гибель мужественных солдат, которые отвоевали всего 4 мили незащищенных болот, явилась неожиданностью для правительства, поскольку военные руководители не предупреждали о такой опасности. Когда же мы установили размеры действительной потери, мы поняли, что нельзя залечить эту кровавую рану ранее конца марта.

Каковы же были потери немцев в этой кампании? Они также сражались до первой недели декабря, но их потери были значительно меньше наших. Их общие потери на британском фронте между 1 июля и 31 декабря 1917 г. составляли 270 тысяч человек. Если бы их потери были равны нашим, немцы не имели бы количественного превосходства сил в весеннем наступлении.

А были ли переутомлены германские войска, которые участвовали в этих наступлениях? Между июлем и декабрем большая часть наших солдат была брошена в битву в болотах. Свыше половины германских войск на западном фронте принимало участие во фландрской кампании; те же части германских войск, которые охраняли остальные линии фронта, не испытывали особых лишений. Кроме того войска, которые были переброшены с русского фронта, с декабря по март пользовались на этом фронте длительным отдыхом. В течение ряда месяцев сражения на русском фронте были совершенно ничтожны. Положение германских войск на этом фронте было утомительным, но не изнурительным. Контраст в положении британской и германской армий создавал очень невыгодную обстановку, в которую мы были поставлены событиями последних нескольких месяцев. Небольшое превосходство сил германской пехоты не поставило бы в столь опасное положение союзные войска, защищавшие позиции, хорошо укрепленные против атаки германских армий, если бы последним пришлось пройти через те же изнурительные испытания, что и союзным армиям.

Немцы удерживали в течение двух лет западный фронт против комбинированных сил, которые превосходили их в количественном отношении в полтора раза. Союзники, несмотря на германские подкрепления с восточного фронта, имели также значительное превосходство на западе в отношении артиллерии, аэропланов, танков и пулеметов.

Каково было положение на австро-итальянском фронте? Итальянская армия была разгромлена в одном из наиболее тяжелых поражений, которые понесли союзные государства. Эта армия находилась в процессе реорганизации, на что требовалось время. В течение кампании 1918 г. никакого серьезного наступления со стороны итальянцев нельзя было ожидать.

На обширном поле сражения было лишь два участка, где положение союзников было благоприятным. На море британские войска отогнали обе турецкие армии на большое расстояние, заняв некоторые из наиболее знаменитых в истории городов и доведя Турецкую империю до состояния такого истощения, что еще один решительный удар совершенно лишил бы ее боеспособности — фактора, с которым следовало считаться в войне. О степени деморализации турецкой армии можно судить по тому факту, что дезертиры были так же многочисленны, как и остающиеся на фронте войска.

Тем не менее, если рассматривать западный и восточный фронты в целом, баланс кампании на суше слагался, вне всякого сомнения, в пользу центральных государств. Менее очевидный, но более решающий факт восстановления господства Британии на море еще не был отмечен в то время и не был известен военным советникам союзников. Они знали лишь, что запасы амуниции и продовольствия поступали к ним регулярно и в возрастающих количествах. Окончательная победа казалась командному составу возможной лишь путем победы на суше. Военное командование союзников никогда не упоминало о борьбе не на жизнь, а на смерть на морях, за исключением тех случаев, когда нужно было использовать это как аргумент против отправки подкреплений войсками и снаряжением в отдаленные районы войны. В военных оценках событий 1917 г. или перспектив 1918 г. нет ни одного намека со стороны британского или французского штабов на то, что борьба на море с подводным флотом Германии окончательно решит исход войны.

Оценка военной ситуации в конце кампании 1917 г. давала, таким образом, неправильное представление об относительном положении воюющих наций и действительном развитии войны и ее перспективах. Германские вожди, как военные, так и гражданские, имели более правильное представление о действительном положении дел. Документы, обнаруженные после окончания войны, указывают на большую тревогу, которую испытывали высшее германское командование и политические власти, по двум вопросам — о продовольствии и об ослаблении союзников Германии. Положение становилось настолько критическим, что высшее германское командование приняло к заключению о необходимости форсировать окончание войны в начале 1918 г. Считалось невозможным, чтобы центральные государства

смогли прокормить свое население или чтобы колеблющиеся союзники Германии смогли дотянуть в таком состоянии до 1919 г. По выражению Гитлера, судьба Германии оказалась связанной с судьбой «коалиции калек». Охлаждение военного пыла у германских союзников вызывалось многими причинами. Турецкие и болгарские крестьяне считали, что их приносят в жертву в споре, который их не интересовал. Турецкие офицеры были преисполнены негодования на немцев, которые громогласно заявляли, что боевая непригодность и неспособность — одна из традиций турецкой армии. Туркам все более и более давали почувствовать, что война велась во имя интересов Германии и что интересы турок подчинены интересам выссомерных германцев. Турки увидели, что они сражаются отнюдь не за интересы ислама. За господство боролись две группы неверных: которая из них победит — турок уже не интересовало. Поэтому анатолийские крестьяне дезертировали из армии даже не тысячами, а сотнями тысяч.

Эти факты известны департаменту разведки военного министерства или по крайней мере должны были бы быть известны. Однако об этих фактах не было доведено до сведения военного кабинета, чтобы не слишком усилить наше стремление с помощью исключительных мероприятий использовать разложение турецкой армии и устранить Турцию от участия в войне. Одна пятая армии, бесполезно принесенная в жертву в Пашенделе, могла бы достигнуть этой цели и устранила бы турок от участия в войне в конце 1917 г. Крупные британские силы, сражавшиеся на двух турецких фронтах, были бы освобождены частью для пополнения нашей армии во Франции, частью для усиления наших войск на Вардаре. Болгария, оставаясь с незащищенной турецкой границей, не могла бы выдержать атаки. Румыния возобновила бы тогда борьбу, и фланг Австрии оказался бы под ударом, что в свою очередь имело бы огромное влияние на Россию. Ничто, кроме существенной помощи со стороны Германии войсками и оружием, не могло спасти от распада союз центральных держав.

Первые сигналы о действительном военном положении в Турции, содержались в знаменитом докладе военного советника в Версале, который известен под названием «меморандума № 12». Но немцы были хорошо осведомлены о плачевном состоянии турецких войск, и это было одним из тех обстоятельств, которые привели их к неизбежному заключению, что их восточный союзник не будет в состоянии поддерживать их уже в 1918 г. — и во всяком случае не дольше этого года. Что касается Болгарии, то ее солдаты — крестьяне — были сильно изнурены войной. Традиционные враги болгар — турки — оказались их союзниками. Их враги сербы представляли собой разбитые остатки армии в чужой стране. Болгарский народ никогда не стремился присоединиться к союзу центральных держав, а теперь поля Болгарии были заброшены, урожай был плох, земледельцы жили в траншеях на голых откосах Балкан, далеко от своих любимых равнин. Во имя чего? Хотя мозг крестьянина работает медленно, но все же безошибочно доводит свою мысль до конца.

Болгарский крестьянин в конце концов окончательно понял, что все лишения и опасности переносятся им во имя господства тевтонов в Восточной Европе, а не во имя сохранения или расширения Болгарии, что лучше могло бы быть обеспечено соглашением с западными государствами. Это укрепляющееся убеждение охлаждало военный пыл болгарской армии. Она все более и более утрачивала желание подвергаться опасности и лишениям бесконечной и бесцельной для нее войны.

Генеральные штабы западных держав очевидно не понимали того, что совершалось, ибо они готовили крупное наступление на неприятеля на Балканах, рассматривая это наступление как часть тех задач, разрешение которых они должны были обеспечить в 1918 г. Большие опасения вызвало у них предположение, что и немцы и австрийцы смогут перебросить на Балканы некоторые дивизии с русского фронта. Только к концу 1918 г. генеральные штабы западных держав поняли, до какой степени охладел военный пыл болгарской армии. Но немцы об этом знали хорошо еще в конце 1917 г., и это явилось одной из причин их тревоги за исход войны, если она продолжится до осени 1918 г.

Еще более поразительно, что нас не поставили в известность относительно отчаянного положения дел в Австрии. Факты, которые стали нам известны после окончания войны, ясно показывают, что в конце 1917 и в начале 1918 г. Австрия вследствие тяжелого продовольственного кризиса в стране находилась почти накануне катастрофы. Генерал фон Ард посылал в декабре 1917 г. из Вены в немецкий генеральный штаб срочные донесения, что «многие армии не имеют в своем распоряжении даже дневного рациона муки». В начале января солдатский паек был снова сильно урезан. Официально доносили: «продовольственное положение таково, что лишь при самых суровых лишениях была возможность для Австрии держаться». Полномочный представитель имперского военного министерства продовольствия в Вене барон фон Раберау докладывал 20 января 1918 г.:

«Является еще вопросом, будет ли Австрия в состоянии протянуть в течение февраля... Не имея никаких запасов продовольствия, народ не может быть уверен в завтрашнем дне».

Барон фон Раберау полагал, что помощь со стороны Германии необходима даже для того, чтобы отсрочить катастрофу до февраля. К этому утверждению он добавил:

«Вопрос о том, до каких пор для Германии имеет смысл поддерживать Австрию, не должен рассматриваться только с точки зрения германских запасов продовольствия, но должен рассматриваться так же как вопрос государственной политики».

Председатель австрийского совета министров Зайдлер сообщал:

«Положение дел таково, что без помощи извне большое количество населения через несколько недель вымрет. Германия и Венгрия не в состоянии больше снабжать Австрию продовольствием».

Германия не была в состоянии помочь. Ее собственное население уже испытывало недостаток продовольствия. Даже солдатам в траншеях выдавался строго ограниченный паек важнейших продуктов питания. Но ссылка г-на Зайдлера на Венгрию была показательна. И немцы и австрийцы были убеждены, что Венгрия имеет избыток хлеба и мяса, но что она лишь из эгоистических соображений сохраняет их для себя. Это само по себе было зловещим фактом надвигающегося раскола в разваливающейся империи. Союзные правительства не были в полной мере осведомлены о действительном положении вещей в Австро-Венгрии. Для военных планов 1918 г. было очень важно знать эти факты. Но если разведывательным органам истина и была известна, то они не довели ее до сведения своих правительств. Между тем, Людендорф и его штаб об этом знали, знали об этом также кайзер и его министры. Они пришли к заключению, что Германия должна ожидать постепенного отпадения своих союзников еще до конца 1918 г. Ее собственное продовольственное положение становилось все более тяжелым. Даже хороший урожай оставил бы ее с дефицитом в 300 тысяч тонн хлеба, а ее запасы мяса и молока были совершенно недостаточными, чтобы удовлетворить минимальные потребности армии и населения. Ошущался также огромный недостаток фуража для лошадей на фронте, что в соединении с недостатком резины, смазочных веществ и керосина сильно сокращало подвижность германской армии. Не только не было достаточного количества обозных лошадей, но и фуража, необходимого для поддержания их сил, что значительно понижало их ценность. Эти обстоятельства — были ли они или не были известны союзному штабу — никогда, казалось, не принимались во внимание при производимых сравнениях относительной мощности двух враждебных армий для ведения такой кампании, какая предполагалась в 1918 г. Быстрота действия имела значение для обеих сторон, от нее зависело ведение наступления в крупных масштабах, сначала на одной и затем на другой части фронта. Военные авторитеты считают теперь, что вследствие этого недостатка основных элементов транспорта не более $\frac{1}{3}$ германской армии можно было считать способной к передвижению. Остальные $\frac{2}{3}$ не были обеспечены необходимыми средствами передвижения от одного участка к другому.

Этот величайший важности факт объясняет нам те интервалы, которые проходили между двумя крупными германскими атаками в кампании 1918 г. даже тогда, когда время было решающим фактором для Германии. В это тревожное время, когда мы каждый день ожидали возобновления атак, прежде чем мы были в состоянии реорганизовать наш фронт, я никак не мог понять, почему Людендорф давал нам так много времени для реорганизации и перегруппировки наших разбитых дивизий, для рытья окопов и проведения проволочных заграждений вокруг укрепленных новых позиций. Когда же для Фоша пришел решительный момент начать наступление, он не дал германской армии времени для того, чтобы она могла восстановить или перегруппировать свои силы. Различие в темпераменте

этих двух великих полководцев — Людендорфа и Фоша — не может всецело объяснить контраст в их методах. Это был в значительной степени вопрос относительной подвижности враждебных армий. Союзники были хорошо обеспечены средствами передвижения от и до железнодорожных пунктов. Покойный Гуго Стиннес привел мне поразительный пример того, насколько дефицит в транспортных средствах задерживал в критический момент передвижение германской армии. В одной из бесед, которые я имел с ним после войны, я спросил его, почему победоносная германская армия не заняла Амьен в марте 1918 г. Я напомнил ему, что немцы прошли уже через все наши заграждения и что мы не имели организованных войск между германским передовым отрядом и этим городом. Он объяснил мне, что это было вызвано прорывом в транспорте в результате недостатка резины. Была сильная снежная метель, на колесах, не имевших шин, налипали комья снега, и не было возможности доставить необходимую амуницию для войск и снаряды для артиллерии. Солдаты не могли быть снабжены даже продовольствием.

Положение с продовольствием также оказывало существенное влияние на количество воинских частей, которые в результате мира с Россией могли быть переброшены для операций на западном фронте. Единственная надежда центральных государств получить продовольствие и важнейшее сырье заключалась в возможности эксплуатации России. Этого нельзя было осуществить без отправки значительных войск для оккупации окраинных сельскохозяйственных районов и тех районов в глубине России, где можно было получить нефть. Вторжение в Россию отняло у Германии и Австрии некоторое количество дивизий. Большая часть из них, хотя и не все, состояла из солдат низкой боеспособности, но даже они, будучи переправлены на запад, могли бы занять спокойные участки и освободить боеспособные дивизии для отправки на боевую линию фронта. Они могли бы также оказывать помощь в качестве рабочих батальонов.

На основании всех этих соображений германский генеральный штаб пришел к заключению, что решающие бои должны иметь место как можно скорее.

Вот почему германское высшее командование не придавало решающего значения американской армии. Оно не считало, что интервенция этой армии могла иметь существенное значение ранее конца кампании 1918 г. Немцы были уверены, что разобьют во Франции одну из союзных армий, а может быть даже и обе, прежде чем американцы будут в состоянии оказать существенную помощь. Их информация относительно развития американского рекрутского набора, а также относительно обучения и снаряжения американской армии, была в общем правильна. Они знали, что в США под знамена было призвано большое количество людей, но они также знали, что эта армия не была еще в полной мере подготовлена, и что ее снаряжение крайне недостаточно. При этом они были вполне убеждены, что «загрузка морского транспорта перевозкой припасов для Антанты исключает всякую возможность интенсивной

перевозки войск, в особенности пока продолжается подводная война». Их заключение по этому пункту было таково: «Мы не должны поэтому тревожиться относительно численности американских войск, которые Антанта будет в состоянии доставить в Европу» *. Правда, в начале 1918 г. препятствие, созданное подводной войной установлением системы конвоирования судов, принудило германскую разведку пересмотреть свои расчеты. Но даже тогда немцы все еще не предвидели того, на что способен британский флот под давлением крайней необходимости. Они не сомневались в высоких достоинствах американских солдат, но считали невозможным обучить их за короткое время настолько, чтобы можно было их использовать где-либо, кроме спокойных участков западного фронта. Немцы считали, что только сравнительно небольшая часть американской армии может быть брошена на линию огня в критические месяцы 1918 г. На этой же точке зрения стояли французские и британские военные авторитеты. Петэн думал, что на американскую армию нельзя рассчитывать до 1919 г.; наш генеральный штаб относился столь же недоверчиво к американским подкреплениям и еще более недоверчиво к их боеспособности.

Внимательное чтение политических документов, написанных во время войны немцами или союзниками, вскрывает одну общую черту: склонность противников ошибаться в расчетах при оценке силы и слабости друг друга, при оценке затруднений, с которыми каждый из них встречается, и наличия ресурсов у каждого из них. Некоторые трудности преувеличиваются, другие недооцениваются или совершенно не учитываются. Силу противника в некоторых случаях недооценивают, в других преувеличивают. Эти ошибки относятся, без сомнения, не только к военным проблемам. Они встречаются в политике, в законодательстве и в вопросах хозяйства. Трудно судить в любой данный момент, являются ли эти ошибки основой данной политики или же результатом ее. Является ли ошибочная оценка фактов причиной неверной стратегии или принятый стратегический план объединяет неправильную интерпретацию фактов, — на этот вопрос окончательный ответ даст история. По мере того как проходят годы и факты прошлого отчетливее выступают перед нами, личные предубеждения сглаживаются или теряют значение, и более верные заключения могут быть выведены из беспристрастного изучения неоспоримых фактов.

Союзные штабы отнюдь не обладали монополией в области иллюзий. Генерал Людендорф был убежден, что пацифистское движение в Англии было очень распространено и что сила его возрастала день ото дня. Он был того мнения, что сокрушительный удар, нанесенный британской армией, вызовет политический кризис в Англии, заставит выйти в отставку тех, кого он называл воинственным и неукротимым, неумолимым министерством войны, и создаст

* Из доклада генерала фон Кюля на заседании рейхстага относительно американской армии.

вместо него более мирную и уступчивую коалицию с г. Асквитом и лордом Лендсдауном во главе. Документы штаба Людендорфа, опубликованные им после войны, показывают, какую роль играли в его стратегических схемах эти оценки политических событий в Англии.

Побуждала ли Людендорфа необходимость найти аргументы в пользу наступления к тому, чтобы преувеличивать значение донесений, которые он получал, или же та информация, которая к нему поступала, сама была причиной, побудившей его вынести решение в пользу наступления? Со своей стороны генерал Хейг был убежден, что германская армия истощила свои резервы в начале октября, что ужасные удары, которые Хейг нанес ей при Пашенделе, деморализовали ее, что 135 дивизий были уже распылены и что немцы поэтому не были в состоянии противостоять наступлению на пашендельском фронте, которое продолжалось вплоть до ноября и затем возобновилось весной. Придавало ли известную окраску информации Хейга то стремление наступать, которое составляло основу его планов и которое он осуществлял, или сама информация определяла его стратегию? События, описание которых я буду теперь продолжать, показывают ясно, как и Людендорф и Хейг были введены в заблуждение относительно тех основных фактов, которые должны были определить их стратегические планы, частью теми информаторами, на которых они полагались, частью их собственными предрассудками; во всяком случае их военные планы были безусловно ошибочны. Для германской армии этот просчет привел к непоправимому разгрому. В конечном счете для британской армии возобновление фландрского наступления весной — когда немцы были наиболее сильны, а союзники находились в наиболее невыгодном положении — было предотвращено, и разгрома британской армии удалось избежать.

Глава семидесятая

«ВОЮЮЩИЕ СТОРОНЫ ФОРМУЛИРУЮТ УСЛОВИЯ МИРА»

Не предпринимались ли попытки остановить это ужасное избиение храбрედов? Да, было сделано несколько усилий, несколько попыток зондировать почву для мира. К концу 1917 г. мы получили через Швейцарию информацию, что Австрия и Турция озабочены тем, чтобы положить конец войне путем переговоров. Обе эти страны переживали затруднения. Несмотря на поражение России и значительную победу над Италией, внутреннее положение Австрии было чрезвычайно серьезно. Запасы продовольствия были настолько недостаточны, что некоторые области империи стояли на грани голода и даже в армии имелись затруднения с питанием войска. Среди славянского населения война никогда не вызывала энтузиазма, а экономические условия породили недовольство даже в германских областях империи. Император и его советники боялись восстаний, которые могли закончиться революцией. Английский кабинет, естественно озабоченный тем, чтобы избежать бесполезных переговоров вроде тех, которые были начаты письмами принца Сикста и возбудили столь сильное подозрение со стороны итальянских государственных деятелей, понимал важность отрыва Австрии от союза центральных держав. Имелось убеждение, что время для переговоров о мире еще не настало. Германия отнюдь не была настроена признавать какие бы то ни было условия, приемлемые для союзников или Америки. Она крайне унизила Россию. Германия разбила румынскую армию, захватила румынское зерно и нефть. Она отбила наши атаки во Фландрии и помогла Австрии обратить в бегство итальянскую армию. Германия была далека от мысли, что ее подводная кампания уже потерпела поражение. Она продолжала топить наши суда и с притоком свежих сил, освободившихся на русском фронте, готовила сокрушительную атаку на истощенные французские и английские армии на западе. В подобной обстановке мирная конференция с Германией ничего бы нам не дала. Пойти на такую конференцию можно было бы, только согласившись предоставить германскому милитаризму победу над всеми его врагами. Для кабинета настал момент, чтобы, полагаясь на своих швейцарских разведчиков, выяснить, был ли какой-нибудь шанс на заключение сепаратного мира с Австрией или с Турцией, либо

с обеими вместе. Когда нас поставили в известность о намерении австрийского премьер-министра графа Чернина послать в Швейцарию графа Менсдорфа для встречи с представителем английского кабинета и для обсуждения вопроса о мире, мы почувствовали, что посылка такого вестника — лучшее свидетельство, что австрийское правительство самым серьезным образом ищет средства уладить кровавую распрю мирным путем. Для нас Менсдорф был эмиссаром в высшей степени приемлемым. Перед войной он был самым популярным из всех иностранных послов в нашей стране и пользовался наибольшим нашим доверием. Мы решили поэтому послать для встречи с ним в Швейцарию генерала Смутса. Последнего должен был сопровождать служивший в моем министерстве г. Филипп Керр (ныне лорд Лотинан). Им обоим была дана инструкция ограничиться обсуждением вопроса о сепаратном мире с Австрией и не входить в какие бы то ни было переговоры относительно условий общего мира. Они должны были также установить через нашего посла в Швейцарии, как расценивать предложения, открыто сделанные ему из турецких источников.

Я привожу отчет генерала Смутса о состоявшихся переговорах. Его доклад является историческим документом первостепенной важности. Он представляет замечательную современную запись откровенного обмена мнений, происходившего на критической стадии войны между одним из наиболее опытных, наиболее способных и здравомыслящих дипломатов того времени и одним из наиболее осведомленных государственных деятелей. Помимо того, что в этом документе ясно излагается сформулированное мнение наиболее принципиальных людей по вопросам мира, документ имеет также особую ценность потому, что он вполне правильно фиксирует выводы, создавшиеся у людей как той, так и другой стороны при спокойном обсуждении не только их точек зрения по общим вопросам, но и относительно военного положения воюющих стран к концу 1917 г.:

«18—19 декабря 1917 г.

Я прибыл в Женеву утром 18 декабря и имел краткую беседу с графом Менсдорфом в тихом месте на окраине Женевы. Я имел другой продолжительный разговор с ним после обеда и третий разговор вечером того же дня. Я перехожу к суммированию наиболее интересных моментов, затронутых в этих разговорах.

Перед отъездом из Лондона я обсуждал отдельно с премьер-министром и с г. Бальфуrom вопрос о том, какой линии я должен придерживаться в этих разговорах. Я понял, что цель моей миссии была двойная: во-первых, внушить австрийцам, что если они освободятся от германского господства и сделают новый шаг к сближению с Британской империей, то встретят нашу полную симпатию и поддержку; во-вторых, собрать возможно большую информацию относительно Германии, отказываясь пока вступать в общие переговоры об условиях всеобщего мира.

Как будет видно далее, переговоры оказались полезны в обоих отношениях. Третья цель, которую я имел в виду, заключалась в том, чтобы постараться заставить австрийцев заключить сепаратный мир. Эту цель было рискованно открывать по многим соображениям. Я старался не дать основания обвинять меня в будущем в том, что мы интриговали с австрийцами относительно сепаратного мира. Но прежде чем мы дошли до этого пункта наших переговоров, Менсдорф избавил меня от трудностей моей задачи, взяв на себя инициативу и заявив, что сепаратный мир для Австрии вне обсуждения, что с ее стороны было бы безумием даже выдвигать такую мысль, что обстоятельства делают совершенно невозможным для нее выполнение такой задачи. Как ни плохо ее положение, оно не столь безнадежно, чтобы она совершила акт столь предательский и бесчестный. Менсдорф сказал, что Австрия не собирается последовать примеру Италии; в конце разговора он снова вернулся к этому вопросу и еще раз в резких выражениях отметил, что о сепаратном мире нечего и думать. Австрия готова была сделать все, что угодно для получения почетного мира, не покидая своего союзника во время войны. У меня создалось впечатление, что Менсдорф считал главной целью моей миссии обсуждение сепаратного мира, и я поэтому не поднял этого вопроса, предоставив это ему, что он и сделал в возможно резких выражениях и, повидимому, искренно.

Я начал переговоры с заявления, что я приехал, откликнувшись на многочисленные неофициальные предложения Австрии, полученные нами в последние месяцы через Голландию и Швейцарию. Мы только из учтивости считали, что на эти предложения следует дать какой-то определенный ответ и высказать то, что хочет сказать Австрия. Я указал ему, что дружеское чувство к Австрии, которое существовало у английского народа до войны, отнюдь не исчезло, что Англия продолжает питать большую симпатию к Австрии, особенно поскольку она рассматривает ее не как главного противника, а как страну, которая была использована Германией и в политике, приведшей к войне, и в ходе войны. События в России создали новое беспокойство за политическое будущее Европы, и многие влиятельные круги боятся; что до тех пор, пока на континенте вместо России не будет создан какой-то противовес Германии, будущий мир в Европе не будет прочным. С этой точки зрения очень важно, чтобы Австрия перестала играть роль агента Германии, чтобы она освободилась от германского господства и с помощью Антанты и в особенности Британской империи снова попыталась добиться полной независимости от Германской империи. Если Австрия готова порвать с Германией, она будет иметь не только наше расположение, но и нашу активную поддержку, и мы сделаем все от нас зависящее, чтобы поддержать и укрепить ее и помочь ее экономической реконструкции. На это Менсдорф ответил, что он с величайшим удовле-

творением выслушал мое заявление, тем более потому, что последнее слово, сказанное нами официально по этому поводу, заключалось в ответе союзников на ноту президента Вильсона в начале 1917 г. В этом ответе фактическое крушение и раздел Австро-Венгерской империи изображается как одна из наших главных военных дел.

Я уверил его, что нота, на которую он ссылается, никогда не имела подобного намерения, что ее цель, так же как и теперешняя наша цель, заключается в том, чтобы помочь Австрии в предоставлении наибольшей свободы и автономии для подвластных ей национальностей. Наилучший способ укрепить дружеские связи между английским и австро-венгерскими народами состоит в предоставлении возможно большей свободы местным учреждениям Австро-Венгрии. Мы не имеем намерения вмешиваться в ее внутренние дела, но мы признаем, что если бы Австрия могла сделаться действительно демократической страной, подданные которой были бы по возможности удовлетворены и довольны, она могла бы стать для Центральной Европы в значительной степени тем, чем Британская империя стала для всего мира. Она могла бы стать Лигой свободных наций, в значительной мере освобожденной от налета милитаризма, и в будущем миссия ее была бы даже больше, чем в прошлом. Забывая о будущем Европы и новой ориентации, которую необходимо было дать официальной политике Европы, мыслящие люди Англии полагали, что эта роль для Австро-Венгрии была бы не только благородной, но и необходимой, и могла бы снизить Австрии полное сочувствие, а также обеспечить ей сотрудничество со стороны Антанты и особенно со стороны Британской империи и Америки. Она была бы еще более необходимой для того, чтобы предотвратить в будущем возникновение всякой военной диктатуры в Европе, которая неизбежно повлечет за собой новые трудности для всего мира. Ввиду всего этого мне казалось абсолютно необходимым, чтобы Австрия решительно отказалась от сотрудничества с Германской империей и установила самые дружественные отношения с странами Антанты, которыми движут горячие пацифистские стремления к миру. Я продолжал развивать ему эту точку зрения и обращал его внимание на успехи, достигнутые Британской империей в деле управления разными расами и народами. Я говорил, что Австрия, следуя той же либеральной политике — политике, направленной к мирному и автономному развитию ее народов, — сможет, вероятно, достигнуть не менее поразительного успеха в Центральной Европе, и что народы, находящиеся в настоящее время вне орбиты ее влияния, могут быть втянуты в нее благодаря привлекательным сторонам ее новой политики. Мир и свобода для Австрии столь же существенны, как и для Британской империи. Теперь, когда Россия как главная военная угроза для Австрии исчезла с ее фланга, не было никаких причин, из-за которых Австрия не могла бы принять для себя

эту политическую миссию. В дальнейшем Австрия могла все более опираться на Британскую империю и отмежеваться от германского милитаризма.

Менсдорф ответил, что эти взгляды встретят самый сердечный отклик в наиболее влиятельных кругах Австро-Венгрии. Австрийские государственные деятели решили проводить после войны новую политику. Далее Менсдорф еще раз подчеркнул, что ничего нельзя сделать для разрыва с Германией или перемены политики, пока идет война. Изложенные мною взгляды на политическое будущее Австро-Венгрии должны глубоко затронуть его правителей. Он знает, что и император и граф Чернин находятся под очень сильным воздействием подобных чувств. Чернин, по его словам, был не дипломатом старой школы, а молодым государственным деятелем, происходящим из старинной династии богемских королей. Чернин был полон возвышенного политического идеализма и решил положить конец военному режиму, который погубил Европу. Взгляды в пользу общего разоружения и в пользу Лиги наций для охраны общественного порядка в Европе после войны, которые он столь резко и неоднократно выражал, представляли глубочайшие политические убеждения Чернина и навлекли на него гнев влиятельных германских кругов. Менсдорф жалел, что Англия ни одним словом не выразила своего сочувствия политике Чернина. В Австрии же взгляды Чернина встречались холодным презрительным молчанием или высмеивались прессой. Менсдорф надеялся, что английские государственные деятели будут еще иметь возможность публично выразить свое сочувствие взглядам Чернина и что таким путем создастся лучшая атмосфера для разрешения проблем будущего.

В ответ на это я указал, что, как хорошо известно, английское правительство благоприятно относится к идее Лиги наций, и наши руководящие государственные деятели неоднократно выражали свою солидарность в этом отношении с президентом Вильсоном. Но мы очень остро чувствуем, что один механизм Лиги наций был бы не только бесполезен, но положительно опасен, если он не был бы учрежден на основе удовлетворительного мира, т. е. такого мира, который не оставит Германию в положении военного гегемона на континенте и который в своем территориальном аспекте будет, насколько это возможно, основан на принципе прав национальностей. Так как Германская империя приобрела небывалую военную мощь во время этой войны, английский народ чувствует, что независимо от того, войдет ли Германия в Лигу наций или останется вне ее, она, благодаря своему военному могуществу, будет в состоянии в любое время разрушить полезные начинания Лиги. Тучи, нависшие над Европой и приведшие к этой войне, не рассеялись. Опасение других наций за свое будущее будет и в дальнейшем толкать их к решениям вопросов путем вооруженной борьбы. Поэтому для Лиги наций существенно, чтобы

германское военное господство было разрушено в эту войну и чтобы политическая расстановка в Центральной Европе после войны служила некоторой гарантией против его восставления.

В ответ на это Менсдорф заявил, что мы, повидимому, недооцениваем те новые течения в Германии, которые поддерживают новый порядок. Развитие парламентаризма в Германии зашло гораздо дальше, чем это обычно считают. Частая смена канцлеров объясняется тем, что теперь в Германии стало невозможным существование правительства, не имеющего большинства в рейхстаге. Такова реальная внутренняя природа всех, недавно происходивших скрытых политических кризисов. Если мы ожидаем большего в настоящее время и ждем в Германии революции во время войны, мы сильно заблуждаемся. Германский рабочий класс высоко образован и обладает способностью управлять страной; даже до войны социалистическая партия в Германии была самой влиятельной в Европе. Но германские социалисты, конечно, не собираются последовать примеру русских. Однако все уверены, что как только кончится война и армии вернутся с фронтов, как только германский народ вернется к нормальному образу жизни, в Германии произойдут самые серьезные политические перемены. Я заметил, что германское правительство, повидимому, отступило на задний план по сравнению с генеральным штабом и что деятельность правительства приводила все больше и больше к укреплению господства военщины в Германии. На это Менсдорф возразил с презрительным жестом, что весь военный режим, как только кончится война, будет сметен и германский народ сможет жить свободно.

Затем Менсдорф пытался перейти к условиям общего мира и сказал, что, по его мнению, пора уже открыть неофициальные переговоры между Англией и Германией, и если Австрия, как дружественная сторона, может быть использована в качестве посредника, она будет в высшей степени удовлетворена. Я поблагодарил его, но сказал, что время для обсуждения мирных условий с Германией, конечно, еще не настало и что ни английский народ, ни английское правительство не намерены еще обсуждать мир с германским правительством, а потому наши переговоры должны быть ограничены исключительно вопросами, касающимися Австро-Венгрии. Он согласился с этим, но не скрывал своего сожаления и несколько раз делал попытки начать обсуждение германских условий мира. Однако я решительно отказался входить в обсуждение этого вопроса.

Затем разговор перешел к связанным с миром территориальным вопросам, которые затрагивали интересы Австро-Венгрии. Менсдорф сам поднял вопрос о Польше, которая, по его словам, благодаря своей высокой культуре, имеет скорее западную, чем восточную ориентацию. Я заявил, что с точки зрения обсуждавшегося нами вопроса существенно, чтобы буду-

щее польское королевство не имело германской ориентации. Он ответил, что это мало опасно, ибо — благодаря либеральной политике, которой следовала Австрия, — более вероятно, что будущее польское государство будет сотрудничать не с Германией, а с Австрией. Я заявил, что мы обещали независимость Польше, но, если Австрия действительно порвет с Германией и осуществит указанную выше миссию, не исключена возможность некоторой связи между Австрией и Польшей и что присоединение Галиции к Польше может быть с этой точки зрения желательным. Он сказал, что решение польского вопроса в этом направлении может быть приемлемым для Австро-Венгрии и может даже понравиться и самим полякам. Имеются затруднения конституционного характера, но, по мнению Менсдорфа, будущую великую Польшу можно было бы втянуть в орбиту Австрийской империи.

Далее я потребовал, чтобы — если польский вопрос будет решен подобным образом и австрийское влияние благодаря этому сильно возрастет — были изысканы средства для удовлетворения разумных требований тех государств, которым мы дали различные обещания во время войны, т. е. Сербии, Румынии и Италии. Менсдорф заявил, что сербский вопрос не представляет больших трудностей, поскольку Австрия заинтересована в его решении. Она недолюбливает основанную на убийствах династию Карагеоргиевичей и будет приветствовать гарантии, которые помешают Сербии стать еще раз центром интриг против Австрии. Он считает также, что Болгария должна удерживать болгарские части Сербии и что было бы мудрой политикой согласиться с ней в этом. Я возразил, что Сербия может в этом случае законно требовать компенсации и что следует подумать, не лучше ли даже с австрийской точки зрения последовать национальному принципу — присоединить Боснию-Герцеговину к Сербии и, открыв Сербии путь на Далматинское побережье, вовлечь выросшую таким образом Сербию в более дружественные отношения с Австро-Венгрией. Он спросил, какие отношения я подразумеваю: свободный ли политический союз, или какой-то союз экономический. Я сказал, что не могу ответить на это, так как этот вопрос подлежит обсуждению совместно с Сербией, но что я считаю существенным для будущего мира в Европе проведение реорганизации по возможности на национальном базисе. Дальновидная политика Австрии в настоящее время могла бы умиротворить южные славянские народы и помочь ей осуществить ту великую миссию и политическую роль, которую ей готовит будущее. Я указал, что не будет больше России, которая смогла бы раздувать как прежде антиавстрийские чувства среди южных славян, и это является лучшей гарантией, которую может иметь в будущем Австрия. Остальное следует предоставить мудрости государственных деятелей и справедливому перераспределению территорий. Менсдорф, казалось, был расположен к той точке зрения, которую

я высказывал, хотя открыто и не выражал этого. Однако, когда я перешел к Румынии, Менсдорф с некоторым возбуждением заявил, что с Румынией покончено и что Австрия ничего не сделает для этой предательской страны; Венгрия не уступит Румынии ни пяди территории. Показательно, что зять Менсдорфа граф Аппоньи, настоящий папифист, только несколько дней назад уверял его, что Венгрия скорее будет биться до последней капли крови, чем отдаст хоть часть своей территории Румынии. Менсдорф добавил, что только узкая полоска Трансильвании населена румынами. Я указал в ответ, что значительные части Буковины и Бессарабии имеют преимущественно румынское население и что, поскольку Болгария также претендует на болгарскую часть Добруджи, вопрос об объединении румынского народа в одно государство также заслуживает внимания. Австро-Венгрии выгодно иметь на своем фланге дружественную и удовлетворенную Румынию. Он заявил, что положение Буковины и Трансильвании различно, и он надеется, что не будет внесено никаких предложений, которые означали бы раздел венгерской территории, так как этому самым решительным образом воспротивятся венгры. Вопрос о Бессарабии Австрию не интересовал. У меня создалось впечатление, что он не возражает против моих предположений относительно Буковины.

Затем мы перешли к вопросу об Италии. Менсдорф спросил, как можем мы защищать национальный принцип в связи с обязательствами, которые мы дали Италии относительно Балкан, обещав ей территории с преобладающим славянским населением, где итальянцев очень мало. Он спросил также, как мы можем, хорошо относясь к Австро-Венгрии, думать о том, чтобы отрезать для нее выход к морю и водворить итальянцев на обоих берегах Адриатического моря. Не только Далмация, но и Триест никогда не принадлежал Италии. Несколько сот лет назад он добровольно присоединился к Австрии и с тех пор ей принадлежал. Австрия никогда не согласится отдать Триест или лишиться доступа к Адриатическому морю. Италия не имеет также права на Валоу.

Я не хотел обсуждать с ним эти вопросы, так как не был в них вполне сведущ, но мне казалось бесспорным со всех точек зрения, что округ Трентино должен быть передан Италии. Стратегическая граница Италии на севере была для нее неприемлемой, и в Трентино жили почти исключительно итальянды. На его замечание, что после предательства Италии Австро-Венгрия не расположена делать ей какие бы то ни было уступки, я возразил, что Италию никогда не заставили бы покинуть Австрию, если бы Австрия не занимала территорий, на которые законно претендует Италия. Для обеспечения будущего мира и безопасности мне кажется желательным в интересах Австрии подавить в себе чувство обиды к Италии. По отношению к Италии Австрия должна руководиться более

высокими государственными интересами и путем уступки ей Трентино получить в лице Италии друга и союзника. Против этого он больше не возражал, и я на этом пункте также больше не настаивал. У меня сложилось впечатление, что с Австрией по этому вопросу договориться можно, хотя Менсдорф ничего определенного не сказал.

Во время дискуссии по территориальным вопросам я намеренно воздерживался от слишком подробного обсуждения деталей, так как на этой стадии я намеревался сделать только предварительную разведку и убедиться в своих способностях разобраться в вопросах общей позиции австрийцев о территориальных уступках. У меня создалось впечатление, что Австрия склонна была пойти на компромисс и что наши умеренные и разумные предложения с ее стороны встретят серьезное и благоприятное отношение. Я не считал разумным продолжать переговоры на этой стадии, так как мы не только не знали точки зрения наших союзников, но, я даже сомневался, пришел ли военный кабинет к предварительному решению по затронутым в этих переговорах трудным вопросам.

Этим закончился наш разговор днем.

Вечером у нас был другой разговор, во время которого Менсдорф повторил попытку заставить меня обсуждать условия общего мира. Я, однако, от этого решительно уклонился, но позволил ему сделать несколько чрезвычайно интересных заявлений, о которых я упомяну позднее. Повидимому, он полагал, что я только маневрирую, отказываясь обсуждать условия общего мира, а когда он, наконец, понял, что ошибается, то был глубоко разочарован. Он воскликнул, что в этом случае мы не стремимся к миру, и эта ужасная война будет продолжаться. Мозг Европы, сказал он, поражен; Америка становится финансовым и экономическим центром мира, а на другом конце света Япония накапливает силы и захватывает в свои руки ресурсы и всю торговлю Азии. Почему мы продолжаем войну? Английский премьер-министр заявил, что мы должны одержать победу. Асквит сказал, что прусский милитаризм должен быть сокрушен. Если пройдет еще год подобных разрушений, положение Европы и цивилизации, жалкое уже и без того, станет непоправимым. К какой победе мы стремимся? Как и когда мы узнаем, что достигли цели? Хотим ли мы ухода Гогенцоллернов? Конечно, невероятно, чтобы это случилось во время войны, и во всяком случае эта цель не оправдывает гибели европейской цивилизации. Политическая революция в Германии произойдет вслед за заключением мира, но она не будет ему предшествовать. Намереваемся ли мы разбить германскую армию или захватить Бельгию? Надеяться на то или на другое было бы, по его мнению, неразумно.

Я объяснил ему, как глубоко потрясен английский народ теми опасностями, которые заключает в себе будущая политическая система Европы в том случае, если Германия останется

военным диктатором, и что мы намерены продолжать войну до тех пор, пока не будет достигнута победа или пока силы революции не сделают своего дела в Германии, как они сделали уже в России. Наше положение настолько хорошо, что позволяет нам продолжать войну. Вступившая в войну Америка имеет гораздо большие реальные возможности, чем выбывшая из войны Россия. Франция мало пострадала в этом году; моральное состояние ее армии очень высоко, и она располагает вполне достаточными резервами для следующего года; а все наши ресурсы механической и живой силы мобилизуются только теперь для решительной фазы войны. Я объяснил ему, как изменилось с прошлой весны положение подводного и надводного флота и что мы теперь в состоянии, если потребуется, продолжать войну бесконечно, как во время наполеоновских войн. Угроза Германии не менее серьезна, чем угроза Наполеона в свое время, и английский народ готов отразить ее с еще большим энтузиазмом, чем наполеоновскую угрозу.

Он ответил, что это означало бы в действительности конец Европы. Стоит ли это в самом деле потраченных усилий? Он снова спросил, что это за туманная победа, ради которой должны быть принесены эти неисчислимые жертвы? В чем она должна заключаться, какой критерий избран для ее определения? Германская армия, конечно, не собирается поднять белый флаг и открыто унизиться, признав поражение. Она будет продолжать оборону так, как это умеют делать храбрые люди. По его мнению, необходимо было ясно установить, что мы понимаем под победой. Он видит только одно мерило нашей победы: оно заключается в том, что мы должны окончательно определить наши цели и поставить перед врагом наши условия; враг должен либо принять, либо отклонить их. В противном случае война будет продолжаться по недоразумению, будет, так сказать, войной в темноте, в тумане. Если враг примет наши условия, мы выиграем, если же нет, — мы можем продолжать войну до тех пор, пока не заставим врага принять их. Менсдорф настаивал на разумных условиях. Он доказывал, что следует подготовить принятие этих условий Германией посредством предварительных переговоров с Австрией, будь то с участием немцев, либо без их участия — по нашему желанию. Он не предполагает, что позиция немцев будет безрассудной. Бельгия, по его мнению, должна быть эвакуирована при условии, что не будут ущемлены германские экономические интересы, которые до войны были в Бельгии очень велики. Он не думает, что у Германии есть намерение аннексировать какую-либо из оккупированных областей России. Хоть он и не может этого утверждать, но будет очень удивлен, если Германия предъявит подобные требования. Относительно Эльзас-Лотарингии Менсдорф заявил, что знает о больших трудностях в этом вопросе и попутно задал многозначительный

вопрос: хочет ли Франция возвращения всей Эльзас-Лотарингии? Далее он сказал, что немцы страстно желают возвращения своих колоний или некоторых из них и полагает, что они будут требовать большой компенсации, если мы откажемся их возвратить. Сверх того, они будут решительно протестовать против ведения после заключения мира экономической войны, так как она будет означать фактический бойкот Германии на мировых рынках. Такая экономическая война несовместима с новой международной системой, которую мы хотим создать после войны, и Австрия не менее чем Германия будет ей сопротивляться. Он выразил надежду, что намеченные нами цели будут справедливы, разумны и умеренны и если это так, то время для их осуществления настало. Для этого было бы в высшей степени желательно выяснить положение путем дальнейших неофициальных переговоров, в которых участие Германии не обязательно.

Я не входил в обсуждение этих общих вопросов, и граф Менсдорф продолжал с явной искренностью, что англичане и немцы — два величайших народа и что будущее всего мира зависит от этих народов и от их сотрудничества. Не в интересах мира полное поражение одного из них, даже если бы это и было возможно: такое поражение стало бы источником новых бедствий для будущего человечества. Он серьезнейшим образом надеется, что разум восторжествует. Я возразил, что, только заботясь о будущем, мы не хотим, чтобы корень зла продолжал существовать и мог вырасти вновь в будущем. Не из какого-либо духа воинственности, но из отвращения перед войной мы готовы претерпевать ее бедствия в настоящее время, чтобы положить им конец навсегда. Это мое утверждение Менсдорф шути отпарировал, сказав, что в настоящее время Антанта кажется более воинственной, чем центральные державы. Этим закончились наши переговоры, и мы попрощались.

На следующее утро, 19 декабря, граф, удостоверившись, что я оставался еще день в Женеве, прислал спросить, не может ли он еще раз встретиться со мной. Поэтому я виделся с ним вновь в этот день, и он заявил мне, что хочет, чтобы мы оба окончательно уяснили себе некоторые вопросы. Во-первых, Австрия готова оказать нам какую угодно поддержку в том, чтобы побудить Германию к политике разоружения в отношении подводного флота и других вооружений подобного рода, а также к политике конференций и арбитража с целью предупредить войну в будущем. Во-вторых, Менсдорф выразил глубокую благодарность за мое сочувствие Австро-Венгерской монархии. В будущем, когда Австро-Венгрия будет развиваться самостоятельно и независимо от Германии, она будет рассчитывать на нашу поддержку. В-третьих он рассчитывает, что при заключении мира мы используем свое влияние на наших друзей, чтобы умерить их требования, и в этом случае Австрия приложит все усилия, чтобы справедливо удовлетворить нас.

В ответ я повторил некоторые из взглядов, изложенных уже в предыдущих переговорах. Я добавил, что Австрия имеет в настоящее время возможность проявить высшую государственную мудрость и всем содействовать в том, чтобы добиться скорейшего удовлетворительного и прочного мира. Она должна освободиться от германского влияния и начать жить своим умом. Она должна также уступить в некоторых мелочах, чтобы оказаться достойной великой роли, которая ей, возможно, предназначена историей. Он возразил, что после отвратительного поведения соседей, в особенности Румынии и Италии, уступить очень трудно, но Австрия готова пойти нам навстречу, если мы сдержим слово и не предъявим несправедливых требований.

Скоро я, однако, заметил, что он в действительности думал о чем-то другом. Потом он открыл это. Он сказал, что война должна быть кончена и что Австрия горячо желает быть орудием осуществления мира. Сепаратный мир невозможен, но Австрия, симпатии которой в действительности на стороне Англии, желает и в будущем сотрудничать с ней. Австрия готова стать посредником между великими врагами — Англией и Германией — и сделать все от нее зависящее для заключения мира. Австрия готова и страстно желает сделать все, что возможно. Нам особенно не следовало бы разъединяться теперь, когда переговоры уже начались. Он выразил надежду, что мы встретимся снова для продолжения наших переговоров, если возможно, более детальных. Он выразил уверенность, что в следующий раз на переговоры прибудет граф Чернин, если мы захотим говорить с более авторитетным лицом, чем сам Менсдорф. Он надеется, что в таком случае можно будет назначить место встречи ближе к австрийской границе. Если мы не желаем говорить с германцами, переговоры могут снова ограничиться австрийской точкой зрения на мир. Если же мы снова пожелаем иметь дискуссию по более общим вопросам, но все еще не совместно с германцами, мы можем использовать Чернина, который сочувствует английским идеалам и может с успехом устранить трудности предварительных переговоров с германцами.

Он выразил надежду, что посредники, к которым мы прибегали для установления связи в этот раз, будут снова использованы для той же цели и что мы вскоре встретимся снова. Он еще раз вернулся к теме о победе и сказал, что говорить о победе значит поддаться заблуждению. В то время как Германия имела успех в Центральной Европе, Британская империя одержала гораздо более крупные и важные победы во всем мире и обладает в настоящее время полным контролем над всеми территориями за пределами Центральной Европы. Победа в очень важном отношении была уже за нами, и было бесполезно проливать кровь десятков и сотен тысяч юношей Европы во имя большего военного успеха, который, может быть, и не будет достигнут.

Я повторил ему то, что сказал уже раньше: я не думаю, что мы готовы говорить с Германией, но мы учтем его предложение положить настоящие переговоры в основу будущих встреч и будем иметь в виду то, что он сказал о Чернипе. Если, со своей стороны, австрийцы пожелают снова говорить с нами, им следует использовать те же средства, если тайна не потребует обращения к другим каналам.

Затем мы расстались.

В заключение я хочу сказать, что у меня нет ни малейшего сомнения, что та линия, которой мы придерживались в отношении Австрии, окажется наиболее успешной и плодотворной. Она, повидимому, произвела глубокое впечатление на графа Менсдорфа. Австрии дали возможность из бездны ее унижения и отчаяния увидеть дневной свет, и я думаю, что Австрия напряжет все свои силы, чтобы заставить Германию принять умеренные условия мира. После этого Австрия постарается с нашей помощью вернуть себе и утвердить политическую независимость от Германии. Окажется ли в самом деле по душе ее государственным деятелям идея демократической Австрии, покажет будущее.

Во всех этих переговорах я намеренно воздерживался от малейшего упоминания о Турции».

Следует заметить, что в это время мы не имели в виду полного распада Австрийской монархии, а стремились скорее к тому, чтобы в ее границах было создано несколько свободных автономных государств по образцу Британской империи. Из этого замечательного документа можно сделать следующие выводы:

1. В это время переговоры о сепаратном мире с Австрией были исключены. Менсдорф, отражавший позиции австрийского премьер-министра, считал такой мир позорным для империи. Это само по себе приводило к выводу о нецелесообразности дальнейших переговоров. Даже если бы мы согласились на общую конференцию, Франция рассматривала бы это как отказ от Антанты.

2. Никаких уступок Италии и Румынии. Их вступление в войну на стороне союзников рассматривалось как акт полного предательства. Менсдорф сказал, например, что если бы Австрия заключила сепаратный мир с союзниками, она оказалась бы «столь же низкой, как Италия». Дополнительное возражение против уступки какой-нибудь территории Италии или Румынии заключалось в том, что в этот момент обе они были в положении разбитого Австрией врага. Мы не могли согласиться с этой точкой зрения, не изменяя Италии, которая все еще сражалась на нашей стороне.

3. Германия была, по мнению Менсдорфа, в военном отношении победительницей. Он, повидимому, считал, что она не может потерпеть поражения. Худшее, что могло бы, по его мнению, случиться, был бы исход войны вничью. Она поэтому не могла думать о мире, основанном на той предпосылке, что Германия уже потерпела поражение или, вероятно, потерпит его в конечном счете.

Кабинет считал, что обоснование точки зрения Менсдорфа убедительно и что еще не настало время для общей мирной конференции с участием Германии.

С другой стороны, Менсдорф сделал полезное предложение, по которому можно было действовать без промедления. Он убеждал нас сформулировать наши условия мира настолько ясным и определенным образом, чтобы наши враги могли понять наши цели. Если они убедятся, что наши требования разумны, они их примут. С другой стороны, если эти требования не смогут служить основой для дискуссии, они будут отклонены. Противники тогда будут точно знать наши позиции.

Подобное же предложение поступило от агента оппозиционной партии в Турции, приехавшего в Швейцарию с намерением установить контакт с союзниками. Он соглашался, что в настоящее время в комитете единения и прогресса, который управлял Турцией, преобладали германофилы, но он считал, что предъявление с нашей стороны умеренных требований может изменить соотношение сил. Энвер-паша, сильнейший человек в правительстве, был милитаристом и германофилом чистейшей воды и был все еще убежден в том, что Германия выиграет войну. Его главный коллега Талаат-паша считал, что Германия не будет ни победительницей, ни побежденной и что будет заключен мир вничью более или менее на базе статус кво. Информатор, говоривший с моим секретарем Филиппом Керром, считал, что, если мы объявим, что одной из наших целей является автономия арабов, это ободрит арабов и углубит антагонизм, существующий между арабскими и турецкими офицерами.

Интервью г. Керра с д-ром Пароди, который был связан с антигерманскими элементами в Турции, было неудовлетворительным. Пароди не мог заявить, что он представляет турецкое правительство, и из разговоров с ним ясно было, что правящая партия Турецкой империи не готова еще вступить в какие бы то ни было переговоры с союзниками на любых условиях, которые мы могли бы предложить им. Отчет лорда Лотиана (Ф. Керра) полностью дан в приложении № I к этой главе.

В результате этого визита в Швейцарию создалось впечатление, что сепаратного мира с Австрией и Турцией достигнуть пока еще нельзя. Но настало время, когда правительству следовало бы сформулировать условия, на которых оно готово заключить мир.

Еще и по другой причине нам следовало именно тогда объявить о наших военных целях. Мы перешли в последнюю и во многих отношениях наиболее критическую стадию войны. Внутри страны велась широкая пацифистская пропаганда, которая в условиях общей усталости от войны могла превратиться в опасные антивоенные настроения, которые подорвали бы моральное состояние нации в такое время, когда исход войны зависел от выдержки. Все воюющие нации находились в таком же положении. Пацифистские настроения среди населения Германии, Австрии и России подкреплены были нуждой, лишениями и даже настоящим голодом масс. Это была одна из

причин того, что придавало столь большое значение вопросу о наших продовольственных запасах. Стремление к миру распространялось все более среди тех людей, которые, несмотря на свою убежденность в правильности войны, чувствовали, что пришло время во имя гуманности положить конец ужасам войны на любых достойных условиях. Лорд Ленсдаун сделался рупором этого чувства. Он представлял влиятельную и все более возрастающую часть населения не только в общественных, но и в промышленных кругах. Страдания не ограничивались одним классом. Все классы одинаково делили скорбь об убитых, беспокойство и беспрестанный страх за тех, кто находился в зоне смерти. Среди рабочих росло волнение, носившее тревожный характер; оно в любой момент могло стать опасным. Наши усилия набрать для армии побольше людей были встречены сопротивлением среди тред-юнионов, лояльность и патриотизм которых были все время безупречны. Я придавал большое значение сохранению их постоянной поддержки во время войны. Если бы они стали враждебны, опасный раскол на внутреннем фронте был бы неизбежен. Германии довелось узнать, сколь фатальной для успеха могла стать отчужденность организованного рабочего класса. Влияние группы Макдональда в рабочем движении росло, ее агитация усиливалась, и эта группа приобретала новых приверженцев. Один из сторонников Макдональда говорил мне, что он никогда не присутствовал на более многочисленных и восторженных собраниях, чем те, на которых он выступал по вопросу о мире в последние год или два войны. Необходимо было убедить народ, что мы продолжаем войну не во имя одного лишь мстительного или грабительского триумфа, но имеем определенные цели мира и что эти цели справедливы и вполне достижимы.

Затруднения, связанные с вопросом о кадрах, едва не создали конфликт с тред-юнионами. Без содействия и сотрудничества с последними мы не могли бы в дальнейшем получать рекрутов из числа освобожденных от воинской повинности; во всяком случае мы натолкнулись бы на сопротивление, которое могло лишить нас симпатий рабочих организаций Англии. Поэтому я считал необходимым вступить с тред-юнионами в переговоры. Прежде всего я решил пригласить тред-юнионы на конференцию по вопросу о наших военных делах. Чтобы обеспечить их сотрудничество, необходимо было изложить им с полной откровенностью те цели, во имя которых мы вели войну. Парламентский комитет конгресса тред-юнионов и Рабочей партии 16 декабря уже сформулировал свои мирные предложения. Они не отличались существенно от предложений, выдвинутых нами. Они значительно облегчили мою задачу, так как в прессе, на собраниях и в частных кругах циркулировало множество слухов о том, что наши цели имели империалистический и грабительский характер и что мы продолжали войну с ее жестокостями и страданиями только для того, чтобы добиться этих гнусных целей.

Поэтому я подготовил подробный и тщательно составленный документ о наших мирных делах. Он был подробнейшим образом рассмотрен кабинетом и одобрен им. Так как одним высокопоставленным американцем, связанным с либеральной группой Асквита,

я был информирован, что эта группа считает «стремление продолжать войну в нашей стране ослабевшим», то я считал желательным получить санкцию группы Асквита на мирные предложения, которые мы намеревались выдвинуть, с тем чтобы объявленные нами мирные условия были национальными в истинном смысле этого слова. Я устроил частное совещание с г. Асквитом и сэром Эдуардом Греем для обсуждения наших мирных целей.

Мы встретились за завтраком в доме г. Асквита. Я прочитал им подготовленный мной документ. Я уже имел утверждение кабинета. С некоторыми небольшими редакционными изменениями либералы также одобрили этот документ. Предложенные ими изменения были учтены. Кабинет предпринял необходимые шаги, чтобы информировать доминионы о характере того документа, который я предполагал огласить. Их одобрение также было получено. Совещание с пред-юнионами состоялось в Кэкстон-холле 5 января. Это было многочисленное собрание делегатов, представлявших взгляды профсоюзов. Я изложил им полный текст декларации наших военных целей. Хотя в конце митинга не было принято никакой резолюции, налицо были все доказательства того, что наши цели встретили общее одобрение. Поскольку сформулированные условия мира представляли не только взгляды министров и их сторонников, но и взгляды рабочих и независимых либералов, а также доминионов и были впоследствии отражены в версальском договоре, изложение моей речи пред-юнионам является существенной частью всего моего рассказа о войне. Поэтому я поместил полный текст этой речи в приложении № 2. Как будет видно из знакомства с текстом речи, я объяснил собравшимся, что одной из наших целей в мировой войне является защита нарушенного международного права в Европе, защита договорных обязательств и восстановление Бельгии. Мы намеревались поддержать требование французской демократии о возвращении утраченных ею ранее провинций и добиться национальной свободы для тех частей Австрийской империи, которые в настоящее время находились в подчинении у чужой расы.

Принц Макс Баденский, ссылаясь на мою речь в своих мемуарах, заявил:

«Немедленно после этой речи раскол на внутреннем фронте Англии исчез».

Отныне тот, кто по политическим или личным мотивам стремился к расколу, вынужден был обратиться к другой политической линии, которой рабочие не симпатизировали. Вскоре после собрания я получил следующее письмо от г. Клайнса, бывшего в то время министром продовольствия.

«Министерство продовольствия

Лондон. Ю.-З., I

9 января 1918 г.

Дорогой премьер-министр,

За последние несколько дней я имел возможность в связи с работой по министерству собрать ряд конференций и других собраний. Я с удовлетворением посылаю вам это письмо, чтобы

уведомить Вас о том, какое блестящее действие оказала Ваша речь к рабочим делегатам на умы людей, которые становились довольно неустойчивыми вследствие затянувшейся войны и в результате пропаганды определенного рода, которая производилась совершенно свободно.

Большая часть того, что было сказано, была, разумеется, не нова, но по теме и форме речь имела величайшую ценность.

Преданный Вам Дж. Р. Клайнс.

Несколько дней спустя президент Вильсон опубликовал свои знаменитые четырнадцать пунктов. Эта декларация сыграла впоследствии важную роль в заключении перемирия и затем на мирной конференции. Ни один из союзников не считал декларацию Вильсона расходящейся по основным вопросам с их собственными декларациями, хотя ни одна из союзных держав никогда формально не принимала ее и эти 14 пунктов не составляли официальной политики союзников.

Ссылаясь на мою речь, президент Вильсон сказал:

«На-днях г. Ллойд Джордж говорил с величайшей искренностью, в духе, заслуживающем восхищения, от имени народа и правительства Великобритании».

Г-н Пишон в согласии с декларацией английского правительства также сделал заявление от имени Франции.

Между тем германцы чувствовали необходимость дать какой-то ответ на мирные декларации государственных деятелей союзников. Они знали, что не только весь мир, но и германский народ ждет этого ответа. Продолжение войны или конец ее зависели не от голоса Австрии, а от ее могучего союзника — Германии. Между кайзером, Гинденбургом, Людендорфом и германским канцлером происходила длительная переписка по эту тему. Эти письма и их содержание не были, конечно, известны союзникам в то время, но с тех пор они увидели свет. Как показатель отношения Германии к вопросу о мире в начале 1918 г. знаменательно письмо Гинденбурга к кайзеру от 7 января.

Цитирую письмо фельдмаршала Гинденбурга к кайзеру*:

«Генеральный штаб

7 января 1918 г.

Ваше Величество

соблаговолили приказать, чтобы генерал Людендорф и я приняли участие в мирных переговорах. Делая так, Ваше Величество осуществляет наше право и обязанность помочь тому, чтобы были приняты предосторожности и чтобы мир был заключен на условиях, соответствующих жертвам и достижениям германского народа и армии. Необходимо также, чтобы мир усилил нас материально и дал нам столь сильные гарантии, чтобы наши противники побоялись затевать войну в ближайшем будущем.

* Курсивом набран текст, подчеркнутый кайзером.

Во всех дискуссиях под председательством Вашего Величества совместно с канцлером мы указывали на важность защищенных границ, как на жизненный вопрос для Германии. Сомнительно, будут ли достигнуты такие границы, и это меня сильно беспокоит...

Затем в письме следуют длинные жалобы на то, что взгляды штаба и армии относительно Австрии, Литвы и Польши не учитываются. Гинденбург особенно негодовал на уступку Австрии в польском вопросе. Указывая на критику армии со стороны, он злое еще добавляет:

«я не могу подавить опасения, что самый характер переговоров и результаты Бреста окажут неблагоприятное влияние на построение армии».

Наиболее важным параграфом из всего письма является следующий:

«Настроение армии в настоящее время подвергается большому испытанию. Чтобы обеспечить себе то мировое политическое и экономическое положение, какое нам нужно, мы должны разбить западные державы. Поэтому Ваше Величество отдали приказ о наступлении на западе. Это означает, что потребуются величайшие усилия и величайшие жертвы. После того что произошло в Бресте, я сомневаюсь, получим ли мы при заключении мира победу, которой требует наше господство и которая была бы достойна наших жертв. В этом случае неизбежно ужасное разочарование для вернувшейся домой армии и для народа, который должен будет нести бремя чудовищных налогов...»

Я твердо убежден, что наше мнение согласно с идеей укрепления монархии и господства Германии, в то время как победа противоположного мнения может только низвести Германию с той высоты, на которую подняли ее Ваше Величество и Ваши августейшие предки».

После опубликования речи президента Вильсона и моей германскому канцлеру графу Гертлингу и графу Чернину было поручено составить ответ от имени нашего противника. 24 января граф Гертлинг выступал в рейхстаге и после ссылки на брест-литовские переговоры, сказал:

«За последнее время государственные деятели враждебных стран, как вы все знаете, опубликовали две декларации. Я имею в виду речь английского министра г. Ллойд Джорджа от 5 января и послание президента Вильсона, опубликованное им на следующий день. Я охотно признаю, что г. Ллойд Джордж переменял тон. Он не употребляет больше бранных слов, и таким образом кажется, что он хочет снова выступить с претензией на умение вести дипломатические переговоры, на что я уже потерял всякую надежду. Я не могу идти так далеко, как

некоторые лица в нейтральных странах, которые видят в речи Ллойд Джорджа искреннее желание мира и даже дружественный нам дух. Правда, он заявил, что он не желает разрушать Германию и что он никогда этого не желал. Он даже находит слова для того, чтобы выразить уважение к нашей экономике, политике и культуре, но у него нет недостатка и в других выражениях, и между строк можно прочесть убеждение в том, что он имеет право быть судьей в деле по обвинению Германии во всех видах преступлений.

Таков смысл этого выступления, господа, с которым нам, естественно, нечего делать и в котором мы пока не можем усмотреть никаких следов искреннего желания мира. Предполагается, что мы преступники, которых в настоящее время расположена судить Антанта».

Затем граф Гертлинг перешел к подробно разработанной защите линии поведения Германии в войне и изложил причины упорства Германии в вопросе об Эльзас-Лотарингии. Его заявление о том, что Германия не расстанется с этими провинциями, было встречено в рейхстаге громким «ура».

«Оккупированные части Франции являются ценным залогом в наших руках. Насильственная аннексия не является составной частью официальной германской политики. Условия и способ эвакуации этих территорий, с учетом жизненных интересов Германии должны быть согласованы между Германией и Францией. Я могу только еще раз твердо заявить, что никогда не может быть поставлен вопрос об отделении имперских провинций. Мы никогда не позволим нашим врагам отнять у нас Эльзас-Лотарингию хотя бы и под прикрытием красивых фраз. Эльзас-Лотарингия все более и более срастается с германской жизнью, вполне удовлетворительно развивается экономически, и для 87% ее населения родным языком является немецкий (громкие аплодисменты)».

Эти слова означали, что нет основания надеяться на мир. Даже провинции Франции, оккупированные немцами во время войны, возвращались только на каких-то «условиях».

Что касается России и Польши, то нам было грубо сказано Гертлингом, чтобы мы не вмешивались не в свое дело:

«Государства Антанты отказались присоединиться к переговорам, в то время как к ним обращались по взаимному согласию Россия и четыре союзные державы. Поэтому всякое вмешательство Антанты в настоящее время и должен отклонить от имени последних. Вопросы, с этим связанные, затрагивают только интересы России и четырех союзных держав.

Не Антанта, которая не находила ничего, кроме малоозначащих обещаний для Польши и до войны никогда не защищала ее от России, а Германская империя и Австро-Венгрия освободили Польшу от царского режима, который подавлял ее националь-

ную индивидуальность. Поэтому следует предоставить Германии, Австро-Венгрии и Польше прийти к соглашению о будущей политической организации этой страны. Мы хорошо справляемся с этой задачей, как то показывают переговоры и декларации прошлого года».

Окончательным ударом для всякой надежды на мир было отношение Гертлинга к Бельгии:

«Что касается бельгийского вопроса, то мои предшественники по должности неоднократно заявляли, что никогда во время войны насильственная аннексия Бельгии Германской империей не была частью германской политической программы. Бельгийский вопрос относится к комплексу тех вопросов, детали которых будут урегулированы во время мирных переговоров. До тех пор, пока наши враги не признают безоговорочно положения, что целостность территории Германии и ее союзников представляет единственную возможную основу для мирных переговоров, я должен придерживаться того взгляда, которого всегда держался до настоящего времени, и должен отклонить всякое обсуждение бельгийского вопроса, пока не будет общей дискуссии».

Итальянские претензии он считал вопросом, касающимся только Австрии. Позднее мы увидим, что могла сказать об этом Австрия. Судьба арабов в Месопотамии и арабов и евреев в Палестине была исключительно делом турок. Турки ничего не сказали по этому поводу.

Из письма Гинденбурга и из речи Гертлинга видно, что германды не были расположены обсуждать сколько-нибудь приемлемые условия мира. Они были уверены в победе. Действительные взгляды Гертлинга становятся яснее к концу его речи:

«Можете поверить мне, когда я утверждаю, что наше военное положение никогда не было столь благоприятным, как теперь. Высокоодаренные вожди нашей армии смотрят на будущее с несколько не уменьшившейся уверенностью в победе. Во всей армии среди офицеров и среди солдат живет ничем не сменяемая радость битвы».

Верховный военный совет, заседавший в Версале, 2 февраля рассмотрел все эти мирные декларации. В результате последовавшей дискуссии было решено опубликовать единую декларацию, которая подвела бы итоги сессии верховного военного совета. Декларация была опубликована в прессе союзных стран 4 февраля и включала следующий абзац:

«Верховный военный совет подверг самому тщательному рассмотрению последние высказывания германского канцлера и австро-венгерского министра иностранных дел, но не мог найти в них сколько-нибудь реального приближения к умеренным условиям, изложенным всеми союзными правительствами. Это

убеждение еще больше углубилось благодаря тому впечатлению, которое производит контраст между официально декларированными якобы идеалистическими целями, с которыми центральные державы вступили в теперешние переговоры в Брест-Литовске и откровенно раскрытыми теперь планами завоевания и грабежа. При таких обстоятельствах Верховный военный совет решил, что единственная неотложная задача, стоящая перед ним, заключается в продолжении войны с величайшим напряжением всех сил и в теснейшем и наиболее действенном сотрудничестве военных сил союзников. Война должна продолжаться до тех пор, пока под давлением этих сил в настроении вражеских правительств и народов не произойдут перемены, оправдывающие надежду на заключение мира на таких условиях, которые не влекли бы за собой отказа перед лицом агрессивного и безжалостного милитаризма от всех тех принципов свободы, справедливости и уважения к международному праву, которые союзники решили восстановить».

Но если декларация наших мирных целей в моей речи от 5 января не вызвала благоприятного публичного ответа со стороны центральных держав, то один из наиболее видных министров, граф Чернин, тайне питал симпатию к нашим предложениям. Очень скоро после моей речи Австрия возобновила попытки сближения с нами. Наш посол в Берне получил извещение, что граф Чернин, австрийский министр иностранных дел, желает встретиться со мной в Швейцарии. Посол получил сообщение высокопоставленного австрийца, который посетил Швейцарию, чтобы направить это извещение сэру Хорасу Румбольду.

Анализ положения, данный этим австрийским чиновником, представляет самостоятельный интерес. Изложение его точки зрения дано в телеграмме сэра Хораса Румбольда, датированной 11 января 1918 г., краткое содержание которой я привожу ниже:

«Вчера г. Скишинский посетил Женеву для встречи с д-ром Пароди. По его заявлению, в последних обращениях г. Ллойд Джорджа и президента Вильсона есть ряд пунктов, относительно которых между правительством Его Величества и Австро-Венгрией имеется согласие. Помимо этих пунктов есть другие, связанные с ними вопросы, из которых видно, что дальнейшее обсуждение может привести к удовлетворительному соглашению. Правительство Его Величества не должно считать, что комментарии части венской прессы по поводу взглядов г. Ллойд Джорджа представляют точку зрения графа Чернина или народной массы. Часть австро-венгерской прессы и почти вся пресса Германии контролируются фабрикантами средств вооружения, и эта пресса поднимает крик каждый раз, когда замечает появление проблесков мира. Граф Чернин, продолжал далее Скишинский, вынужден был вести титаническую борьбу в Берлине, чтобы получить согласие на формулу «мир без аннексий».

В день, когда декларация по этому вопросу была объявлена Кюльманом, граф Гертлинг едва осмелился покинуть свой дом, боясь быть освиственным толпой на берлинских улицах.

Часть германского общества фанатически поддерживает милитаристские планы аннексии, но есть также и значительная группа пацифистов, которая должна оказывать значительное влияние.

В качестве компенсации за получение согласия Германии на эту формулу мира граф Чернин был вынужден согласиться послать некоторые австро-венгерские полки на западный фронт, чтобы продемонстрировать солидарность Австрии с Германией. Обещанная таким образом поддержка выразилась в посылке двух или трех полков, которые находились уже в Бельгии или на пути в Бельгию. Г-н Скиннинг считает желательным, чтобы в комментариях на эту тему пресса Антанты не придавала большого значения оказанной таким образом военной помощи, так как Германия получает ее фактически в результате шантажа. Относительно Турции австро-венгерское правительство думает, что можно выработать такую формулу, которая обеспечивала бы значительную автономию Месопотамии, Сирии и Палестины, без того, чтобы явно лишать Турцию какой-либо части ее территории. Во всяком случае г. Скиннинг заявил, что если г. Ллойд Джордж желает иметь беседу с графом Черниным, то последний готов приехать для этого в Швейцарию».

Кабинет сомневался, разумно ли, чтобы я принял приглашение. Встреча двух премьер-министров враждующих держав для обсуждения вопроса о мире являлась более официальным событием и поневоле привлекала бы гораздо больше внимания, чем частные разговоры между министром и бывшим послом. Кроме того Чернин не ответил на наш вопрос, заданный Менсдорфу, готова ли Австрия вести переговоры о сепаратном мире. Лично я сильно сочувствовал тому, чтобы поддерживать эту связь с Австрией. Если бы этот метод привел к чему-либо, мы имели бы одним врагом меньше. Даже и в противном случае это имело бы тот эффект, что сделало бы австрийцев менее склонными враждовать с западными державами путем посылки войск во Францию. Я доказывал кабинету, что мы должны извлечь выгоду из всякого формального предложения, которое может повести к сепаратному миру с Австрией и может привести австрийскую армию в то же состояние бессилия и бездействия, в каком находилась русская армия в 1917 г.

Было решено, что не следует игнорировать любое серьезное предложение о мирных переговорах, и мы решили послать для встречи с графом Черниным одного из членов военного кабинета. В течение нескольких недель мы обменивались сообщениями, но до конца февраля не могли организовать встречу. Переговоры не продвигались. Чернин хитрил, наше министерство иностранных дел ко всему придиралось. Нежелание министра иностранных дел

довести дело до конца объяснялось тем, что наши дипломаты подозревали Чернина в неискренности. Они считали, что он вел крупную игру во имя интересов Германии. Ясно было, что он кого-то предавал. Если его обращения к нам были искренни, то он предавал Германию. Если его речи не отражали его действительные намерения, тогда он играл опасную игру с нами. Правда, повидимому, заключалась в том, что австрийское правительство колебалось в выборе между двумя сторонами и было в полном смятении. С одной стороны, Австрия была в ужасе перед приближением гибели и хотела избежать ее; с другой — она боялась могущественной Германии, которая сдавала ее железным кольцом. Наконец, мы пришли к соглашению, что генерал Смутс должен еще раз отправиться в мирное паломничество в Швейцарию, чтобы установить действительный смысл предложений Австрии.

Генерал Смутс взял с собой г. Филиппа Керра, и они оба прибыли в Берн 9 марта. Вначале казалось, будто в позиции Австрии произошла полная перемена и что она, наконец, готова ограничить дискуссию узкими рамками проблемы австро-венгерского мира. Казалось, что австрийцы в это время стремились выйти из войны, будь то вместе со своими союзниками или без них. Казалось, они были убеждены, что война продолжается вследствие аннекционистских стремлений Пруссии, и раз австрийцы вступили в переговоры о сепаратном мире, они готовы были выйти из орбиты прусского влияния и преобразовать свои учреждения на федеральных началах. Г-н Керр по натуре был оптимистом, кроме того он был молод, и его доверие к людям не было еще подорвано опытом. Он вначале восторженно отнесся к австрийским предложениям и из Берна телеграфировал мне:

«...Я думаю, что в зависимости от того, что скажет Скин-ский, могут последовать значительные результаты из переговоров между Черниным и английским представителем по поводу возможного соглашения между Австро-Венгрией и Антантой. Мы считаем абсолютно необходимым разъяснить, что мы совсем не собираемся обсуждать условия мира с Германией. Возможно, что в конце концов три южных союзника Германии выступят совместно. Я не считаю также, чтобы переговоры могли повлечь за собой какую-нибудь реальную опасность, если только они не приведут к разногласиям с нашими собственными союзниками или если они будут неудачны вследствие того, что соглашение не может быть достигнуто из-за наших неумеренных требований. В последнем случае Чернин отправится домой и объединит народ своей страны в борьбе против недопустимой алчности Антанты. Поэтому мне кажется существенным, чтобы, если состоится встреча с Черниным, мы обсудили возможно скорее вопрос об основах сепаратного австро-венгерского мира с нашими союзниками, в том числе с Сербией. Если что-нибудь выйдет из встречи с Черниным, то он должен добиться заключения предварительного соглашения немедленно, если сам окажется достаточно благоразумным...»

Генералу Смуте была дана инструкция, уполномочившая его действовать в этом направлении. Смуте имел длительную беседу с г. Скинским, во время которой австрийский эmissар выразил опасение Чернина, что Антанта просто пытается оторвать Австро-Венгрию, чтобы изолировать и погубить Германию. Генерал Смуте уверил его, что целью Антанты является прекращение войны на таких условиях, которые создадут справедливый и прочный мир, и при которых будет проведено всеобщее разоружение. Он добавил, что, к сожалению, брест-литовский и румынский договоры, по мнению Антанты, противоречили этим принципам. Керр писал об этом:

«...Результат обмена мнений 14 марта 1918 г. состоял в том, что если начнутся какие-нибудь новые переговоры, то они должны исходить из стремления достичь урегулирования всех спорных вопросов между Австро-Венгрией и Антантой. Основным принципом урегулирования споров должен быть не обмен одной территории на другую, а справедливость ко всем народам. Ни на какой другой основе нельзя было построить прочный мир. Понятно, что целью встречи было обсуждение практического применения этого принципа к спорным вопросам между Италией, Сербией, Румынией и Австро-Венгрией. Поскольку национальный вопрос живо затрагивает международные отношения, а отсюда и возможность прочного мира, то и его нельзя исключить из обсуждения, хотя бы он относился к вопросам внутренней политики. Совершенно понятно также, что союзные правительства откажутся вступить в обсуждение мирных условий с Германией».

Генерал Смуте, однако, сделал другой вывод из своей встречи с Скинским. Именно Смуте полагал, что за время, истекшее между первой попыткой встречи и фактическим его приездом в Швейцарию, в позиции графа Чернина еще раз произошла перемена и что он охладел в своем стремлении вести переговоры с Антантой. Эта точка зрения изложена в следующем меморандуме, составленном после встречи г. Керром.

«...Эта перемена могла произойти под влиянием поражения России в результате германского наступления, сопровождавшегося улучшением военного положения Германии на западе. Граф Чернин, возможно, решил, что наилучшей политикой является отказ от сепаратных переговоров, с тем чтобы посмотреть, к каким условиям могут принудить нас военные неудачи или новое усиление пацифистских настроений среди гражданского населения союзников. Кроме того перемена позиции может объясняться открытием переговоров с Америкой. Чернин, возможно, решил, что вести дело через Америку легче, так как США не связаны договором с Италией и поэтому более вероятно, что США будут придерживаться умеренных условий. США также являются державой, от которой Австро-Венгрия может, вероятно, получить наибольшую финансовую помощь.

И наконец, граф Чернин начал, может быть, понимать, что, раз начав переговоры с полномочным представителем Англии, он не сможет отступить назад вследствие того давления в пользу мира, которое оказывают народные массы внутри Австро-Венгрии. Начатые переговоры должны неизбежно привести либо к сепаратному миру, либо к краху монархии вследствие внутреннего раскола по вопросу о мире. Если так, то ввиду чрезвычайно туманного политического положения в данный момент и понимая возникшие перед ним в начале переговоров затруднения, граф Чернин, возможно, заинтересован только в том, чтобы выиграть время, и стремится избежать компрометирующей его встречи, которая может иметь для него роковые последствия. На основании этого предположения, вполне согласующегося с теми объяснениями перемены позиции графа Чернина, которые дал г. Скшинский, мой приезд должен был поставить Чернина в очень затруднительное положение. Он действительно не имеет другого выбора, как только выжидать.

Близость мартовского наступления и несомненно выражаемая германским штабом уверенность в успехе ослабила жажду мира в Австрии. При таком настроении вести дело было невозможно, и когда через несколько дней было успешно начато большое наступление, все вопросы о продолжении мирных переговоров отпали. Все, чего удалось достигнуть с помощью этих переговоров, — это колебания Австрии по вопросу о посылке ее армий на смертельную борьбу на западном фронте. Интересно поразмыслить, не без некоторого сожаления, о том, как отразилось бы на положении Европы заключение мира с Австрией весной 1918 г. Австрийская империя не распалась бы на несколько независимых государств, не всегда дружественных между собой. Образовалось бы, вероятно, пять-шесть автономных доминионов, верных австрийской короне и гармонично сотрудничавших в борьбе за общие интересы. Что касается Германии, то мы не получали ни прямого, ни косвенного намека на ее желание заключить мир, кроме как на условиях, которые не подлежали обсуждению. Германцы намеревались сражаться до тех пор, пока не получат условий, которые поставили бы Германию в конце войны в лучшее территориальное и экономическое положение, чем то, в каком она находилась в 1914 г. Милитаристы не осмеливались идти обратно в Берлин после подписания договора, который был бы признанием того, что они разбиты. Это была их война, война милитаристов, и они намеревались закончить ее с развевающимися победными знаменами. Они намеревались идти на крупный риск только ради такой победы, которая могла бы обеспечить им приятие продиктованных ими условий. Людендорф убеждал политиков внутри страны поддержать наступательные действия его армии посредством хорошо разработанной нацифистской агитации, которая подорвала бы моральное состояние английского народа и заставила бы Англию менее охотно бросать в бой все свои силы. Он жаловался, что эти политики не помогали ему как следует с по-

мощью такой пропаганды мира, которая ослабляла бы и разделяла враждебные Германии народы. Это было единственным мотивом Людендорфа в пользу мирных переговоров.

ПРИЛОЖЕНИЕ ПЕРВОЕ

«Премьер-министр просил меня перед отъездом из Лондона изучить турецкий вопрос по имеющимся в Швейцарии материалам. Доктор Пароди из Женевы имел несколько бесед с членами турецкой миссии Красного креста, находящимися в настоящее время в Швейцарии, и собрал интересную информацию относительно разногласий в Комитете единения и прогресса. Недавно он имел неоднократные собеседования также с несколькими другими турками. Так как я был очень занят переговорами с Менсдорфом, я просил г. Филиппа Керра, сопровождавшего меня на пути из Лондона, заняться вплотную вопросом о докторе Пароди, и г. Керр подготовил прилагаемый при сем краткий меморандум, в котором описывается раскол в Комитете единения и прогресса и предлагается определенная дипломатическая акция с целью вывести Турцию из войны.

Я послал также г. Керра в Берн для обсуждения всего дела с сэром Хорасом Румбольдом. Сам я не мог отправиться туда без большого риска открыть свое присутствие в Швейцарии. Г-н Керр обсудил этот вопрос с сэром Хорасом Румбольдом, затем снова со мной, и в результате был составлен приложенный здесь меморандум, копия которого была оставлена сэру Хорасу Румбольду. В меморандуме намечается линия наших действий, направленных на то, чтобы заставить турок заключить сепаратный мир. Если военный кабинет одобрит этот документ, то стоит лишь послать телеграмму сэру Хорасу Румбольду, и он начнет действовать без какого-либо промедления. В противном случае на основе этого документа могут быть предприняты действия с теми изменениями, какие найдет желательным кабинет. Весь вопрос подвергся тщательному обсуждению со стороны д-ра Пароди, который кажется мне человеком больших способностей и умеющим хранить тайну. Я не сомневаюсь, что д-р Пароди будет очень полезен сэру Хорасу Румбольду в предварительной стадии дела. Сэр Хорас Румбольд ждет инструкции министерства иностранных дел, с тем чтобы начать действовать. Откладывать этого дела не следует, так как находящийся в настоящее время в Швейцарии глава турецкой миссии Красного креста Мухтарбей собирается вернуться в Турцию в конце года. Говорят, что он является другом Талаата, который склонен к миру с Антантой, и таким образом может стать полезным человеком для ведения предварительных переговоров.

Дж. К. С(мутс).

20 декабря 1917 г.»

Запись интервью с д-ром Х. Пароди, главой миссии египетских учебных заведений

«В течение 15 лет д-р Пароди находился на гражданской службе в Египте в качестве инспектора народного образования. С тех пор он провел почти 4 года в Женеве в качестве главы миссии египетских учебных заведений. Пароди был близко связан со всеми турками, приезжавшими в Швейцарию со времени начала войны.

По словам д-ра Пароди, Комитет единения и прогресса делится на две части — большую германофильскую группу и меньшую группу, более расположенную к Антанте и в особенности к Англии. Самым активным лидером германофильской секции является Энвер-паша. Энвер — откровенный милитарист и германофил, не имеющий других целей в будущем, кроме победы Германии в войне и восстановления Турецкой империи, в которой он затем станет диктатором или султаном. Талаат также принадлежит к этой группе, но в настоящее время колеблется и готов идти с теми, на чьей стороне окажется победа. Он считает, что Германия не будет ни победительницей ни побежденной и что война кончится ничью, т. е. мир будет заключен на основе статус кво. При таком предположении нет достаточных причин, для того чтобы Турция порвала с Германией. Талаат прислушивается к тому, что говорит более малочисленная группа Комитета — антантофилы, не противоречит им, но и не действует согласно их мнению.

Турция находится в очень тяжелом экономическом положении, но, помимо Комитета единения и прогресса, в Турции нет никого, кто мог бы взять на себя политическую инициативу. Оппозиция в Европе бессильна, так как она не имеет связей или друзей внутри Турции. Всякое движение поэтому должно исходить от оппозиции внутри самого Комитета. В Турции нет другой организованной силы кроме Комитета, и сила его основана на поддержке офицерства.

Оппозиционеры внутри Комитета все более и более боятся того, что Турция станет германской провинцией; их все более и более раздражают высокомерные манеры и деспотические методы германцев. Чтобы спасти Турцию от превращения в германскую колонию, они охотно порвут с Германией и будут опираться на Англию, которая, по их словам, всегда была другом Турции. Однако этот шаг возможен лишь в том случае, если Англия выставит умеренные требования. Важнейшим препятствием для оппозиции является утверждение германофилов, что Антанта добивается расчленения Турции, в то время как Германия обещала восстановить Турецкую империю. Многие из видных турок, как то: Джемаль-паша — лейб-врач султана, Люфи-бей фикри — депутат Аданы, Кемаль-бей и другие в последнее время часто говорили д-ру Пароди, что им весьма не по душе связь с Германией и они едва выносят из-за этого пребывание в Турции, что их очень страшит будущее Турции под германским контролем и они сочувствуют Антанте и особенно Англии, но, что несмотря на все это, они не могут восстать против существующего режима, так как им нечего сказать в ответ на германофильскую

пропаганду — обещание восстановить империю и клятвы союзников разрушить ее.

По словам д-ра Пароди, сторонники Антанты готовы обсудить мир примерно на следующих условиях:

а) *Аравия*. Турция признает полную политическую независимость королевства Геджас и остальной Аравии. Антантофильская группа Комитета признает, что Турции не удалось как следует управлять Аравией и что даже если бы у Турции была возможность удерживать Аравию, владение ею оказалось бы для Турции обременительным и стоящим слишком дорого. Поэтому они согласны признать ее полную независимость. Аравия может быть преобразована в королевство Геджас и несколько владений независимых шейхов, или последние могут образовать федерацию. Относительно халифата в группе есть разногласия. Одни уступили бы его королю Геджаса, другие хотят его сохранить для султана. Разногласия, повидимому, идут по линии раскола между пантуранской и панисламистской группами. Турки хотели бы, однако, получить с Аравии дань, чтобы дать возможность турецкой казне сводить концы с концами.

б) *Сирия, Месопотамия, Палестина*. Антантофильская группа Комитета готова признать автономию этих областей либо в виде отдельных единиц, либо в виде единой федерации под турецким флагом. Автономный образ правления должен быть либо в форме правительства, избранного самим народом, либо в форме управления через европейских советников, как то было в Египте до войны. Турецкий флаг, однако, должен быть сохранен как символ единства турецкой империи. Подобно Геджасу, эти территории должны платить дань оттоманской казне.

в) *Армения*. Антантофильская группа Комитета признает крайнюю неудачу турецкого правления в Армении. Убийства и жестокости турок в Армении вызывают у этих людей краску стыда, и они хотят предоставить решение судьбы Армении на полное усмотрение европейских держав. Чтобы облегчить осуществление этого своего решения, они хотят выделить курдов из армянских вилайетов в отдельный курдский вилайет.

г) *Константинополь*. Что касается Константинополя, то он должен остаться турецким. На этом они особенно настаивают, и известие о том, что союзники хотят, чтобы Константинополь остался турецким, окажет в Турции огромный моральный эффект. Декларации союзников, которые все еще здесь в ходу, принадлежат Милокозу. Еще не было сделано к ним никаких поправок. Турки хотят также стратегического исправления своих границ с Болгарией. Они чрезвычайно жалеют о той части турецких владений, которую они уступили Болгарии в качестве платы за ее вступление в войну, и настойчиво требуют ее назад. Что касается проливов (Босфора и Дарданелл), то турки согласятся на нейтрализацию их с назначением специальной международной комиссии для контроля за фарватером, набережными и т. д. Они строят укрепления, но не будут создавать укреплений внутри определенного радиуса.

Чтобы помочь оппозиции, важно, по мнению д-ра Пароди, поставить в известность Комитет единения и прогресса (притом весь состав Комитета, включая Талаата и Энвера, а не только оппозицию) о взглядах союзников по основным вопросам, касающимся Турции. Если требования союзников умеренны и сколько-нибудь напоминают изложенные выше взгляды, то англофильская часть Комитета приобретет необходимые аргументы для пропаганды в самом Комитете, в армии и вообще повсеместно и получит возможность захватить контроль над всей организацией младотурок.

Сообщение о точке зрения союзников можно сделать через соответствующие каналы Мухтар бегу, находящемуся в настоящее время в Швейцарии в качестве председателя комиссии по обмену военнопленными. Он намеревается жить в Швейцарии приблизительно до 1 января, но если понадобится, можно, вероятно, сделать так, чтобы он остался там и дольше. Сообщение надо сделать в следующей форме. Соответствующий агент, который мог бы дружественно говорить о Турции, должен информировать Мухтар бегу, что взгляды союзников в отношении Турции довольно умеренны, что условия, которые союзники собираются предложить Турции, состоят в том-то и том-то, и что, если Талаат и Комитет единения и прогресса хотят ознакомиться со взглядами Антанты о будущей судьбе Турции, они должны затребовать информацию через официальные каналы, и тогда будет послан официальный ответ.

Результатом умеренной декларации союзников, которая стала бы немедленно известна отделению Комитета единения и прогресса, были бы: а) усиление влияния антантофильской пропаганды в самом Комитете, б) ободрение арабов в Аравии, Сирии, Месопотамии и Палестине, которые убедились бы, что Антанта стремится добиться для них автономии, в) углубление антагонизма в турецкой армии между арабскими и турецкими офицерами и солдатами; тем самым понизится боеспособность армии.

Если антантофильская группа добьется влияния (вероятно, посредством убийства Энвера), то, как полагают ее члены, они смогут справиться с германскими войсками в самой Турции. Комитет единения и прогресса достаточно силен для этого. Но они боятся нападения Болгарии, и, если появится какой-нибудь шанс на свержение германского господства, необходимо, чтобы Антанта была готова двинуть свои суда и войска к Константинополю через Дарданеллы или Смирну.

Есть еще один вопрос. Антантофильская группа очень интересуется финансовой проблемой. Турция должна немцам около 300 миллионов фунтов стерлингов. Раз Турция должна такую сумму, она не может существовать как самостоятельная держава и будет просто областью эксплуатации германских концессионеров. Сторонники Антанты хотят, чтобы союзники помогли им в этом деле, а также предоставили им заем для реорганизации турецких финансов. Турция нуждается также в сельскохозяйственных машинах и т. д., чтобы поднять производство средств питания. Не последним аргументом для турок в пользу заключения сепаратного мира является надежда

на экономическую помощь со стороны держав Антанты. Турция может восстановить свое хозяйство только при условии поддержки извне. Германская помощь означает германский контроль. Если бы турки могли увидеть для себя начало нового пути в сближении с Антантой, это было бы для них важным аргументом в пользу заключения немедленного мира.

Ф. Х. Керр).

18 декабря 1917 г.»

«Я условился с сэром Хорасом Румбольдом, что при условии подтверждения телеграммой из Лондона, д-р Пароди организует неофициальное устное сообщение Мухтар беем следующего характера. Сообщение будет носить форму разговора между Мухтар беем и каким-либо лицом — другом Турции, располагающим исключительными средствами для ознакомления с точкой зрения союзников. Уточнение этого следовало предоставить осторожности и опыту д-ра Пароди.

1. Следует учесть военные неудачи, которые уже потерпела Турция, и чрезвычайно сильные позиции союзников в борьбе против центральных держав; союзники сильны не только в военном, но и в экономическом отношении, причем их преимущества все более возрастают. Союзники отнюдь не руководятся теми враждебными намерениями к Турции, которые приписывают им германские пропагандисты. Напротив, союзники очень умерены в своих взглядах и вполне готовы к тому, чтобы Турция заняла соответствующее место среди народов мира, при условии, если она захочет немедленно порвать с Германией и заключить мир с союзниками.

2. В случае немедленного заключения мира союзники согласны, чтобы Константинополь остался столицей Турции, при условии нейтрализации Дарданелл, Мраморного моря и Босфора. Нейтрализация должна состоять в срытии всех фортов и в уходе турецких войск из зоны проливов, а также в передаче контроля над проливами между Средиземным и Черным морями и над необходимыми бережными и доками международной комиссии, наподобие той, которая управляет Суэцким каналом.

3. Союзники настаивают на том, чтобы турецких властей не было более в Армении, Сирии, Месопотамии, Палестине и Аравии. Население этих территорий должно управляться собственным автономным правительством или же смешанной администрацией из местных и европейских чиновников под протекторатом одной или нескольких союзных держав, как в Египте. Что касается международного статуса этих территорий, то Армения и Аравия должны быть полностью выделены из турецких владений. В отношении Сирии, Палестины и Месопотамии союзники могут, однако, в случае немедленного заключения мира, согласиться на удержание турецкого флага как символа турецкого суверенитета, при условии, что это не сопряжено ни с какой исполнительной властью Турции.

4. Союзники желали бы освободить Турцию от задолженности в части вышеупомянутых территорий и предоставить Турции

щедрую финансовую и всякую иную экономическую помощь, и тем самым дать Турции возможность начать новую жизнь, освободиться от германского экономического засилья и развиваться, находясь в дружественных отношениях с державами Антанты, которые должны стать сильнейшими в мире.

Примечание. Переговоры о мире между Турцией и союзниками должны быть начаты по получении конфиденциального запроса от турецкого правительства или от какого-нибудь высокопоставленного турецкого государственного деятеля или чиновника через английское посольство в Берне. В запросе турецкое правительство или такой-то государственный деятель или чиновник Турции должны выразить желание познакомиться с условиями, которые союзники хотят предложить для заключения немедленного мира с Турцией. О способе сообщения можно условиться потом.

Ф. Х. Керр).

19 декабря 1917 г.»

ПРИЛОЖЕНИЕ ВТОРОЕ

Мирная декларация

«Когда правительство Англии привлекает организованное рабочее движение для помощи в деле сохранения боеспособности армии, представители рабочих вправе требовать, чтобы все имеющиеся у них опасения и сомнения в целях, во имя которых будет бороться армия, были вполне ясны. То, что верно по отношению к организованному рабочему движению, должно быть одинаково справедливо и в отношении всех граждан страны, независимо от их положения или рода занятий.

Когда миллионы людей призваны к тому, чтобы идти на страдания и смерть, когда широкие массы населения подвергаются невиданным в истории испытаниям и лишениям, они вправе знать, для какой цели или целей приносят они эти жертвы. Только самые светлые, самые великие и самые справедливые цели могут оправдать столь беспримерную агонию народов хотя бы в течение одного дня. Мы должны ясно и точно сформулировать не только принципы, за которые мы боремся, но также их точное и конкретное применение к военной карте мира.

Мы подошли к самому критическому моменту в нынешнем ужасном конфликте народов, и, прежде чем какое-либо правительство примет роковое решение о тех условиях, на которых оно должно либо закончить, либо продолжать войну, оно должно убедиться в том, что народная совесть поддерживает эти условия. Ничто иное не может питать ту энергию, которая необходима для достижения справедливых целей войны. Поэтому в течение последних нескольких дней я прилагал особые старания, чтобы установить взгляды и позиции представителей всех партий в нашей стране. На прошлой неделе я имел возможность не только ознакомиться с декларацией рабочей партии о целях войны, но и детально обсуждать с лидерами рабочей партии значение и самые намерения этой декла-

рации. Я имел также случай обсудить те же самые вопросы с г-ном Асквитом и виконтом Греем. Если бы националистские лидеры Ирландии не были столь заняты стремлением разрешить запутанные проблемы самоуправления Ирландии, я был бы рад обменяться мнениями и с ними. Но г-н Редмонд, говоря от их имени со свойственной ему ясностью и силой, во многих из своих речей уже выявил свою точку зрения по поводу задач и целей войны. Я имел также возможность совещаться с некоторыми представителями наших великих заокеанских доминионов.

Я рад, что имею возможность в результате всех этих дискуссий сказать, что, хотя ответственность за предлагаемую мною формулировку целей войны падает только на правительство, у всей нации существует согласие относительно характера и целей войны и условий мира. Я имею смелость претендовать на то, что все изложенное сегодня вам, а через вас и всему миру, является мнением не только правительства, но и всей нации и всей империи в целом.

Мы можем начать с устранения некоторых недоразумений и установления того, что не является нашей целью. Мы не ведем агрессивную войну против Германии. Вожди Германии уверяют германский народ, что они ведут оборонительную войну против союза соперничающих с Германией государств, связанное стремление уничтожить Германию. Это не так. Разрушение или уничтожение Германии или германского народа никогда не было нашей целью с первого дня войны и до настоящего времени. В действительности мы принуждены были вступить в войну против нашего желания, будучи совершенно неподготовленными к этому ужасному испытанию, в целях самозащиты, в целях защиты нарушенного международного права в Европе и за восстановление самых торжественных договорных обязательств, на которых покоится вся общественная система Европы и которые Германия грубо попрала своим вторжением в Бельгию. Мы должны были либо присоединиться к борьбе, либо стоять в стороне и смотреть, как гибнет Европа и как грубая сила торжествует над общественным правом и международной справедливостью. Только понимание этой страшной необходимости заставило британский народ вступить в войну. От этих первоначальных целей народ Британии никогда не отклонялся. Он никогда не имел целью сокрушить германский народ или раздробить Германию как страну или как империю. Германия заняла в мире достойное положение. Мы не имеем желания или намерения подвергнуть сомнению или уничтожить это положение в будущем. Мы хотели бы повернуть Германию от ее надежд и планов на военную гегемонию лицом к великим и благородным задачам всего человечества. Мы не воюем также во имя разрушения Австро-Венгрии или лишения Турции ее столицы или ее богатых и прославленных владений в Малой Азии и во Фракии, где живет население по преимуществу турецкого происхождения.

Не для того мы вступили в войну, чтобы только изменить или уничтожить конституцию Германской империи, хотя, по нашему мнению, этот военно-автократический строй в двадцатом столетии

является опасным анахронизмом. Мы считаем, что установление в Германии действительно демократического строя было бы самым убедительным доказательством того, что ее прежние военные устремления умерли в эту войну. Это облегчило бы для нас заключение с Германией настоящего демократического мира. Но в конце концов этот вопрос должен решить сам германский народ.

Прошло уже больше года, с тех пор как президент Соединенных штатов, тогда еще нейтральной страны, обратился к воюющим сторонам с предложением, чтобы каждая из них ясно сформулировала цели, за которые она воюет. Мы и наши союзники ответили на это предложение нотой от 10 января 1917 г.

Страны Центральной Европы не дали никакого ответа на призыв президента и, несмотря на многочисленные обращения как со стороны противников, так и со стороны нейтральных держав, хранили полное молчание относительно целей, во имя которых они воюют. Даже в таком решающем вопросе, как отношение Германии к Бельгии, немцы неизменно уклонялись от дачи сколько-нибудь заслуживающих доверия объяснений.

Однако 25 декабря прошлого года граф Чернин, выступая от имени Австро-Венгрии и ее союзников, сделал некоторые заявления. К сожалению, они исключительно неясны. Нам сказали, что центральные державы «не имеют намерения присоединить силой» какую-либо из оккупированных территорий или «лишить независимости» какую-либо из стран, потерявших свою «политическую независимость» во время войны. Очевидно, что любой план захватов и аннексий может скрываться за обещанием, высказанным в такой форме.

Означает ли это, что Бельгия, Сербия, Черногория и Румыния будут столь же независимо и свободно управлять своей судьбой, как Германия или какая-либо другая страна Европы? Или это значит, что на них будут наложены различные политические и экономические ограничения и в их дела предполагается вмешательство, несовместимое с положением и достоинством свободных и уважающих себя народов? Если таково намерение Германии, то она пытается установить два вида независимости, один для великих наций и другой, низший вид независимости, для малых наций. Мы должны знать, что это значит. Равенство в правах больших и малых наций является основным законом мира, во имя которого борются в этой войне Англия и ее союзники. Германия решительно отказывается платить возмещение за возмутительные насилия над городами и селами Бельгии и их населением. Остальная часть этих так называемых «предложений» состоит почти в полном отказе от каких-либо уступок. Все предложения об автономии подвластных Германии и Австро-Венгрии народов целиком исключены ими из условий мирного договора. Вопрос о какой-либо форме самоуправления, которое должно быть предоставлено арабам, армянам, сирийцам, объявлен всецело обязанностью Блистательной Порты. Благочестивое пожелание защиты национальных меньшинств «постольку, поскольку это практически осуществимо», — вот наибольшее приближение к принципам

свободы, которое рискнули сделать государственные деятели Центральной Европы.

Только в одном пункте Германия вполне ясно и точно сформулировала свои цели. Ни при каких обстоятельствах «германское требование» о восстановлении в целом германских колоний не будет снято Германией. Все принципы самоопределения, или как мы говорили ранее, управление с согласия управляемых, в данном случае неприменимы.

Нельзя надеяться, чтобы сколько-нибудь прочный мир можно было воздвигнуть на таких основаниях. Пустая болтовня о лозунгах мира «без аннексий и контрибуций» или о «праве на самоопределение» бесполезна. Прежде чем даже начать какие-нибудь переговоры, центральные державы должны понять сущность положения вещей.

Времена Венского конгресса давно прошли. Мы не можем дальше подвергать будущее европейской цивилизации случайным решениям нескольких ведущих переговоры дипломатов, стремящихся посредством шантажа или дипломатии обеспечить интересы той или иной династии или державы. Организация новой Европы должна быть основана на началах разума и справедливости, которые дадут уверенность в устойчивости мира. Поэтому мы считаем, что управление с согласия управляемых должно быть основой всякой реорганизации территорий в этой войне. По той же причине, если договоры не соблюдаются, если каждая нация не готова ко всяким жертвам во имя подписи под международными договорами, очевидно, что любой мирный договор не заслуживает той бумаги, на которой он написан.

Поэтому первое требование, которое выдвигало британское правительство и его союзники, — это полное восстановление политической, территориальной и экономической независимости Бельгии, а также возмещение ей ущерба, выразившегося в опустошении ее городов и провинций. Это не требование военной контрибуции, вроде той, которая была возложена Германией на Францию в 1871 г. Это не попытка одной воюющей стороны переложить расходы военных операций на другую, попытка, которую можно так или иначе защищать или порицать. Это лишь настойчивое требование, чтобы, прежде чем появится какая-нибудь надежда на прочный мир, было признано и по возможности исправлено величайшее нарушение международного права Европы. Компенсация причиненного ущерба означает признание этого принципа. Если признание международного права не будет подтверждено компенсацией ущерба, причиненного Германией, это явится выражением ее пренебрежения к законам международного права. Далее, необходимо восстановление Сербии, Черногории и оккупированных владений Франции, Италии и Румынии. Отвод армий с чужих территорий и плата репараций за причиненный ущерб являются основным условием для постоянного мира.

Мы намерены до конца поддерживать требование французской демократии о пересмотре великой несправедливости 1871 г., когда без всякого внимания к желаниям населения две французские

провинции были отторгнуты от Франции и присоединены к Германской империи. Эта язва разрушала мир Европы в течение полувека, и, до тех пор пока она не будет излечена, действительный мир не будет установлен. Не может быть лучшей иллюстрации того, как грубо и безправственно используется временный военный успех для попрания национальных прав.

Я не собираюсь заниматься вопросом о русских территориях, оккупированных в настоящее время Германией. Русская политика со времени революции прошла так быстро через столько фаз, что трудно говорить о том положении, которое создается ко времени окончательного принятия условий мирного договора. Россия приняла войну со всеми ее ужасами, потому что, верная своей традиционной опеке более слабых государств славянства, она выступила в защиту Сербии от покушения Австрии на ее независимость. Именно эта достойная жертва вовлекла в войну не только Россию, но также и Францию. Франция, верная условиям своего договора с Россией, поддержала союзника в распри, которая не являлась ее собственным конфликтом. Рыцарское уважение Франции к союзному договору привело к бесцельному германскому вторжению в Бельгию; а договорные обязательства Англии по отношению к Бельгии вовлекли в войну и наш народ.

Теперешние правители России, без всякого внимания к тем странам, которые сама Россия вовлекла в войну, занялись сепаратными переговорами с общим врагом союзников и России. Я не упрекаю, я только констатирую факты с целью выяснить, почему Англия не может нести ответственности за решения, принятые в ее отсутствие и относительно которых с ней не советовались и не обращались к ней за помощью. Кто знает Пруссию и ее замыслы в отношении России, ни на минуту не может усомниться в ее конечных намерениях. Какие бы слова ни употребляла Пруссия, чтобы обмануть Россию, она не намерена отказаться ни от одной из прекрасных провинций и городов России, занятых в настоящее время прусскими войсками. Под прикрытием той или иной пышной фразы, — а пышные фразы значения не имеют — эти русские провинции впредь станут фактически частью владений Пруссии. Они будут управляться силой прусского меча, в интересах прусского самодержавия. Русский же народ, оставшийся на незавоеванной русской территории, Германия попытается отчасти задобрить обещаниями, а отчасти запугать продолжением войны до полного экономического и политического порабощения России Германией. Всех нас огорчает подобная перспектива. Демократия Англии намерена до конца поддерживать демократию Франции, Италии и всех других союзников. Мы будем горды сражаться до конца бок-о-бок с новой демократией России: к этому также стремится Америка и этого хотят Франция и Италия. Но когда теперешние правители России предпринимают те или иные действия независимо от союзников, то мы не намерены вмешиваться, чтобы остановить катастрофу, которая неизбежно погубит их страну. Россию может спасти только ее собственный народ.

Мы считаем, однако, что создание независимой Польши, включающей все те истинно польские элементы, которые желают войти в ее состав, является настоятельной необходимостью для устойчивости Восточной Европы.

Несмотря на то, что мы согласны с президентом Вильсоном, что раздел Австро-Венгрии не является нашей военной целью, мы думаем все же, что если тем нациям, которые так долго этого добивались, не будет гарантировано подлинное самоуправление на истинно демократических принципах, нельзя надеяться на удаление в этой части Европы поводов к волнениям, так долго угрожавшим европейскому миру.

По этой же причине мы считаем жизненной необходимостью удовлетворение законного требования итальянцев о воссоединении с теми, кто имеет с ними одно происхождение и один язык. Мы намерены также настаивать на том, чтобы населению, родственному румынам по крови и языку, была оказана справедливая поддержка в их законных стремлениях. Если бы эти условия были выполнены, Австро-Венгрия стала бы такой державой, силы которой поддерживали бы постоянный мир и свободу Европы, вместо того чтобы быть только орудием в руках военного самодержавия Пруссии, использующей ресурсы своих союзников для достижения своих собственных пагубных целей.

Мы думаем, что те же самые принципы должны быть применены и за пределами Европы. Несмотря на то, что мы не оспариваем прав Турецкой империи на ее внутренние владения с турецким населением и на ее столицу Константинополь, проливы между Средиземным и Черным морями должны быть интернационализированы и нейтрализованы. Аравия, Армения, Месопотамия, Сирия и Палестина имеют, по нашему мнению, право на признание особых национальных условий. Какова бы ни была форма этого признания в каждом отдельном случае — нет нужды обсуждать ее здесь, — нужно только установить, что восстановление прежнего суверенитета Турции над упомянутыми мной территориями невозможно.

Много говорилось о наших соглашениях с союзниками по тем или иным вопросам. Я могу сказать лишь одно. Поскольку новые факты, как например, крушение России и сепаратные переговоры России, изменили условия, при которых эти соглашения были заключены, мы, как и всегда, вполне готовы обсудить их с нашими союзниками.

Что касается германских колоний, то я неоднократно заявлял, что их судьба должна быть решена на международной конференции, которая должна исходить из желаний и интересов туземного населения этих колоний. Ни одна из этих территорий не населена европейцами. Следовательно, во всех случаях решающим соображением должно быть то, чтобы население было поставлено под приемлемый для него самый контроль или администрацию; основной целью должно быть предотвращение эксплуатации его в пользу европейских правительств или капиталистов. Туземцы германских колоний живут в различных племенных и родовых организациях

под управлением вождей и туземных органов, которые могут выступить от имени туземных племен и их членов и таким образом выразить их пожелания, соответствующие их интересам. Основной принцип самоопределения наций применим в отношении их так же, как и в отношении европейских народов. Заявление германцев о том, что туземцы германских колоний своей боевой верностью Германии во время войны выявили свою привязанность к ней и желание при всех обстоятельствах оставаться в Германской империи, применимо не к германским колониям вообще, а лишь к одной из них. Но и в данном случае (Германская Восточная Африка) германские власти приобрели не привязанность туземного населения в целом, которое настроено явно антигермански, а лояльность малочисленного военного сословия, из которого набираются аскари или солдаты. Германцы привлекли их к себе тем, что предоставили им привилегированное положение по отношению к массе туземного населения, что дало возможность этим аскари присвоить себе власть феодальных угнетателей над остальными туземцами. Этим и другими способами германцы приобрели привязанность со стороны ничтожного меньшинства, чьи интересы прямо противоположны интересам остального населения, от имени которого они не имеют права выступать. Обращение Германии с туземным населением ее колоний было таково, что вполне оправдывает боязнь Германии предоставить будущее устройство этих колоний на усмотрение самих туземцев.

Наконец, ущерб, вызванный нарушением международного права, должен быть возмещен. Мирная конференция не должна забыть наших моряков и оказанных ими услуг, а также понесенных ими в борьбе за общее дело лишений.

В предложениях центральных держав мы отмечаем одно упущение, которое кажется нам особенно прискорбным. Желательно и действительно необходимо, чтобы послевоенная организация мира не носила в самой себе зародыша будущей войны. Но это еще не все. Как бы ни были мудры и хороши достигнутые нами территориальные и другие соглашения, все же останется еще много объектов для международных споров. Некоторые из них действительно неизбежны.

Экономическое положение к концу войны будет в высшей степени трудным. Вследствие отвлечения человеческих сил на обслуживание нужд войны возникнет недостаток сырья во всем мире, который будет все больше возрастать, пока длится война, и неизбежно, что страны, которые контролируют сырье, захотят использовать его в первую очередь для себя и для своих друзей.

Помимо этого, каков бы ни был мир, он пригоден только при тех обстоятельствах, при которых он заключен, и, как только эти обстоятельства изменятся, потребуются изменения в условиях мира. До тех пор пока продолжает существовать возможность конфликтов между народами, как теперь, до тех пор пока люди находятся во власти страстного честолюбия и война является единственным средством улаживания конфликтов, все нации будут жить под

бременем не только самой войны, время от времени повторяющейся, но и под бременем вынужденной подготовки к новому возможному взрыву. Сокрушительная тяжесть современных вооружений, растущее зло принудительной военной службы, громадные потери богатства и сил стран, втянутых в военные приготовления, — таковы позорные пятна нашей цивилизации, которых должен стыдиться каждый мыслящий человек.

По этим и другим подобным причинам мы полагаем, что та или иная международная организация должна сделать великую попытку создать средство против войны, средство улаживать международные конфликты мирным путем. Помимо всего прочего, война — пережиток варварства. Подобно тому как закон приобрел силу в качестве средства улаживания споров между отдельными лицами, мы думаем, что закон должен в конце концов занять место войны в улаживании противоречий между нациями.

Если нас опять спросят, за что мы боремся, то мы ответим, как мы уже часто делали, — мы боремся за справедливый и постоянный мир, и мы считаем, что, прежде чем можно будет надеяться на постоянный мир, должны быть выполнены три условия.

Во-первых, должна быть восстановлена святость договоров; во-вторых, должно быть обеспечено территориальное переустройство на основе самоопределения народов или согласия управляемых; наконец, мы должны путем создания определенной международной организации добиваться ограничения бремени вооружений и уменьшения вероятности войны.

При таких условиях Британская империя будет приветствовать мир; для обеспечения этих условий ее народы готовы принести даже большие жертвы, чем те, которые они уже принесли».

Глава семьдесят первая

БОЛЬШЕВИЗМ ЗАВОЕВЫВАЕТ РОССИЮ

Имеются два прямых последствия войны, которые уже оказали ощутительное влияние на развитие судеб человечества и будут оказывать все большее и большее влияние, по мере того как проходят годы. Одно — это учреждение Лиги наций, второе — революция в России. Вопрос о том, окажет ли русская революция такое же влияние, как французская, или — ее влияние на судьбы всего человечества будет еще больше, — зависит от одного. Это будет зависеть от того, сумеют ли вожди революции продолжить свое движение на путях мирного развития или же энергия революции не будет израсходована, и она будет отклонена от своей цели войной. Если Россия не будет вовлечена в войну, то революция станет одним из величайших факторов, определяющих судьбы народных масс во всех странах, которые когда-либо пришлось наблюдать или испытывать человечеству.

Те из нас, кто питал надежду, что русская революция упрочит и вновь оживит боевую мощь России в последней войне, с течением времени весьма неохотно пришли к сознанию того, насколько не поддается учету ход развития всех революций. Разложение в России зашло слишком далеко и развело существующий строй российского государства слишком глубоко, чтобы его можно было исцелить перевязкой на медпункте под пулеметным огнем. Временное правительство, управлявшее Россией с момента отречения царя, думало, что к ранам России можно применить временные лечебные средства и затем послать Россию обратно на поля сражений.

Теперь бесполезно говорить, что если бы русские реформаторы выдвинули сильного человека и поставили его у власти, то события приняли бы иной оборот. Часто сильным человеком в революции является не то лицо, которое ее начинает, а человек, который впоследствии использует ее. События предопределяют ситуацию, личности придают ей форму и направляют ее развитие.

Есть люди, которые утверждают, что ни одна личность, какой бы сильной она ни была, не может предписывать хода событий или изменять их иначе, как только временно. Их толкование великих исторических сдвигов таково, что время созревает для определенных

событий и что последние происходят даже в том случае, если великий человек не появляется на сцене и не тянет рычаг, ускоряющий события. Это всегда казалось мне неправильным пониманием истории. Бывали случаи, когда сильная личность отдаляла, если не устраняла катастрофу, казавшуюся неминуемой и в конечном итоге неизбежной. Бывали также времена, когда сильный человек ускорял события, которые, не будь его, были бы надолго задержаны. Подобно тому как личности погружаются в праздность, нации становятся неподвижными. Сильное влияние может расшевелить и таким образом спасти их. Львов и Милюков не могли бы руководить русской революцией. Не мог бы это сделать и Керенский. Революция могла бы закончиться полной анархией и распадом России на бесчисленные мелкие и непримиримые государства, враждующие между собой из-за неясно очерченных границ, или она могла завершиться новой военной диктатурой. Россия привыкла к верховной власти военщины. Корнилов был очень близок к установлению такой автократии. Ленин устранил эту угрозу и через хаос, кровопролитие и страдания привел Россию к изумительному преобразованию, которое в случае успеха может еще изменить все мировое экономическое положение.

Единственная действительно сильная личность, вознесенная русской революцией, была больше заинтересована в свержении существовавшего общественного строя, чем в поражении немцев. Ленин был изгнанником из России, когда разразилась революция. Первые реформистские лидеры не проявляли особого желания приветствовать его.

Вскоре после того как разразилась революция, тень огромной фигуры Ленина начала подниматься над горизонтом. Впервые она упала на покрытый зеленым сукном стол на Даунинг-стрит в виде донесения сэра Джорджа Бьюкенена, который в своем отчете от 30 апреля писал следующее:

«Петроград,

30 апреля 1917 г.

Как вы уже знаете из моих телеграмм, положение здесь продолжает оставаться почти в таком же состоянии неопределенности, как и раньше; невозможно сказать, что может случиться завтра. Если послушать министров, то оказывается, что все идет хорошо и что правительство постепенно укрепляет свое положение; если же учесть мнение тех, кто знаком с делами правительства и Совета рабочих депутатов, то получаешь совершенно противоположное впечатление. *Повидимому, между Керенским и Милюковым происходит потасовка из-за знаменитой формулы «мир без аннексий».* Покослюсь большинство министров, по всей видимости, стоят на стороне Керенского, я не буду удивлен, если Милюкову придется уйти, так как, по сделанному им на-днях замечанию, он будет изменником, если откажется от проливов. Его уход будет во многих отношениях потерей, так как он представляет умеренные элементы в кабинете министров и придерживается здравой точки зрения

в вопросе о войне. Но он не является сильным человеком и имеет так мало влияния на своих коллег, что никогда нельзя знать, сумеет ли он добиться принятия своих предложений. В случае его ухода нельзя сказать, кто будет его преемником. Но я надеюсь, что им во всяком случае будет кто-нибудь, кто может авторитетно выступать от имени правительства.

Я не буду удивлен, если завтра, в день празднования Первого мая, положение дойдет до кризиса. Если предстоит беспорядки и, возможно, новые уличные бои, то я предпочел бы, чтобы кризис наступил немедленно, чтобы мы могли покончить с ним и чтобы страна могла уделить больше внимания войне. Военное положение, несомненно, весьма неудовлетворительно, но, как мне кажется, имеются признаки улучшения. Русские обладают такой счастливой способностью выходить из всяких переделок, что я, лично, не расцениваю это положение так же пессимистически, как некоторые из наших военных экспертов, которые судят о нем по плачевному недостатку дисциплины на некоторых участках фронта. Однако я опасюсь, что армия не так скоро сумеет перейти в наступление, как в том пытались уверить меня некоторые министры. Об этом следует пожалеть, так как, чем скорее начнутся военные действия, тем лучше будет для внутреннего положения.

Чрезвычайно трудно высказать мнение о взаимоотношениях между Временным правительством и Советом рабочих и солдатских депутатов. Последний полностью реорганизуется. Состав его уменьшен до 600 членов, и назначен новый Исполнительный комитет. Эта реорганизация сделает его более умеренной, но в то же время более сильной политической организацией. Поэтому мало вероятно, что он откажется от борьбы за право контролировать и направлять политику правительства. Но если он действительно будет придерживаться умеренной политики, то будет возможно работать с Временным правительством в большем согласии, чем раньше. Однако нельзя совершенно исключить возможность столкновения между этими двумя соперничающими организациями. Повидному, прежние радикальные члены Совета, не вошедшие в реорганизованный Совет, собираются учредить свой собственный комитет. Я надеюсь, как вчера сказал Миллюкову, что это не будет означать трех правительств вместо двух. Я не думаю, чтобы Совет был склонен настаивать на скором заключении мира. Но он, повидному, причинит нам много неприятностей по вопросу об условиях, на которых союзникам следует принять мир, и того толкования, которое должно быть дано слову «аннексия». Я предвижу главную опасность не столько в невероятной возможности выдвижения немцами благовидных мирных условий, сколько в том, что эти авансы могут быть подхвачены местными пацифистами, и что на правительство будет оказано давление с целью вынудить союзников на открытие мирных переговоров».

Нижеследующее бросает некоторый свет на сплетни в высоких кругах, которые явились прелюдией к падению несчастного дая. Они сильно способствовали наступлению революции:

«Феликс Юсупов, на-днях побывавший у меня с поручением от императрицы Марии, рассказал мне, что, как ему известно, находящийся здесь тибетский врач опоил императора снадобьем, серьезно повлиявшим на его умственные способности. Как-то раз Распутин повез его самого (Юсупова) к этому врачу. Когда Распутин заговорил о действии, оказываемом этим снадобьем, тибетец сказал, что если принимать его в течение некоторого времени, оно вызывает у пациента состояние равнодушия и полной апатии ко всему, что с ним происходит. Юсупов сказал, что впоследствии он вырвал у Распутина признание в том, что император принимал это снадобье. Юсупов полагает, что оно в значительной мере является причиной ненормального поведения и почти детского безразличия, проявленного императором к потере престола. Он (Юсупов) не мог сказать, кто побудил императора принимать это снадобье, но эта идея, повидимому, появилась у того, кто хотел сделать императора неспособным иметь собственную волю. Почти такую же историю мне рассказывали великий князь Николай Михайлович и другие. После всего сказанного Юсуповым я думаю, что такое утверждение имеет некоторые основания».

Это письмо звучит, как донесение из Парижа после падения Бастилии в те дни, когда сплетни о членах королевской фамилии, переживавших трагические дни, приобретали все более и более клеветнический характер и когда Марат и Робеспьер пользовались ими, чтобы бросать вызов respectable революции жирондистов.

Керенский был человеком высоких идеалов, но обладал взвинченным и нервным темпераментом. Подобно жирондистам, он был одарен непревзойденным даром динамического красноречия, вызывавшим у аудитории любые эмоции. Но он слишком надеялся на свои ораторские способности и не подкреплял их действием. Этот недостаток обрек его на неудачу в тот момент, когда он столкнулся с людьми, первым импульсом которых являлось действие. Ситуация требовала более жесткого человека, чем был Керенский. Один из проникательнейших наблюдателей из числа посланных нами в Россию, генерал Нокс, ведавший в то время русскими делами, полагал, что «сердце народа было крепким, но требовались силы; эти силы можно было бы собрать, если бы в правительстве сидел хотя бы один человек сильной воли».

Союзники стремились оказать русскому правительству всю ту помощь, которая была в их силах, чтобы стабилизировать его положение в стране и восстановить фронт против врага. Они полагали, что даже в тот период чистосердечное и дружеское усилие с их стороны для оказания России практической поддержки сплотило и объединило бы ее народ и сохранило бы его участие в войне в качестве действенной и боеспособной силы.

Однако с мощными силами, действовавшими против нас, велась лишь нерешительная борьба. В апреле Ленин и другие прибыли в Петроград через Германию. В течение первых месяцев летом 1917 г. их влияние постепенно возрастало, в то время как дисциплина в русской армии неуклонно снижалась.

Вот образный, но правдивый отчет о положении, составленный одним британским офицером, который в этот период смуты и беспорядка писал из Кронштадта следующее:

«...В данный момент положение в промышленности очень серьезно. Министр труда Скобелев торжественно выпускает декларации, которые звучат, как непонятный бред. Последней новостью в пятницу явилась декларация о конфискации банковских излишков. Министр торговли Коновалов подал в отставку в знак протеста против действий Скобелева, заявляя, что невозможно сохранить финансовое равновесие перед лицом бесконтрольных требований рабочих. Насколько я представляю себе, в условиях Запада Скобелев был бы сторонником государственного вмешательства, а Коновалов — либералом манчестерского толка. К несчастью, в России в данный момент не существует государства, которое могло бы что-нибудь контролировать. Люди бастуют, требуя 100% прибавок к заработной плате с момента начала войны, 6-часового рабочего дня и уплаты жалованья за 6 месяцев вперед. Одной фирме предъявили требование о прибавках, которые в сумме примерно на 20% превышают ее основной капитал. Та же фирма получила 40% прибыли.

Все осложнения рабочего вопроса, имеющие место в Англии, выступают здесь в видоизмененной форме. Цены и, соответственно этому, прибыль в четыре раза превышает нормальные. Зарплата в два с половиной раза превышает норму, в результате взвинчивая, но не догоняя цены. Прибавьте к этому обман и коррупцию, с одной стороны, и полное отсутствие всякой организованности — с другой. Два года бумажной эмиссии (поговаривают, что правительство выпускает еще два миллиарда рублей) и два месяца революции завершают это повествование о простом развале.

Политическое положение характеризуется следующими явлениями. Кронштадт объявил себя независимой республикой. В основе этого замечательного акта не было ничего, кроме простой веры в мудрость и красоту децентрализации, которая в то время была модным словом. Местные республиканцы были искренне поражены, когда комендант крепости заявил, что, будучи служащим правительства, он вынужден уйти; они объяснили ему, что не хотят его ухода, так что же вынуждает его уходить? Весь вчерашний день ходили слухи о том, что кронштадтцы собираются обстреливать нас. В течение всего дня к ним просачивались социалистические депутаты, чтобы дать им первый урок политграмоты. Сегодня получено сообщение, что правительство собирается атаковать Кронштадт, по

одной версии, армией, по другой — миноносцами. На следующей неделе предстоит железнодорожная забастовка. Я усиленно пытаюсь выяснить, имеется ли в Совете нечто вроде рабочего исполкома. Коммерческий атташе полагает, что там существует нечто вроде расчетной палаты, через которую проходят требования рабочих. Если такая палата действительно существует, то при наличии нерешительного, но искренне готового сделать что-нибудь Скобелева и рабочей фракции, фактически удовлетворяющей неограниченные желания рабочих, Гендерсону есть над чем поразмыслить. Следующей после забастовки и Кронштадта темой дискуссии является вопрос: мир или наступление. Я склонен думать, что правительство намерено уговорить народ повести наступление летом в надежде на то, что тогда вопрос о мире отступит на задний план. Я не питаю никаких надежд. Всем ясно, что Россия чувствует отвращение к войне. Для всех ясна также еще одна вещь, а именно: в России никогда нельзя знать, что будет завтра. Несколько человек говорили мне, что населению Петрограда вконец надоело существующее положение. В следующий раз, по их словам, казаки будут стрелять...»

Письма современников, написанные опытными и наблюдательными людьми, которые проходили через испытания первых недель революции, проливают свет не только на отдельные конвульсии, но и на процесс перерастания недовольства в революцию в результате неразумного и неумелого руководства.

15 июня, перед самым назначением Керенского премьером, наш посол писал:

«...Положение в Петрограде тяжелое, как и прежде, чему не приходится удивляться, если учесть отсутствие надлежащих полицейских сил для поддержания порядка. Сильное беспокойство внушает правительству неопределенная позиция войск. Однако имеются признаки реакции, если не в пользу монархии, то устойчивого правительства, способного поддерживать порядок и положить конец существующей анархии, которая неуклонно распространяется по стране. Я убежден, что достаточно правительству начать действовать решительно, и оно поведет за собой народные массы. Из того, что рассказывает мне Терещенко, видно, что правительство находит момент психологически подходящим для действия. Это означает, что правительство собирается отделаться от петроградского гарнизона и в случае необходимости использовать казаков, на которых можно полностью рассчитывать. Результаты недавних выборов в городскую думу показали, что радикалы составляют только незначительное меньшинство; их положение будет, повидимому, серьезно скомпрометировано, если, как надеется Терещенко, ему удастся доказать, что многие из их лидеров состоят на жалованье у немцев. Созыв Всероссийского съезда Советов, который состоится через день или два, будет новым и интересным факто-

ром в существующем положении. Он превратит местный Совет в национальный и даст ему большую власть и влияние. Существует всеобщее предположение, что допущение рабочих и солдатских делегатов из провинций окажет сдерживающее действие. Если это подтвердится, то между Советом и правительством установится более тесное сотрудничество...

Что касается армии, то здесь перспективы внушают больше надежд, хотя, по заявлениям пессимистов, она совершенно неспособна предпринять наступление. Вместе с тем заявления министров звучат с большой уверенностью. По моему мнению, наступление определено будет предпринято, как только будут преодолены трудности со снабжением и т. п. Но в какой степени успешно оно будет проводиться, является вопросом, который я не берусь предугадывать...

После изложенного я виделся с начальником генерального штаба, и он сообщил мне, что последние сообщения с фронта были значительно более удовлетворительными, и что наступление будет предпринято в течение ближайших двух недель...

Другое письмо от 24 июля из другого источника содержит следующее:

«Мы имели еще один кризис 22 и 23 июня, который, по мнению большинства, нельзя было ликвидировать без крупного кровопролития. Большевики призвали своих последователей произвести вооруженную демонстрацию против правительства, которое заключило союз с капиталистами и несло ответственность за войну и за все связанные с ней бедствия. Распространялись листовки даже более мятежного характера, призывавшие к открытому насилию.

К счастью, правительство только что было поддержано водами доверия, вынесенными Всероссийским советом рабочих и солдатских депутатов и Всероссийским крестьянским съездом. Кроме того, эти две организации, поддерживаемые Исполнительным комитетом Петроградского совета и всеми социалистическими организациями, выпустили контрпрокламации с призывом оставаться всем по домам. Правительство на три дня запретило всякие демонстрации. В результате вчерашний день прошел совершенно спокойно и таким же обещает быть сегодняшний день... Результат можно себе представить. Мне кажется, что, чем более можно было бы задержать кровопролитие, тем более вероятно, что его удастся вовсе избежать, а вместе с тем избежать и его возможных результатов. Несколько умелых арестов сделали бы свое дело, тогда правительство увидит, что время пришло.

Как вы знаете, Терещенко придает величайшее значение необходимости не ослабить салоникского фронта в настоящий момент и хочет, чтобы весь вопрос был провентилирован в Париже...

В момент, когда пишется это письмо, дело выглядит так, как будто наступление действительно произойдет, но бесполезно даже пытаться предсказать результаты его. Большинство считает, что неудача его явится катастрофой. Несомненно, что теперь армия на фронте находится в лучшем состоянии, чем была раньше; но между отдельными дивизиями существуют резкие отличия в отношении «боевого духа», и только немногие из них хотят воевать.

Большинство здесь считает несомненным, что русские войска не согласятся провести еще одну зиму в окопах, каковы бы ни были на этот счет желания высшего командования. Это не значит, что такое мнение правильно; но с этой непредвиденной возможностью надо считаться. В случае правильности такого предположения возникает вопрос, не является ли в общих интересах желательным, чтобы Россия заключила мир раньше, чем она будет раздавлена, если к тому же предположить, что к этому моменту выйдет из строя Австрия. Я сознаю огромные трудности, связанные с этим планом, и не думаю, чтобы в настоящий момент русское правительство согласилось выслушать такого рода предположение. Тем не менее, я обращаю Ваше внимание на это обстоятельство, потому что в течение некоторого времени пытаюсь придумать наилучший выход из затруднений на случай общего развала русской армии, когда выпадет первый снег».

В начале июля, несмотря на внутренние затруднения в стране, русская армия под командованием генерала Брусилова предприняла наступление на немцев, и в одном месте ей удалось прорваться за неприятельскую линию на глубину семи миль на фронте длиной в 14 миль. Во время наступления она захватила 26 тысяч пленных и 84 орудия.

Но наступление не было продолжено. Армия не хотела воевать. Дисциплина исчезла. 10 июля генерал Нокс отправил донесение, в котором он описывал наступление и отмечал размеры, до которых дошли недисциплинированность и падение боевого духа во всей русской армии. Разложение и распад начались, повидимому, среди нижних чинов армии и явились результатом того недовольства условиями, которое преобладало с момента начала войны и раньше.

Вот описание положения, сделанное генералом Ноксом:

«Везде были налицо доказательства отсутствия дисциплины. Каждый бивуак кавалерийской части был полон лошадей, которые скакали взад и вперед без привязи. Каждая деревня была полна лошадей, которые часами простаивали на привязи, без корма, на солнце, в то время как их владельцы спали или присутствовали на митингах. Никто, казалось, не выполнял своей дневной работы, за исключением ротных поваров. Дороги вблизи фронта находились в позорном состоянии, и никто не пытался исправлять их, тогда как солдаты целыми днями купались и валялись на солнце. Ни один из виденных мною наблюдатель-

ных постов не был надлежащим образом укреплен, а многие из них не были даже достаточно укрыты. Большая часть автотранспорта была передана «делегатам», которые, повидимому, пользовались теперь приоритетом перед штабом и отделом снабжения. Большинство работников штаба было смещено незадолго до открытия военных операций. Все корпусные командиры и большинство дивизионных командиров были заменены в течение истекших трех месяцев...

Операции были отложены на два дня до прибытия военного министра, который вез с собой обращение Всероссийского совета рабочих и солдатских депутатов с призывом к войскам перейти в наступление. Керенский провел первый день в 11-й армии и встретил плохой прием во 2-й гвардейской пехотной дивизии, половина солдат которой отказалась выслушать его. В действительности, никто не знал, пойдет ли пехота в атаку; немногие из частей были настроены активно-матежно. Кавалерия и артиллерия были крепки...

За исключением немногих полков, пехота хорошо начала операции...

Однако продвижению сильно мешали отсутствие дисциплины и глупость солдат. Левому полку 16-й дивизии была поручена пассивная задача...

Наблюдательные посты были переполнены газетными корреспондентами, армейскими делегатами и бездельничавшими солдатами-зрителями, мешавшими офицерам работать...

В 2 часа пополудни я отправился в штаб седьмой армии, расположился в кабинете генерал-квартирмейстера и получал сведения об удачно разворачивающихся событиях. Все были в хорошем расположении духа, но после 3 часов пополудни картина начала меняться.

74-я дивизия не шла вперед и жаловалась на тяжелый артиллерийский огонь на ее левом фланге. Главнокомандующий, который был с Керенским, по телефону сообщил, что большое количество солдат этой дивизии уходило в тыл, и распорядился отправить всех имевшихся в наличии делегатов для поднятия их духа.

В настоящее время на «делегата» смотрят, как на универсальное средство от всех болезней, но он не дает и половины того эффекта, какой давали сапог и кулак фельдфебеля в прежние времена...

Это отступление можно объяснить только состоянием моральной подавленности пехоты. На солдат угнетающе действовал артиллерийский огонь, к которому они не привыкли, и в результате они продвинулись лишь настолько, насколько это позволяли разрушенные окопы неприятеля. Они потеряли большинство своих офицеров и не имели руководства в дальнейших действиях. Они знали, что дальнейшее продвижение связано с риском, тогда как отступать они могли, не боясь наказания. Закрепиться на новых позициях требовало много труда; по-

этому они отправились обратно к своим старым, уже готовым укреплениям.

81-й чешский пехотный полк деликом сдался VI корпусу и на следующий день с оркестром во главе зашагал через Тарнополь в тыл.

Двумя днями позже были опубликованы официальные сведения о русских потерях — 17 339 убитых, раненых и без вести пропавших.

...Начальник военной связи юго-западного фронта 1 июля руководил эвакуацией раненых из Козовы. Он сообщает, что в поезде с 850 раненых было только 15 настоящих раненых; остальные были ранены в руку, и он подозревал, что эти ранения были нанесены самими солдатами.

В ночь на 1 июля 19-я сибирская дивизия XXXIV корпуса, а также корпусной штаб были смещены II гвардейским корпусом. Части XII корпуса дали понять, что они не пойдут больше в атаку. С того момента седьмая армия не тронулась с места.

Итак, в результате недовольства только в этом корпусе продвижение всей одиннадцатой армии должно было остановиться на 3, 4 и 5 июля.

Моральное состояние и дисциплина. Керенский назначил в каждую армию комиссаров для поддержания дисциплины. Все эти люди — признанные революционеры. Большинство из них провело по нескольку лет на каторге. Комиссар одиннадцатой армии провёл 6 лет на каторге в Сибири, комиссар седьмой армии Савинков был главным организатором убийства великого князя Сергея Александровича и после этого жил в Швейцарии. Как тот, так и другой работают в полном контакте с командованием, пытаются восстановить порядок.

Я был поражен ужасным положением офицеров в одном из посещенных мною финляндских полков. Эти офицеры были почти мальчиками, которые только что пришли в армию из военных училищ. Все они стремились сделать все, что было в их силах, и немедленно становились объектами незаслуженных подозрений.

Недавно на северном участке фронта в окопы явилось несколько германских офицеров, и произошла неофициальная дискуссия на тему о причинах войны. Русские и германские офицеры, конечно, разошлись во мнениях; но один из русских солдат заявил, что он предпочитает мнение германского офицера мнению русского офицера. Уходя, германские офицеры сказали русским, что «поистине огорчены» за них, так как их «положение ужасно».

Польская дивизия была насех пополнена рекрутами-католиками из Волыни и Подолии. Дисциплина в ней была плохой, и солдаты в течение нескольких недель отказывались идти на фронт. Командир дивизии генерал Симон, хотя сам был поляком, просил о переводе его в русские войска, так как «ничего

не мог поделаться с поляками». Теперь в этой дивизии производилась чистка. Ротные командиры указывали комиссару тех солдат, от которых они хотели избавиться. Так например, один ротный командир сказал, указывая на одного из своих солдат: «Однажды ночью в походе я сбился с пути и заставил свою роту сделать крюк. Я услышал, как этот солдат сказал роту: «Господа, я предлагаю бросить эту сволочь в реку».

Командир 1-й гвардейской дивизии говорил мне, что его офицеры являются мучениками, переживающими ежедневные пытки. Несколько ночей назад командир одной из рот егерского полка ехал верхом рядом со своим отрядом, как вдруг его солдаты закричали из темноты, чтобы он слезал, так как они не понимают, почему «буржуй» должен ехать верхом, когда они идут пешком. После того как он спешился, солдаты немедленно начали совещаться, не лучше ли предоставить ему возможность ехать верхом, так как по прибытии к месту назначения он сумеет быстрее разместить их по квартирам. Он вторично сел верхом, и опять они потребовали, чтобы он слез. Такого офицера нельзя считать хорошим, но так или иначе, он только следовал примеру, установленному его начальством и состоящему в том, чтобы во всем уступать солдатам.

Нельзя избежать неприятного вывода, что война в России все больше и больше рассматривается, как вопрос второстепенной важности.

По сообщениям нескольких газет, генерал Клембовский, главнокомандующий северным фронтом, в недавно произнесенной в Риге речи заявил, что теперешнее наступление имело большую важность, так как зимняя кампания невозможна, и что в скором времени все участвующие в войне стороны начнут переговоры о мире.

Керенский усиленно работает в качестве военного министра, но его специальность — революция, и он еще не вполне понимает, что единственный путь вызвать революцию в Германии заключается в том, чтобы разбить ее армию на поле сражения. Даже будучи на фронте он уделяет половину своего внимания Стокгольму. 1 июля мимо его наблюдательного поста прошли первых трех захваченных германских пленных. Он послал спросить их не о том, какие части находятся на правом и левом флангах и в тылу германских войск, а к какой политической партии они принадлежат, и скоро ли будет революция в Германии. Они ответили, что не принадлежат ни к каким политическим партиям. Они ничего не знали о положении в Германии, но на фронте, где они находились в течение всей войны, не было никаких признаков революции.

За день до того, как мы отправились на фронт для наступления, я сидел в Бучаче с генерал-квартирмейстером седьмой армии, когда было объявлено о прибытии двух членов Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Они приехали

для выступления по двум вопросам: войны и мира и учредительного собрания.

В речи, произнесенной перед комитетом одиннадцатой армии, прапорщик Крыленко, социалист-антимилитарист, заявил, что он организовал в 13-м финляндском полку плебисцит по вопросу о пути, по которому Россия должна была бы следовать в трех возможных случаях:

- 1) если бы союзники отказались от всех требований аннексии, но Германия не отказалась бы от них;
- 2) если бы и союзники и Германия отказались бы оставить мысль об аннексиях;
- 3) если бы союзники продолжали настаивать на аннексиях, а Германия отказалась бы от них.

По его заявлению, ответом в каждом случае явилось «война», но в последнем случае «война против союзников».

Этот человек (Крыленко) спокойно размышляет о войне со всем миром. Он высказал убеждение в существовании тайных договоров между Англией и Германией.

Большинство офицеров приходит в трепет при мысли о четвертой зиме войны. Они часто цитируют замечание Гинденбурга о том, что на войне победит тот, у кого окажутся крепче нервы, и признают, что у русских раньше других не выдержали нервы.

Корнилов сказал мне, что считает наступление последним шансом и что экономическое положение России и развал железных дорог сделают невозможным продолжение войны в течение четвертой зимы. В связи с этим представляет интерес отчет американской железнодорожной комиссии по указанным вопросам.

Заслуживает упоминания мнение Игнатьева, который командует теперь 1-й гвардейской пехотной дивизией, способного человека и, вообще говоря, редкостного оптимиста. Он — младший брат графа Игнатьева, бывшего министра народного просвещения, а его отец был послом в Константинополе.

По мнению Игнатьева, мир существенно необходим для России, так как в противном случае в ближайшее время произойдет всеобщая резня. Продолжение войны ведет страну к экономическому краху. С самого начала крестьяне ненавидели войну, которая только в первый ее период пользовалась популярностью среди образованных классов общества. Он сказал: «Если бы вы теперь вышли на площадь и объявили о немедленном окончании войны при единственном условии возвращения Николая Романова, то все немедленно выразили бы свое согласие и прекратились бы всякие разговоры о демократической республике». (Я полагаю, что это верно. Революция явилась восстанием против гнета войны, а не протестом, как это сначала пыталась изображать английская пресса, против того половинча-

того воодушевления, с которым бывшее правительство вело войну.)

Я спросил Игнатьева, окажет ли пересмотр мирных условий какое-нибудь влияние на русское общественное мнение. Он сказал, что окажет на сознательных людей, но что солдатская масса только ищет предлога, чтобы спасти свою шкуру. Солдаты не принадлежат ни к партии большевиков, ни к партии меньшевиков; они просто шкурники чистой воды.

Я отметил, что если Германию не разобьют так, как она того заслуживает, то вся вина за это ляжет на Россию. Он согласился и заявил, что в этом случае, по его твердому убеждению, ни один иностранец не будет разговаривать с русским на протяжении последующих двадцати лет. Будь он на месте Англии, он постарался бы выбраться из войны, пока еще это было возможно.

На межсоюзной конференции, состоявшейся в Париже 25 и 26 июля, мы обсудили русский вопрос в связи с тревожными сообщениями из России. Было совершенно ясно, что Керенский и его правительство совершенно потеряли контроль над общим положением. Отмена смертной казни и, в значительной мере, неспособность офицеров накладывать какие-нибудь иные взыскания за недисциплинированность сделали борьбу с дезертирством и даже с неподчинением приказам невозможной. Но сомнительно, чтобы какие-нибудь взыскания могли еще восстановить дисциплину; возможно, что применение их привело бы к открытому мятежу. На самом деле, положение Керенского было отчаянным. Ему приходилось на фронте подтягивать и организовывать армию, которая быстро распадалась, превращаясь в беспорядочный сброд. Одновременно ему приходилось принимать меры против мятежей и бунтов в столице и вокруг нее. Большевики беспрестанно устраивали заговоры, чтобы подрывать его власть в те моменты, когда он считал ее окончательно установившейся. Был ли когда-нибудь другой человек в более опасном положении? Чтобы руководить и управлять в такой обстановке, требовался вождь с исключительной волей и решительностью. Керенский был гениальным человеком, но не был гением действия.

На парижской конференции британский представитель передал меморандум, содержащий следующие предложения по оказанию помощи России:

«Союзные правительства должны пойти на любые жертвы, чтобы удержать Россию в коалиции и путем предоставления ей поддержки во всех жизненных областях влить в ее правительство энергию, необходимую, чтобы любой ценой продержаться до конца...

Для выполнения этой программы Франция, Великобритания и Соединенные штаты — единственные державы, имеющие возможность действовать в России, должны незамедлительно прийти к соглашению о степени участия их в этой помощи.

Вопросы пропаганды внутри страны и финансово-эконо-

мической помощи подлежат компетенции заинтересованных правительств и не рассматриваются в настоящем меморандуме.

С точки зрения военно-экономической помощи представляется, что деятельность союзников может быть распределена между ними следующим образом: Англия займется военным флотом; Франция — армией; Соединенные штаты займутся реорганизацией транспорта.

В разрешении этой задачи по реорганизации России Япония, возможно, могла бы принять участие доставкой материалов и технических сил».

На военной конференции, созванной 26 июля, присутствовали генералы Кадорна, Робертсон, Першинг, Петэн и Фош. В их выступлениях указывалось на те серьезные последствия, которые, по их предположениям, будут иметь место, если Россия покинет дело союзников.

Крах России будет чреват следующими последствиями:

В политическом отношении. Он видоизменит политические цели Антанты. Поэтому рекомендуется, чтобы правительство немедленно обсудило и решило, какие новые цели должны быть выдвинуты.

В экономическом отношении. Он предоставит в распоряжение центральных держав огромные ресурсы России, особенно хлеба, и этим самым значительно снизит эффективность блокады.

В моральном отношении. Он приведет, особенно в отношении мелких союзников на Балканах, к глубокой депрессии, которая может заставить их искать сепаратного мира. Совершенно очевидно, что Румыния будет вынуждена разделить судьбу России. Более того, освободится некоторое количество турецких дивизий для увеличения сил, находящихся в распоряжении противника.

События в России двигались быстрыми шагами, слишком быстрыми, чтобы их можно было регулировать. В Петрограде возник кризис в связи с вопросом о признании автономии Украины, и четыре министра-кадета подали в отставку. В Петрограде происходили беспорядки и уличные бои. Влияние, оказываемое столичными новостями на фронтовые части, было потрясающим. Они бросали окопы, орудия и боеприпасы немцам, даже не пытаясь как-либо отразить немецкое наступление.

Когда происходило заседание Парижской конференции, на пути к нам находилось донесение нашего посла в Петрограде, которое содержало яркое описание дарившего там хаоса и начинавшихся беспорядков и мятежей, которым, хотя они и были временно подавлены, предстояло повториться и разрастаться до тех пор, пока последние остатки порядка и способности управления не погибли в море анархии.

Донесение сэра Джорджа Бьюкенена, датированное 23 июля 1917 г., описывает, как, узнав 16 июля об отставке четырех кадетов, членов правительства, он отправился к Терещенко, которого нашел больным в постели. Терещенко был возмущен и ворчал по поводу дезертирства кадетов во главе с Милюковым из-за украинского вопроса, в резуль-

тате чего распадалось коалиционное правительство. Но он, очевидно, не подозревал о буре мятежа и гражданской войне, которая была неизбежна в столице. Действительно, история, рассказанная в этом ярком письме, еще раз проливает свет на ту историческую истину, что успешные революции обычно являются следствием тупости лишенных воображения людей, обладающих властью, которые спорят между собой о ничтожном ремонте, обновлении и украшении государственного здания, когда все основание его качается и готово рухнуть. Терещенко беспокоился относительно Константинополя, Милюкова тревожил вопрос украинской автономии; а тем временем вся Россия была объята пламенем революции.

Письмо Бьюкенена продолжает повествовать о том, как в этот самый вечер грузовые и легковые автомобили, наполненные вооруженными солдатами и пулеметами, начали наводнять улицы Петрограда. Наконец, выстроилась длинная процессия.

«Она состояла из большого количества рабочих и из трех полков в полном вооружении, несущих плакаты с обычными надписями: «Долой десять министров-капиталистов», «Долой войну», «Дайте нам хлеба», и т. д. Большинство участников прошли через Марсово поле в город. Вскоре после этого мы услышали выстрелы за зданием посольства, и многие из толпы бросились бежать вниз по набережной. В течение большей части ночи во многих районах города происходила ружейная и пулеметная перестрелка. На нескольких автомобилях вооруженные солдаты поехали на Варшавский вокзал арестовать Керенского, но, к счастью, прибыли туда через четверть часа после его отъезда. Другие автомобили отправились в официальную резиденцию князя Львова, чтобы арестовать его и некоторых из его коллег, собравшихся там на совещание. Однако мужество изменило солдатам; хотя военная охрана отсутствовала, мятежные войска, получив приглашение войти и переговорить с министрами, заподозрели наличие какой-то ловушки и ограничились реквизицией автомобилей министров...»

Правительство держало наготове казаков, но не использовало их для активного восстановления порядка; улицы были заполнены толпами и войсками; между отдельными группами происходили столкновения. На следующий день положение приняло более мрачный вид в связи с прибытием нескольких тысяч матросов из Кронштадта, являющегося теперь рассадником большевизма. Произошла еще одна грандиозная демонстрация, и возникли новые уличные бои. По этому поводу Бьюкенен пишет следующее:

«Во вторник к вечеру я испытал настоящий страх по поводу того, что правительству придется капитулировать, так как оно по существу находилось во власти мятежных войск, у которых не оказалось, однако, ни капли храбрости и которые не имели надлежащего руководства. Положение спасли казаки и немногие войска, вышедшие на улицу для защиты правитель-

ства. Дело дошло до того, что Чернов, социалистический министр земледелия, подвергся грубому обращению со стороны мятежных войск и был временно арестован. Когда мы обедали, казаки атаковали кронштадтских матросов, собравшихся в сквере посольства, и обратили их в бегство. После этого казаки прошли вверх по набережной, но немного спустя попали под перекрестный обстрел и понесли тяжелые потери. Мы увидели нескольких лошадей без всадников, галопом несущихся обратно. Немного позже два казака, которые возвращались с пленником, подверглись нападению нескольких солдат под самыми нашими окнами и чуть не были убиты...

В донесении описывается, как эти беспорядки развивались в дальнейшем и как они постепенно были подавлены. Следующий день, среда, был сравнительно спокоен, а в четверг главные отряды мятежных войск были окружены. В пятницу произошли новые спорадические выступления, а затем воцарилось временное спокойствие. Бьюкенен отмечает тесную связь между этим мятежом и ходом германской кампании. Он пишет:

«...Русское отступление, как бы серьезно оно ни было, особенно если учесть, что русские бросали на поле сражения тяжелую артиллерию, пушки и военные припасы, обеспечило правительству полную поддержку Совета и социалистов, которые теперь предоставили правительству неограниченные полномочия искоренить недисциплинированность в армии и анархию в стране...»

Бьюкенен проявлял оптимизм — излишний, как показали последующие события, — полагая, что этот отпор большевикам будет иметь длительный эффект:

«В этой стране всегда было трудно заглядывать далеко вперед. Но, несмотря на сообщения с фронта, я смотрю на положение в целом с большей надеждой, чем некоторое время назад. Хотя промышленное, экономическое и финансовое положение продолжает оставаться серьезным, имеется все же перспектива постоянного правительства, хотя бы нам пришлось некоторое время ждать, пока мы будем иметь результаты деятельности нового правительства. До тех пор пока продолжала царствовать анархия, нельзя было надеяться на кардинальное улучшение положения; но восстановление порядка должно было благотворно отразиться на всех отраслях жизни нации...»

К несчастью, восстановление порядка было далеко от своего завершения. Не было устойчивого фундамента, на котором этот порядок мог быть восстановлен. Сцены дикого хаоса 16 и 17 июля, которые так ярко описал Бьюкенен, — никем не возглавляемые толпы,двигающиеся взад и вперед, восставшие войска, направляющиеся для ареста членов правительства, уличные бои и безответ-

ственные убийства — иллюстрировали положение вещей в России в то время. За исключением казаков, не было никаких вооруженных сил, на которые можно было бы рассчитывать в отношении выполнения приказов. У правительства не было человека, обладавшего достаточным авторитетом, широтой кругозора и твердой рукой, который нужен был для подавления восстания и для установления единства и порядка. Единственный человек в России, который был достаточно сильным для этой цели, был на другой стороне баррикады.

Бьюкенен ясно сознавал, как много в этом кризисе зависело от качества руководства, которое могло появиться на сцене.

В своем донесении Бьюкенен высказывает предположение о составе реконструированного правительства, и сопровождает свою информацию комментариями относительно отдельных лиц:

«Церетелли, повидимому, будет министром внутренних дел, но, как говорит мне Терещенко, он слишком большой идеалист для этого поста и вряд ли долго останется на нем. Некрасов, который будет выполнять функции председателя Совета министров в отсутствие Керенского, не внушает доверия, так как он слишком непостоянен и не один раз менял партии с целью улучшить свое личное положение. Его стремление — сделаться премьер-министром. Тем не менее он способный и сильный человек. Из социалистических министров наиболее влиятельными являются Скобелев и Чернов. Говорят, что первый слишком непостоянен и не очень умен, тогда как последнего считают очень способным, но совершенно ненадежным и незаслуживающим доверия. Вчера князь Львов рассказал моему приятелю, что он считает Чернова самым опасным человеком в революционном движении».

Зависть, соперничество и мелкие ссоры, царствовавшие в среде реформаторов, привели их на край пропасти. Неудивительно, что все они рухнули в нее и потянули за собой дело, которое они с любовью создавали. Как мало эти жирондисты, с подозрением относящиеся друг к другу, знали о действительно опасных людях, которые подстерегали их всех. У них создалось такое впечатление, что они уже покончили с Лениным. Они боялись только реформаторов в своей собственной среде. Чем способнее были эти реформаторы, тем больше недоверия они внушали. Они завидовали честолюбивым стремлениям Некрасова. Их приводили в панику социалистические проекты Чернова. И вскоре они были сломлены неумолимой делеустремленностью Ленина.

В заключение, наш посол сообщал о движении, которое предпринималось в России с целью установления ее будущего правительства по английскому образцу. Бьюкенен повторяет замечание князя Львова по поводу того, что раньше, чем закончится год, Россия будет иметь конституционную монархию. Это поразило Бьюкенена, как симптом той внезапной перемены в чувствах против радикального социализма, которую он надеялся увидеть. Он заключает свое донесение словами:

«Мы снова имели бы монархию в России, если бы только был подходящий кандидат на царский трон; но я не знаю никого, кто бы мог привлечь на свою сторону симпатии русского народа».

4 августа наш военный атташе писал:

«Если судить по теперешнему положению вещей, то страна движется прямо к развалу. За последние две недели не было предпринято никаких шагов к восстановлению престижа офицеров и дисциплины в тыловых войсках. До тех пор, пока в тылу не восстановят дисциплины и не заставят войска сражаться, невозможно принудить рабочих работать в железнодорожных ремонтных депо и в угольных шахтах. Если же они будут продолжать работать, как теперь, то зимой произойдет окончательный развал железнодорожного транспорта с неминуемым голодом в армии и в Петрограде.

В настоящий момент Керенский, обладающий магнетическим влиянием на министров, является единственным человеком, который еще не понимает необходимости дисциплины. Ни один из его непосредственных военных советников не является человеком с сильным характером. Социалисты предпочитают вести войну классовую, а не войну расовую.

Церетелли и другие думают, что они могут вести обе войны одновременно. Мы должны ясно заявить русскому правительству, что это невозможно».

6-го от него была получена вторая телеграмма:

«Один из офицеров генерального штаба жаловался, повидимому, на холодность отношения Англии. Он сказал, что наше мнение имеет больший вес, чем мнение любого другого союзника. Он предложил, чтобы в парламенте было заявлено о сочувствии России в ее затруднениях и одновременно дан тонкий намек, что, хотя мы готовы на любые жертвы для помощи России с сильным правительством, наш долг по отношению к нам самим и нашим другим союзникам может заставить нас усомниться в целесообразности оказания помощи правительству, которое медлит с принятием необходимых шагов для восстановления дисциплины».

5 августа генерал Корнилов, прекрасный солдат, в течение нескольких месяцев находившийся в опале за критику правительства, которое, по его мнению, не обладало твердостью в обращении с армией, был восстановлен в качестве главнокомандующего русскими армиями вместо генерала Брусилова.

У правительства Советов он не пользовался авторитетом. Оно рассматривало его скорее как контрреволюционера; но после назначения его на пост главнокомандующего нападки на него прекратились. Керенский согласился дать Корнилову полную свободу действий.

Сэр Виллиам Робертсон сказал, что он питает большие надежды на то, что это назначение приведет к восстановлению дисциплины и к возрождению русской армии. Однако, несмотря на это, из Петрограда продолжали поступать пессимистические сообщения, и нам говорили, что в 1917 г. бесполезно ожидать дальнейшей военной поддержки от России. С помощью технической железнодорожной миссии Соединенных штатов союзники пытались реорганизовать русские железные дороги, так как транспортные затруднения в России были, повидимому, одной из главных причин ее бедствия. Но русский темперамент не способствует или, по крайней мере, не способствовал в те дни деловой постановке работы. Выяснилось, что миссия по независимым от нее причинам не была в состоянии справиться с положением.

На межсоюзной конференции 8 августа русский вопрос был внесен на обсуждение; русскому правительству была отправлена нижеследующая телеграмма:

«Представители Союзных правительств, собравшиеся в Лондоне 7 августа, с самой искренней симпатией приветствуют смелую попытку реорганизации, которую Временное правительство и его глава проводят в России.

Они с удовлетворением отмечают, что в этот трагический час все силы России сплотились вокруг правительства для укрепления его мощи и что народная воля, которая с каждым днем выражается все в более и более определенных формах и через посредство более совершенного представительства, громко заявляет о необходимости национальной обороны.

Они шлют свои самые сердечные приветствия г. Керенскому и его коллегам и выражают твердую уверенность в том, что их правительство справится с положением и восстановит жесткую дисциплину, которая безусловно необходима. Только с помощью дисциплины русская армия в равной степени обеспечит народную свободу, честь нации и осуществление целей войны, общих для всех союзников».

Тем не менее 7 сентября военный кабинет вновь обсудил положение и рассмотрел просьбу о присылке вооружения для России. Члены кабинета решили, что «снабжение оружием являлось частью общего вопроса о том, должны ли мы продолжать поддерживать Россию, несмотря на отсутствие дисциплины в русской армии и тяжелое экономическое положение России». На этом же совещании кабинета генерал Шокс, только что вернувшийся из России, сделал доклад о положении вещей в этой сумасшедшей стране.

Он сообщил следующее:

«...Существуют три мощные силы, стремящиеся заставить русских заключить сепаратный мир.

Огромная масса солдат не хотела воевать. Они не хотели воевать до революции, но их принуждали к этому офицеры.

До революции случаи нарушения дисциплины были редки; теперь они стали обычны.

Во-вторых, рабочие предъявляют колоссальные экономические требования к предпринимателям. Английские фабриканты закрывают фабрики и уезжают. В скором времени ожидают всеобщего локаута. Рабочие, повидимому, имеют достаточные сбережения, которых хватит на месяц. После этого наступит состояние анархии. Правительство неоднократно обещало организовать милицию, т. е. полицейский корпус в Петрограде и Москве, но до сих пор ничего не было сделано.

Третьей силой являлась разруха на железнодорожном транспорте. На Кавказе имелись громадные излишки зерна, но установленные цены на хлеб не были так высоки, чтобы соблазнить крестьян расстаться со своим зерном. Но их не привлекала продажа за наличный расчет и по высоким ценам. Они предпочитали обменивать зерно на товары, в которых они действительно нуждались, как например, на сельскохозяйственные орудия и на мануфактуру. Для получения зерна необходимо было применять силу. Урожай в волжских губерниях был низкий, а доставка хлеба с Северного Кавказа и из Западной Сибири была очень затруднительной из-за плохого состояния подвижного состава. В июне 1916 г. 18% паровозов находились в ремонте; в июне 1917 г. — 24%; количество выбывающих из строя паровозов возрастало на 2% каждую неделю. Среднее число рабочих дней, проработанных в некоторых ремонтных депо за месяц, составляло только 13.

На вопрос о том, насколько вероятен государственный переворот с генералом Корниловым во главе, генерал Нокс ответил, что ему неизвестно, производится ли в этом направлении приготовления. Когда он 18 августа уезжал из России, Корнилов и Савинков действовали заодно.

Корнилов был человеком сильной воли и лучшим из всех имевшихся в виду кандидатов. Он пользовался поддержкой казаков, которых насчитывалось до 1000 эскадронов по 150 человек в каждом. Генерал Нокс не верил в Керенского... Керенский боялся пролития крови и позволял событиям плыть по воле волн — к анархии. Вооруженной силой 10 тысяч солдат, оставшихся верными правительству, было бы достаточно, чтобы подчинить Петроград, являвшийся главным источником беспорядка. Если бы Керенский предложил сепаратный мир, он несомненно имел бы огромное большинство населения за собой. Что же касается некоторых видных русских генералов, то Алексеев был военным теоретиком и не годился в момент кризиса; Брусилов был политиком; Каледин, командующий восьмой армией, являлся одним из лучших генералов и был выбран донскими казаками своим начальником.

В заключительной части своего сообщения генерал Нокс усиленно настаивал перед военным кабинетом на необходимости того, чтобы союзные правительства обратились с объеди-

ненным представлением к русскому правительству, советуя ввиду отчаянного положения России и угрозы демократии оказать генералу Корнилову полную поддержку в тех мероприятиях, которые он хотел провести для восстановления дисциплины на фронте, на железных дорогах и в Петрограде».

Тем временем, пока принимались эти решения, между Керенским и Корниловым возникла открытая ссора. Корнилов был возмущен медлительностью Керенского в предоставлении ему полномочий, включая восстановление смертной казни за неисполнение приказов, и сдался на утешения предпринять попытку провозгласить себя военным диктатором. Керенский потребовал от Корнилова отставки, но последний, убежденный в поддержке командиров всех частей на западном фронте, поднял знамя восстания и обратился к народу с призывом, заканчивавшимся следующими словами:

«Я даю вам мое честное слово офицера и солдата и заверяю вас еще раз, что я, генерал Корнилов, сын простого казака-крестьянина, всей моей жизнью, а не только словами, доказал неослабную преданность моей стране и свободе; что я против всех контрреволюционных планов и стою на страже завоеванных нами свобод, желая только, чтобы великий русский народ продолжал быть независимым».

Восстание Корнилова потерпело неудачу. Если бы ему удалось установить военную диктатуру, то, учитывая полный развал армии, более, чем сомнительно, чтобы эта диктатура могла быть полезной союзникам. Но по существу это было движением против Керенского, и по этой причине союзники оказались в щекотливом положении. Создавшееся положение обсуждалось в кабинете 12 сентября.

«...Члены кабинета считали, что, хотя британскому правительству было трудно влиять на создавшееся положение дел в России, без того чтобы не быть заподозренным в поддержке Корнилова, все же важно, в интересах союзников и демократии вообще, сделать попытку улучшить положение. В то время сознавали, что любые шаги в этом направлении должны быть предприняты через посредство г. Керенского, так как он был представителем существующего правительства. Было выдвинуто предложение информировать его о том, что британское правительство с величайшей тревогой рассматривает возможность гражданской войны и настоятельно советует ему прийти к соглашению с генералом Корниловым не только в интересах самой России, но и в интересах союзников».

Однако события избавили нас от задачи выбирать между Керенским и Корниловым, так как Корнилов был объявлен изменником и арестован. Но сам Керенский говорит, что, хотя восстание Корнилова было подавлено, оно потрясло авторитет правительства и ослабило его настолько, что дало большевикам, которые летом потерпели временную неудачу, нужный для них шанс.

В революционные времена люди с темпераментом Керенского обречены на неудачу. Они не могут совместить идею с действием. Государственные деятели, которые колеблются в спокойное время, часто благодаря этому приобретают репутацию умеренных и проницательных политиков. Но во время смуты они являются национальным бедствием.

Было ясно, что Россия как боеспособная сила распадалась на части. Австрийским военнопленным разрешали бжать и возвращаться на их передовые позиции; большие количества русских солдат дезертировали, а в октябре мы узнали, что происходило расформирование 59 русских дивизий третьей линии обороны.

Положение теперь быстро ухудшалось. К ноябрю в Петрограде преобладала анархия, а в Москве происходили жестокие бои. Пришли известия о том, что «Керенский пытался сам командовать тремя слабыми дивизиями казаков поблизости от Царского Села, которое было занято большевиками». Телеграмма добавляла: «Поведение Керенского казалось достойным сожаления и давало мало надежды на его успех».

Ленин, будучи решительным человеком, отправился в поход на Петроград и 7 ноября с величайшей легкостью сбросил правительство Керенского. Керенский не оказал никакого сопротивления. Большевики оказались у власти.

22 ноября военный кабинет обсуждал вопрос об их признании:

«...Трудность заключалась в том, что любой официальный шаг, открыто направленный против большевиков, мог только укрепить их в решимости заключить мир и мог быть использован для раздувания антисоюзнических настроений в России, и мы сами нанесли бы удар тому самому делу, во имя которого мы действовали. К тому же мы ничего не знали о действительном положении, и в этот момент ничто не могло укрепить нас в решении оказать поддержку генералу Каледину или какому-либо другому лидеру партии закона и порядка».

26 ноября от генерала Нокса прибыла телеграмма, гласившая, что независимо от того, что могло бы предпринять русское правительство, русские войска на фронте настаивают на перемирии. «Совершенно ясно, — сообщал Нокс, — каковы бы ни были политические события в России, основной костяк русской армии отказывается продолжать войну».

Сотрудничество между Россией и остальными союзниками пошло ко дну с отказом большевиков выполнять лондонское соглашение 1914 г. Русские требовали освобождения Чичерина и Петрова, которые были интернированы в Англии, и угрожали репрессиями против британских подданных в России в случае неудовлетворения этих требований. Наши отношения с Россией становились чрезвычайно сложными и трудными. Будь вся Россия под властью большевиков, наш курс был бы ясен. Мы вели бы с ними переговоры, как с русским правительством *де факто*. Будь большевистские лидеры правительством *де факто*, мы не могли бы объявить им войну

или поддерживать восстание против их власти, исходя из того, что они заключали мир с Германией. Но вне городов — да и они не все были большевистскими — большевики не имели власти. Те части России, которые еще не подпали под влияние большевиков, представляли собой ее житницы и ее нефтеносные районы. Для нас было исключительно важно, чтобы эти ресурсы не попали в руки немцев. Затруднения, которые я и Бальфур испытывали, убеждая членов правительства установить какие-либо отношения с Петроградом, которые могли бы привести к признанию большевиков, возрастали. Существовал неподдельный страх перед тем, что признание будет связано с допущением в союзные страны стаи большевистских агитаторов и заговорщиков для раздувания революции.

Кабинет рассматривал создавшееся положение 29 ноября. Наркоминдел обратился 27 ноября к военным атташе союзных держав с нотой, в которой указывал, что русские стремятся к заключению общего, а не сепаратного перемирия, но что им придется, быть может, согласиться на сепаратное перемирие, если их к этому вынудят союзники своим отказом вступить в переговоры. Если союзные правительства откажутся признать большевиков, последние обратятся к народам союзных стран через голову их правительств. Сэр Джордж Бьюкенен настаивал на том, чтобы немедленно был дан ответ на это «наглое обращение». В этом ответе, по мнению Бьюкенена, следовало указать, что предложение русских о всеобщем перемирии поступило в британское посольство через девятнадцать часов после того, как главнокомандующий начал переговоры с неприятелем, и что союзники намерены продолжать войну до того, как будет заключен прочный мир. Сэр Бьюкенен, далее, настаивал перед правительством, что при создавшемся отчаянном положении следовало освободить Россию от ее обязательств по отношению к союзникам и предоставить ей возможность действовать по собственному усмотрению, т. е. решить вопрос о том, купить ли мир ценой уступок Германии или продолжать войну совместно с союзниками. Сэр Бьюкенен советовал вести такую политику, которая сделала бы невозможным для большевиков упрекать союзников в том, что они вели русских солдат на бойню во имя своих империалистических целей. В телеграмме, отправленной на имя начальника имперского генерального штаба, британский военный атташе в Яссах предлагал направить в штаб Каледина аккредитованную по всем правилам французскую и британскую военную миссию в том случае, если бы оказалось, что казакский генерал Каледин благожелательно настроен по отношению к союзникам. Тот же британский атташе предлагал гарантировать Каледину финансовую помощь в пределах 10 миллионов фунтов стерлингов и, наконец, предлагал предоставить британской миссии право действовать, не дожидаясь инструкций из Англии.

Военный кабинет был уведомлен, что британская цензура задержала обращение, направленное от имени НКИД послам Норвегии, Голландии, Испании, Швеции, Швейцарии и Дании, в котором предлагалось социалистическим и рабочим организациям этих стран оказать давление в пользу заключения мира.

Некоторые члены военного кабинета вняли аргументам против политики тесного сотрудничества с Калединым: они желали получить более полную информацию о положении вещей в России. Были предприняты шаги, чтобы получить такую информацию, но результатов еще не было. О самом Каледине было известно мало; были признаки и того, что казаки не хотели воевать. Генерал Баллард признавал, что программа сотрудничества с Калединым не внушала особых надежд, и осуществление ее могло окончательно толкнуть русское правительство в объятия Германии. Разумно было подождать некоторое время и узнать об условиях мира, которые предложит Германия. Эти условия могли открыть глаза русскому народу, что такое германский мир.

Другими возможными путями были принятие предложений Бьюкенена или дальнейшее выжидание в надежде, что положение выяснится. Во всяком случае, решение вопроса должно было быть представлено на усмотрение конференции, заседавшей тогда в Париже.

Но в тот самый день, когда кабинет обсуждал эти вопросы, Германия приняла предложение Ленина о перемирии, и русские делегаты перешли через германский фронт.

Перемирие коренным образом изменило положение западного фронта, и притом к ущербу для союзников. До подписания перемирия австро-германцы не могли перебросить значительной части своих войск с восточного фронта. Некоторые из их лучших офицеров и солдат были переброшены на западный фронт, чтобы восполнить урон, нанесенный кровопролитными боями, а на восточный фронт отправлены худшие части, и лишь в редких случаях были переброшены на запад целые дивизии. Все еще существовали сомнения в боеспособности русской армии. Было известно, что правительство Керенского делало значительные усилия, чтобы поднять боевой дух армии, и никто не мог предсказать с уверенностью, в каком направлении произойдет переворот. Немцы не могли рисковать, не зная, что возникнет из хаоса.

Попытки Керенского восстановить дисциплину в армии заставляли их колебаться в течение многих месяцев. В этом заключалась действительная помощь, которую Керенский оказал союзникам. Но как только Керенский был устранен и его место заняли люди более решительные, не могло быть сомнений в том, что Россия намерена покинуть союзников. Франции, Англии и Италии приходилось иметь дело с новым и исключительно опасным положением. Держава, которая в течение трех лет принимала на себя удар миллионов лучших солдат и тысяч пушек центральных держав, окончательно выбыла из числа воюющих государств. К концу ноября силы немцев на западном фронте возросли с 150 до 160 дивизий. Другие дивизии ожидали только транспортных средств.

На объединенной конференции союзных держав, начавшейся в Париже 30 ноября, я сообщил представителям других союзников предложение, выдвинутое сэром Джорджем Бьюкененом. Оно заключалось в том, чтобы союзники —

«освободили Россию от обязательства по Лондонскому договору не заключать сепаратного мира и чтобы союзники указали русскому народу, что, понимая, как русские утомлены войной и как Россия испытывает результаты дезорганизации, вызванной великой революцией, союзники предоставляют России самой решить вопрос о том, следует ли ей купить мир ценой уступок Германии в согласии с условиями, продиктованными последней, или продолжать борьбу вместе с союзниками, которые исполнены решимости не складывать оружия, пока не будут получены гарантии прочного мира для всего человечества».

После продолжительной дискуссии, во время которой г. Клемансо заявил, что заключением сепаратного мира Россия предаст союзников и что если бы даже «г. Маклаков и все силы небесные просили его освободить Россию от данного ею слова, то и тогда он отказал бы в этом», было составлено несколько проектов обращения к русскому народу. По вопросу о предложении Бьюкенена о союзной декларации, освобождающей Россию от ее слова, я предложил, чтобы каждая из союзных держав уполномочила своего посланника уведомить Россию о готовности союзных правительств подвергнуть обсуждению цели войны. Каждому посланнику должно было быть предоставлено право избрать тот способ оповещения, который ему представится наилучшим. Я указал, что ввиду выхода России из войны стоило обсудить цели войны. Например, могла идти речь о целях, которые ставила в войне Россия. Россия стремилась ранее к установлению своего контроля над Константинополем, Босфором и Дарданеллами. Какой смысл теперь говорить об этом? Еще менее можно было разговаривать о присоединении к России Буковины. Поэтому мы не могли отказываться от пересмотра наших военных дел. В данный момент Россия стояла на пути к заключению сепаратного мира с Турцией на любых условиях. Было решено, что представители великих держав, участвовавших в подписании лондонского договора от 4 сентября 1914 г., и держав, впоследствии присоединившихся к этому договору, объявят, что они готовы присоединиться к пересмотру целей войны и возможных условий справедливого и прочного мира совместно с Россией, как только в России будет создано нормальное правительство, имеющее право говорить от имени русского народа.

Нам предстояло далее решить, каково будет наше отношение к новому правительству России, которое в лучшем случае займет в дальнейшем положение нейтральной страны в войне между союзниками и Германией.

Проблема, с которой столкнулись союзники и в частности британское правительство, была чисто военной проблемой. Внутренние политические затруднения России нас как таковые не касались. С военной точки зрения нас интересовал вопрос о том, как наилучшим образом помешать Германии в захвате ею продовольствия и сырья из богатых зерном и нефтью провинций России, которые

оказались бы доступны германскому оружию в случае проникновения германских войск на Дон и богатый Кавказ. По этим причинам, а отнюдь не из антикоммунистических соображений решили мы оказать поддержку тем лояльным по отношению к союзникам элементам в России, в руках которых находился контроль над этими областями. Если центральным державам удалось бы захватить богатые запасы русской пшеницы и нефти, столь необходимые им для продолжения войны, война могла бы затянуться на долгие годы. Мы понимали, что это был для Германии и Австрии вопрос жизненной необходимости — от этого на самом деле зависел успех или поражение Германии, — и мы были убеждены в том, что необходимо принять все меры, чтобы отрезать неприятелю возможность использовать указанные запасы. Военный кабинет поэтому обсуждал вопрос о необходимости организовать силы сопротивления внутри России. Мы рассматривали вопрос о мерах содействия антигерманским частям, которые существовали в отдельных частях России. Трудно было осуществить это, не создавая представления о том, что мы ведем войну против создавшегося в Петрограде большевистского правительства.

Я имел по этому поводу ряд встреч с министром иностранных дел, и мы пришли к соглашению о том, какой политики нам следовало придерживаться. Так как среди членов правительства были лица, готовые занять резко антибольшевистскую позицию, и так как г. Бальфур не мог принять участие в следующем заседании, на котором должно было быть принято определенное решение, я очень стремился к тому, чтобы его личные взгляды могли быть доведены до сведения его коллег. Я поэтому просил его изложить те выводы, к которым мы совместно пришли, в специальном меморандуме для кабинета. Этот меморандум (приводится ниже) принадлежит к числу самых блестящих документов, составленных г. Бальфуром.

«ЗАМЕТКИ О ПОЛОЖЕНИИ В РОССИИ»

Так как мне, возможно, не удастся принять участие в завтрашнем заседании кабинета, я прошу кабинет рассмотреть следующие положения.

В центре нашего внимания должны быть следующие вопросы:

- 1) вопрос о безопасности нашего посольства в Петрограде и безопасности британских подданных в России;
- 2) вопрос об интересах Румынии и о румынской армии;
- 3) вопрос о том, каким способом добиться возможного уменьшения тех выгод и преимуществ, которые Германия должна почерпнуть из распада русской армии как боевой единицы.

Все эти вопросы связаны между собой, но я постараюсь рассматривать их раздельно.

1. Наибольшая опасность для сэра Джорджа Бьюкенена

и для Британской колонии проистекает из возможности насильственных действий черни, взволнованной антибританской пропагандой. Единственной подлинной гарантией против этого может быть либо создание сильного и склонного к порядку правительства в России, либо перевод всех англичан, занимающих и не занимающих официальные посты, в такую страну, где они могут рассчитывать на полную безопасность.

Мы не в состоянии предпринять ничего, что могло бы способствовать достижению первой цели. Второе не может быть достигнуто, если нам не удастся: а) получить необходимые перевозочные средства через Швецию или какой-либо порт на севере России и б) приобрести содействие (пусть в самой ограниченной степени) тех лиц, которые в настоящее время находятся во главе правительства в Петрограде.

Вопрос о транспорте вряд ли относится к компетенции министерства иностранных дел, но вопрос о том, как избежать активного недоброжелательства со стороны большевистской партии, в свою очередь поднимает ряд дипломатических вопросов.

В прошлую пятницу на заседании кабинета указывалось, что после недавних выступлений большевиков они должны считаться определенными и открытыми врагами и что отказ относиться к ним, как к врагам, указывает лишь на достойную сожаления неспособность некоторых смотреть фактам в лицо и вести реальную политику.

Я совершенно несогласен с этой точкой зрения и считаю ее основанной на непонимании подлинного положения вещей. Если в данный момент большевики проявляют особую жестокость в своей политике по отношению к Британской империи, то это происходит потому, что они считают Британскую империю величайшим препятствием на пути к заключению сепаратного мира; но они являются фанатиками, для которых неприемлема организация всякого государства, монархического или республиканского. Большевики обращаются ко всем революционным элементам — в области экономической, социальной, расовой или религиозной, — которые могут быть использованы для подрыва существующих политических устоев человечества. Призывая к восстанию магометан в Индии, они в то же время еще более стремятся разжечь революцию в Германии.

В противоположность мнению некоторых моих коллег, я твердо убежден, что нам выгодно избегать как можно дольше открытого разрыва с этими мечтателями. Если эту политику назовут «плаваньем по воле волн», то я оказываюсь сторонником того, чтобы намеренно предоставить себя воле стихии. В дальнейшем я останавлиюсь на том, почему эта политика соответствует нашим интересам с более общей точки зрения; но стоит указать, почему она выгодна нам и с точки зрения непосредственных задач — обеспечения безопасности Бьюкенена и Британской колонии. Я лично держусь того мнения, что кабинет должен изменить решение, принятое некоторое время

назад, и должен выслать в Россию двух интернированных русских подданных*, судьба которых, повидимому, так интересует правителей России. Я не был в Англии, когда было принято решение об их задержании, и я не вполне осведомлен о мотивах этого решения. Несомненно эти мотивы были основательны. Но я уверен, что мы можем теперь с выгодой для себя отправить этих двух людей назад в Россию, где, судя по местным масштабам, их взгляды покажутся взглядами людей умеренных и здравомыслящих.

Я уже дал сэру Джорджу Бьюкенену инструкции полностью воздерживаться от каких-либо действий, которые могут быть поняты, как необоснованное вмешательство в дела страны, где он аккредитован, и я не в состоянии придумать что-либо другое для обеспечения его безопасности.

2. Что касается румынской армии, то в этой области события шли с поразительной быстротой. Все, что можно было сделать для того, чтобы дать румынской армии возможность присоединиться к тем силам в России, которые готовы вести борьбу дальше, все это было сделано; но, повидимому, таких сил нет, и румынская армия из военных соображений вынуждена согласиться на перемирие или, точнее, на прекращение военных действий на своем участке фронта...

3. Я уже подчеркивал, что, с моей точки зрения, мы должны стараться избежать открытого разрыва с большевиками и тем самым предотвратить возможность перехода на сторону неприятеля. В пользу этой политики есть и более широкие соображения, нежели вопрос о безопасности британской колонии в России. Эти соображения представляются в следующем виде:

Я считаю совершенно несомненным, что большевики в течение остающегося периода войны не будут более вести войны ни с Германией, ни с какой-либо другой державой. Но если нам удастся воспрепятствовать тому, чтобы они помогали Германии, мы уже достигнем многого для себя, и этой цели мы должны посвятить свои усилия.

Германия может извлечь для себя выгоды из выхода России из войны в двух направлениях. Первое: она может усилить численность своих войск на других фронтах путем переброски войск с русского фронта и путем возвращения германских военнопленных из России. На то, чтобы нам удалось помешать этому, надежды мало, и я не буду на этом более останавливаться. Второе: Германия может получить возможность использования значительных потенциальных ресурсов России и сломить союзную блокаду. Я не уверен, что выгода от этого не представляется более значительной, чем первая, и этот вопрос был изучен до сих пор еще в недостаточной степени. Что касается нефти, то мы должны знать, какие транспортные средства, имеющиеся в Черном море, находятся

* Чичерина и Петрова.

в распоряжении Германии и в какой степени мы можем рассчитывать на противодействие немцам со стороны антибольшевистских элементов на Кавказе. Что касается зерна, то затруднения для немцев возникнут, главным образом, насколько я могу предполагать, в связи с хаотическим положением в стране, с дезорганизацией всех видов транспорта и решимостью русских использовать свои продукты для своих собственных нужд.

Если мы толкнем Россию в объятия Германии, мы ускорим организацию России по германскому образцу с помощью германских чиновников. Ничего не было бы для нас более роковым, кажется мне, и с точки зрения непосредственных задач в войне, и с точки зрения наших дальнейших взаимоотношений с Германией после войны.

Хотя Россия и не в состоянии продолжать войну, ее завоевать нелегко. Без активного содействия со стороны самих русских германские войска (даже если бы у Германии имелись лишние войска) не могут проникнуть на сотни километров вглубь этой обширной страны. Простое перемирие между Россией и Германией в течение еще многих месяцев не поможет удовлетворению германских нужд за счет снабжения из России. Мы должны постараться, чтобы этот период затянулся возможно дольше, и ничто не было бы более роковым, как политика, которая дала бы русским повод приветствовать в своей среде германских чиновников и германских солдат как друзей и освободителей.

А. Дж. Бальфур.

9 декабря 1917 г.»

Я энергично поддержал мудрые предложения, содержащиеся в приведенном документе. Предложения г. Бальфура были неприемлемы для некоторых членов правительства, но в конце концов кабинет решил, что правительство его величества заинтересовано не столько в том или ином составе русского правительства и не столько в тех или иных притязаниях большевиков или других русских политических партий, сколько в том, какое значение имеет позиция тех и других по отношению к нашему конфликту с центральными державами. Это была та политическая линия, которой мы держались при царе, и у нас не было оснований отходить от нее. Нашей основной целью во время революции должно было быть:

а) если возможно, удержать Россию на нашей стороне в войне вплоть до осуществления наших общих военных целей;

б) если первое не могло быть достигнуто, обеспечить, чтобы Россия помогала нам, поскольку это было возможно, и наносила посильный ущерб неприятелю. С этой целью мы должны были стремиться к тому, чтобы условия мира, который Россия могла заключить с неприятелем, создали в России предрасположение в нашу пользу.

Если бы эта политика оказалась успешной, она могла бы пре-

дупредить наихудшие последствия выхода России из войны. Трудно было предсказать, сколь укрепятся большевики, и как долго они продержатся у власти; но если, как казалось вероятным, они сохранят превосходство лишь в течение нескольких месяцев, эти месяцы могли оказаться решающими, и политика, которая могла бы без всякой необходимости превратить их в наших врагов, толкнула бы большевиков в объятия Германии. В этот момент были признаки того, что через несколько дней, когда будут закончены выборы в Учредительное собрание, большевики окажутся у власти не только *де факто*, но и в качестве законного (конституционного) правительства в значительной части страны, хотя и не во всей России.

В этой связи рассматривали мы полученные от британского посольства в Петрограде сообщения. Посольство извещало нас об условиях шестимесячного перемирия, предложенного большевиками, и указывало, что в официальной прессе наступил заметный поворот: впервые за несколько недель нападки на союзников прекратились.

В «Таймсе» в этот день появилось сообщение о том, что Германия поставила следующие условия:

- а) передача Германии на 15 лет контроля над русским рынком пшеницы;
- б) беспограничный ввоз в Россию всех германских товаров;
- в) отказ от эвакуации всех территорий России, занятых германскими войсками.

Посольство обращало наше внимание на телеграмму от 5 декабря 1917 г., отправленную начальнику имперского генерального штаба. В этой телеграмме излагалась неофициальная беседа с большевистским главнокомандующим Крыленко, в которой Крыленко заявил, что он издал приказ, чтобы все соглашения о перемирии содержали оговорку о недопустимости переброски войск с одного фронта на другой. Казалось, что Крыленко стремится произвести возможно более благоприятное впечатление на союзных офицеров. Крыленко осуществил все сделанные ему предложения об охране союзных офицеров и их семейств.

Чтобы избежать задержки в России британских подданных на неопределенный срок, британским правительством было принято решение предоставить всем интернированным в Англии русским, невиновным в нарушении британских законов, право вернуться в Россию.

Кабинет внял совету посла и освободил Чичерина и Петрова. Заключение мира между Россией и Германией несколько затянулось. 22 декабря 1917 г. русские выдвинули предложения о всеобщем мире, которые могли служить предметом обсуждения. Эти предложения заключались в следующем:

- 1) отказ от аннексии территорий, занятых во время войны;
- 2) полное восстановление независимости наций, потерявших ее во время войны;
- 3) нации, ранее не имевшие самостоятельности, получали право

решить с помощью плебисцита, остаются ли они частью других государств или приобретают независимость;

4) обеспечение прав национальных меньшинств на территориях, населенных несколькими национальностями;

5) отказ от военной контрибуции при одновременном возврате реквизированного по праву войны имущества;

6) применение тех же принципов к колониальным приобретениям (русские порицали ведение экономической войны).

Австрийский премьер граф Чернин, отвечая на русские предложения, произнес речь, в которой принимал предложение о всеобщем мире и на словах как будто бы выражал согласие со всеми теми целями, за которые мы боролись. Более тщательный анализ речи показал, что она оставалась неясной и двусмысленной. Хотя в речи предусматривались все наши основные требования, ни одно из них не было полностью разрешено. Раньше чем приступить к разрешению практических деталей, необходимо было установить, какое содержание вкладывалось в сделанные Черниным заявления. Начать переговоры на основе неопределенных формулировок, содержащихся в речи государственного деятеля страны, которая не могла разрешить вопрос о войне и мире, было бы равнозначно тому, чтобы мы предприняли дальнюю прогулку по незнакомой местности и притом в тумане. Германия молчала. Мы должны были поэтому подойти к рассмотрению вещей вполне реальных. Это мы могли сделать, заявив откровенно и ясно, каковы наши цели войны. Я пришел к выводу, что время для этого наступило. Та интерпретация неопределенных заявлений Чернина, которая содержалась в последующих речах германских государственных деятелей и военных, а также практическое осуществление этих заявлений в Брест-литовском договоре вполне оправдывали нашу осторожность.

21-го числа мы вновь обсуждали положение. Было решено направить лорда Милнера и лорда Роберта Сесила в Париж на совещание с французским правительством по вопросу о позиции, которую Англия и Франция должны занять по отношению к России в связи с предложениями большевиков о мире. После тщательного обсуждения кабинетом вопроса о той политической линии, которой следует держаться нашим делегатам, последние представили следующий меморандум, который они предлагали передать французам:

«В Петрограде союзники должны немедленно вступить в сношения с большевиками через посредство неофициальных агентов. Каждая из союзных стран при этом должна поступить так, как считает наилучшим.

Мы намерены дать сэру Джорджу Бьюкенену отпуск по состоянию здоровья и сохранить в Петрограде поверенного в делах. Мы не предлагаем союзникам следовать нашему примеру. Продолжительное пребывание Бьюкенена в Петрограде раз и навсегда связало его в представлении большевиков с политикой кадетов, и в их глазах он занимает место, сходное с тем, которое занимает, скажем, г. Милюков.

Мы должны указать большевикам, что мы не желаем вмешиваться во внутренние дела России и что было бы глубокой ошибкой думать, что мы содействуем контрреволюции. Подобная политика могла бы привлечь самодержавные правительства Германии и Австрии, но не западные демократии или Америку. Но мы считаем необходимым поддерживать связь с Украиной, Финляндией, Сибирью, Кавказом и т. д., так как эти полуавтономные области представляют значительную часть Российской державы. В частности, мы считаем нужным установить дружественные отношения с Украиной, так как от Украины зависит снабжение румынской армии, с которой мы связаны обязательствами чести.

Что касается вопроса об участии в войне, то мы должны избегать всяких выражений или действий, которые могут быть интерпретированы как согласие на предательство русских, начавших переговоры с нашими врагами. Но мы должны неоднократно повторять нашу готовность согласиться с принципами самоопределения народов и под этим условием с принципом отказа от аннексий и контрибуций. Мы должны обратить внимание большевиков на то, что для них важно не довериться пустым обещаниям Германии, и указать большевикам, что, если они не получат от Германии определенных обязательств в отношении Польши, Чехии, румынских частей Трансильвании, не говоря уже об Эльзас-Лотарингии и Трентино, они ничего не добьются. Между тем силы сопротивления большевиков тают, и вскоре они окажутся, если уже не оказались, в полной зависимости от германского императора, который тогда посмеется над всеми великолепными фразами большевиков и принудит их к принятию тех условий, которые он сам установит. Большевикам нужно сказать, что, повидимому, уже поздно пытаться спасти кадры армии. Но артиллерию следует сохранить, и во всяком случае следует воспрепятствовать тому, чтобы артиллерия попала в руки наших врагов, которые используют ее против западной демократии. Важнее всего было бы со стороны большевиков воспрепятствовать, если возможно, тому, чтобы хлебопроизводящие области России, и в частности Украина, подпали под влияние или контроль центральных держав. Это еще одна причина того, почему мы стремимся поддержать и укрепить положение украинцев и почему мы должны побудить большевиков к тому, чтобы они не стремились силой преодолеть сопротивление украинцев, а напротив, наладить с ними тесное сотрудничество.

На юге России нашей главной задачей должно быть, насколько возможно, спасение Румынии. Далее мы должны стремиться к тому, чтобы воспрепятствовать поступлению русского продовольствия в Германию.

Наконец, мы должны, если возможно, защитить остаток армянских сил не только для того, чтобы обеспечить тыл наших месопотамских войск со стороны Персии и Кавказа, но и потому, что армяне, совместно с грузинами в одном автономном

государстве, могут служить единственным барьером к развитию пантуранского движения от Константинополя до Китая, которое даст в руки Германии еще более сильное оружие и в свою очередь может стать большей угрозой миру, чем германский контроль над Багдадской дорогой.

Если мы сможем убедить южную русскую армию возобновить войну, то это очень желательно. Но это, повидимому, невозможно. Нашей первой задачей должно быть предоставление субсидий для реорганизации Украины, на содержание казаков и кавказских войск и для денежной поддержки персов. Необходимые суммы не так уж велики, принимая во внимание масштабы войны, но валютный вопрос представляет значительные трудности. Если Франция примет на себя финансирование Украины, мы найдем, быть может, средства для других намеченных целей. Необходимо, чтобы США также приняли участие в расходах. Помимо этих финансовых вопросов, необходимо, чтобы мы имели своих агентов и чиновников, а также, чтобы мы могли воздействовать и оказывать поддержку местным правительствам и их армиям. Необходимо, чтобы все это делалось без всякого шума, с тем, чтобы мы избегли обвинения, насколько это возможно, что мы подготовляем войну с большевиками.

Мы предлагаем, чтобы Украина в этом вопросе оставалась полем деятельности Франции, а мы возьмем на себя другие юго-восточные области страны. Для руководства всеми указанными операциями каждая из союзных стран должна назначить своего представителя. Эти представители должны поддерживать контакт друг с другом через посредство специальных агентов, с тем чтобы обеспечить полное единство действий.

Остается открытым вопрос, должны ли мы содействовать возвращению в южную Россию многочисленных русских офицеров, ныне находящихся во Франции и в Англии».

Этот меморандум был принят г. Клемансо и г. Пишоном 23 декабря. Затем, однако, между большевиками и немцами возникли затруднения, и переговоры в Брест-Литовске были прерваны.

Нелегко было бы определить наше отношение к большевистскому правительству в этот период. 17 января г. Бальфур выразил в военном кабинете мнение, что, с точки зрения специально министерства иностранных дел, было бы очень выгодно разорвать вообще всякие отношения с большевиками. Большевики нарушили договор России с союзниками, отказались от своих долгов по отношению к нам и открыто пытались поднять революционное движение во всех странах. Итальянское правительство стремилось к тому, чтобы союзники заняли именно эту позицию. С другой стороны, у нас все еще оставались значительные интересы на севере России, и в России было немало британских подданных, положение которых следовало учесть. Поэтому необходимо было, чтобы мы могли вести сношения

с большевиками через своих агентов по чисто практическим вопросам. Бальфур совершенно ясно указал, что мы не могли полностью признать большевиков, пока они не докажут, что являются подлинными представителями воли русского народа.

Г-н Бальфур затем прочитал ответ, который должен был быть дан в палате общин на запросы г. Рамзея Макдональда и других депутатов. Этот ответ гласил:

«...мы не признали большевистское правительство России ни *де факто* ни *де юре*, но мы неофициально поддерживаем сношения с этим правительством через посредство агента, пользующегося руководством нашего посольства в Петрограде.

Большевистское правительство назначило своим представителем в Лондоне г. Литвинова, и мы устанавливаем с ним неофициальные отношения.

Г-н Набоков, который был в Англии поверенным в делах бывшего республиканского правительства России, повидимому, останется в Лондоне, пока его не утвердит или не сменит на этом посту правительство, признанное в качестве такого, которое подлинным образом представляет русский народ.

Создавшееся положение безусловно является преходящим и не может считаться соответствующим обычным нормам. Однако, хотя это положение и не соответствует обычным дипломатическим нормам, оно, по нашему мнению, лучше всякого другого соответствует требованиям момента».

Затем в связи с высказанными им общими соображениями о наших взаимоотношениях с Россией г. Бальфур сделал заявление, которое указывало, что и он, как все мы, колебался между различными соображениями. Бальфур сказал:

«В связи с недавними событиями в Петрограде военный кабинет должен со всей серьезностью рассмотреть вопрос о наших взаимоотношениях с большевистским правительством. Мы являемся единственным из союзных правительств, которое допустило в страну большевистского представителя. На самом деле Англия, повидимому, является единственной страной, куда большевики назначили своего представителя. Мы не признали большевиков официально, но ведем с ними необходимые сношения через посредство своего агента, именно г. Липера. Главное затруднение заключается в том, что большевики совсем не расположены воздерживаться от обострения отношений с нами. Большевики полагают, что они ничего не могут выиграть от хороших отношений с Англией. Остается поэтому под вопросом, не предпримут ли большевики такой акт, который поведет за собой разрыв. Я лично склоняюсь к мнению, что мы должны стремиться к тому, чтобы задержать разрыв на возможно более долгий срок, так как совершенно ясно, что большевики создают германцам большие затруднения, чем например, эсеры. С точки зрения того, что сепаратный мир

может быть отложен и немцам не будет дана возможность получать припасы из России, большевики скорее в состоянии провести подобные мероприятия, чем любая другая партия в России. Однако большевики, повидимому, намерены вести «бешеную» пропаганду и в Англии и в Германии. Г-н Липер сообщил мне, что большевики убеждены в тяжелом социальном и политическом положении Германии и что в ближайшем будущем в Германии неизбежны внутренние затруднения.

Сэр Джордж Бьюкенен указал, что он всегда защищал политику, которая могла бы предотвратить открытый разрыв с большевиками. Вместе с тем ясно было, что нам придется раньше или позже выбрать между разрывом и полной взаимностью во всех отношениях. Бьюкенен охотнее пошел бы на разрыв, чем допустил бы большевистскую пропаганду в Англии, так как эта пропаганда опасна и вместе с тем привлекает тех, кому нечего терять. Бьюкенен считал, что немцы хотели бы разрыва между нами и большевиками и отъезда наших представителей из Петрограда, так как это оставило бы все поле деятельности в России за ними. Всякие шаги в сторону признания, которые мы могли бы предпринять, были бы использованы большевиками в их интересах. Что касается эсеров, то, по мнению Бьюкенена, хотя они и действовали более корректными методами, они представляли для немцев меньшую угрозу, чем большевики. Эсеры были партией бесхребетной и хотели, может быть, еще больше, чем большевики, сепаратного мира с Германией. В подтверждение своей точки зрения о желательности избежать разрыва с большевиками Бьюкенен привел два соображения: во-первых, недавнее недопустимое обращение большевиков с Учредительным собранием и, во-вторых, возможность того, что японцы и американцы или те и другие вместе окажут эффективное военное содействие тем элементам в южной России, которые намерены сопротивляться большевикам. Во всяком случае, полагал Бьюкенен, большевики не обратятся к нам за помощью.

Я обратился к генералу Ноксу с просьбой сообщить его мнение по вопросу о военном положении в России и о возможности помешать германцам получить продовольствие и прочие припасы из южной России. Генерал Нокс полагал, что даже в случае заключения сепаратного мира должно пройти не менее шести месяцев, прежде чем германцы получат сколько-нибудь значительные припасы из южной России. Однако по прошествии шести месяцев они смогут почти полностью покрыть все свои нужды, что позволит им прорвать блокаду. Единственным средством помешать этому было бы создание на юге России эффективной боевой силы, способной оказать сопротивление германской армии. Большая часть помещичьей земли в южной России оставалась незаселенной, так что, если немцам не удастся захватить южнорусские территории до апреля, в России останется мало зерна для вывоза. Наибольшее значение имел Донецкий каменноугольный бассейн, и тот, кто владел Донецким бассейном, мог задержать перевозку грузов почти всей России.

Высокие цены, по которым немцы могли покупать зерно, могут отвлекать хлеб во враждебные страны скорее, чем на север России. В Петрограде ряд русских офицеров говорили с генералом Поксом о своем присоединении к генералу Каледину. Однако, до тех пор пока мы в какой-либо форме не признаем или не предоставим поддержку большевикам, мало вероятно, что они предпримут подобные шаги. Наши сношения с большевиками несомненно снижали эффективность той моральной и материальной поддержки, которую мы оказывали казакам.

Сведения, которые мы получали от разведывательного отдела военного ведомства, говорили, что русская армия быстро таяла. Немцы готовили наступление на Псков, не встречая никакого сопротивления. 60 процентов состава Балтийского флота дезертировало, и даже с румынского фронта русские солдаты эвакуировались, заполняя по двенадцать поездов в день; артиллерия и военные припасы оставались на фронте без прикрытия. Что касается припасов южной России, то лицо, бывшее на Украине в октябре, сообщало, что в этой части России имелись значительные количества скота.

Г-н Брюс Локкарт, наш представитель в Петрограде, осведомлял нас о положении в России, и 7 февраля кабинет обсуждал вопрос о нашем отношении к большевикам.

Г-н Бальфур стоял на той же точке зрения, которую он ранее выразил в своем меморандуме.

Я выразил мнение, что британскому правительству нет дела до того, какие социалистические опыты хотят производить в России большевики или какую форму правления они там желают установить... В том специальном вопросе, который подлежал нашему обсуждению, необходимо было иметь в виду, что большевики представляли собою страшную угрозу для Австрии и Германии и что наши сведения о внутреннем положении в Австрии позволяли нам надеяться, что распространение большевизма серьезно угрожает дуединой монархии. Я не боялся того, что большевизм станет серьезной угрозой для внутреннего мира в самой Англии. Последние перевыборы в Прествичском округе Ланкашира показали, что даже в промышленном округе огромное большинство населения враждебно относилось к революционным идеям и желало доведения национальной войны до победного конца. Я поэтому полагал, что предоставление больших полномочий г. Локкарту может оказаться полезным, для того чтобы получить от большевистского правительства согласие на некоторые условия, обеспечивающие невмешательство большевиков во внутреннюю политику союзных стран. Я также настойчиво стремился к тому, чтобы военный кабинет не отказывался внимать советам британских представителей в России; я привел несколько случаев из прошлой практики, когда, по моему мнению, были допущены ошибки вследствие подобного отказа. Мнение, которое я составил себе о г. Локкарте, было таково, что я колебался бы отвергнуть его советы.

Некоторые из членов правительства чрезвычайно опасались ка-

ких бы то ни было сношений с большевистским правительством, считая, что этим они могли бы поднять престиж последнего и тем усилить влияние большевистской пропаганды.

Военный кабинет предложил министру иностранных дел подготовить проект ответа на телеграмму г. Локкарта и представить этот проект на рассмотрение кабинета. Проект г. Бальфура, одобренный кабинетом и отправленный в Петроград, гласил:

«Существуют, повидимому, некоторые недоразумения по поводу нашей политики по отношению к петроградскому правительству. С Вашей стороны было бы ошибкой полагать, что «мы отказываемся от ограниченного признания большевиков» и не меньшей ошибкой считать, что наше решение в этом вопросе основано на «тревоге относительно того ущерба, который эта политика может причинить буржуазным элементам в России». По этому поводу я должен ясно и твердо заявить, что мы ни в коей мере не вмешиваемся во внутренние дела России. Наш интерес к ним исходит исключительно из того, как внутренние события в России влияют на исход войны. Если значительная часть России в настоящее время благоприятно относится к большевистской форме социализма, то это дело не Англии, а России, и нам кажется, что этот вопрос не имеет никакого отношения к тому, признаем ли мы дипломатически русское правительство, или нет.

Мое мнение по этому вопросу таково: между теми взглядами по поводу формы признания, которые Вы высказали в Вашей депеше, и теми, которых придерживается правительство Его Величества, нет существенной разницы. Мы согласны с тем, что в настоящее время нет возможности идти на полное абсолютное признание, но вместе с тем крайне нежелательно привести дело к полному разрыву. Единственной проблемой сейчас является вопрос о том, какую именно среднюю линию надлежит избрать между этими двумя позициями. Если всем станет ясно, что наши отношения с большевиками носят не узаконенный, а лишь полуофициальный характер, то нет причин, почему Вы не можете действовать в качестве признанного представителя британского посольства. Мы готовы вступить в сношения с фактически существующим правительством большевиков в Петрограде на тех же точно основаниях, на которых мы уже вступили в сношения с правительствами Украины, Финляндии и других частей страны.

Больше затруднений представляет вопрос о том, какой линии Вам следует держаться в наших переговорах с Россией. Конечно, мы не хотели бы в настоящий момент тратить время на обсуждение прошлых претензий, вроде порванных договоров, отказа от уплаты долгов, оставления военных припасов на произвол судьбы, начала войны с Румынией и т. д. Следует говорить лишь о настоящем и будущем, и в этом плане мы должны отметить некоторые основные темы, по которым мы

не можем согласиться с пожеланиями большевиков и они не могут пойти нам навстречу. Мы желаем, чтобы большевики отказались от своей пропаганды на территориях союзных стран. Они хотят, чтобы мы отказались от всякой помощи или содействия всяким военным силам или политическим организациям в России, которые не пользуются их одобрением. Наше требование связано с отказом большевиков от их открыто провозглашенных принципов, тогда как их требование заставляло бы нас оставить на произвол судьбы наших союзников и друзей в тех частях России, где фактически существуют не-большевистские правительства.

Помимо этих вопросов, есть, однако, немало других, по которым есть возможность вести умелые дипломатические переговоры. В настоящее время первый из этих вопросов — вопрос о том, как убедить петроградское правительство не заключать сепаратный мир с Германией и прекратить враждебные действия по отношению к Румынии. Непосредственные усилия, направленные на то, чтобы помешать миру с Германией, вероятно лишь мешают осуществлению намеченной цели, но было бы желательно указать, что немцы будут упорно стоять на своем по вопросу о свободе Эстонии и Литвы и что они не имеют никаких опасений за судьбу румынской границы. Нашим серьезным желанием является задержать, насколько возможно, разрыв с петроградским правительством — даже если в конечном счете разрыва нельзя будет избежать — и пока сделать наши взаимоотношения с этим правительством по возможности более приятными и деловыми. Итак, мы соглашаемся с Вашим предложением о том, чтобы Вы отныне занимали положение признанного посредника между нашим правительством и большевиками. Мы не ставим никаких условий в связи с этим, так как в тот момент, когда мы начнем обсуждать те или иные условия, мы упремся в тупик. Насколько возможно, мы будем препятствовать большевистской пропаганде в Англии, и если будет установлено возмутительное поведение большевистских агентов, мы вышлем их, точно так же, как мы выслали бы представителей всякого другого правительства, если бы они начали вмешиваться в наши внутренние дела».

Однако после многих перипетий мир между Россией и Германией был подписан 3 марта 1918 г. Договор между центральными державами и Украиной был подписан еще 9 февраля 1918 г. Румыния, очутившаяся в отчаянном положении, не имела другого выхода, и должна была подписать мир 27 февраля.

Тем не менее 12 марта президент Вильсон счит возможным направить съезду Советов в Москве послание, в котором выражал чувства симпатии русскому народу.

На заседании кабинета было указано, что этот документ выполнял от имени Соединенных штатов ту задачу, на осуществлении которой настаивал г. Локкарт перед британским правительством.

Америка, однако, не имела оснований для таких чувств негодования по адресу России, как европейские союзники, которые имели значительные капиталовложения в России и которым Россия изменила в середине войны.

Но когда полный текст условий мира стал нам известен, позиция союзников приняла более определенные и отчетливые формы. Вопрос об окончательной измене России по отношению к союзникам был поставлен на обсуждение межсоюзнического политического совещания, созванного в Лондоне 16 марта. Решено было опубликовать от имени союзников общую декларацию с выражением возмущения, и г. Клемансо подготовил и прочитал конференции соответствующий проект декларации. После того как в тексте, подготовленном Клемансо, слова «верховный военный совет» были заменены словом «Антанта», поскольку, к вящему негодованию г. Клемансо, было указано, что президент Вильсон возражает против вмешательства верховного военного совета в политические вопросы, этот проект был в основном принят.

18 марта эта декларация, написанная пером самого острого политика Европы, была опубликована от имени союзников в качестве протеста против русско-германского договора. Ей нельзя было отказать в силе. Эта декларация заканчивалась отказом от признания самого договора.

«...Мирные договоры подобного рода мы не признаем и не можем признать. Наши собственные цели совершенно иные; мы боремся и намерены продолжать борьбу, для того чтобы раз и навсегда покончить с политикой грабежа и вместо нее установить мирное царство организованной справедливости.

По мере того как события этой продолжительной войны развертываются перед нашими глазами, мы все более и более ясно видим, что борьба за свободу повсеместно связана между собой. Не нужно перечислять во всех случаях, где и как ведется эта борьба, и во всех случаях мы апеллируем лишь к одному — к праву и справедливости.

Победят ли право и справедливость? Поскольку исход войны зависит от предстоящих сражений, народы, судьба которых поставлена на карту, могут уверенно уповать на армии, которые при условиях даже более трудных, чем существующие теперь, показали себя более чем достойными великой цели, доверенной их героизму».

Глава семьдесят вторая

ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

1. ВЗГЛЯДЫ СЭРА ДУГЛАСА ХЕЙГА

Я уже рассказывал в предыдущем томе, как по случаю моего посещения генерального штаба во Фландрии я попросил главнокомандующего изложить свои взгляды по поводу военного положения, которое может возникнуть в том вполне вероятном случае, если Россия не будет способна сохранить активное участие в войне в течение еще одной кампании. Из детального ответа Хейга было совершенно очевидно, что у него была только одна мысль в голове и что он не уделял внимания никаким другим планам или проектам. Он рассматривал только один вопрос — вопрос «о возможности преодолеть сопротивление германских армий прямой атакой». Эта атака на высотах Пашендела продолжалась еще в течение нескольких недель, и ее предполагалось возобновить как можно раньше весной на том же самом многообещающем болоте. Ввиду тех споров о живой силе, которыми сопровождалось поражение армии Гофа весной, поучительно учесть заключение, к которому пришел в октябре сэр Дуглас Хейг относительно вероятных сил германской армии в 1918 г. Даже в том случае если Россия «изменит нам и заключит сепаратный мир», это, по его мнению, не настолько увеличит мощь германской армии, чтобы оправдать британскую армию в отсрочке ее наступления. Немцы, по его мнению, уже перебросили большую часть своих лучших дивизий из России на западный фронт. Большинство тех дивизий, которые оставались у немцев на русском, дунайском и балканском фронтах, имели «низкую боеспособность, и только 32 дивизии оценивались как годные к участию в жестоких боях на западном фронте». Остальные 59 дивизий, вероятно, будут полностью заняты охраной русско-германских границ, с тем чтобы сохранить германское преобладание над армиями наших союзников. Хейг рассчитал, что добавление 32 боеспособных дивизий даст Германии в целом 179 дивизий на западном фронте. Вместе с тем он очень низко оценивал качество этих дивизий:

«19 из германских дивизий, находящихся в настоящее время на этом фронте, имеют низкие боевые качества; они годны только для обороны на спокойных фронтах. 135 из оставшихся

дивизий уже потерпели крупные поражения в этом году, и количество поражений увеличится в течение ближайших нескольких недель. Таким образом из 179 германских дивизий ценность по крайней мере 154 (135 + 19) должна быть значительно снижена».

Хейг выказал еще более пренебрежительное мнение о резервах, на которые немцам приходилось полагаться для пополнения своих опустошенных дивизий. Он считал, что опустошение, которое британская армия причинила и продолжает причинять неприятелю, приведет к тому, что у немцев к концу года из 500 тысяч человек, находящихся в резерве, останется очень немного людей, а, может быть, и никого не останется. По мнению Хейга, немцы, вероятно, должны были к новому году иметь в своем распоряжении только 500—600 тысяч человек в резервах, включая всю молодежь 18 лет, которая, судя по его опыту предыдущих наборов, будет иметь низкую боеспособность. Хейг постоянно возвращался к этому вопросу о возрастающем снижении качества германских войск:

«Германские потери возмещаются теперь в широких размерах бойцами значительно худшего качества, и пропорция этих бойцов в германских рядах будет в будущем быстро возрастать. К маю или июню германские резервы будут полностью исчерпаны».

В оценке соотношения в снаряжении двух армий он придерживался еще более оптимистических взглядов:

«В артиллерии, и в еще большей степени в области военного снаряжения и воздушного флота, союзники явно будут иметь значительное превосходство и большие возможности увеличить это превосходство. В области людских резервов союзники, включая Америку, имеют еще большее превосходство, чем прежде».

Что касается французской армии, то он считал, что 100 французских дивизий можно признать вполне равноценным соответствующему количеству германских дивизий при учете «указанных выше условий». Так как этими условиями являлась низкая оценка качества германских войск, то определение боевой ценности французской армии было по меньшей мере не очень лестно.

Военный кабинет подвергался критике за то, что в распределении наших сил между военными ведомствами, которые конкурировали друг с другом в требованиях, предъявляемых к нашим уменьшающимся резервам, он недооценил действительную силу Германии. Если эта критика справедлива, то никто не был ответственен более Дугласа Хейга за недооценку мощи германской армии, армии, которую Германия могла сконцентрировать на французском фронте в 1918 г. Установленное Хейгом соотношение немецкой армии и армии союзных держав не только в отношении численности, но и боевого качества и снаряжения появилось в момент, когда кабинет уделял большое внимание возрастающим требованиям людей со стороны морского и сухопутного транспорта, угольной промышленности и отделов продовольственного снабжения.

Когда Хейг понял свою ошибку, было уже слишком поздно внести какие-либо изменения в мероприятия правительства по распределению живой силы, не было возможности прибавить ни одного батальона к накопившим большой опыт воинским частям, находившимся весной на западном фронте. Мы знаем, что, если бы даже мы были в состоянии выполнить требования, которые сэр Дуглас Хейг предъявил в своем октябрьском докладе, и отозвали людей из важнейших отраслей промышленности в Англии, ослабив тем самым другие фронты, и если бы мы отказались согласиться на настойчивые требования французов растянуть линию фронта, мы все же не смогли бы обеспечить Хейгу такое превосходство сил, которое позволило бы ему осуществить успешное весеннее наступление во Фландрии. Хейг недооценивал германские резервы, недооценивал количество дивизий, которые могли быть отозваны из России, и боевые качества германской армии. Он в то же время переоценивал потери, которые он причинял германской армии. Даже при большом превосходстве сил и артиллерии он не был бы в состоянии прорваться через германские линии при Пашенделе. Его стратегические концепции кампании 1918 г. основывались, таким образом, на явно ложных надеждах.

Окончательное разложение России и Румынии совершенно изменило военные перспективы последующих месяцев. Лучшая часть той огромной армии, которую Германия и Австрия вынуждены были держать на восточном фронте, теперь освободилась для участия в операциях на западе — во Франции и Италии.

До тех пор пока происходило обучение и снаряжение американской армии для отправки на театр военных действий в таком количестве, которое могло бы свести на-нет подкрепления неприятеля, положение было более или менее аналогично тому, в котором находились союзники в первый год войны, до того как британская армия начала прибывать в количествах, достаточных, чтобы уменьшить относительное превосходство сил противника.

С середины октября 1917 г. стало совершенно очевидно, что на участие в сражениях русской армии больше рассчитывать нельзя. При этих обстоятельствах Петэн настаивал на сохранении строго оборонительных позиций впредь до тех пор, пока американцы не будут готовы к активному участию в военных действиях. По его мнению, они не могли помочь нам в наступлении ранее 1919 г. Хейг был за возобновление наступления весной 1918 г., не дожидаясь прибытия американцев.

Расхождение во мнениях по поводу стратегии союзных армий на западном фронте, расхождение, сказывавшееся в приготовлениях к весеннему наступлению 1918 г., достигло в конце 1917 г. таких пределов, что Хейг и Петэн после ряда повторных совещаний нашли, что они не в состоянии сами прийти к соглашению о каком бы то ни было плане — оборонительном или наступательном — для кампании 1918 г. В летних и осенних сражениях каждый из них шел своим путем, действуя согласно своим собственным убеждениям. В их планах не было согласованности.

Вот как французы в своей официальной истории войны излагают расхождение во мнениях между двумя главнокомандующими:

«Маршал Хейг, занятый сражением во Фландрии, был поглощен задачей момента. Ни общественное мнение, ни его собственная армия не ожидали сколько-нибудь серьезных результатов от развития операций. Хейг, однако, продолжал надеяться на события такого решающего значения, которые могли бы в течение года коренным образом изменить положение на западном фронте. Кроме того, он был далек от того, чтобы разделять опасения французского командования относительно России. Во всяком случае он думал, что лучший способ исправить вред, нанесенный катастрофой в России,—это начать как можно раньше большое наступление на англо-французском фронте».

Точка зрения Хейга отнюдь не совпадала с точкой зрения ни Петэна, ни Фоша.

В октябре 1917 г. в Амьене состоялось совещание между Хейгом и Петэном, на котором последний изложил перед британским главнокомандующим свои соображения относительно военного положения и наилучших методов борьбы. Петэн остался верен мнению, которое он не раз высказывал, что мы не можем взять на себя риск решительного наступления в начале 1918 г., если Россия не будет участвовать в войне и русская армия не восстановит своей боеспособности. Если эти условия не будут осуществлены, наши усилия должны быть сконцентрированы на том, чтобы обеспечить наилучшее распределение сил, имеющихся на западном фронте, для обороны и на такой организации резервов обеих армий, которая обеспечивала бы возможность сосредоточить их для пополнения сил на любом участке фронта, который решат атаковать немцы.

Но Хейг продолжал держаться того взгляда, что наступление британской армии должно возобновиться в будущем году, и еще раз изложил свою позицию в записке, которую он в это время передал Петэну, а также в длинном письме, которое он отправил через два дня после совещания. В этом письме он излагал и аргументировал свой план:

«Генеральный штаб
Британской действующей армии
19 октября 1917 г.

Уважаемый генерал Петэн,

После нашего вчерашнего свидания я тщательно взвесил аргументы, которые Вы развивали, и я прошу разрешения сформулировать мои взгляды на этот вопрос.

Отправка Вам подкреплений на фронт в размере шести дивизий не только уменьшит силу войск, которые я мог бы собрать для наступательных операций, предполагаемых весной, но к тому же и боеспособность их будет понижена вследствие неизбежного сокращения срока отдыха и обучения. Так как,

кроме того, я вынужден потерять ценную помощь армии генерала Антуана, то мои силы для наступления настолько уменьшатся, что если они не будут пополнены резервами с других участков, то результатом моего согласия с Вами должно быть сокращение или даже полное прекращение задуманного мною наступления. По моему мнению, это будет иметь серьезнейшие последствия для дела союзников. Я попрошу Вас обратить внимание на следующие пункты:

а) Как вам известно, благодаря моим наступательным операциям этого года германцы потеряли вдвое больше войск, чем мы. Шесть моих дивизий при обороне потребуют лишь такое же, а вероятно даже и меньшее количество дивизий противника. Напротив, в случае наступления то же количество наших дивизий потребует значительно большее количество пехотных дивизий противника. Судя по результатам этого года, общее количество последних составит двенадцать дивизий. Следовательно, с точки зрения обеспечения нашего оборонительного фронта, я больше укрепляю его, когда увеличиваю силу моего наступления, нежели когда помогаю части вашей оборонительной линии фронта. Это остается в силе, независимо от того, перебросят ли германцы или нет известную часть своих дивизий с русского фронта.

б) Что касается морального состояния Ваших войск, то с помощью наступательных операций — местных рейдов, повторяемых через небольшие промежутки времени, а также операций ограниченного масштаба — Вы можете достигнуть в этом отношении прекрасных результатов. Я это испытал сам.

в) Как Вы говорили мне вчера, Вы не предполагаете наступления в крупных масштабах до августа и до этого времени вы будете вести операции ограниченного размера, и, следовательно, лишь местного значения. Эти операции будут играть полезную роль в наступлении, которое я предполагаю продолжать во Фландрии, но они одни не могут решить исхода кампании. Я обращаю Ваше особое внимание на вопрос, в состоянии ли союзники взять на себя риск отложить до августа попытку достигнуть окончательного перелома военных действий. Ваше внимание, несомненно, занимал вопрос, будут ли резервы, имеющиеся в тылу Ваших армий, достаточны для решительного действия в этот момент.

Я заверяю Вас, что понимаю и разделяю Ваши затруднения. Я очень хочу притти Вам на помощь. Как и Вы, я думаю, что нам обоим необходимо достигнуть соглашения о плане действий, который мы могли бы совместно предложить нашим правительствам.

Но наш долг — выработать план, который дал бы полную гарантию рассчитывать на лучшие результаты. Я сожалею, что не разделяю Вашего мнения, что лучшее использование британских войск заключается в том, чтобы растянуть их по линии оборонительного фронта за счет наступления, к уча-

стию в котором они доказали свою пригодность и от успеха которого, по всей вероятности, можно ожидать в будущем больших результатов. Принимая во внимание те силы, которые, вероятно, будут в моем распоряжении в будущем году (по тем данным, которыми я располагаю в данный момент), все, на что я могу рассчитывать в отношении помощи Вашим войскам, это лишь 4 дивизии, находящиеся в настоящее время на побережье. Эта помощь может быть предоставлена, примерно, к концу ноября.

И это, по моему мнению, самое лучшее стратегическое использование этих дивизий. Я убежден, что с военной точки зрения было бы лучше, если бы Вы вновь сменили их весной своими войсками.

Я считаю, что такое удлинение моего фронта возможно осуществить следующей весной, без того чтобы вынудить меня в то же время отказаться от моего наступления во Фландрии; и все же это расширение фронта будет иметь вредные результаты. Тем не менее, для того чтобы притти Вам на помощь и облегчить соглашение между нами, я соглашаюсь на эту уступку.

Я надеюсь, что вы найдете возможным согласиться с этим. Одновременно я снесся по этому поводу с генералом Робертсоном, чтобы узнать, могу ли я будущей весной надеяться на получение новых дивизий с других участков военных операций*.

Искренне преданный Вам маршал Д. Хейг.

Еще раз привожу отрывок из французской официальной истории о событиях этой осени:

«Маршал Хейг высказал в качестве основного принципа ту мысль, что, даже в том случае если Россия заключит мир, лучшим решением попрежнему будет наступление всеми союзными силами. Основное наступление и главнейшие усилия Антанты будут сосредоточены во Фландрии; английская армия возьмет на себя полную ответственность, испросив у союзников лишь помощи. Воодушевленный этими идеями, главнокомандующий британской армии, очевидно, не мог смотреть благосклонно на обязательство Англии сменить часть французских войск; тем не менее он обещал, хотя и с явным сожалением, уделить четыре дивизии и удлинить свой фронт в направлении на Уазу, начав эту операцию в конце ноября.

Генерал Петэн напрасно думал убедить маршала Хейга после Амьенской конференции, что существующие обстоятельства выпуждают союзников составить прежде всего оборонительный план. Его усилия в этой области не имели успеха».

Зима была близка. Наступало время, когда жизненно необхо-

* Была сделана попытка пополнить три британские дивизии в Египте туземными войсками, чтобы освободить белых солдат для отправки во Францию.

димо было для союзников, в особенности на французском и фландрском фронтах, прийти к окончательному соглашению о едином плане кампании при совершенно новых обстоятельствах. Этими обстоятельствами были выход России из войны и все более активное участие в войне Америки. Первое было событием, влияние которого в полной мере должно было проявиться весной; второе представляло собою процесс, который не мог сколько-нибудь существенно повлиять на военное положение раньше лета.

С начала ноября Россия фактически уже не участвовала в войне, и немцы, учитывая это обстоятельство, сконцентрировали свои резервы на западном фронте. С другой стороны, во Франции случилось событие, которое снова подняло неукротимый боевой дух Франции, истощенный ранами и многочисленными разочарованиями войны. Клемансо стал премьер-министром. Я излагаю в семьдесят пятой главе обстоятельства, связанные с этим назначением, которое имело решающее значение для дальнейшего ведения войны.

2. ПЛАН КАМПАНИИ 1918 ГОДА

К концу ноября 1917 г. я отправился в Париж, чтобы принять участие в совещаниях союзников. Меня сопровождали Бальфур и сэр Виллиам Робертсон. Италия была представлена своим премьер-министром, синьором Орландо, и министром иностранных дел, бароном Соннино. Америка была представлена полковником Хаузом, генералом Блиссом и генералом Першингом. Венизелос прибыл из Греции. На открытии 29 ноября присутствовало большое число генералов и чиновников из союзных стран. Совещание в огромном зале на Кэ д'Орсэ походило скорее на заседание генерального штаба, чем на военный совет. Председательствовал Клемансо. Это было его первым появлением на военной конференции, и с самого начала было видно, что он решил подчеркнуть контраст между его методами действия и методами его предшественников. Он пренебрег величавой риторикой Рибо и резонирующей ораторской фразой Бриана. Он бросил две или три короткие фразы, произнесенные быстро, резким голосом и повелительным тоном, призвав собравшихся немедленно приступить к работе. Было совершенно очевидно, что собравшееся большое и разнородное собрание не могло вести никакой работы. Был избран поэтому ряд комиссий для рассмотрения различных вопросов, которые требовали детального обследования. Большое количество времени было уделено обсуждению положения, создавшегося в России. Об этом я говорил в другой главе. Но фактическое рассмотрение военных задач союзников было поставлено на совещание верховного военного совета в Версале в Трианонском дворце 1 декабря. На совещании председательствовал г. Клемансо. При нем находились генералы Фош и Вейган. Меня сопровождали лорд Милнер, сэр Виллиам Робертсон и сэр Генри Вильсон. Генерал Кадорна был военным советником итальянской делегации. Генерала Блисса сопровождал полковник Хауз.

Зная, какое огромное значение будет иметь это совещание, поскольку оно даст направление всей дальнейшей политике, я встретился

с Клемансо в военном министерстве в Париже и долго обсуждал с ним его вступительную председательскую речь на открытии совещания. Я чувствовал, что его речь в качестве председателя на первом совещании верховного военного совета в Версале должна дать направление нашей политике. Для меня было большим удовлетворением, что безжалостный критик деятельности предшествующего военного министерства Франции был согласен со мной в главных положениях нашей политики войны на море и на суше — на востоке и на западе. То, что говорил Клемансо о лучшем использовании наших морских ресурсов, было также симптоматично. Британские авторы, которые хвалят все, что делал Клемансо, и одновременно осуждают все мои идеи и усилия, будут разочарованы тем, что в своем первом официальном выступлении в качестве главы военного правительства Франции Клемансо защищал ту же политику, которую я настойчиво убеждал союзников принять. Мне едва ли надо говорить, что Клемансо не принадлежал к числу тех слабых и уступчивых людей, которых можно убедить выступить против их желания, потому что они предпочитают компромисс взаимному несогласию. В течение всей своей долгой карьеры Клемансо никогда не сходил с намеченного им пути, для того чтобы искать согласия или избегать разлада. Открывая совещание, Клемансо сказал, что «сущность его речи согласована на совещании с г. Ллойд Джорджем». Полный текст этой декларации Клемансо, в которой рассматривается проблема войны в целом, дан в приложении, и ее стоит прочесть как полное и исчерпывающее объяснение точки зрения, принятой тогда союзниками.

Всегда считали, что Клемансо был решительным противником переброски каких-либо сил с западного фронта на другие фронты. Полемика, которая велась по этому поводу как в Версале, так и на Парижской конференции, показала, как ложно были информированы те, кто считал нового французского премьер-министра противником так называемой политики «side-shows» (отвлечения внимания).

В своей вступительной речи Клемансо заявил, что вопрос о положении в Италии должен послужить темой наиболее серьезного обсуждения:

«Один из вопросов, требующих рассмотрения, это вопрос о том, будем ли мы держаться в Италии чисто оборонительной позиции или предпримем наступление. Он не считает, что вопрос о наступлении должен быть просто предоставлен на усмотрение неприятеля.

Клемансо предложил раздать членам высшего военного совета и военным советникам меморандум, подготовленный генералом Мишле, специально изучавшим этот вопрос и убежденным в том, что наступление может быть проведено успешно с помощью 28 дивизий».

Я уже высказывал сожаление, что Клемансо не руководил делами Франции в 1917 г. Как я рассказывал выше, я сделал такое

предложение на Римской конференции в январе 1917 г. Моим предложением не интересовался даже итальянский главнокомандующий; итальянские военные авторитеты также отпеслись индифферентно к моему проекту. Как я говорил в предшествующем томе моих мемуаров, это предложение было вновь выдвинуто генералом Петэном и затем Фошем после поражения Нивелля.

Хейт между тем на свой риск предпринял атаку во Фландрии. Поэтому идея большого наступления в Италии была отложена Хейгом до его победы или же до того, пока он сам не признает невозможным реальный успех в этом направлении. Когда в августе наступление при Пашенделе приостановилось, вопрос опять был поставлен на одной из конференций в Париже. Тем не менее, итальянские военные представители тогда заявили, что было слишком поздно предпринимать что-либо ввиду состояния погоды. Десять недель позднее германцы начали свое наступление при Капоретто, которое имело столь гибельные результаты.

Отношение синьора Орландо к предложению Клемансо по этому вопросу можно было по меньшей мере назвать равнодушным и обескураживающим. Я никогда не мог понять, почему командующие итальянской армией и руководители итальянского правительства во время войны не только никогда не настаивали на общем наступлении союзников на их фронте, но встречали убийственно холодно всякое предложение британских или французских государственных деятелей или французских генералов о наступлении на австрийскую армию с помощью британских и французских соединений и тяжелой артиллерии, дать которую для наступления такого рода могли только Англия и Франция. Ужасное поражение итальянцев при Капоретто должно быть приписано робости итальянского генерального штаба, оказавшегося неспособным использовать соединенное наступление союзников против австрийцев. Итальянцы уже во второй раз отказывались воспользоваться предложенной им союзниками помощью.

Предложение Клемансо, поддержанное наиболее способными военными деятелями — Фошем, Петэном и Мишле было передано постоянным военным советникам, которые должны были изучить положение на итальянском фронте не только с точки зрения обороны, но и наступления и сообщить в течение ближайших двух недель о возможностях военных действий на итальянском фронте. Среди других подлежавших рассмотрению вопросов была проблема перевозки войск и снаряжения в Италию. Лично я чувствовал, что предложение Клемансо пришло слишком поздно. Те же меры, принятые в прошлом году, изменили бы весь ход событий. Не было бы необходимости заносить в летописи истории ужасы Шмен-де-Дам, Пашендела или исправлять их. Не было бы также ни Капоретто, ни русской и румынской катастрофы. Немцы должны были бы напрячь свои силы до последней степени, чтобы сохранить от полного разложения полуголодную и едва удерживаемую от мятежа австрийскую армию. Надо подчеркнуть, что в ущельях Тироля нам предстояло встретиться с теми же немцами, с которыми мы уже столкнулись

в болотах Фландрии. Но здесь итальянская армия с ее подавляющим превосходством сил, подкрепленная нашим лучшим снаряжением, могла проявить все свои силы. С другой стороны, армии центральных государств, ослабленные недовольством в войсках славянских провинций Австрии, были бы гораздо более уязвимы перед наступлением союзной пехоты, артиллерии и танков, чем однородные германские армии, которые отразили неистовое и бесконечное наступление во Франции и Фландрии. Одной из причин, что немцы не искали помощи австрийских дивизий во Франции в 1918 г., была неуверенность в их надежности в бою. Хотя я твердо поддерживал этот план еще в 1917 г., я чувствовал, что теперь, когда русские и румыны не могли идти в счет, а немцы готовы были бросить освободившиеся на восточном фронте части против союзных армий во Франции, было уже слишком поздно отвлекать часть наших сил в Италию.

Другим доказательством широты взглядов Клемансо было его отношение к экспедиции в Салоники. Он не только категорически заявил, что ею нельзя пожертвовать, но он активно поддерживал предложение об усилении наших сил на этом фронте. Отвращение, с которым относились военные авторитеты во Франции и в Англии к экспедиции в Салоники, проявилось в одном совершенно неожиданном случае. Венизелос прибыл в Париж, чтобы поставить перед конференцией вопрос о положении с продовольствием в Греции. Оно было исключительно серьезно, и он настаивал, чтобы во избежание голода продовольствие было послано в Грецию немедленно. Он утверждал, что недостаток продовольствия препятствовал набору солдат в армию, которую Венизелос пытался создать для салоницкого фронта. Он напомнил нам, что в июле он сообщил союзному командованию на западном фронте свой проект создания 12 дивизий греческих войск для Салоник, если будут обеспечены необходимые средства и снаряжение. Это был план, проведение которого могло оказать реальную помощь переутомленным войскам Франции и Англии. Трудно объяснить поведение военных руководителей, которые, не дав снаряжения для этих дивизий, пренебрегли возможностью усилить давление на южном фланге центральных государств, не отрывая в то же время ни одного солдата от армий во Франции и Фландрии. Греческие части, брошенные на фронт позднее, сражались с большим мужеством и умением и имели даже большие успехи в своих атаках, чем британские и французские солдаты. Они были более приспособлены к местности. Жара, к которой они привыкли, не имела на них такого вредного действия, какое она оказывала на людей, привыкших к более умеренному климату.

Поддержка столь сильных греческих частей позволила бы французам и нам либо перебросить с салоницкого фронта несколько дивизий задолго до мартовского наступления, либо предпринять такую атаку на измученных и потерявших в себя веру болгар, которая заставила бы немцев и австрийцев притти к ним на помощь. Многие дивизии противника, которые были отправлены во Францию,

пришлось бы таким образом перебросить на Балканы. Мозги генералов созданы из особого и удивительного теста: когда затронуты их предрассудки, генералы не всегда могут отвечать за свои поступки.

Конференция закончилась общей директивой военным экспертам верховного военного совета изучить все положения в деле, под углом зрения новых условий, создавшихся в результате катастрофы в России, и подготовить планы для правительства и штабов союзных армий. Решено было созвать другое совещание верховного совета, как только предложения экспертов будут готовы.

С целью оказать помощь военным представителям при совете в составлении новых планов совет вынес ряд резолюций, в которых предусматривалось предоставление совету командованием и ведомствами союзных правительств последних информационных данных.

3. СТРАТЕГИЯ СОЮЗНИКОВ В 1918 ГОДУ

Между тем вопрос о расширении британского фронта крайне обострился. Оба главнокомандующих в течение декабря сносились между собой по вопросу о плане кампании на 1918 г. Но разложение русской армии, непрерывный и тревожный приток свежих германских дивизий на западный фронт, казалось, не оказали никакого действия на упрямство и настойчивость британского главнокомандующего. Он попрежнему хотел вести наступление в Пашенделе и притом без помощи Франции и считал, что чем больше немцев на фронте, тем большим будет разгром германской армии. Согласно французской официальной истории:

«В течение декабря главнокомандующие британской и французской армий не установили полного согласия, которое, между тем, было более чем когда-либо необходимо... Таким образом с самого начала попыток установить планы кампании на 1918 г. оба главнокомандующих были вынуждены признать, что их точки зрения были различны. Они могли еще достигнуть относительного согласия по второстепенному вопросу о посылке подкреплений; но у них остались разногласия по основным вопросам, разрешение которых каждый из них считал совершенно необходимым для наших операций в дальнейшем. С этого времени и даже еще до появления тех величайших трудностей, которые должны были неизбежно возникнуть в момент неприятельского наступления, перед союзными государствами снова появилась реальная опасность, создаваемая разногласием среди командования коалиции».

17 декабря Хейг посетил Петена во французском штабе и обсуждал вопрос о британских подкреплениях французам. Я процитирую опять французскую официальную историю войны:

«Самый существенный вопрос остался неразрешенным. В этот момент с каждым днем увеличивалась опасность промедления; союзники должны были торопиться из опасения подвергнуться нападению, прежде чем они будут в состоянии достигнуть соглашения».

В соответствии с решением верховного военного совета на совещании 1 декабря 1917 г. и с целью оказать помощь совещаниям постоянных военных советников в Версале генерал Фош подготовил меморандум, в котором излагал свой план кампании на 1918 г. Так как в меморандуме содержатся основы стратегического плана, который Фош с таким успехом осуществил, после того как он был в 1918 г. назначен главнокомандующим всех союзных сил, мне кажется интересным привести этот меморандум полностью. Если бы Фошу было предоставлено право распоряжаться союзными силами еще до 21 марта, то ужасных поражений марта и апреля месяца удалось бы избежать, так как план контрнаступления, составленный Фошем, принес бы свои плоды, раньше чем поражения произошли в действительности.

Фош писал:

«В начале 1918 г. мы должны ожидать большого германского наступления...

Мы встретим его приготовлениями к обороне, которые в настоящее время осуществляются на английском и французском фронтах; это дает основание предполагать, что наступление противника будет остановлено раньше, чем оно даст ему решительные успехи.

Мы также противопоставим ему стратегию, которая, далеко не являясь пассивной, потребует, напротив, со стороны союзных армий использования любой возможности, чтобы навязать противнику свою волю и возобновить как можно раньше наступление, являющееся единственным путем к победе.

Имея в виду эту цель, союзные армии должны:

а) в период наступления противника не только остановить его и в свою очередь атаковать противника, но также предпринять крупное контрнаступление как диверсию на участке, выбранном и подготовленном заранее, для возможно более быстрой наступательной операции;

б) если противник не предпримет атаки, союзные армии должны быть готовыми взять в свои руки инициативу в наступательных операциях, имеющих ограниченную цель обойти противника и довести его до истощения, и сохранить боевой дух собственных войск;

в) в обоих случаях быть в состоянии провести согласованное наступление решающего характера, если истощение противника или какие-либо другие благоприятные обстоятельства сделают это возможным.

Таковы те необходимые соображения, которые должны лечь в основу действий всех союзных армий на многочисленных фронтах.

II

Но кроме того, на известных участках фронта, где положение особенно благоприятно для противника, атаки его могут принять значительные размеры, растянуться на длительный период и время от времени возобновляться и тем истощить материальные и моральные силы одного из союзников. Может начаться новая верденская битва при жестоком и длительном напряжении сил, которое способно истощить энергию народа.

Если неприятель будет склоняться к таким действиям, опасность которых не нуждается в доказательствах на четвертый год войны, есть только один способ заставить его прекратить эти попытки подорвать моральное состояние наших армий. Этот способ для нас — наступление на другом участке фронта. ...Поэтому надо сделать попытку прекратить то истощающее наступление, которое предпринял неприятель, путем действий параллельного характера, т. е. контрнаступления, с целью создать диверсию со стороны союзных армий.

Но чтобы во-время начать такого рода контрнаступление с диверсионными целями необходимо, чтобы оно было подготовлено на несколько месяцев раньше.

Чтобы такого рода сражение приобрело соответствующие размеры и значение, а не оставалось бы только делом одной из союзных армий, т. е. сражением, в котором участвует исключительно французская армия, как например в освобождении Вердена, нужно, чтобы сражение, тщательно подготовленное, заняло все имеющиеся в распоряжении союзников войска и было само по себе общим одновременным усилением союзных армий. Поэтому важно, чтобы этот план был утвержден межсоюзным верховным военным советом, т. е. единственным органом, который может обеспечить объединенное действие, и затем подготовлен британской и французской армиями.

Это контрнаступление в ответ на упорное наступление со стороны противника соответствует намеченному выше общему плану.

III

Я прошу Вас поэтому предложить верховному военному совету:

1. Выработать план действий, соответствующий взглядам, изложенным в части I настоящего меморандума, составленного британским и французским главнокомандующими.

2. Составить вместе с главнокомандующими схему согласованного наступления, время которого должно быть решено с их участием, и под их ответственностью провести соответствующие приготовления. Следует, однако, сделать оговорку о том, что подготовка контрнаступления должна быть начата после того, как линия фронта британской и французской армий

будет установлена пропорционально количеству войск той и другой армии».

Этот меморандум был отправлен обоим главнокомандующим, а также и верховному совету.

Указания меморандума не были приняты безоговорочно французским главнокомандующим генералом Петэном. После изучения меморандума Фоша в течение недели Петэн послал военным советникам свои комментарии следующего характера:

«В письме от 1 января 1918 г., адресованном верховному военному совету, считается крайне желательным, чтобы армии Антанты предприняли наступление:

1) в случае, если неприятель начнет атаку — в форме большого контрнаступления с целью диверсии;

2) в случае, если неприятель не будет атаковать, то в форме операций, имеющих ограниченные объекты с целью укрепить превосходство над противником и истощить его силы;

3) в обоих случаях эти действия должны были бы привести к согласованному наступлению решающего характера.

Этот принцип сам по себе бесспорен.

Все же, как бы мы ни желали вернуть себе инициативу в операциях, мы должны считаться с фактами и строить наши предсказания не на основе гипотетических данных, а на основе действительности. *Участие американских войск вряд ли сможет иметь большое значение в сражениях до 1919 г. Следовательно, до 1919 г. с войсками Франции и Англии надо обращаться особенно бережно, чтобы не допустить никакой случайности...*»

Петэн вдается в подробный анализ всех возможных случайностей для иллюстрации своего положения. Одно из его утверждений заключается в том, что австрийцы, освобожденные от русского давления, перебросят 25 своих дивизий на французский фронт*.

Он кончает свой меморандум нотой пессимизма по поводу перспектив предстоящего 1918 года:

«Эти перспективы и неустойчивое положение наших войск требуют с нашей стороны большой бережливости в использовании наших ресурсов, если мы хотим выдержать 1918 год, не истощив окончательно и непоправимо своих сил еще до того момента, когда наши американские союзники будут в состоянии оказать нам существенную помощь на фронте.

Несомненно, что картина германского наступления будет отличаться от той, которую мы нарисовали в настоящем письме. Возможно, что из различных соображений противник предпри-

* Австрийцы так и не послали более 5 дивизий на французский фронт. Германцы потеряли доверие к австрийским войскам.

мет атаку на более ограниченном фронте, что первоначально потребует от нас меньших жертв.

Исходя из этого, мы намечаем ряд ответных контрнаступлений или диверсий. С некоторого времени начата соответствующая подготовка. Очень важно помнить, что это контрнаступление с нашей стороны не может быть значительным: оно неизбежно будет иметь местный и временный характер, так как мы никогда не должны упускать из виду исход операций...

Наконец, если наш фронт подвергнется атаке на участке, превышающем 50 километров, нам будет недоставать самого необходимого минимума войск для того, чтобы противостоять атаке, и станет безусловно необходимой помощь англичан.

В целом, кампания 1918 г. будет для англо-французской стороны оборонительной не вследствие того, что командование этого горячо желает, но в результате крайней необходимости, диктуемой создавшимся положением. Недостаток ресурсов также заставляет нас идти на это. Лучше всего тотчас же понять это и организовать свою борьбу в этом плане...

Как видно из дальнейшего, маршал Хейг был расположен теперь принять точку зрения Петэна о невозможности какого-либо крупного наступления в 1918 г. До этого времени он был уверен, что британское наступление само по себе может привести к победоносному окончанию войны. Теперь он стал сомневаться в желательности и возможности даже объединенного наступления союзников.

Меморандум Фоша и ответ на него Петэна обнаружили серьезные разногласия не только между главнокомандующими двух армий, но и между двумя крупнейшими французскими генералами. Это расхождение делало задачу военных представителей в Версале исключительно трудной и деликатной. Все представленные планы были ими в Версале просмотрены и обсуждены, когда они готовили свои предложения для верховного военного совета. Их доклад представлял собой компромисс до такой степени противоречивых точек зрения, что генерал Вейган 28 января в записке, адресованной военным представителям в Версале, писал:

«Сегодня, накануне величайшей опасности наступления со стороны неприятеля, мы не имеем общего плана кампании 1918 г. для войск союзной коалиции...»

Генерал Фош был настолько взволнован отсутствием какого-либо плана кампании для 1918 г., что он счел необходимым по соглашению с начальником имперского штаба генералом Робертсоном созвать трех главнокомандующих — Петэна, Хейга и Першинга для того, чтобы выработать общий план операции. Фош предполагал, что они совместно обсудят все важнейшие проблемы, которые в кратчайший срок будут предложены на рассмотрение военному совету, создадут общие резервы союзников, обсудят целесообразность отозвания войск из Италии и вопрос об отправке американских войск во Францию. Совещание состоялось 24 января в Компьене, местопребывании французского генерального штаба.

«Генерал Петэн, открыв прения, еще раз изложил свою точку зрения. Французский главнокомандующий не скрыл того, что он считает едва ли возможным при состоянии наших сил предпринять наступление в 1918 г. По его мнению, недостаток в необходимых средствах для наступления будет ощущаться до тех пор, пока участие американской армии не станет достаточно веским фактором в положении на фронте».

Затем маршал Хейг изложил свои взгляды на создавшуюся ситуацию:

«Теперь, более чем когда-либо, важно усилить наши оборонительные мероприятия, обучить наши резервы, подготовить их перевозку, попытаться заранее познакомиться с планами противника. Возможно ли, чтобы мы с своей стороны были способны снова взять в свои руки инициативу операций в 1918 г.? Маршал Хейг воздерживался от определенного мнения по этому пункту: он высказал лишь предположение, что такое успешное сопротивление с нашей стороны может довести наши силы до такого истощения, что в ожидании прибытия американских подкреплений мы должны будем приостановить наше наступление, прежде чем мы будем в состоянии достигнуть решительного перелома... Он поддерживал точку зрения, сформулированную им в меморандуме 19 января: он заявил о своем согласии с генералом Петэном, о необходимости сохранять оборонительное положение как в вопросе об использовании войск, так и в отношении стягивания новых резервов; подобно французской армии, английская армия готова к наступлению на трех участках и располагает возможностью бросить в бой до пяти дивизий на каждом участке».

Это наступление предполагало ряд небольших атак с ограниченными целями.

Взгляды, развитые генералом Фошем на этом совещании, были в значительной степени отличны от взглядов обоих главнокомандующих. Действительно, начальник французского генерального штаба энергично поддерживал основную идею своего проекта кампании, предложенного им в январе нашим постоянным военным представителям в Версале. Именно Фош настаивал на осуществлении обширного контрнаступления, чтобы помешать наступлению немцев. Он сказал:

«...нам нужны не два отдельных плана; а один общий план, рассчитанный и подготовленный к наступательным действиям в подходящий момент, план согласованного действия всех имеющихся в наличии союзных сил...»

В наших планах совершенно не предусмотрено решающее сражение, в котором должны быть использованы все остающиеся французские, британские и американские силы.

В соответствии с этим Фош настаивает не на организации

нескольких участков для наступления, а на том, чтобы были сделаны приготовления к использованию союзных войск в определенный момент».

Оба главнокомандующих снова отвечали на аргументы генерала Фоша ссылками на недостаток боевых сил. По их мнению, *имелась лишь слабая надежда на то, что англо-французская армия будет в состоянии предпринять мощное наступление в предстоящей кампании.*

Основное участие Першинга в обсуждении выразилось в том, что он настаивал на своем предложении, чтобы —

«...в тот день, когда потребуется наступление американских войск, американская армия была самостоятельна».

На конференции в Компьене высшие военные власти снова не достигли соглашения по важнейшим вопросам кампании 1918 г. Правда, оба главнокомандующих заявили, что теперь соглашение между ними достигнуто. Они заявляли, что ими начаты даже приготовления к осуществлению единого плана. Появление плана верховного совета о создании общесоюзных резервов под независимым руководством принудило Петэна и Хейга выступить сообща единым фронтом, но не против немцев, а против версальцев. В действительности, однако, их взгляды расходились не только с предложениями генерала Фоша о западном фронте и с предложениями постоянных военных представителей союзных правительств, но также в некоторых существенных пунктах и между собой. Еще более характерно, что конференция не подняла столь важного вопроса о едином командовании, притом даже в такой смягченной форме, как образование общесоюзных резервов.

В дни, последовавшие за конференцией в Компьене, маршал Хейг и генерал Петэн не скрывали своего отвращения к плану общесоюзных резервов, присланному им на рассмотрение 27 января. Генерал Петэн объявил генералу Фошу, что он считает резервы, находящиеся в настоящее время в тылу франко-британского фронта, едва достаточными «для сохранения свободы маневрирования франко-британского командования на начальной стадии оборонительного сражения». По его мнению, общие резервы могут быть взяты только из состава союзных войск в Италии; в этом случае желательно, чтобы они включали четыре итальянские дивизии, ныне находящиеся в долине реки По, а также четыре французские и четыре английские дивизии, которые могут быть отозваны из Италии и Франции.

Результаты компьенской конференции были совершенно неудовлетворительными в том смысле, что они обнаружили коренное различие в мнениях между генералами, которым предстояло в течение ближайших недель отразить наиболее грозное наступление, предпринятое германцами на западном фронте после первой германской атаки 1914 г. Генерал Вейган предложил назначить верховного главнокомандующего всех союзных сил. Полное объеди-

нение командования под главенством одного генерала, без сомнения, было бы простейшим, прямым и наиболее эффективным способом установления стратегического единства. Это было, без сомнения, действительным средством исправить слабость разрозненного командования, от которого союзники так много страдали. Почему же не согласились с предложением французских военных представителей все прочие военные представители других стран? Ни Генри Вильсон, ни генерал Кадорна не противились этому предложению. Но оно не только не было принято — оно даже не имело ни малейшего шанса быть принятым в этот момент. Надо было бы преодолеть национальные предрассудки, политические соображения и личную зависть. Всякому понятно недовольство, которое должна была бы испытать каждая великая нация, подчинив свою прекрасную армию командованию другой нации, ничем ее не превосходившей. Для Франции было легче выдвинуть и поддержать эту идею, чем для британских генералов и министров, но даже и у них были политические предрассудки, которые препятствовали этому столь желательному разрешению затруднений союзников. Фош никогда не был приемлемым военным вождем для пламенных республиканцев, которые господствовали во Франции по крайней мере в течение целого поколения. И личное соперничество, которое препятствовало этому, было столь же интенсивно во Франции, как и у нас. Хейг был убежден, что он был более опытным солдатом, чем Фош, а Петэн считал себя лучшим генералом и полагал, что достиг равных, если не больших успехов. Еще хуже было соперничество различных штабов. Если бы Фош был назначен верховным главнокомандующим, оба генеральных штаба были бы отведены на задний план. Печально думать, что такие мелкие человеческие слабости могли оказывать влияние на людей при решении великих вопросов.

Но ни одна профессия не свободна от этого. Мой опыт говорит мне, что лица военной профессии не менее, чем другие, подвержены разным слабостям, которые мешают правильному анализу.

Клемансо в это время не поставил бы Фоша над Петэном по причинам, о которых я говорю в другом месте. Ни Орландо, ни я в то время не могли поступить так, не вызвав сильнейшей оппозиции в законодательных органах и в военных кругах и не создав опасности быть дезавуированными на родине, что имело бы убийственное влияние на наши отношения с французской армией и французским народом.

Если этого сделать было нельзя, то можно было еще объединить резервы и подчинить их единому руководству. На этом и сосредоточил свое внимание версальский штаб, воплотив этот план в представленных им на рассмотрение совета двух замечательных меморандумах, известных под названием нот 12-й и 14-й (так как нота 12-я содержит исчерпывающий и сжатый обзор всего положения и послужила основой для дискуссий, имевших большие последствия, я счел нужным дать текст этого документа в приложении).

В этих двух «нотах» господствовала следующая точка зрения:

«Союзники имели дело с резким и едва ли не постоянным сдвигом в тех условиях, на которых основывалась их стратегия в прошлом, по сравнению с условиями, существовавшими действительно или предполагавшимися в то время, когда еще сражалась русская армия».

В нотах предусматривалось значительное наступление немцев на союзные позиции во Франции в начале весны. По мнению версальского штаба, немцы должны были двинуть в бой с самого начала 96 дивизий, не считая тех войск, которые могли вступить в сражение в дальнейшем. Они считали, что первая и важнейшая задача союзников заключается в организации тех сил, которые могли бы противостоять этой угрожающей германской атаке. Чтобы обеспечить прочность положения во Франции, союзники должны были иметь возможность постоянно поддерживать силы, которыми они обладали в данный момент, а также получить «ожидаемые подкрепления в количестве не менее двух американских дивизий в месяц». Это означало, что Франция и Англия должны были сделать усилия для сохранения в течение всего сражения своих войск в том количестве, какое они имели в тот момент. Военные представители считали также необходимым условием безопасности, чтобы механическое оснащение союзных армий было существенно и постоянно пополняемо ружьями, пулеметами, аэропланами и танками. Они придавали значение усилению и координированию системы союзной обороны «в особенности на участках, связанных с главным наступлением неприятеля». Их последнее и наиболее важное предложение было развито ими в специальном докладе. Они ставили условием,

«...чтобы все союзные войска во Франции рассматривались как единое целое в стратегическом отношении и чтобы расположение резервов, периодическая перегруппировка их в пунктах соединения между различными союзными войсками и фронтом и все остальные организационные элементы были подчинены этой идее».

Для тех из нас, кто потратил так много усилий для обеспечения стратегического единства, последнее предложение казалось, без сомнения, наиболее плодотворным во всем меморандуме. То, что союзники в течение трех лет не могли прорвать германскую линию фронта, несмотря на превосходство сил в полтора раза, было в сильнейшей степени, если не главным образом, вызвано тем, что немцы обладали неизмеримым преимуществом единого командования и могли без переговоров между командующими и правительствами, представляющими совершенно независимые армии на одном и том же фронте, распределять и перераспределять свои силы согласно требованию момента. Это для них имело большее значение, чем простое численное равенство, которое могли бы дать им крупные контингенты австрийских войск.

В силу этих причин я придавал больше значения предложениям о создании общих резервов, чем всем другим предложениям, содер-

жавшимся в меморандуме версальского штаба. Никакая переброска войск с русского фронта не могла дать немцам в 1918 г. даже временного превосходства на западном фронте, которое превышало бы 5%. Это небольшое превосходство, если бы оно и было достигнуто, исчезло бы весной, когда должны были прибыть американцы, и с самого начала оно было бы перекрыто несомненным превосходством союзников по ружьям, амуниции, пулеметам, танкам, аэропланам и, прежде всего, средствам передвижения. Когда военные представители перешли к рассмотрению вопроса о том, будет ли в течение 1918 г. возможность обеспечить на главнейших западных театрах действия окончательную или хотя бы сколько-нибудь решительную победу над неприятелем, они приняли прогноз Петэна:

«Если неприятелю не удастся получить перевес над союзниками, возникает вопрос, не представится ли для союзников какая-нибудь возможность в течение 1918 г. добиться на основных западных театрах успеха, если и не решающего, то хотя бы успеха серьезного, который дал бы перевес над противником. Военные представители держатся того мнения, что, за исключением такого успеха, который подразумевает неудачу наступления неприятеля или успеха, который может быть достигнут местным контрударом, оставляя в стороне такие невероятные и непредвиденные случайности, как внутреннее разложение враждебных нам государств или восстановление России как серьезного военного фактора, — такая победа не может быть обеспечена во время кампании 1918 г. Ни прибытие американских войск в этот период, ни такие подкрепления, которые могли бы быть обеспечены на любом из основных театров действия переброской войск с второстепенных фронтов, не изменят относительного положения враждебных армий столь существенно, чтобы можно было надеяться на такой перелом».

Судя по следующим заключительным строкам, военные представители казались примкнули к тезису Фоша о возможности общенаступления для достижения окончательного перелома:

«Это не должно, однако, помешать союзному генеральному штабу тщательно следить за ситуацией и в случае, если наступит неожиданно благоприятное стечение обстоятельств, перейти в энергичное наступление, к которому войска должны быть всегда готовы».

Во всяком случае оборона на западном фронте не должна носить пассивного характера, но должна быть разработана точно и на научном основании с целью извлечь максимальные выгоды из представившихся благоприятных возможностей на этом фронте».

Рассмотрение характера тех мероприятий, которые должны быть предприняты для защиты, так же как и использование любой возможности, которая представится, были изложены в другом докладе

военных экспертов. Здесь они намечали основной тезис об организации общего резерва под единым командованием с целью прийти на помощь при всяком непредвиденном случае или использовать любую возможность, которая тем самым представится. В образовании этого резерва должны были принять участие французские, британские и итальянские армии.

Эти мероприятия исключали возможность достигнуть какой-либо значительной победы на Балканах. Ввиду «мощности и относительной однородности многочисленных войск, направленных против них», эксперты считали возможным, что на этом театре военных действий союзные армии могут подвергнуться сильной атаке и вынуждены будут отступить. Чтобы предупредить эту возможность, они предлагали заранее подготовиться к отходу на другие позиции по более узкой линии фронта на территории собственно Греции и, если возможно, удержать Салоники.

В британской официальной истории войны указано, что на конференции в Компьене сэр Дуглас Хейг предложил, чтобы все британские и французские войска были убраны из Салоник и переправлены во Францию. Возможно, что он сделал такое предложение в процессе общего обмена мнениями. Такое предложение, если бы оно было принято, открыло бы всю Грецию, с ее удобными для подводных лодок портами, беспрепятственной оккупации центральных держав. Без всякого боя они обеспечили бы себе морские базы на наиболее уязвимых путях к Египту и к нашим владениям на Востоке. Средиземное море было бы фактически закрыто для наших судов. Греческий король Константин был бы податливым орудием в их руках; они могли использовать себя для любых целей, если бы они проявили по отношению к нему малейшую настойчивость. Он уже добровольно передал немцам две греческие дивизии. Если бы мы сняли все наши войска с Балкан, он предоставил бы всю греческую армию в распоряжение тех государств, которым он действительно симпатизировал. Болгарская армия, освобожденная от угрозы огромной армии союзников к югу от Балкан, могла бы уделить несколько дивизий для помощи тому или другому из своих северных союзников или для того, чтобы поддержать жестоко преследуемую турецкую армию и приостановить продвижение британских войск в Палестине. Признанное нами поражение на Балканах изменило бы в неблагоприятную сторону всю ситуацию на востоке, не дав нам большего количественного превосходства на западе, чем то, которым располагали британские армии во время фландрской кампании. Предложение Хейга было, очевидно, нелепым настолько, что оно не получило поддержки со стороны всех прочих военных — англичан, французов и итальянцев — и, следовательно, никогда не было серьезно представлено конференции. Ни сэр Дуглас Хейг, ни сэр Виллиам Робертсон никогда даже не намекали кабинету, что у них были такие мысли.

Я никогда и не узнал бы об этом предложении, если бы о нем не упоминалось в официальной истории войны.

Военные представители в Версале после обсуждения вопроса

о западном фронте и Салониках решительно настаивали на том, чтобы сделать попытку

«...нанести ряд столь уничтожающих поражений туредким армиям, которые привели бы к окончательной гибели Турции и устранению от участия в войне; это имело не только решающие последствия для всего военного положения, но могло бы также, если бы это дело не было отложено слишком надолго, дать со временем союзникам возможность притти в непосредственное соприкосновение и оказать действительную помощь таким элементам сопротивления господству Германии, которые еще существуют в Румынии и южной России».

Для достижения этой цели военные представители не считали нужным снять какие-либо воинские части или послать подкрепления за счет западного фронта. Они полагали что:

«...находящиеся в Палестине и Месопотамии союзные войска уже настолько превосходят неприятеля численностью, снаряжением и боевым духом, что вполне оправдывают надежду на успешное выполнение этих операций местными войсками при условии, что силы их будут сохранены в полной мере. На туредкий фронт следует бросить любое небольшое пополнение, которое может быть обеспечено после окончания военных операций в восточной Африке либо путем формирования новых частей в Индии или во французских колониях путем переброски излишних кавалерийских частей с западного театра, либо, быть может, несколько позднее, путем переброски одной или двух дивизий из Салоник, если неприятель не предпримет никакого серьезного наступления на Балканах, а организация греческой армии настолько улучшится, что греки в состоянии будут заменить снятые дивизии».

Что касается итальянского фронта, то большая часть предложений затрагивала вопрос о реорганизации итальянской армии. Предложение, выдвинутое Клемансо на первом совещании верховного совета относительно общесоюзного наступления в крупных масштабах на итальянском фронте, сочувствия не встретило. Все чувствовали, что слишком поздно рассматривать такого рода проект в такой момент, когда германская орда собирала силы на востоке и на западе для грандиозного наступления на союзников во Франции. Фактически 12-я нота была подписана союзными военными представителями в тот день, когда Людендорф окончательно решил, что его первая крупная атака будет предпринята на британском фронте в самый кратчайший срок, который только возможен для организации такой гигантской операции.

4. СОВЕЩАНИЕ ВЕРХОВНОГО СОЮЗНОГО СОВЕТА

Заседание верховного совета для изучения военного положения и предложений военных экспертов состоялось 30 января и продолжалось четыре дня. Основной задачей совета было утверждение меро-

приятый, предложенных для того, чтобы обеспечить объединенный фронт в этот критический год. Главное место среди этих мероприятий занимала схема организации особого общего резерва. До меня дошли слухи, что оба главнокомандующих относились к этому предложению резко отрицательно. Им не была по душе ни сама идея, ни намерение подчинить их стратегические планы авторитету генерала Фоша. Когда Милнер и я прибыли в Версаль и слышали пересуды генштабистов, мы ожидали, что предложение относительно общего резерва встретит недоброжелательный прием.

Совещание в Трианонском дворце было замечательно не только в силу важности рассматриваемых вопросов, но и потому, что на совещании присутствовали лица, вполне представлявшие свои правительства и страны. Председествовавший Клемансо был окружен целой плеядой министров всех союзных стран. Присутствовали главнокомандующие (маршал Хейг и генерал Петэн) и начальники штабов Франции и Британии — генерал Фош и сэр Вильям Робертсон. Было представлено командование итальянской бельгийской армии, а также союзных флотов. Присутствовали военные представители верховного совета. Америка была представлена генералом Блиссом. Никто не мог бы оспаривать авторитетного характера совещания, на котором были полностью представлены не только союзные правительства, но также военные и морские ведомства союзников.

Прежде чем совещание перешло к разбору предложений об образовании общего резерва, состоялось всеобщее обсуждение положения на западе. Ничто так не поражает при чтении протоколов этого совещания и меморандумов, представленных союзными генеральными штабами, как та переоценка сил неприятеля, которую проявляли все наши военные советники; они в то же время недооценивали свои возможности в кампании 1918 г. Генерал Фош являлся единственным человеком, не разделявшим пессимизма всех остальных. Был ряд фактов, которых они или совершенно не знали или не осознавали. Они или не были осведомлены или недооценивали значение серьезного недостатка продовольствия и топлива у неприятеля. Этот недостаток безусловно ускорял катастрофу для центральных государств, деморализуя армию и препятствуя ее передвижению, ослаблял дух и волю нации в тылу армии и отнимал также у немцев и австрийцев преимущества мира, заключенного с Россией: они вынуждены были держать значительные силы в России с целью использовать ее продовольственные ресурсы. Существовало также непонятное согласие между всеми военными руководителями в том, что участие Америки не будет иметь существенного влияния на ход кампании 1918 г. Сэр Дуглас Хейг сомневался, может ли он рассчитывать в 1918 г. «на американские войска в пределах восьми дивизий». И он прибавляет:

«Что касается американских сил, то наш собственный опыт показывает, что наши новые дивизии нуждались в десяти-месячном обучении на родине и в шести месяцах обучения во

Франции, для того чтобы быть пригодными для участия в сражениях, хотя уже до этого они могли быть использованы на второстепенных участках фронта. Нельзя также ожидать, что американские дивизии могут быть размещены на линии фронта в сколько-нибудь значительном количестве, не вызвав сильную германскую атаку на этом именно участке. Таким образом союзники не могут рассчитывать на реальную помощь американских войск в этом году».

Поэтому Хейг пришел к следующему заключению:

«Крупное наступление в таких размерах, как указывал генерал Фош, неосуществимо».

В сущности Хейг высказал весьма пессимистический взгляд на перспективы; он считал, что «если неприятель атакует нас большими силами, то наше положение к осени будет очень серьезным».

Это свидетельствовало о том, что он спустился с тех высот экзальтации, на которых он пребывал в октябре 1917 г. Иногда он думал, что германская армия была настолько деморализована и что ее резервы были настолько истощены, что если мы дадим английской армии подкрепления (в чем у нас не было недостатка, ввиду сформированных нами, хорошо оснащенных механически частей), то одна армия Хейга сможет вести победоносное наступление против немцев. В том случае, конечно, если французы будут удерживать свой фронт и производить атаки с целью потревожить неприятеля и этим показать, что французская армия все еще жива и занимает определенную позицию на фронте. Не было никаких новых факторов, которые могли бы объяснить то депрессивное состояние, в которое он впал, так как уже ранее Хейг полностью учел возможность переброски отборных германских дивизий с русского фронта и ее последствия.

Сэр Виллиам Робертсон также считал невозможным значительное наступление союзников в 1918 г. Он заявил, что генерал Фош «предлагал наступление в более крупных масштабах, чем то было возможно». Генерал Петэн был того же мнения и заявил:

«Что касается американской армии, то я вполне разделяю взгляды сэра Дугласа Хейга. В сущности, по его мнению, американская армия, если она захочет сохранить свою автономию, не может быть использована союзниками, если не считать лишь некоторых второстепенных участков фронта».

Все мы знаем, насколько эти пессимистические оценки американской помощи были опровергнуты событиями.

Когда мы приняли решение относительно создания общего резерва, то, помнится, и сэр Виллиам Робертсон, и сэр Дуглас Хейг, и генерал Петэн присутствовали на этом совещании, принимали участие в обсуждении и голосовании за резолюцию, которая была в конце концов принята. Не было ни с одной стороны ни одного

возражения, когда окончательный план был предложен совещанию. Г-н Клемансо открыл собрание, предложив на обсуждение четыре вопроса:

«Будем ли мы создавать общий резерв?

Будет ли это резерв для всего фронта от Северного моря до Адриатики?

Как мы будем распоряжаться этим резервом?

Кому будет принадлежать командование?

Генерал Фош ответил, что в существующих на западном фронте условиях мы вынуждены защищать линию от Нью-порта до Венеции, не зная, где сосредоточит войска неприятель, где и когда может начаться атака с его стороны. При такой ситуации очень трудно полностью разрешить вопрос о резерве. Тем не менее, необходимость иметь такой резерв абсолютно бесспорна. Кроме того, не подлежит сомнению, что общий резерв должен быть создан для всего фронта от Северного моря до Адриатики, а следовательно, он должен быть создан из состава британской, французской и итальянской армий. Этот резерв должен дополнять те дивизии, которые каждая армия имеет позади своей линии фронта. Необходимо также создать командование резервом, которому надлежит решать вопрос о том, когда и как его следует использовать, как организовать его переброску на север или юг; все детали должны быть решены совместно с командующими тех армий, в распоряжение которых этот резерв будет отправлен. Короче говоря, необходимо единое командование, способное организовать, сохранять и готовить общий резерв к использованию его в различных армиях, в согласии с командованием этих армий. Когда наступит момент для применения резерва, то же командование должно решить вопрос о его использовании, должно организовать транспорт и снабжение продовольствием этого участка боевой линии фронта, на котором будет использован резерв. Так как общий резерв может быть использован для подкрепления любого союзника, центральное командование должно быть по своему характеру общесоюзным. Оно должно быть способно и правомочно провести все необходимые приготовления. Тем не менее, этот межсоюзный орган должен принимать решения и в том случае, когда представители правительства не находились в Версале. В сущности командование должно быть общесоюзным исполнительным органом. Единственный вопрос, который возникает при этом, это вопрос о том, каким образом должно быть сконституировано это командование. Генерал Фош заявил, что если бы его просили дать конкретный план, то он предложил бы собрать начальников штабов, которые консультируют свои правительства по различным вопросам, для того чтобы они могли сообща выполнять поставленные задачи. К ним как основным членам создаваемого центрального командования дол-

жны быть прикомандированы представители американской и бельгийской армий».

Ввиду этих серьезных споров, которые впоследствии возникли по поводу выполнения принятых резолюций, заслуживает особого внимания возражение, сделанное тогда же сэром Виллиамом Робертсоном в связи с речью генерала Фоша.

«Генерал Робертсон заявил, что он в общем согласен с генералом Фошем о необходимости создания общего резерва. Основной проблемой, однако, остается вопрос о распоряжении этим резервом. Если бы этот вопрос был разрешен, вопрос о составе резерва разрешился бы сам собой. Он сам сомневается в необходимости общего резерва в данный момент, так как по большей части союзные войска нужны на том именно участке, где они находятся в данный момент, за исключением Италии. В любой день, однако, может возникнуть необходимость в создании предполагаемого резерва, и поэтому вопрос о его организации должен быть детально рассмотрен. Он согласен с генералом Фошем, что лучше всего поручить командование резервом начальникам штабов. Такого рода организация прекрасно подошла бы для Великобритании и Франции, но не подходит для Италии, так как у итальянцев нет начальника штаба, если не считать главнокомандующего армии. Мне известно также, что генералу Першингу поручено командование всеми американскими войсками во Франции. Вопрос об американском и итальянском представительстве в командовании резервами потребует детальной разработки; но это небольшое затруднение может быть преодолено. Кто бы ни командовал резервом, он должен быть в состоянии отдавать распоряжения немедленно, как только возникает в том необходимость».

Это заявление, которое так ярко отражает мнение сэра Виллиама Робертсона о желательности предоставить право распоряжаться резервами тем, кто находится на местах, т. е. самим командирам армии, имело значительное влияние на последующую полемику, развернувшуюся по этому вопросу.

«Командование резервом, однако, должно как можно меньше вторгаться в сферу деятельности главнокомандующих, которые несут ответственность перед своими правительствами. Центральное командование должно осуществлять те задачи, которые не могут быть выполнены главнокомандующим одного из фронтов».

Следует отметить, что сэр Виллиам Робертсон заявил, что он в общем согласен с Фошем о необходимости создать общий резерв на крайний случай. Он также одобрил мысль о резервах разноразнонационального состава с независимым командованием и выразил сомнение лишь относительно того, когда эти резервы должны были быть созданы. Что касается состава командования, то он настаивал,

что, поскольку дело касалось Франции и Англии, то лучше всего назначить в состав командования начальников штабов.

В процессе обсуждения выяснилось, что этот общий резерв, действуя согласованно с начальниками штабов, должен быть независим от них в вопросе о распределении войск, составляющих резерв. Таким образом ни у Робертсона, ни у Петэна, ни у Хейга не было принципиальных возражений против самой идеи независимости общего резерва.

Клемансо высказал это с обычной для него ясностью.

«В настоящий момент он не собирается дебатировать вопрос, а хочет лишь знать, о чем идет речь... Насколько он понимает, каждый генерал будет иметь свои собственные резервы; например, будут французские, британские, итальянские и американские резервы. При этих условиях он не представляет себе, каким образом будет создана та великая армия резервов, к которой он стремится. Он не намерен в данный момент обсуждать этот вопрос с военной точки зрения, а лишь с точки зрения здравого смысла. Если каждый генерал будет иметь право свободно распоряжаться своими резервами, то что из этого выйдет? Если подвергается нападению один генерал, он начнет постепенно расходовать свои резервы, пока не останется ничего. В то же время генерал, командующий смежной армией, сохранит все свои резервы. Так может возникнуть очень опасное положение. Когда был поднят вопрос о создании общесоюзного резерва, рассуждали так: раз мы не можем иметь общего главнокомандующего, как Ганнибал или Карл Великий, мы будем иметь, по крайней мере, одного командующего резервом. Он считал крайне желательным создать резервную армию союзников, которая могла бы быть отправлена в любой пункт, где она может быть полезна».

Генералы Кадорна, Петэн и Блисс ясно показали, что они были прекрасно осведомлены о характере соглашения. Ответ, данный генералом Петэном на вопрос, поставленный синьором Орландо, отчетливо показывает это.

«Синьор Орландо заявил, что когда генерал Петэн говорил о распоряжении резервами со стороны нового центрального командования, он понял, что речь идет о резервах, находящихся в распоряжении отдельных армий. Каждая армия попрежнему будет иметь свои собственные резервы в дополнение к тому, который находится в распоряжении общесоюзного центрального органа.

Генерал Петэн ответил утвердительно. Основная идея заключается в том, чтобы образовать общесоюзный резерв в дополнение к местным резервам отдельных армий».

После того как все в принципе согласилось с созданием особого и независимого резерва и когда стало совершенно очевидно, что он будет находиться под контролем не главнокомандующих

армий, а центрального командования, которое надлежит создать, совет перешел к рассмотрению вопроса о составе и формировании самого командования.

В заключение была принята единогласно следующая резолюция:

1. Верховный военный совет решает создать общий резерв для всех армий на западном, итальянском и балканском фронтах.

2. Верховный совет избирает представителей в командование из состава постоянных военных представителей Великобритании, Италии, США при генерале Фоше, действующем от имени Франции; этому командованию предоставляются следующие права в консультации с главнокомандующими армий:

а) Определение сил всех видов оружия и состава общего резерва и, кроме того, доли участия в резервах каждой национальной армии.

б) Установление обычного местопребывания общего резерва.

в) Подготовка условий для перевозки и концентрации общего резерва на различных участках фронта.

г) Решение вопроса и издание приказов о времени, месте и сроке использования общего резерва; приказы командования о переброске общего резерва должны быть переданы таким образом и теми лицами, которые будут указаны в каждом отдельном случае верховным военным советом.

д) Определение времени, места и характера контрнаступления союзников и затем передача одному или нескольким главнокомандующим армиями необходимых для этих операций войск. Как только начнется переброска общего резерва или части его, он переходит в распоряжение того главнокомандующего, в помощь которому этот резерв отправлен.

е) Пока не начнется переброска общего резерва, он будет находиться в вопросах дисциплины, инструктажа и командования в ведении соответствующих главнокомандующих армиями, но никто, кроме командования резервом не будет иметь права издавать приказов о переброске резерва.

3. В случае непримиримых расхождений во мнениях по особо важным вопросам, относящимся к общему резерву, каждый военный представитель в командовании резервом имеет право апеллировать к верховному совету.

4. Чтобы облегчить себе принятие тех или иных решений, командование резервом имеет право отправиться на любой театр военных действий.

5. Верховный военный совет назначает председателя командования резервом из числа его членов.

Я предложил, чтобы новый орган командования имел председателя и чтобы этим председателем был генерал Фош. Я мотивировал свое предложение следующим образом:

«Г-н Ллойд Джордж считает крайне желательным, чтобы предполагаемый орган командования, поскольку он должен обладать определенной исполнительной властью, имел предсе-

дателя. Некоторые члены Верховного военного совета желают, чтобы имя председателя было внесено в текст резолюции, определяющей организацию командования. Однако, по его мнению, лучше от этого отказаться. Пусть Верховный военный совет назначит главу командования; необходимо, чтобы последний имел особую квалификацию. Члены Верховного совета согласились или, вернее, достигли соглашения глав трех правительств, присутствовавших на этом совещании. Хотя президент Соединенных штатов отсутствовал, они исходили из того, что он даст свое согласие на то, что наиболее подходящим лицом для президента является генерал Фош; порукой этому его опыт, его репутация, его большой военный талант и его прошлая карьера.

Генерал Блисс заявил, что он уверен в согласии президента Вильсона с предложением о назначении Фоша.

Г-н Ллойд Джордж изложил далее причины, по которым он и его коллеги пришли к этому решению. Генерал Фош был любим не только по отношению к Франции, но и к союзникам. Когда британская армия во Фландрии переживала затруднения, Фош приложил все свои силы, чтобы оказать ей помощь. Эта помощь была настолько быстрой и великодушной, что поистине генерала Фоша можно было бы считать англичанином. С другой стороны, когда в тяжелом положении была Италия, генерал Фош без всяких колебаний и под свою собственную ответственность решил послать войска ей на помощь. Генерал Фош, таким образом, пользуется доверием не только французов, но также англичан и итальянцев, и, как он счастлив слышать, так же и американцев. Он вполне уверен, что как глава командования Фош будет вполне беспристрастен. Поэтому он очень рад иметь возможность довести до сведения присутствующих это решение Верховного военного совета».

Я уже раньше сделал на частном совещании это предложение г. Клемансо и синьору Орландо и внес таким образом это предложение с их согласия.

Политическая линия, формулированная версальским общесоюзным штабом, была таким образом окончательно принята верховным советом и одобрена союзниками. Основные принципы ее заключались в следующем:

1. Организация всех сил союзников для обороны против германского наступления на основе единого фронта. Для выполнения этой задачи, центральному командованию дается право создать и управлять общим резервом для использования его на любом участке фронта, на котором это командование найдет целесообразным, и направить этот резерв для обороны или контратаки. Совет назначает генерала Фоша председателем общесоюзного командования или совета командиров, которому дано право распоряжения общим резервом. На западе полное распоряжение союзными армиями было в конце концов поручено тому же Фошу. Это было, несомненно,

лучше первоначального плана. Но Фош в такой степени принадлежало первенство командования, что в действительности проведение этой схемы предоставило бы ему верховную власть над всей стратегией союзников на западе.

2. Тщательное наблюдение за общей ситуацией на фронте на случай неожиданного благоприятного стечения обстоятельств для значительного наступления.

Оборона «не должна носить исключительно пассивного характера, но должна быть разработана точно, с тем чтобы извлечь максимум преимуществ из любой ситуации, которая может возникнуть на западном фронте».

Фош был единственным генералом, который верил, что такого рода ситуация может возникнуть в 1918 г.

Версальское совещание закончилось полным согласием всех государственных деятелей и генералов союзных держав в вопросе о плане кампании, которую в течение 1918 г. должны были вести союзные армии на всех фронтах.

Я не помню ни одного противоположного мнения, высказанного кем-либо, когда резолюция была предложена совещанию и окончательно принята; у меня нет сведений о протесте с чьей бы то ни было стороны.

Обсуждение велось очень свободно; государственные деятели и генералы полностью высказали свое мнение. Однако ни в то время, когда резолюция была предложена совещанию, ни после окончания его правительство не получило ни одного протеста от кого-либо из генералов, и попрежнему все одобряли принятое советом решение.

ПРИЛОЖЕНИЕ ПЕРВОЕ

Меморандум № 12

«Военные представители в Версале имеют честь довести до Вашего сведения, что на совещании 21 января 1918 года ими была принята следующая резолюция:

1. При представлении Верховному военному совету своих соображений о предстоящих в 1918 г. военных действиях военные представители считают необходимым вкратце ознакомить Верховный военный совет с теми принципами, на которых эти соображения основываются.

2. Положение на всех театрах военных действий, главных и второстепенных, рассматривалось военными экспертами, главным образом, с точки зрения безопасности фронта и затем уже под углом зрения тех возможностей, которые могли бы представиться для того, чтобы одержать, если не решающие, то во всяком случае серьезные по своим последствиям успехи на данном театре военных действий.

3. Военные представители полагают, что Соединенное королевство не испытает какого-либо вторжения неприятеля в его пределы и что необходимые меры для ограждения его от возможности подобного нападения со стороны морских, военных и

воздушных сил не могут послужить препятствием для операций британских военных сил на континенте.

4. После тщательного и исчерпывающего изучения данного вопроса было установлено, что безопасность Франции также может быть обеспечена. Но, принимая во внимание силу неприятельского удара на этом фронте и то, что, по мнению военных представителей, наступление неприятеля может вестись с помощью войск численностью до 96 дивизий, исключая те, которые могут быть введены в бой по мере развертывания атаки, военные представители считают необходимым добавить, что безопасность Франции в 1918 г. может быть обеспечена лишь при наличии известных условий, а именно:

а) Французские и британские военные силы во Франции не должны быть численно меньше, чем теперь, и получать ожидаемые подкрепления из Америки в количестве не менее двух дивизий в месяц.

б) Существенное и растущее пополнение военного снаряжения союзников орудиями всех калибров, пулеметами, аэропланами и танками при наличии соответствующего обслуживающего персонала, а также при условии эффективного и координированного использования как всего вышеуказанного, так и прочего механического оборудования армии.

г) Принятие всех необходимых мер для укрепления и координирования оборонительной системы союзников, в особенности на тех участках, которые могут подвергнуться серьезному нападению.

д) Рассмотрение всего союзного фронта во Франции как единой стратегической арены военных действий. Это соображение должно быть определяющим при распределении резервов, при периодическом изменении пунктов связи между остальными союзными армиями и при всех других мероприятиях.

5. Военные представители полагают, что Италия также находится в безопасности от дальнейшего вторжения неприятеля, но опять-таки при наличии известных условий, а именно:

а) что к 1 мая итальянская армия будет реорганизована, пройдет военное обучение и будет снабжена артиллерией; что несколько позиций позади линии фронта будут снабжены современным оборудованием;

б) что будет усилено скоростное железнодорожное движение как в самой Италии, так и между Италией и Францией, для того чтобы можно было обеспечить стратегическое единство на обоих театрах войны;

в) что наряду с мерами, которые примет итальянское правительство против пафистских настроений, союзники окажут Италии помощь, снабжая ее углем, пшеницей и прочими предметами первой необходимости, оказывая ей также финансовую поддержку и тем предотвращая положение, которое может повлечь за собой ослабление внутренних сил сопротивления в стране.

6. Если предпосылки §§ 3, 4 и 5 будут осуществлены, то следующие выводы могут считаться принятыми: в 1918 г. неприятель не сможет получить такого перевеса на главных театрах военных действий, который дал бы ему возможность окончательно сломить сопротивление какой-либо из союзных держав.

7. Если неприятелю не удастся получить перевес над союзниками, то возникает вопрос о том, не представится ли для союзников в свою очередь возможность добиться в 1918 г. если не решающего, то серьезного по своим последствиям перевеса над врагом. Военные представители придерживаются того мнения, что помимо известных успехов, вызванных неудачным наступлением неприятеля или успеха частичных местных контратак, а также не принимая в расчет маловероятных предположений о внутреннем разложении неприятельских держав или же восстановления России в качестве серьезного военного фактора, следует считать достижение такого перевеса союзников над неприятелем в 1918 г. маловероятным. Ни ожидаемый приток американских войск, ни подкрепления, которые смогут прибыть на главные театры военных действий благодаря переброске определенного количества войск с второстепенных фронтов сверх необходимого для обороны количества, — не будут иметь существенного значения для соотношения сил воюющих сторон и не смогут оправдать надежд на достижение такого перевеса над врагом. Это не должно, однако, мешать генеральным штабам союзников тщательно следить за общей ситуацией на фронте на случай возникновения неожиданного благоприятного стечения обстоятельств и использования таковых для перехода в энергичное наступление, к которому войска должны быть всегда готовы. Во всяком случае, оборона на западном фронте не должна носить пассивного характера, а должна быть точно разработана с целью извлечения максимальных выгод из обстановки на этом фронте. В приложенной к настоящему меморандуму записке подробно изложены меры, которые необходимо принять в этом направлении.

8. Союзникам поэтому пришлось столкнуться если не с постоянным, то с весьма существенным изменением условий, на которых они основывали свою стратегию, против того времени, когда существовала еще русская армия. Перед ними возникает вопрос о том, какие должны быть внесены поправки в стратегические планы с целью полного использования тех возможностей, которые могут представиться во время царящего на западных фронтах затишья. Иначе говоря, до наступления той перемены в соотношении сил, которой мы надеемся достигнуть в 1919 г. в связи с непрерывным притоком американских войск, орудий, аэропланов, танков и пр., с одной стороны, и возрастающим истощением и ослаблением сопротивляемости неприятеля — с другой, необходимо решить вопрос, что именно следует предпринять против неприятеля на других фронтах

кроме западного; что может оказать серьезное влияние на политическую ситуацию на Ближнем Востоке и в России, как во время самой войны, так и впоследствии, что может подготовить почву для последующих решающих действий против главных неприятельских сил. Если пройдет год, и мы не предпримем наступление хоть на каком-либо фронте, или предоставим всецело инициативу неприятелю, это будет, по мнению военных представителей, серьезной стратегической ошибкой, не говоря уже о том, какое пагубное моральное влияние подобная политика будет иметь на союзные нации.

9. Возможность достигнуть решающего перевеса на балканском фронте в настоящий момент явно исключена вследствие численности и относительной однородности неприятельских войск, а также превосходства транспортной системы неприятеля. Вполне возможно, что союзникам на этом фронте придется выдержать натиск неприятельских армий, перед которым союзники вынуждены будут отступить. Эта возможность сама по себе, конечно, нежелательна, но она не должна, однако, возбуждать серьезных опасений, если будут приняты своевременные меры, для того чтобы занять менее растянутые и более укрепленные линии на территории самой Греции и по возможности у Салоник.

10. Остается турецкий фронт. Нанесение ряда сокрушительных ударов турецкой армии, которые привели бы к окончательному поражению Турции и устранению ее с театра войны, оказало бы не только самое серьезное влияние на общее военное положение, но предоставило бы союзникам возможность связаться с теми элементами, которые оказывают сопротивление германскому владычеству в Румынии или на юге России, и оказать им существенную помощь. Даже более слабый успех, который позволил бы окончательно освободить аравийские области Османской империи от турецкого ига и принудил бы германцев отвлечь значительные силы на Восток с целью спасти Турцию от полного разгрома, — даже такой успех значительно упрочил бы положение союзников: с точки зрения общего военного положения и возможности мирных переговоров такой успех оправдал бы все направленные к достижению его усилия без нанесения ущерба нашим оборонительным операциям на западном театре войны.

11. Турция находится сейчас в состоянии полного материального и морального истощения. Численность турецкой армии постепенно уменьшалась и ныне в лучшем случае достигает лишь 250 тысяч человек. При серьезном натиске турецкая армия уменьшится еще сильнее ввиду полного отсутствия резервов. При этом турецкие войска разбросаны — и в силу необходимости должны быть разбросаны и в дальнейшем — на огромных пространствах. Пути сообщения между различными фронтами настолько плохи, что всякое передвижение войск производится чрезвычайно медленно и с большой убылью лю-

дей вследствие болезней и дезертирства. Главная магистраль, соединяющая Константинополь с центральными державами, при очень ничтожной пропускной способности подвергается к тому же нападению со стороны наших воздушных сил. Подкрепления из Германии людьми и снаряжением поступают чрезвычайно медленно, и доставка их является сильной нагрузкой для транспортных ресурсов неприятеля.

12. Военные представители полностью учитывают, что ввиду возможной угрозы на западном фронте, а также затруднений с транспортом при теперешних условиях не может быть и речи о переброске крупных войсковых частей с западного на восточный фронт. Они тем не менее полагают, что силы союзников в Палестине и Месопотамии уже и теперь в достаточной мере превосходят по численности, оборудованию и моральному духу противника, чтобы оправдать надежду на ведение успешных операций наличными военными силами при условии, что они постоянно будут сохранять свою боевую готовность. Военные представители настаивают на том, чтобы сосредоточить на турецком фронте дополнительные подкрепления путем ликвидации военных действий в Восточной Африке, путем набора новых частей в Индии и во французских владениях, путем переброски излишних кавалерийских частей с западного театра военных действий или же, в дальнейшем, путем переброски одной, двух дивизий из Салоник, в случае если неприятель не предпримет серьезного наступления на Балканах и если организация греческой армии пойдет настолько успешно, что можно будет положить на замену частей за счет отосланных из Греции дивизий.

13. Однако достижение решающих результатов на этом театре военных действий зависит не столько от численности армии, сколько от средств передвижения. Трудность заключается не в том, чтобы выбить из определенных позиций турецкие войска, а в самой возможности преследовать их, препятствовать тому, чтобы они сплотились вновь, оправились от поражения и получали подкрепление, в том, чтобы таким образом обратить их отступление в полный разгром и окончательное уничтожение. Вопрос заключается отчасти в подвижности сил союзников, т. е. в их способности к быстрому продвижению вперед на значительные расстояния от ближайшего железнодорожного узла или порта и отчасти в той быстроте и энергии, с которой союзники могут проложить новые железные дороги широкой и узкой колеи или подвесные, а также ремонтировать и оборудовать подвижным составом существующие железные дороги, открыть новые и расширить базы на побережье. Все это, конечно, потребует больших усилий. Но от успешного выполнения этой задачи будет зависеть достижение решающих результатов для общего дела союзников в 1918 г. Учитывая материальные и технические ресурсы, которыми располагают союзники не только в Европе, но и в Египте, Индии, британ-

ских доминионах и в Соединённых штатах, следует заметить, что такие усилия не выходят за пределы тех возможностей, которые могут быть использованы.

14. Наличный тоннаж и суда для конвоирования в значительной мере ограничивают и фактическое снабжение войск провиантом и военным снаряжением, и поставку материалов для железных дорог, и возможность тех или иных стратегических операций, зависящих от морского транспорта. Все, что может способствовать росту местного снабжения в областях к востоку от Суэцкого канала, — как например, оккупация Хорана — облегчило бы разрешение проблемы тоннажа и конвоирования в Средиземном море и в той же мере освободило бы суда для морского транспорта воинских частей, если бы по стратегическим соображениям в них была необходимость.

15. Авиация имеет исключительно важное значение для этого театра военных действий как по тем возможностям, которые представляет авиация для нападений с воздуха на турецкие пути сообщения, так и благодаря тем преимуществам, которые даёт превосходство воздушных сил в районах с ограниченными средствами передвижения, при затруднительности прикрытия и при слабых противовоздушных сооружениях. Этим превосходством пользуются и теперь союзники на турецком фронте; следует принять меры к поддержанию и даже усилению этого превосходства. Устройство независимых стратегических авиационных баз на Кипре и в Эгейском море и организация авиосообщения в восточной части Средиземного моря для обеспечения единого плана наступления являются весьма существенными для всяких серьезных операций против Турции.

16. Анализ положения в Турции и преследуемых союзниками политических целей в этой части земного шара дал военным представителям твердую уверенность в необходимости того, чтобы стратегия и политика шли рука об руку и чтобы между ними не было никаких расхождений. Успешные военные операции сами по себе вызывают глубокие сдвиги в политической ситуации в Турции и на Ближнем Востоке; но этим успехам можно способствовать проведением определенной, согласованной и действенной политической программы среди нетурецких народностей Османской империи и среди самих турок. Отсутствие согласованности у министров иностранных дел в разрешении вопросов, связанных непосредственно или косвенно с положением на Ближнем Востоке, наличие какого бы то ни было взаимного недоверия или индивидуальных происков неминуемо причинит ущерб союзникам не только с точки зрения будущего мира, но и с точки зрения военных операций сегоднешнего дня.

17. В тезисах предыдущих параграфов меморандума подчеркнута необходимость самого тесного контакта и согласованных действий не только союзных военных сил в Палестине, Месопотамии и Армении, но также морских и воздушных сил

союзников по всему побережью Азиатской Турции и местных правительств в Египте, Индии, Кипре, точнее, во всякой стране, способной поставлять сырье, продовольствие или рабочие руки; не менее настоятельно необходим тесный контакт союзных дипломатических учреждений. Для успешного нападения на Турцию чрезвычайно существенно, чтобы это нападение представляло собою не ряд разрозненных операций, а осуществление координированного плана действий, имеющего своей целью устранение из участия в войне одной из враждебных держав — Турции.

18. Военные представители полагают, что не их обязанность предлагать те или иные — особые для каждого отдельного фронта — операции, с помощью которых следует осуществить успешное наступление на Турцию. Это может сделать только главнокомандующий, на которого будет возложено координирование и выполнение этих операций. Имеются, конечно, такие пункты, на которые необходимо направить внимание в первую очередь, как например, Хайфа, дружественная нам хлеботорная область Хорана, Дамаск и Бейрут. Все это важные объекты не только по их значению в военном, экономическом и политическом отношениях, но также и потому, что турецкие войска вряд ли уступят их без боя и поэтому потерпят существенный урон. Но военные представители, повторяем, считают своим долгом лишь наметить общую политическую линию войны, которая, будучи успешной, материально упрочит положение союзников и с точки зрения дальнейшего продолжения борьбы в 1919 г., и под углом зрения готовности неприятеля пойти на мирное соглашение на приемлемых для нас условиях.

19. Руководствуясь этими соображениями и после тщательного изучения военной проблемы на 1918 год, военные представители пришли к заключению, что при выполнении известных условий неприятель не сможет получить перевеса над союзниками на главном западном театре войны; они также пришли к заключению, что и союзники — помимо какого-либо в настоящий момент непредвиденного благоприятного стечения обстоятельств — также не смогут получить реального перевеса над врагом на этом фронте. Взвесив все факторы, оказывающие влияние на военные и политические положения на турецком фронте, военные представители полагают, что союзникам следует повести решительное наступление на Турцию, чтобы разгромить турецкую армию и окончательно сломить ее сопротивление.

Вейган

Генри Вильсон

Л. Кадорна

Военный предст. Франц.
секции Верховного
военного совета

Генерал. воен. предст.
Британ. секции Верхов-
ного военного совета

Военный предст. Итальян.
секции Верховного военного
совета

Версаль, 21 января 1918 г.»

Первое обращение Клемансо к Верховному военному совету

«Я полагаю, что рассмотрение вопроса о военной кампании 1918 г. является важнейшей проблемой, которая стоит перед Верховным военным советом. Чтобы дать нам возможность принять то или иное решение, я предложил бы моим коллегам поручить нашим постоянным военным советникам приступить к детальному изучению нынешнего военного положения и представить нам свои заключения относительно тех операций, которые они сочтут нужным нам рекомендовать.

Как первый шаг в этом направлении необходимо, чтобы каждое правительство затребовало заключения по этому вопросу от своего генерального штаба, который в свою очередь должен немедленно передать их на рассмотрение постоянным военным советникам при Верховном военном совете. Я попросил бы моих коллег немедленно об этом распорядиться.

За последнее время произошли перемены в общей военной ситуации, на которых я считал бы необходимым заострить внимание наших постоянных военных советников и которые им необходимо будет учесть при разработке своего доклада.

Первым из этих сдвигов является положение в России. Я полагал бы необходимым рекомендовать постоянным военным советникам принять в своем обследовании за основу то положение, что в 1918 г. нельзя рассчитывать на военную помощь России. В связи с этим им предстоит на основании данных, полученных от генеральных штабов союзников, определить численность тех неприятельских военных сил, которые вследствие выхода России из строя освободятся для неприятельских операций на других фронтах.

Вторым важным пунктом в настоящей военной ситуации является Италия. После серьезной неудачи, близкой к катастрофе, на итальянском фронте в настоящий момент восстановлено равновесие. В первый раз за все время войны на этом фронте сосредоточены значительные британские и французские силы. Несомненно, что отвлечение этих сил с западного фронта было очень чувствительно для англо-французских армий и что вследствие этого соответственно ослаблена их наступательная и оборонительная способность. Естественно возникает вопрос о том, не следует ли перейти в наступление при скоплении на итальянском фронте столь значительных сил.

Третьим новым фактором 1918 г. является постепенный рост сил нашего нового союзника на западном фронте — Соединенных штатов Америки. В какой мере мы можем рассчитывать на помощь американских армий в 1918 г.? Это в значительной мере будет зависеть от состояния морского транспорта. На этот последний вопрос военным советникам следует обратить сугубое внимание ввиду его чрезвычайной важности. За послед-

ние несколько дней эксперты по морскому транспорту всех заинтересованных стран были заняты изучением этого вопроса, и им предложено было подготовить расчеты относительно того числа американских дивизий, которое может быть доставлено во Францию в течение 1918 г. О результатах этих расчетов вы будете своевременно оповещены.

Восстановление морского транспорта может само по себе оказать серьезное влияние на действия союзников в 1918 г. Наладить морской транспорт тем более важно, что мы должны во что бы то ни стало оградить себя от риска того, что кто-либо из союзников будет истощен или выведен из строя, так как это было бы большим бедствием. Восстановление морского транспорта может быть обеспечено, повидимому, двумя путями помимо особых мероприятий морского ведомства, принятых в целях сокращения наших потерь. Первый путь — это обеспечение нашей независимости от импорта путем развития отечественного производства, поскольку это позволяет обстоятельства, и путем максимального сокращения потребностей населения. Второй путь заключается в постройке новых судов. И то и другое вызывает потребность в мужской рабочей силе и тем самым приводит к сокращению числа солдат, могущих быть мобилизованными в армию. Военные советники должны будут запросить у своих правительств данные относительно наличия кадров на 1918 г. сверх необходимого минимального количества, обеспечивающего сопротивляемость заинтересованных держав. Я просил бы, чтобы вопрос о сохранении живой силы не был оставлен вами без внимания.

Если наличие морского тоннажа влияет на интенсивность военных операций, то военные советники не должны упускать из виду, что самый характер военных операций, намечаемых и подготовляемых на 1918 г., окажет не меньшее влияние на наличие тоннажа, необходимого для предстоящей доставки подкреплений. Для примера возьмем длительные операции на Сомме в 1916 г. или во Фландрии в 1917 г., для которых потребовались несравненно большие материальные затраты, чем на оборонительные или наступательные операции в районе Камбрэ или при Шмен-де-Дам. Чтобы накопить огромные запасы, необходимые для ведения атак прежнего типа, и для доставки сырья, требующегося для производства этих запасов военного снаряжения, нужен такой тоннаж, который мог быть в противном случае использован для перевозки американских войск.

Необходимо указать военным советникам, чтобы они при изучении данной проблемы всегда учитывали то обстоятельство, что война в настоящий момент приобрела характер войны на истощение. Возможно, что победа останется за наиболее выносливым противником, а не явится результатом удачных наступательных операций. Россия уже выбыла из строя; во всяком случае, в данный момент на нее рассчитывать не приходится,

но не следует забывать о том, что Турция и Австрия также недалеко от полного разгрома. Сейчас, как и раньше, наша конечная цель — уничтожение прусского милитаризма. Но я просил бы военных советников тщательно взвесить, не будем ли мы ближе к достижению этой цели, если начнем с изоляции Германии путем разгрома ее союзников. Не лучше ли подождать с разгромом Германии до того момента, когда союзники получат подкрепление от вполне созревшей американской армии, с тем чтобы затем устремиться на врага в последнем и дружном натиске и достигнуть тем самым нашей конечной цели.

В заключение я вношу предложение, чтобы все представленные здесь сегодня правительства предоставили в распоряжение постоянных военных советников самую полную информацию, необходимую для изучения ими этих столь важных вопросов.

Помимо вопроса первостепенной важности, только что затронутого мной, имеется еще один пункт самого неостложного значения, на который мне хотелось бы обратить внимание наших военных советников. Я имею в виду положение на Балканах. Я полагаю, что военным советникам необходимо тщательно исследовать вопрос о том, насколько расположение сил союзников на Балканах, а также и численность их позволят им удержаться против сил неприятеля, которые тот может против них бросить.

Наконец, последний вопрос, который я просил бы постоянных военных советников никогда не упускать из виду, — это то, что они обязаны консультировать Верховный военный совет как единое целое, а не как представителей отдельных держав, участвующих в совете. Изучаемая ими проблема должна рассматриваться ими с точки зрения общих интересов союзников, а не с узко-национальных позиций. Я питаю уверенность в том, что, поскольку это возможно, их мнение будет единодушным и будет представлено в Верховный военный совет в коллективной форме за подписью каждого из постоянных военных советников.

Париж, 28 ноября 1917 г.»

Глава семьдесят третья

РАСШИРЕНИЕ ЛИНИИ БРИТАНСКОГО ФРОНТА

Одним из наиболее сложных вопросов во взаимоотношениях британского и французского правительств был вопрос о расширении линии фронта, занимаемой британскими войсками на западном фронте. В течение первых лет войны, когда мы не были готовы к борьбе, Франции приходилось прилагать величайшие усилия, чтобы выдерживать бой с неприятелем. По мере того, как наша армия возрастала с удивительной быстротой, французы, выносявшие на себе всю тяжесть борьбы в течение первых двух лет войны и потерпевшие огромные потери, естественно требовали от нас, чтобы мы брали на себя защиту все большей и большей части фронта, которую они так храбро защищали и оборона которой обходилась им так дорого в то время, когда мы лишь готовились к борьбе. Наши генералы иногда относились к этим требованиям французов с должным вниманием, но когда эти требования были несовместимы с теми планами, которых они придерживались сами, готовы были встречать их недоброжелательно или даже свысока. Создаваемые такого рода разногласиями задержки приводили иногда к серьезным поражениям. Я уже рассказывал об отсрочке наступления по плану Нивелля, отсрочке, связанной с нежеланием Хейга расширить линию фронта. Нивелль не мог создать маневренные силы, являвшиеся решающими для осуществления задуманного им плана, пока Хейг не освободит необходимого числа солдат, взяв на себя соответствующую часть фронта. Этот эгоистический конфликт двух генералов заставил нас потерять несколько недель, которые имели решающее значение.

Последовавшая отсрочка задуманной операции позволила германцам подтянуть резервы с восточного фронта. В одной из дальнейших глав я намерен показать, как задержка, связанная с расширением линии британского фронта на Сомме зимой 1917—1918 гг., и конфликт, этим вызванный, сыграли роковую роль в том, что не было организовано эффективной защиты на участке, подвергшемся успешному нападению со стороны немцев. Столь же фатальными оказались эти ошибки для распределения сил союзников и в частности для их резервов. При отсутствии единого командования такого рода печальные конфликты были неизбежны. Командиры армий, даже

в своей специальной области, так же подвержены ошибкам под влиянием настроения или ложных целей, как и другие смертные.

К концу 1917 г. британская экспедиционная армия на всех театрах войны насчитывала 2759 419 человек, не считая корпуса цветных рабочих. Во Франции и Фландрии имелось 1978 393 наших солдат. Наша великая вновь созданная армия впервые участвовала в большом сражении на Сомме летом 1916 г. Вплоть до этого времени главное бремя борьбы и главные потери несли французы. Французы оказали сопротивление германским армиям, вторгшимся во Францию в сентябре 1914 г., и участвовали в ряде сражений по всей линии фронта, тянувшейся на сотни миль. Потери французов были огромны. Решительные попытки наступления в 1915 г. в Артуа и Шампани были проведены главным образом силами французской армии. Кровавые сражения под Верденом, которые продолжались несколько месяцев и стоили оборонявшимся армиям сотен тысяч людей, велись против немцев исключительно французами. Наши потери в подобном масштабе начались только в сражении на Сомме на третий год войны. Франция почти исчерпала свои резервы молодежи, пригодные для участия в сражениях. Сэр Дуглас Хейг обратил на это внимание в своем заявлении по вопросу о пашендельском наступлении. С другой стороны, с каждым годом возрастала численность пополнений, которые мы отправляли на фронт из Англии и доминионов, и в 1918 г. мы достигли в этом отношении предела. Поэтому понятно было, что французы настойчиво требовали от нас удлинения линии нашего фронта.

Полковник Репингтон, один из самых блестящих наших военных обозревателей, которому наши военные авторитеты в Англии оказывали особое доверие и которого они избрали своим представителем и защитником своих позиций в печати, в ярких выражениях защищал точку зрения французов, требующих от британской армии занять больший, чем ранее, участок фронта. Излишне говорить о том, что полковник Репингтон не привел веских фактов, которыми он мог бы подтвердить свою точку зрения. Он использовал эти факты при других обстоятельствах и для совершенно иной цели. Тем не менее, замечания Репингтона настолько важны при рассмотрении данного вопроса, что я приведу их здесь. Мотивы, по которым он действовал, не меняют положения вещей. Итак, Репингтон, указывая 24 января 1918 г., что численность французской армии была значительно сокращена, добавил:

«Я хочу указать английскому народу, и в частности тем трусам на министерской скамье, которые жалуются на наши потери, что общая численность людей, которых мы потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести, лишь немногим превышает численность тех, кого французы потеряли убитыми. Мы можем должным образом отдать дань героизму французов лишь тем, что поможем им в этот тяжелый для них час».

Ввиду того, что британский генеральный штаб столь неохотно и с таким запозданием брал на себя защиту новых участков фран-

цузского фронта и ввиду вызванных этим разногласий полное и подробное изложение фактов, связанных с этим вопросом, представляет значительный исторический интерес. К счастью, по этому вопросу имеется обильная официальная документация, и я предоставляю слово самим документам.

Летом 1917 г. среди французов все более распространялось убеждение, что англичане должны согласиться взять на себя больший, чем ранее участок фронта. Французы предпочли бы нашу помощь Франции в этом отношении тому, чтобы мы, «подобно утке, пытались плыть по фландрским болотам», как остроумно выразился Фош. В июле французский депутат, бывший председателем парламентской комиссии по вопросу о кадрах для армии, обратился к нашему послу в Париже с предложением, чтобы мы помогли Франции, расширив наш участок фронта. Французам приходилось считаться с уставшим от войны народом, с волнениями во французской армии, с тем, что они понесли до 1917 г. наибольшие потери. На нашем фронте мы обладали на каждом данном отрезке вдвое и втрое большим числом бойцов, чем французы. Помимо того, Франция, имея населения меньше, чем Англия, поставила под ружье почти всех способных носить оружие мужчин; поэтому земля не могла быть обработана, урожай не мог быть собран, и народу грозил недостаток продовольствия. Мы же сохраняли слишком большое число войск в Англии.

Правда, на значительных участках французской линии фронта царил относительное «спокойствие», не было крупных сражений и вряд ли следовало ожидать серьезных попыток к наступлению. Французы могли маневрировать, и если бы они перебросили отсюда часть своей армии, то армия не рисковала быть оторванной от своей базы. Вместе с тем англичане, которые струдились на северном участке фронта, имели мало маневренных возможностей, и значительные территориальные потери позволили бы врагу сбросить английскую армию в море или лишить ее контакта с базами в портах Ламанша. Ни один участок английской линии фронта не мог быть назван «спокойным»: весь фронт, занятый английскими войсками, был ареной непрерывных сражений, так как английским войскам противостояли значительные германские силы. И все же сохранялась определенная диспропорция между английскими и французскими войсками на занимаемых ими участках фронта. Нельзя было оправдать или замазать факта огромных потерь, понесенных французами, и отчаянной нужды Франции в рабочей силе для сельского хозяйства, а также нельзя было отрицать факта ослабления боеспособности французской армии.

Поэтому, когда на Булонской конференции 25 сентября 1917 г. премьер-министр Франции Пенлеве и начальник французского штаба генерал Фош встретились с начальником английского генерального штаба и со мной, сообщив нам, что французская палата депутатов оказывает на них серьезное давление, требуя передачи англичанам более значительного участка фронта, мы не могли отказаться от рассмотрения этого требования. На конференции сэр

Вильям Робертсон выразил сочувствие требованию французов и считал, что оно должно быть удовлетворено. Он сказал:

«Вопрос должен быть разрешен на основе плана операций будущего года. Этот вопрос должен быть поставлен на согласование между фельдмаршалом Хейгом и генералом Петэном сейчас же после окончания предпринятых ныне наступательных операций. Поскольку дело касается правительств, в принципе необходимость расширить британскую линию фронта уже признана».

Вместе с тем ясно было, что военные соображения, связанные с удлинением линий фронта, должны в первую очередь служить предметом анализа и, если возможно, согласования между главнокомандующими обеих армий. В конце концов мы приняли к следующему соглашению:

«Британское правительство, соглашаясь в принципе на удлинение линии, занимаемой британской армией на западном фронте, выражает готовность вместе с правительством Франции передать на усмотрение главнокомандующих вопрос о границах и сроках удлинения фронта».

На следующий день я известил об этом соглашении сэра Дугласа Хейга, которого я посетил в ставке.

Главногокомандующий не ответил прямым отказом на требование французов. Но в то же время он отнесся к нему далеко не благосклонно. Мне было ясно, что основные разногласия между британским и французским командованием по стратегическим вопросам вновь осложняли дело, подобно тому, как это было в начале весны, когда такое же предложение было впервые выдвинуто. Когда это предложение исходило от Нивелля, столкновение различных стратегических планов отражало известное личное соперничество между двумя командирами: каждый из них стремился обеспечить своей армии ведущую роль в той крупной операции, которая обещала дать решающие результаты. В данном случае французские генералы считали мысль о такого рода операции преждевременной. Фош и Петэн решительно придерживались того мнения, что новое положение, связанное с событиями в России, с упорным нежеланием бойцов всех категорий французской армии вести нападение на германские позиции и с неподготовленностью Америки к выступлению на стороне союзников, требовало приостановки крупных наступательных операций, пока американская армия не будет готова бросить на поля битвы свою решающую силу. До тех пор, по мнению Фоша и Петэна, следовало занимать оборонительные позиции и только в отдельных случаях, благоприятных для нанесения удара неприятелю, предпринимать наступление в ограниченном масштабе. Фош и Петэн, однако, считали желательным оказывать давление на неприятеля на других фронтах. Хейг настаивал на значительном наступлении с целью изгнать неприятельские войска из Фландрии и зайти немцам в тыл с этой стороны. Катастрофическая и стоим-

пшая огромных потерь неудача этого плана привела лишь к тому, что Хейг пытался оправдать свой план возобновлением атак весной 1918 г. Он не отказывался от своего плана до тех пор, пока ему не стало ясно, что имевшихся в его распоряжении пополнений недостаточно для победы над германской армией, к которой отныне присоединились лучшие дивизии, оперировавшие ранее на русском фронте. Если человек неохотно отказался от планов, которые, казалось ему, должны были покрыть его славою, то он никогда не может всей душой отдаться осуществлению других планов, которые он ранее отвергал как проекты, значительно уступавшие его собственным. Такому человеку всегда кажется, что поступить так, значит признать роковую ошибку своих первоначальных планов. Таково было настроение, в котором находился Хейг, и это его упрямство объясняет нам то, что случилось, когда неизбежность значительного германского наступления весной 1918 г. сделала необходимой иную расстановку сил. Я смог отдать себе ясный отчет в настроении Хейга, когда встретился с ним. Он упорно сопротивлялся выдвинутому предложению. Хейг никогда не высказывал своих взглядов открыто. Однако он обещал отправить мне меморандум с изложением своих взглядов на военное положение в случае, если Россия вынуждена будет выйти из войны. Этот меморандум я получил, примерно, 10 октября. В меморандуме Хейг высказывал свое мнение о расширении британского участка фронта. Вот отрывок из этого меморандума:

«Британские войска, находясь в условиях сверхчеловеческого напряжения, перенесли тяжелые лишения в течение последних месяцев, и если требования, предъявляемые к ним зимой, не будут сведены к минимуму, нельзя будет требовать от бойцов, чтобы они полностью отвечали тем еще более значительным задачам, которые поставит перед ними возобновление наступательных операций в будущем году».

К этому времени Хейг уже понял, что задуманный им прорыв не может быть осуществлен, как он ранее думал, в течение одного лишь 1917 г. Поэтому он намеревался возобновить свои атаки на том же самом участке в начале весны.

«Я настаиваю на этом, — писал Хейг, — так как это связано с сопротивлением с нашей стороны всяким требованиям французов, чтобы мы брали на себя защиту большого участка фронта. Наш отказ, без сомнения, явится вполне оправданным и справедливым».

Указав, что французская армия не расположена по состоянию боевого духа к наступлению и что поэтому британская армия должна быть единственной наступающей силой, а также что французские солдаты чаще получают отпуска, чем британские, Хейг продолжал:

«Этой стороне дела должно быть уделено не меньшее внимание, чем чисто военным соображениям. Между тем французы,

требуя, чтобы мы взяли на себя защиту более значительного участка фронта, основываются скорее на настроениях французского народа, чем на военных соображениях. Километраж фронта не является достаточным показателем того, что должна защищать британская армия. Гораздо более правильный показатель — число неприятельских дивизий, которые мы сдерживаем, и в еще большей степени та роль, которая выпадает на нашу долю в предстоящей кампании (т. е. при возобновлении наступления). По всем этим причинам я считаю необходимым отказаться от расширения британской линии фронта и решительно стоять на своем, вплоть до того, чтобы ответить угрозой на угрозу, если французы будут угрожать нам».

Хейг хотел сохранить силы, чтобы повторить свою фландрскую ошибку. Он поэтому не мог пожертвовать ни одним бойцом для другого участка фронта.

До тех пор, пока мы окончательно не достигли единства командования, дискуссия между генералами все продолжалась и переходила от аргументаций к протестам и контрпротестам, к обращениям главнокомандующих к своим правительствам, к взаимным упрекам, консультациям и официальным представлениям; все это приводило только к недоразумениям и представляло собою лишь обычное надоедливое вступление ко всякому компромиссному соглашению. Мы теряли драгоценное время и совершенно пренебрегали необходимыми оборонительными мерами на участке, по поводу которого велись дискуссии.

Французское правительство продолжало настаивать предо мной на необходимости расширения британской линии фронта. Но в согласии с решениями Булонской конференции я предоставил дело на этой стадии соглашению между командованиями. Британское правительство считало, что французы имели основания требовать от нас расширения линии фронта, и это мнение было сообщено Хейгу. Детали были предоставлены на усмотрение главнокомандующих обеих армий. Я предложил начальнику имперского генерального штаба организовать скорейшую встречу между Хейгом и Петэном. Эта встреча состоялась в середине октября в Амьене и привела к соглашению о расширении линии фронта, но не к соглашению по вопросам стратегии.

Характер соглашения ясен из письма маршала Петэна от 23 октября британскому главнокомандующему:

«...Согласно изложенному мною требованию Вы наметили дату расширения занятого вами участка фронта: именно последнюю неделю ноября. Поэтому операции, необходимые для замены вашими войсками французских войск на этом участке фронта, не могут оказать влияния на развитие сражений во Фландрии. Число дивизий, которые Вы намерены бросить в дело, позволит Вам довести правый фланг ваших армий до реки Уазы».

Петэн настаивал перед Хейгом на еще более значительном расширении линии фронта к югу. В своем письме Петэн приводит аргументы в пользу этого. Хейг в своем ответе от 2 ноября пишет:

«Как я уже говорил Вам, я готов удлинить позиции, занятые правым флангом моей армии, до Уазы. Я могу даже пойти навстречу Вашим пожеланиям и взять на себя защиту небольшого сектора к югу от реки».

Оба главнокомандующих установили границу британской линии фронта у селения Баризи.

Итак, Хейг и Петэн в начале ноября пришли к соглашению о том, что британские войска заменят французов на участке вплоть до селения Баризи. Важно отметить, что вплоть до великого германского наступления в марте 1918 г. не было нового расширения линии британского фронта.

Но соглашение между командирами было лишь началом затруднений. Хейгу решительно была не по душе мысль о том, что ему придется расстаться с теми дивизиями, на которые он рассчитывал для своих массовых операций на весну при возобновлении своей кампании во Фландрии. Он поэтому пытался изменить достигнутый компромисс и в отношении времени и по существу. Выполнение тех ограниченных обязательств по отношению к французам, которые он на себя взял, Хейг откладывал до бесконечности.

Такая позиция Хейга вызывала возрастающее недовольство французов. Г-н Клемансо запрашивал о сроках оказания обещанной помощи. Начальник имперского генерального штаба телеграфировал об этом требовании Клемансо Хейгу и получил от последнего ответ, что со времени соглашения, достигнутого Хейгом и Петэном, Хейг вынужден был отправить несколько дивизий на итальянский фронт и использовать в Камбрэ те дивизии, которые он намеревался ранее применить для замены части французских войск на западном фронте. Так как активные операции все еще развивались, Хейг не считал себя вправе в данный момент вообще расширить линию британского фронта.

Этот ответ, естественно, был совершенно неудовлетворительным в глазах французов. Если мы обещали отправить пять дивизий в Италию, то французы обязались дать итальянцам шесть дивизий.

14 декабря Петэн писал вновь, требуя, чтобы началось расширение британской линии фронта, и заявил своему правительству, что если это не будет приведено в исполнение, он откажется от ответственности за безопасность французского участка фронта. Клемансо энергично поддержал Петэна и вслед за этим сообщил нам, что сам подаст в отставку, если англичане не возьмут на себя защиту фронта вплоть до Барри-о-Бак, т. е. на 37 миль далее, чем предполагалось вначале. Мы согласились, чтобы компромиссное решение, уже достигнутое ранее между обоими главнокомандующими, было честно выполнено, но мы не могли удовлетворить это дополнительное требование. Нам удалось убедить Клемансо согласиться на передачу вопроса о дальнейшем расширении британского участка фронта

до Барри-о-Бак верховному военному совету. В ожидании обсуждения в верховном совете решено было поручить рассмотрение этого вопроса военным представителям держав в Версале. Соответствующее извещение было послано сэру Дугласу Хейгу 15 декабря.

Это известие заставило Хейга притти к определенному решению. Не дожидаясь принятия решений в Версале, он встретился с Петэном 17 декабря и, выдвинув ряд аргументов, объясняющих задержку в исполнении с его стороны обещанного, согласился к 10 января принять участок фронта, занятый двумя французскими дивизиями, и закончить к концу января расширение британского фронта до реки Уазы. Петэн на это согласился, и обязательство было затем выполнено.

В начале января я получил убедительное обращение от г. Клемансо, в котором последний настаивал, чтобы я, используя свой авторитет главы правительства, заставил Хейга согласиться на дальнейшее расширение британского фронта, требуемое генералом Петэном. Так как британский кабинет хотел ознакомиться со взглядами Хейга на военное положение вообще, я обратился к нему с предложением прибыть в Англию для совещания с правительством по этому вопросу. Когда был поднят вопрос о расширении участка фронта, занятого британскими войсками, Хейг уведомил нас, что он почти привел в исполнение соглашение о занятии британскими войсками фронта вплоть до реки Уазы и что генерал Петэн как будто вполне удовлетворен этим.

В связи с требованием г. Клемансо о дальнейшем расширении британского участка фронта, постоянные военные представители союзных держав в Версале произвели тщательное обследование положения. Был рассмотрен вопрос о соотношении сил на отдельных участках фронта, о необходимости замены уставших бойцов и подготовки новых кадров, и военные пришли к выводу, что наиболее правильным было бы установить границу не в Баризи и не близ Барри-о-Бак, а на левом берегу Элетты по дороге из Лаона в Суассон, в пункте, отстоявшем от Баризи на 14 миль.

10 января 1918 г. был составлен объединенный меморандум военных представителей держав (объединенная декларация № 10), в котором заключалось указанное решение. Хотя Хейг и Петэн пришли к соглашению о расширении линии британского фронта до Баризи, Петэн при поддержке Клемансо в это время требовал уже дальнейшего расширения британского фронта вплоть до Барри-о-Бак.

На заседании верховного военного совета, которое состоялось 1 февраля, я до некоторой степени предвосхитил дальнейшую дискуссию о расширении участка фронта, занятого британскими войсками, предложив, чтобы мы направили во Францию известный контингент итальянских войск, поскольку и мы и французы имели в Италии не менее одиннадцати дивизий. В протоколе говорится об этом следующее:

«Перед тем как подойти к вопросу о дальнейшем расширении британской линии фронта или создании резервов, Ллойд

Джордж предложил, если на то согласны его итальянские коллеги, чтобы совет обсудил вопрос о доставке итальянских войск на западный фронт. В качестве альтернативы возможно возвращение британских и французских войск из Италии. Это, однако, нежелательно с точки зрения состояния боевого духа войск. Поэтому было бы лучше доставить сюда итальянские войска».

Я затем обратил внимание присутствующих на данные, содержащиеся в таблицах, подготовленных союзными штабами для верховного военного совета, и указал, что по этим данным на итальянском фронте «имелось 1440 тысяч союзных войск против 860 тысяч неприятельских солдат, т. е. на 580 тысяч человек больше, тогда как на французском фронте превосходство выражалось лишь в 160 тысяч человек». Я указал далее, что неприятель посылает войска в большем числе на французский, нежели на итальянский фронт.

Итальянский премьер-министр Орландо заявил, что «он в принципе вполне согласен с г. Ллойд Джорджем», и стал защищать мое предложение со значительным воодушевлением. Г-н Клемансо резюмировал замечания синьора Орландо и барона Соннино в том смысле, что итальянское правительство готово предоставить решение вопроса о переброске итальянских войск на западный фронт новому военному совету, который итальянское правительство предполагало создать для разрешения вопроса о кадрах. Характерно для общей позиции британского и французского штаба, что, хотя штабные офицеры знали о том, что с русского фронта шли германские пополнения на западный фронт, генеральные штабы не торопились с осуществлением этого ценного обещания Италии вплоть до 21 марта. Это безразличие частично объяснялось тем, что британский и французский штабы были весьма низкого мнения о боеспособности итальянской пехоты, которая, как справедливость требует отметить, сражалась впоследствии хорошо. Но поскольку дело касалось французов, задержка в этом отношении частично объяснялась их подозрениями, что принятие этого предложения англичане используют как новый предлог для отказа от расширения британского участка фронта.

Перспективы возможного усиления французского фронта итальянскими войсками поэтому не оказывали влияния на ту настойчивость, с которой французы требовали дальнейшего расширения британского участка фронта до Барри-о-Бак. 3 февраля, когда декларация № 10 поступила на наше рассмотрение, г. Клемансо предложил принять левый берег Элетты за основу, поскольку эта граница была установлена по общему совету военных экспертов, и предложил главнокомандующим сговориться между собой о том, как осуществить это соглашение. Но Хейг тотчас же запротестовал:

«С теми боевыми силами, которые в данный момент находятся в моем распоряжении, я не имею возможности расширить линию фронта далее того пункта, который был согласован с генералом Петэнном... Даже при наличии самого горячего стремления всемерно пойти навстречу требованиям французов, я считаю необходимым указать верховному военному совету,

что я считаю невозможным брать на себя дальнейшее расширение фронта».

Тогда я вмешался в обсуждение вопроса, запросив генерала Петена, согласился ли он с сэром Дугласом Хейгом о том, чтобы линия британского фронта была доведена лишь до Баризи. Петен ответил:

«Между мной и сэром Дугласом Хейгом действительно было достигнуто соглашение о том, чтобы британская линия фронта была доведена до Баризи. В дальнейшем, однако, я был вынужден просить о дальнейшем и значительном расширении британского участка...»

Так как был ряд упреков в том, что британское правительство, и в частности я, заставили сэра Дугласа Хейга, вопреки его собственному мнению, пойти на дальнейшее расширение британского участка западного фронта, я полностью приведу свое заявление, сделанное по поводу решения верховного совета:

«Г-н Ллойд Джордж просил, чтобы перед утверждением объединенной декларации экспертов ему была дана возможность представить верховному военному совету некоторые весьма серьезные соображения. Фельдмаршал заявил, что он вряд ли сможет нести ответственность за безопасность своего участка фронта, если ему придется расширить его протяжение. Он указал, что англичане занимают самые ответственные участки западного фронта. Британские коммуникационные линии идут параллельно с линией фронта, и неприятельские позиции находятся на расстоянии каких-нибудь десяти миль от этих коммуникаций, что создает положение, чреватое большими опасностями. Продвижение германцев на несколько километров далее к югу на французском участке фронта не было бы серьезно само по себе. Если, однако, немцы продвинулись бы на каких-нибудь шесть миль во Фландрию, они лишили бы англичан некоторых ценных угольных копей, которые ныне дают нам не менее десяти миллионов тонн угля в год. Если мы лишимся этих запасов угля, то восполнить их придется Великобритании. Это означало бы значительное отвлечение рабочих в угольную промышленность, так же как и отвлечение водного транспорта на перевозку угля через Ламанш. Вторым аргумент, который выдвинул оратор, имеет частью военное, частью политическое значение. По законам Франции, французские солдаты имеют право на отпуск через каждые четыре месяца. Вместе с тем необходимо напомнить собравшимся, что французы ведут войну на собственной территории. Между тем, британские солдаты получают отпуск лишь раз в год. Британские солдаты знают об этом, и это создает значительное недовольство. Нет сомнения, что разница в отпусках частично объясняется нехваткой перевозочных средств, но тем не менее это серьезное соображение нельзя игнорировать. Оратор напомнил верховному военному совету, что, по словам британ-

ского главнокомандующего, последний не мог нести ответственность за безопасность своего участка в случае, если бы ему пришлось расширить его. Поэтому, соглашаясь с мнением военных экспертов, верховный военный совет берет на себя весьма серьезную ответственность. Таким образом, оратор выдвинул перед своими коллегами три аргумента:

1. Британские войска занимают позиции, охватывающие важнейшие порты и ценные угольные копи, которые было бы невозможно для нас отдать в руки неприятеля.

2. Вопрос об отпусках.

3. Британские войска вынесли на себе в течение прошлого года основное бремя борьбы, и так как во многих местах фронта они продвинулись вперед, у них не было возможности получить необходимый отдых вследствие необходимости укрепить новую линию обороны. К тому же новые оборонительные позиции приходилось удерживать в условиях чудовищного климата Фландрии, весьма отличного, например, от климата Италии.

Недовольство британских солдат, которое создавалось неравенством отпусков в связи с необходимостью отказа от заслуженного отдыха для сооружения новых оборонительных позиций, усугубляемый слухами о предполагаемом занятии нового участка фронта, что должно было по меньшей мере разочаровать британские войска. Поэтому оратор еще раз настаивал на том, чтобы решение вопроса было найдено в переброске во Францию итальянских дивизий. Значительные пополнения за счет Италии наилучшим образом, по мнению г. Ллойд Джорджа, разрешают те затруднения, с которыми ему и г. Клемансо приходилось сталкиваться на западном фронте. Г-н Ллойд Джордж полагает, что вопрос о расширении британского участка фронта и о переброске итальянских войск во Францию должны рассматриваться совокупно».

Синьор Орlando поддержал мое обращение в целом и указал на предложение, которое я сделал на предшествующем заседании, а именно: просить итальянское правительство отправить несколько итальянских дивизий во Францию для занятия необходимого участка фронта. Синьор Орlando закончил следующими словами:

«Я согласен с г. Ллойд Джорджем, что вопросы о расширении британского участка фронта и о посылке итальянских войск во Францию должны рассматриваться совокупно и что эти вопросы должны быть обсуждены военными специалистами».

После ответа генерала Петэна я получил, насколько мне помнится, от сэра Мориса Ханки записку, из которой, к большому моему удивлению, я узнал, что фельдмаршал Хейг изменил свою точку зрения и не считает неприемлемым дальнейшее расширение британского участка фронта. Тогда я вновь взял слово (цитирую протокол):

«Г-н Ллойд Джордж заметил, что, как ему стало известно, фельдмаршал готов теперь принять пожелания, содержащиеся в объединенной декларации военных экспертов № 10, т. е.

расширение британского участка фронта в принципе. Эти пожелания должны быть уточнены и согласованы им с генералом Петэном для лучшего проведения их в жизнь. Поэтому предложенная резолюция не должна рассматриваться как приказ, требующий немедленного исполнения».

Принятая резолюция по вопросу о расширении линии британского фронта гласила:

«Верховный совет принимает декларацию № 10 с условием, что срок и метод расширения будут согласованы между генералом Петэном и фельдмаршалом сэром Дугласом Хейгом».

Хейг и Петэн затем встретились и пришли к соглашению о том, чтобы временно воздержаться от каких-либо действий по этому сложному вопросу.

Таковы факты. Я предложил разрешить создавшиеся по поводу расширения британского участка фронта затруднения посылкой одиннадцати итальянских дивизий во Францию взамен британских и французских дивизий на итальянском фронте. Итальянский премьер-министр горячо поддержал мое предложение и готов был использовать весь свой военный авторитет для принятия моего предложения. Когда вопрос о дальнейшем расширении британской линии фронта был поставлен на обсуждение верховного совета, я решительно поддержал протест сэра Дугласа Хейга и вновь настаивал на переброске итальянских войск. Премьер Италии поддержал мой протест и вновь вернулся к предложению об отправке итальянских войск. Тогда сэр Дуглас Хейг без всякого предварительного обсуждения вопроса со мной снял свои возражения и согласился с Петэном в том, чтобы мы взяли на себя защиту дополнительного участка фронта в согласии с пожеланиями совета. На самом деле расширение фронта, с которым Хейг в принципе согласился, даже после моего энергичного протеста от его имени и до его настоянию, не было проведено в жизнь, и единственным результатом несвоевременного вмешательства Хейга было то, что предложение о переброске одиннадцати итальянских дивизий во Францию было оставлено и забыто, до того времени когда уже началось мартовское наступление. Расширение фронта состоялось лишь в таком масштабе, который был согласован между Хейгом и Петэном на совещании, где не было ни одного члена правительства.

Ввиду этих фактов, которые подтверждаются официальными документами, весьма несправедливо, чтобы всю ответственность за расширение фронта возлагали на мои плечи и утверждали при этом, что я заставил Хейга взять на себя оборону фронта, для которой не было достаточного числа бойцов.

Я специально укажу здесь на совершенно неправильное изложение событий, происшедших в результате совещания в Версале, содержащееся в официальной истории войны:

«На совещании между сэром Дугласом Хейгом и генералом Петэном 17 декабря последний выдвигал в качестве аргументов в пользу расширения британской линии фронта, что британские

наступательные операции подошли к концу и что существовали опасения германского нападения на французские войска близ Шалона и через Швейцарию. Сэр Дуглас Хейг указал, что британские войска после недавних тяжелых боев нуждались в отдыхе и что боевые единицы, понесшие значительные потери, не получали пополнений из Англии, но что, тем не менее, он согласен заменить британскими войсками две дивизии и к концу месяца попытается взять на себя оборону всего участка фронта до реки Уазы. Но Хейг заявил, что точная дата этого расширения британского фронта может быть определена лишь в дальнейшем, после того как положение станет более ясным. Генерал Петэн согласился с этим. Как бы ни было благоприятно положение, генерал Петэн не намеревался начинать своей «главной атаки» до августа и тем подтвердил свое прежнее заявление сэру Дугласу Хейгу.

Только через три недели, к 10 января, военные представители держав в Версале официально предложили (не выдвигая в защиту своего предложения никаких аргументов), чтобы границей французского и британского участков фронта был избран левый берег Элетты, между этой речкой и дорогой из Лаона на Суассон, около 17 миль от реки Уазы, и предоставили установить точное место обоим главнокомандующим, которые в конце концов согласились на пункте в 5½ милях к востоку от Уазы*.

Это изложение не упоминает о тех возражениях, которые я выдвигал против дальнейшего расширения линии фронта, и создает впечатление, что в результате того, что произошло в Версале, Хейгу пришлось согласиться на дальнейшее расширение британской линии фронта, и притом на основании пожеланий, не выдвигавшихся до 10 января. На самом деле Хейг так и не расширил линии британского фронта ни на одну пядь за пределы той черты, которая была установлена в соглашении, достигнутом между ним и Петэном 18 октября 1917 г.

Это положение, выставленное в официальной истории, является, повидимому, плодом ошибки, которая может быть допущена любым историком. Кто бы ни написал этот искаженный отчет, он должен был бы иметь в своем распоряжении подлинные протоколы*. Самое меньшее, что я могу сказать о том, кто, обладая такой информацией, виновен в подобном искажении действительности, это то, что он проявил небрежность в обращении с документами.

Было ли оправдано обстоятельствами расширение линии нашего фронта в январе 1918 г.? Ясно, что это расширение диктовалось политическими и чисто военными соображениями. Следует припомнить, что в области политической настроение во Франции достигло высшей степени недовольства: французам казалось совершенно несправедливым распределение фронта между англичанами и француз-

* На одной из следующих страниц официальной истории войны (стр. 79) автор вносит исправления, не отмечая, однако, искажений, допущенных им ранее.

зами. Было ли это так или нет, но самый факт такого недовольства не подлежал сомнению. Чтобы сохранить добрые отношения с нашей союзницей Францией и ослабить напряжение, создавшееся в общественном мнении французского народа, утомленного длительными и тяжелыми страданиями во время войны, необходимо было пойти на какие-либо уступки в этом отношении. Только в том случае, если бы эти уступки могли повлечь за собой неизбежную катастрофу для союзных армий, можно было бы настаивать на противоположном. С военной точки зрения имело значение и то, что накануне расширения британской линии фронта англичане занимали менее 100 миль линии фронта, а французы более 350 миль, хотя британская армия равнялась двум третям французской. Даже после того как англичане приняли еще 25 миль под свою защиту, линия их фронта равнялась примерно 125 милям, в то время как линия фронта французов равнялась примерно 322 милям. Ввиду большего числа бойцов британской армии на единицу площади было бы смешно утверждать, что незначительное расширение британского фронта, о котором шла речь, было неправильно с военной точки зрения, если учесть затраты на союзном фронте. Отдавая должное всем аргументам, выдвинутым сэром Дугласом Хейгом по этому поводу в связи с его отказом взять на себя оборону этого сектора, необходимо все же подчеркнуть, что основным его возражением было то, что использование им для этой цели части британских сил должно ослабить возможность предпринять новое наступление во Фландрии. В этой связи Хейг настаивал на том, что единственной альтернативой задуманного им наступления является передача инициативы в руки неприятеля. Но так как при всех условиях Хейг не мог возобновить наступления во Фландрии ранее марта, ибо до тех пор этому косвенно препятствовали физико-географические условия, немцы все же имели бы возможность взять инициативу в свои руки в марте, как они и поступили. Этому не могло помешать и то, что Хейг сохранил бы более значительные силы у Пашенделя, а сен-кантенский сектор все еще удерживала бы ослабевшая французская армия.

В высшей степени способные штабные офицеры в Версале, в числе которых были также итальянцы и американцы, пришли к выводу, что из чисто военных соображений британская армия должна была занять участок фронта на 12 миль больше, а не меньше того, который фактически был занят британскими войсками. В числе этих экспертов не было ни одного политического деятеля. В число причин, которые благоприятствовали германскому прорыву на западном фронте в марте 1918 г., никак нельзя включить то, что расширение британской линии фронта не выдерживало критики по стратегическим мотивам.

У британской армии были гораздо более значительные ресурсы для защиты этого участка фронта, чем у французов. Плохо было лишь то, что англичане неправильно распределили свои силы. К этому вопросу мне придется перейти более подробно в дальнейшем, когда речь будет идти о подготовке к тому великому сражению, которого все ожидали.

Глава семьдесят четвертая

ПАДЕНИЕ РОБЕРТСОНА

Принятое в Версале решение о создании общего резерва должно было впервые дать союзникам преимущества единого фронта. Сначала преимущества единого резерва должны были сказаться на обороне, а затем и на наступлении. Немцы пользовались подобным преимуществом в течение всей войны. Благодаря этому они смогли удержать колоссально растянувшиеся фронты, притом против армий, численно в полтора раза превосходивших германскую армию. Когда немцы заметили, что Нивельль готовит большое наступление с численным перевесом в силах, они создали позади своего фронта сильный резерв из ряда дивизий. Частично эти дивизии были взяты с других участков западного фронта — отовсюду, где только можно было освободить их, — и частично с румынского фронта. Таким образом была организована та оборона, которая лишила французскую армию наступательной силы на весь период до конца года.

Если бы версальский проект был осуществлен, то подобный же ошеломляющий отпор был бы дан и весеннему германскому наступлению, хотя, может быть, только после небольшого первоначального успеха немцев. В результате крах Германии наступил бы раньше. Но для этого надо было во-время стянуть дивизии с тех участков фронта, где их было больше, чем нужно; по мере того как будет выясняться направление немецкого наступления, надо было эти дивизии поставить на такие позиции, откуда они по мере развертывания немецкого наступления могли быть легко брошены в бой. Для этой цели надо было перебросить из Италии дивизии — французские, британские или итальянские. Надо было подготовить переброску британских дивизий из Палестины, заменив их на месте индийскими дивизиями из Месопотамии, где союзники имели перевес в силах в пропорции 6 к 1. Позже все это было сделано, но только после того как Англия понесла одно из наиболее тяжелых частичных поражений за все время войны.

После версальского совещания внутри нашей страны стали назревать события, которые вылились в серьезный политический кризис. Этот кризис угрожал самому существованию кабинета и парализовал наше стремление взять твердый курс в противовес колеблющейся позиции главнокомандующего в вопросе об общем резерве.

Затруднения в этом вопросе были результатом махинации военной клики, которая в течение всей войны противодействовала каждому моему начинанию. Шла ли речь об экипировке и о продовольственном снабжении армии в целях предупреждения расточительного расходования огромных людских и материальных ресурсов, шла ли речь об обеспечении действительного единства фронта, чтобы таким образом энергично использовать наши преимущества в отношении людских и материальных ресурсов и господства на море, — военная клика всегда противодействовала моим мероприятиям. Из документа, опубликованного после войны генералом Людендорфом, видно, что германский генеральный штаб опирался в своих расчетах на действительность этой клики. В этом меморандуме, помеченном «весьма секретно», речь идет о слабостях межсоюзнических связей, которые нащупывались центральными державами. Одна из этих слабостей описана следующими словами:

«Другим элементом, сильно ослабляющим эти связи, является *английская военная партия* (курсив не мой, а авторов), которая будет активизировать свою работу и попытается под конец освободиться от Ллойда Джорджа, которого она ненавидит всей душой».

Нам предстояло быть свидетелями весьма решительной попытки — не первой и не последней, — предпринятой этой партией. Эта попытка должна была опрокинуть военный кабинет и прежде всего его главу. На место военного кабинета должно было быть поставлено правительство, которое практически было бы услужливой креатурой военной партии. Следует отметить, что одновременно такая же борьба шла и в Германии, но, к счастью для нас, с другими результатами. В Германии руководителям армии удалось ликвидировать всякую независимость гражданской власти. Правительство было целиком подчинено руководству и контролю первых. Хорошо известно, к каким катастрофическим результатам это привело Германию.

Генерал Петэн и маршал Хейг не были в восторге от мысли, что их резервами будет распоряжаться Фош. И не только потому, что в предстоящей кампании в результате этого контроль перешел бы в руки Фоша. Их нервировало, что это мероприятие лишает их непосредственного распоряжения дивизиями, намеченными для передачи в общий резерв. Оба главнокомандующих, однако, не сразу выявили свою враждебную позицию. Но сэр Виллиам Робертсон не стал терять времени и сразу же начал действовать против проекта. Когда сэр Генри Вильсон впервые предложил проект общего резерва, у него создалось впечатление, что Робертсону эта идея очень понравилась. В первоначальном своем варианте план этот предусматривал образование контрольного бюро в составе трех начальников генеральных штабов, в том числе и Робертсона. Но в ходе версальских обсуждений этот вариант был оставлен, ибо против него говорил ряд убедительных соображений практического характера. Предполагалось, что в случае внезапно создавшейся особо острой опасности общий резерв должен быть срочно использован.

И даже до момента возникновения такого острого положения, как только разведка предупредит о надвигающейся опасности, окажутся необходимыми изменения в расположении резервов. Было очевидно, что начальники итальянского и британского генеральных штабов в таких случаях смогли бы оказаться на месте и принять участие в решении вопроса лишь спустя изрядное количество часов, а это несомненно сыграло бы фатальную роль. Поэтому было абсолютно необходимо, чтобы члены бюро всегда находились на месте и могли в любую минуту без всякого промедления обсудить и решить вопрос. В связи с этим сэр Виллиам Робертсон изменил свое отношение к проекту. Один талантливый наблюдатель происходившего в Версале пишет:

«Робертсон, естественно, пришел в бешенство. Это бросалось в глаза. Спусти немало времени, после того как заседание верховного военного совета, принявшее эту резолюцию, было закрыто, когда в помещении оставалось лишь несколько секретарей, Робертсон все еще продолжал один сидеть в своем кресле, неподвижно, опершись головой на руку, и молча глядел вперед»*.

Первые тревожные сведения о возникших осложнениях военный кабинет получил на заседании, которое состоялось непосредственно после моего возвращения из Версаля. Я доложил о решениях, принятых на верховном военном совете, и особенно подробно остановился на вопросах, относившихся к образованию общего резерва. Лорда Дерби сопровождал на этом заседании Робертсон. Лорд Дерби заявил, что он не имел достаточно времени, чтобы изучить доклады, представленные в связи с этим вопросом; он сохраняет поэтому за собой право позже высказать свое суждение. Отвечая ему, я указал, что вопрос был единогласно решен всеми представителями союзников в положительном смысле, что проект этот был поддержан и мною и лордом Милнером, уполномоченными военным кабинетом решить вопрос от имени последнего. Поэтому я рассчитываю, что вопрос будет рассмотрен советом армии в максимально благосжелательном духе и что соответственное распоряжение совета армии, — если таковое потребуется, — должно быть подготовлено без всякого промедления.

Первый выстрел был дан газетой «Морнинг пост». 8 февраля газета напечатала телеграмму своего «военного корреспондента в Париже» от 5 февраля 1918 г., которая гласила:

«Последние решения межсоюзнического военного совета относительно контроля над британскими войсками на фронте имеют, как передают, столь странный характер, что парламент должен потребовать исчерпывающих объяснений, а парламентская комиссия должна теперь же проверить их, выяснив при этом точку зрения нашего генерального штаба и командующих на фронте».

Peter E. Wright, At the Supreme War Council, p. 61.

Происхождение и источник этого сообщения не составляют секрета. Оно было послано полковником Репингтоном, который позже признал свое авторство и стал открыто выступать в этом духе. Репингтон был в близких отношениях с начальником генерального штаба сэром Виллиамом Робертсоном. Он активно сотрудничал с военной кликой, которая в своем стремлении свалить правительство заигрывала со всеми недовольными элементами. Репингтон был особо доверенным лицом генерального штаба, который пользовался им в тех случаях, когда хотел подвергнуть военный кабинет и его политику нападкам в печати. Штаб снабжал его сенсационным материалом, состоявшим из тщательно подобранной тенденциозной информации. Дневники Репингтона, в которых описаны его встречи с Робертсоном и с главным помощником последнего, руководителей военных операций сэром Фредериком Морисом, а также с неким доверенным лицом военного ведомства, которого Репингтон мистически обозначает буквой «Х», показывают, насколько тесным было его сотрудничество с генеральным штабом.

Сообщение военного корреспондента «Морнинг пост» появилось в этой газете 8 февраля. В тот же вечер «Глоб» перепечатал эту, как он назвал, «тревожную телеграмму». Обе газеты затем продолжали комментировать напечатанное ими сообщение. В свете дальнейших событий эти комментарии получают совершенно определенный смысл.

«Поскольку г. Асквит ответственен за назначение сэра Дугласа Хейга главнокомандующим и сэра Виллиама Робертсона начальником имперского генерального штаба, так как оба эти лица пользуются особым доверием британской армии и британской нации, надо надеяться, что он не позволит, чтобы эти его назначения были отменены из-за прихоти отдельных лиц, хотя бы и очень влиятельных. Можно надеяться также, что палата общин, которая претендует быть средоточием власти в стране, не позволит отстранить себя от выполнения своих функций. Надо думать, что нам не откажут в праве знать, что происходит за кулисами, ибо ни одно мероприятие не может поднять нашей боеспособности, если оно создаст накануне новой кампании кризис верховного командования. Мы должны знать, есть у нас главнокомандующий или нет».

Эта статья была прислана мне одним из членов военного кабинета со следующим препроводительным письмом:

«Дорогой премьер-министр,

Вы несомненно видели прилагаемую статью из «Глоб'а». Я думаю, что, чем скорее мы начнем действовать, тем лучше. Нельзя допустить, чтобы такого рода вещи повторялись.

Я весьма сомневаюсь, чтобы Хейг сообщал с людьми из военного министерства действовал против правительства. Я думаю, что он слишком лоялен, для того чтобы дать себя вовлечь в такого рода действия.

Вместе с тем, я думаю, что Хейг сам, вероятно, окажет

сопротивление передаче части своих дивизий в общий резерв. В своих возражениях он использует аргументы, которые все нам уже хорошо известны. И его никогда не удастся убедить, что образование общего резерва может в конце концов дать ему значительно большую армию, чем та, которой он располагает сейчас, ибо Хейг не в состоянии понять иную точку зрения, кроме своей собственной.

Образование общего резерва является сейчас ключом ко всей войне. Оно не только стратегически правильно, оно является основой нашего хорошего взаимопонимания с французами.

Бесполезно поднимать шум и добиваться отставки Робертсона, если эта политика будет затем, хотя бы и по другим мотивам, саботироваться Хейгом.

Я полагаю, что Хейг подчинится приказу, если он ясно увидит, что Вы приняли твердое решение. Но если бы он настаивал, чего я не предвижу, то было бы лучше потерять обоих — и Хейга и Робертсона, чем зависеть от милости обоих или одного из них. Положение для этого слишком критическое, а времени терять мы не смеем. На худой конец армия была бы вполне довольна, если бы имела Плюмера и Харрингтона вместо Хейга и Берти Лоуренса. Она не стала бы беспокоиться о том, кто будет начальником имперского генерального штаба. Дю Кейн в сущности мог бы занять этот пост.

Только что вернувшийся с фронта командир бригады дивизий сказал мне: «Плюмер в качестве главнокомандующего стоит десяти добавочных дивизий». Это звучит, конечно, экстравагантно. Я привожу эти слова только для того, чтобы показать, что всякая передвигка, которая поставила бы Плюмера ближе к фронту, нашла бы поддержку в широких кругах.

Конечно, этого я не хочу, ибо предпочитаю тот план, который Вы изложили сегодня утром. Я держусь только того мнения, что, если Хейг заупрямится, мы вполне сможем справиться с положением. Есть только один решающий вопрос: даже если перемена окажется необходимой, мы должны раз навсегда получить свободу делать то, что мы считаем правильным».

События показали, что автор этого письма недооценивал те огромные трудности, на которые мы натолкнулись и у себя и во Франции в наших попытках преодолеть сопротивление военачальников. Чтобы облегчить положение, я предложил сделать Робертсона нашим представителем в контрольном бюро. Это означало, что он будет освобожден от должности начальника имперского генерального штаба. В этом случае предполагалось на пост начальника штаба назначить сэра Генри Вильсона.

Сэр Дуглас Хейг 9 февраля был в Лондоне, и я имел с ним и с военным министром беседу об общем положении. Мои впечатления от этой беседы воспроизведены в следующем письме к Милнеру.

«9 февраля 1918 г.

Дорогой Милнер,

Сегодня после полудня я говорил с Хейгом и Дерби. Хейг был вполне благоразумен. Ему не очень улыбался переход сюда Генри Вильсона. Он считал, что армия может быть этим очень возмущена. Но это вопрос, который, по его мнению, должен быть решен правительством. По существу он занял совершенно корректную позицию. Дерби, Хейг и Макферсон были того мнения, что назначить Робертсона нашим представителем значило бы унижить его. К тому же, по их мнению, это совершенно излишне, раз Вильсон становится главным советником правительства. Исходя из этого, Дерби подписал соответствующий документ, но он должен в связи с этим увидеть короля.

Макферсон будет завтра говорить с Вулли, который отправится к Истберну, чтобы сообщить ему новости. Дерби восхищен изменением наших планов. И так как мы могли выбирать только между тремя или четырьмя сомнительными заместителями, то я твердо убежден, что мы остановились на наилучшем из них.

Всегда искренне Ваш Д. Ллойд Джордж.»

Казалось, Хейг готов держаться версальского соглашения и выполнить свою долю обязательств. Но Робертсон ни в какой мере не мирился с соглашением. Статья в «Глобе» ясно указывала, что готовится крупный заговор и что мобилизуются силы для серьезной парламентской атаки на правительство. Робертсон и его друзья решили на этот раз драться до конца. Они были убеждены, что удастся образовать парламентскую группировку из элементов всех партий, которая опрокинет версальские решения, свалит правительство и поставит на его место другое, способное на все время войны обеспечить им положение действительных диктаторов.

Эта клика безрассудно пренебрегала интересами нации и требованиями войны. Теперь она решилась на шаг, не имеющий прецедента в военной истории нашей страны. Заговорщики решили опубликовать союзнический план военных действий на случай предстоящего германского наступления. Не следует думать, что план этот был любительской схемой, набросанной претенциозными политиками и силой навязанной терроризированным военным. Этот план был подготовлен коллективом способных и опытных генералов, из которых одного все признавали величайшим военным стратегом союзников. Ни один политик не присутствовал на военном совете, где были приняты и окончательно разработаны эти планы. Они были затем тщательно рассмотрены и обсуждены собранием, на котором присутствовали оба главнокомандующих и сэр Виллиам Робертсон. Собрание единодушно одобрило эти планы. И вот, 11 февраля в «Морнинг пост» появилась длинная статья полковника Репингтона,

в которой — и другу и недругу — был полностью раскрыт план создания общего резерва под командованием генерала Фоша. Статья эта имела следующий заголовок:

**«ВОЕННЫЙ СОВЕТ
ПАРИЖСКИЕ СПОРЫ
ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ СООБЩЕНИЯ»**

Статья начиналась таким образом:

«...Премьер-министры и другие лица недавно превратили себя в военный совет, соревнуясь с ним в разрешении вопросов стратегии, и занимались исключительно тем, что учили военных, как и где надо вести войну».

Как я уже указывал, на заседании военного совета, где эти планы были впервые сформулированы, не присутствовал ни я, ни кто-либо другой из гражданских лиц. Фош был не таким человеком, чтобы позволить кому-либо диктовать ему стратегическое решение, и уж во всяком случае он не позволил бы этого никому из штатских. Фош умел противостоять даже своему политическому руководителю — грозному Клемансо, а для этого требовалось немалое мужество.

Но центр тяжести статьи был в том ее разделе, который Репингтон озаглавил «Новое решение». Здесь был раскрыт план военных мероприятий против предстоящего германского наступления. Вот как он защищает свой изменнический поступок:

«...Газетам было категорически запрещено упоминать об одном из главных решений совета. Надеялся этим путем избежать какой бы то ни было критики. Но бывают моменты, когда нужно мобилизовать все свое мужество и пойти на риск ценою любых последствий. Решение, о котором идет речь, находится в противоречии со здравым смыслом, и в оборонительной кампании, которая нам теперь предстоит, оно может привести только к путанице и смятению...»

После этого полковник Репингтон излагает весь план общего резерва, его функции, орган, создаваемый для руководства резервом, имя председателя и выставляет, далее, основное положение — независимость маневренного резерва от обоих главнокомандующих. Одна фраза этой предательской статьи показывает, что авторами ее руководила не столько ненависть к определенному политическому деятелю (хотя она и содержала особые нападки на Миллера и меня), а ревнивая зависть по отношению к другой группе генералов, презрительно окрещенных «версальскими полководцами», которым передавалась власть над резервом.

«...В настоящее время распоряжения военного кабинета передаются армиям через начальника генерального штаба. Однако в это вмешиваются версальские полководцы под председательством генерала Фоша. Британский генерал, входящий

в состав этого органа, не находится в ведении военного министерства и не назначается им. Своим высоким назначением он обязан лишь благоволению Ллойд Джорджа».

Главой этих «версальских полководцев» был Фош, величайший полководец этой войны, и генерал Вейган, один из наиболее способных штаб-офицеров, выдвинутых этой войной. При всем уважении к замечательным качествам Робертсона надо все же указать, что он не провел ни одного из сражений этой войны. Он ни разу не руководил какой-либо операцией. Его правая рука и виновник его падения, сэр Фредерик Морис, не хуже любого политика удобно расположился в одном из департаментов военного министерства и оставался там от начала наиболее тяжелых боев до момента своей отставки.

Упомянутая выше ценная информация о союзническом плане была передана немцам сторонниками одной из двух враждующих генеральских групп.

Изложив мотивы своего поступка, Репингтон подстрекал совет армии к неподчинению директивам правительства:

«...Я надеюсь, что совет армии в интересах всей армии займет единодушную и решительную позицию, которая сделает положение абсолютно ясным. В этой войне рано или поздно каждый должен «пойти на фронт», и возможно, что сейчас очередь совета армии».

Кто из членов совета армии «пошел на фронт» за время войны? Статья кончается словами: «парламент должен внести ясность в это положение и сделать это таким путем, который он считает лучшим». Армия восстала против власти и указывала парламенту, что он должен делать. Очередь была теперь за парламентом, который должен «выполнить свое дело».

Этому из ряда вон выходящему выступлению газета «Морнинг пост» посвятила центральную полосу и одобрила его в передовой статье. Если бы все это появилось в «Дейли геральд» или в «Форруорд» или в каком-либо другом социалистическом издании, социалистам никогда бы не простили, что в наиболее критический момент войны они выдали врагу тайны огромной военной важности.

Записи, содержащиеся в дневниках Репингтона, показывают, что мы имеем здесь дело не с неосторожностью, вызванной импульсивностью отдельного лица, а с первым шагом согласованной атаки, которая должна была быть проведена на широкой базе.

Привожу относящуюся сюда выдержку:

«Суббота, 9 февраля. Встретил Гвинна в Бас-клубе. Мы обменялись с ним мнениями. После того как я передал ему то, что узнал, он рассказал мне, что в соответствующих кругах сейчас большая суматоха и он надеется на то, что совет армии займет твердую позицию. Асквит будто заявил, что он выступит во вторник во время обсуждения адреса. Мы с Гвинном

решили, что в понедельник или вторник я должен написать статью, в которой будут изложены парижские переговоры. Гвини постарается увидеть Дерби и попытается ободрить его. Гвини полон стремления довести эту борьбу до конца» *.

На лорда Дерби с разных сторон оказывали большое давление, стараясь привлечь его на сторону заговорщиков. У последних создалось впечатление, что им удалось завоевать его симпатии, и они были глубоко разочарованы, когда он впоследствии не пошел за ними. Я убежден, что у них не было оснований рассчитывать на его содействие.

Скорее стало ясно, что эта группировка не ограничивается одной какой-либо партией. Группа, называвшая себя военной комиссией юнионистов в палате общин, «приняла энергичные резолюции, решительно осуждавшие атаки на генералов». Эти резолюции были мне переданы лордом Сольсбери. Я потребовал от него, чтобы он указал хотя бы один случай, когда я лично нападал на генералов или поддерживал других в их нападениях на генералов. Какого бы мнения я лично ни держался о генералах, я знал, как важно не подрывать общественного доверия к ним, пока они остаются на своих постах. С того момента, когда армия теряет веру в своих вождей, от нее нельзя больше ждать, что она будет мужественно глядеть в глаза ужасам сражений и выносить лишения окопной жизни. Мятеж во французской армии показал нам, чего можно ждать от войск, потерявших доверие к своим генералам. Внутри страны это также привело бы к усилению недовольства. Поэтому я никогда не расхолаживал поправками впечатлений, создавшихся от тех блестящих побед, о которых сообщалось в результате ложных или неполных донесений с фронта. Во всех своих публичных выступлениях я говорил о Хейге только в хвалебных выражениях. Единственно, что я публично критиковал, — это недостаток координации между союзными армиями. Государственные деятели не всегда могут открыто говорить то, что они знают о фактах, пока конфликт не миновал. И в этом одна из величайших трудностей, с которой сталкиваются государственные деятели. Они несут величайшую ответственность за правильное использование ресурсов в войне. Они обязаны отчитываться перед общественным мнением за каждую неудачу. А сделать это открыто они не всегда вправе. Необходимость провозносить пламенные панегирики генералам, которые не заслуживают расточаемых им похвал, затрудняет и, в сущности, почти исключает возможность исправить их роковые ошибки. Все это я говорил моим критикам. Но ничего не помогало. Мина была уже подведена, и я знал, что, когда парламент соберется, последует взрыв. Мина была заготовлена военным министерством.

Предательское поведение газеты «Морнинг пост» военный кабинет обсудил в тот же день. Кабинет признал:

* Col. Repington, The First World War 1914—1918, Vol. II, p. 228.

«Статья давала ценную военную информацию врагу и представляла собой явное нарушение 18-го пункта положения о защите государства, а также решений военного кабинета о нежелательности упоминания в британских газетах об организации общего межсоюзнического резерва и о его командовании».

Доказательством того, что лорд Дерби не участвовал в этих интригах, является сделанная в то время запись, показывающая, что лорд Дерби выступил против названной статьи и совершенно недвусмысленно указал на ее зловердный характер. Он считал, что статья была послана из Парижа и что полковник Репингтон, очевидно, ознакомился с данными доверительного и секретного характера, которые были теперь разглашены редактором «Морнинг пост». Но независимо от того, были ли эти данные сообщены полковнику Репингтону в Лондоне или в Париже, их ни в коем случае не следовало опубликовывать.

Начальник военной разведки заявил, что, как ему известно, эта статья была накануне представлена в цензуру. Цензура спеслась с разведкой, и сэр Эдвард Кук сообщил, что редактору было указано, что статья нарушает 18-й пункт положения, изданного в соответствии с актом о защите государства, и специальной просьбы, обращенной к прессе 4 февраля*.

Сэр Эдвард Кук прочел военному кабинету выдержки из первоначального текста статьи в том виде, как она была сначала представлена в пресс-бюро. Он заявил, что пытался ее выправить в цензурном отношении, но что характер статьи был таков, что выправить ее было фактически невозможно. Поэтому он вернул ее г. Гвинну с письмом, содержащим вышеуказанное предупреждение. Несмотря на это, статья в слегка исправленном виде была все-таки опубликована.

Я указал, что это не первый случай, когда полковник Репингтон пишет для печати статьи, имеющие исключительную ценность для врага. Далее, в связи с постановкой в военном кабинете вопроса о людских резервах, полковник Репингтон написал ряд статей, опубликованных в «Морнинг пост», которые содержали цифровые данные о наших силах и резервах. Им была также послана в Америку статья для опубликования, которая наносила вред британским интересам.

Было решено обратиться за консультацией к генеральному прокурору и директору по делам политических процессов. В последовавшем обсуждении генеральный прокурор обратил внимание на то обстоятельство, что верховный совет в Версале 5 февраля принял резолюцию по вопросу об опасности, которую представляло бы раскрытие планов, принятых на этом собрании. Эта резолюция гласила:

«Военные представители почтительно обращают внимание правительств, представленных в верховном военном совете, на нежелательность по военным соображениям какого бы то ни было публичного обсуждения тех решений и мероприятий, ко-

* Press Bureau, Serial D 621.

торые сейчас приняты по вопросу о создании и дальнейшем использовании межсоюзнического общего резерва».

Указывалось, что если в данном случае не будут приняты меры против влиятельной лондонской газеты, то в дальнейшем в случае необходимости будет совершенно невозможно принять меры против небольших лейбористских газет.

Однако при формулировке обвинения мы испытывали некоторое затруднение, ибо нельзя было допустить гласности в вопросах, касавшихся планов, согласованных в Версале. Всякий намек на то, что статья раскрывала действительный характер версальской схемы, лишь усугубил бы зло. Пришлось поэтому ограничиться обвинением в нарушении одного из пунктов положения о защите государства. Виновники отделались поэтому одним лишь штрафом.

Репингтон с гордостью опубликовал письмо, которое он после осуждения получил от сэра Виллиама Робертсона. В этом письме генерал, еще недавно занимавший высший пост в британской армии, обращается к лицу, осужденному за опубликование секретных планов союзных армий, выражая ему сочувствие по поводу величия жертвы, принесенной им в интересах страны. Неудивительно, что Робертсон к этому добавил: «Я пропикаюсь отвращением при мысли о грязном деле последнего месяца». Поистине, дело грязное!

Дело не ограничилось опубликованием деталей военных планов союзников. Объединенными усилиями постарались раскрыть еще более полные данные через парламентскую гласность. Нельзя было возбудить преследование против министра, который в результате парламентского давления был бы вынужден дать информацию.

Парламент собрался 12 февраля. Мне передали, что Асквит в качестве лидера оппозиции сделает запрос относительно последних событий. Но я был лишен возможности нормальным путем получить сведения относительно вопросов, которые мне будут поставлены, хотя я и старался об этом. Мне сообщили, что Асквит находится вне Лондона и вернется лишь к заседанию палаты общин (я упоминаю об этом факте, так как он имел свои последствия). Я поставил в известность его заместителя г. Реджинальда Мак-Кенна, что я лично готов дать Асквиту просимую им информацию относительно версальских решений частным образом, так как по понятным соображениям я лишен возможности сделать это публично. На мое предложение я не получил никакого ответа. В своей речи Асквит ни словом не упомянул об этом предложении и продолжал настаивать на публичном разъяснении всего, что было связано с вопросом о резервах. Поэтому я вынужден был доложить палате о предложении, сделанном мною Асквиту.

Асквит, с искусством опытного полемиста, начал свою атаку с восторженных похвал по адресу «двух великих полководцев», сэра Дугласа Хейга и сэра Виллиама Робертсона: «Во всей Европе я не нашел бы двух человек, чье суждение о военных делах я принял бы с большим доверием». Борьба, которая велась против

правительства, была изображена им в виде конфликта между Хейгом и Робертсоном, с одной стороны, и мною — с другой. Это был удачный ход. Он имел в виду использовать популярность этих двух военных деятелей в качестве орудия при нанесении смертельного удара правительству. После этого Асквит устроил мне перекрестный допрос относительно версальских решений. Он утверждал, что не заинтересован в получении информации о Версале, поскольку совещание касалось военных и стратегических операций. Он только хотел знать, в какой степени союзные правительства отошли от своего первоначального обещания не наделять верховный совет никакой исполнительной властью и какие новые функции и обязанности возложены сейчас на совет. Именно это я и предложил сообщить Асквиту частным образом, если бы он захотел принять мое предложение, но ему и без меня это было известно, ибо Асквит был тесно связан с генеральным штабом, и последний несомненно информировал его по данному вопросу. Асквиту поэтому должно было быть ясно, что я не могу публично сообщить об исполнительных функциях без того, чтобы тем самым не раскрыть стратегических целей, поставленных перед общим резервом, а также рабочей техники его в сражении. Я не мог информировать палату общин о том, в какой мере наши решения затрагивали полномочия начальника генерального штаба или главнокомандующего, чтобы не затронуть при этом детали нашего плана, а также организации бюро, контролирующего резервы.

Я был в это время сильно простужен, температура у меня была повышенная, но я считал, что с создавшимся положением сможет справиться только тот, кто сам участвовал в этом межсоюзном совещании государственных деятелей и генералов. Я ответил Асквиту:

«Мой досточтимый друг поставил передо мной вопрос относительно совещания в Версале. Он, повидимому, полагает, что на его вопрос возможно ответить без всякого упоминания относительно ведения наших действительных военных операций. Нет никакой пользы в том, чтобы дать неполную информацию. Я полагаю, что, обдумав, сэр Асквит согласится, что невозможно сделать палате какое-либо заявление относительно принятых решений и не сообщить при этом ничего о стратегических планах союзников. Это должно быть ему ясно из имеющихся у него данных о характере этих решений».

Я указал, насколько изменилось положение с ноября, когда окончательно выяснилось, что Россия вышла из войны, а Германия, вопреки заверениям, которые она дала русским, сняла с русской границы свои войска, чтобы с помощью их атаковать нас на западе.

«В Версале мы очутились перед этим новым положением. Вплоть до нынешнего года немцы не в состоянии были предпринять против нашей или французской армии такое наступление, с которым каждая из этих армий в отдельности не могла бы справиться в основном собственными силами. Положение

в корне изменилось после того, как с русского фронта были брошены на западный фронт колоссальные подкрепления. Представители союзных держав в Версале должны были изыскать наилучший способ, который позволил бы выйти из положения, резко отличающегося от того, с каким они раньше имели дело. Они стояли перед такой ситуацией, при которой могло оказаться необходимым, вернее, было абсолютно необходимо, чтобы вся сила союзных армий — армий Франции, Великобритании, Италии и Америки — могла быть сконцентрирована в пункте, где можно ждать наступления. Никто не может сказать, куда будет нанесен удар. Мы знаем только, что такой удар подготавлиется. Враг располагает гигантской железнодорожной сетью, пользуясь которой, он может быстро перебросить войска в любую точку. Необходимо принять такие меры, которые позволили бы союзникам рассматривать свои армии, как единую армию, готовую встретить опасность и угрозу, где бы они ни возникли.

Именно с этой проблемой мы столкнулись в Версале. Если бы мы не взялись за разрешение ее, мы были бы виновны в явном пренебрежении к своим обязанностям. Что произошло в Версале? На прежних совещаниях обычно происходило следующее. Сначала заседали военные, а когда к ним присоединялись и гражданские члены совета, военные предъявляли официальную запись того, что они постановили. Я должен сказать, что такое обсуждение стратегических вопросов являлось чистейшим фарсом. Но на этот раз гражданские и военные члены совета в поисках решения вопроса заседали совместно в течение четырех или пяти дней. На совещании присутствовали главнокомандующие, начальники штабов, военные представители при военном верховном совете, премьеры трех стран и другие министры. Военные члены совета участвовали в обсуждении с такими же правами, как и гражданские члены. В течение всех этих дней происходил обмен мнений. И разрешите мне сказать, что в результате было достигнуто полное единогласие. Когда дело дошло до голосования резолюций, у нас не было никакого расхождения во мнениях.

После этого я перешел к разоблачениям Репингтона:

«Говоря о тех решающих мерах, которые связаны с расширением версальских полномочий, я должен соблюсти осторожность, поскольку я говорю о военных решениях, принятых в военном совете. Хотел бы я, чтобы в Германии или Австрии нашелся человек, который, узнав о том, что происходит на заседании военного совета в Германии и Австрии, опубликовал затем их решения. Человек, который рассказал бы нам о мероприятиях, намеченных немцами и австрийцами для наступления и на наш фронт, стоил бы нескольких добавочных армейских корпусов.

Когда я говорю о военном совете и его решениях, я должен быть очень осторожным. Ибо, если враг получит какую-

побудь информацию, то я предпочитаю, чтобы ответственность за это лежала не на мне, а на других. От этого зависят миллионы доблестных жизней, честь государства, целостность и безопасность нашей родины, цели этой великой войны, с которой связана будущность мира. Дать информацию, которая поставила бы все это под угрозу, было бы беспрецедентным предательством, и я отказываюсь участвовать в таком деле. Достаточно сказать, что решения, к которым пришли в Версале, были приняты единогласно. От нас требуется теперь найти наилучшие методы их осуществления».

Я просил Асквита:

«...не настаивайте на том, чтобы получить от правительства информацию о мерах, принятых нашей страной и союзниками для отражения подготовляемого большого удара, не требуйте информации, за которую вражеская разведка заплатила бы крупные суммы».

Г-н Асквит решительно отверг предположение, что он просит об информации такого рода. Я согласился с ним, что прямо он не хочет этого, но притом просил его отдать себе отчет, что если бы я дал эту информацию палате, то тем самым дал бы ее и врагу. Я напомнил, что конфиденциально предлагал ему лично сообщить все версальские решения. И я продолжал:

«...Во время войны всегда имеются вопросы, которые правительство обязано решать. Если палата недовольна правительством, она, на мой взгляд, имеет только один выход из положения — сменить правительство. Но разбирать и обсуждать военные решения...

Г-н Асквит: Я таких претензий не заявлял.

Премьер: Поверьте мне, что речь идет именно о военном решении. Знает ли, мой distinguished friend, что это значит? Я заявляю, что речь идет о военном решении величайшей важности, в принятии которого участвовали крупнейшие военные деятели союзников.

Г-н Дж. Ламберт: Были ли сэр Дуглас Хейг и сэр Робертсон согласны с этими решениями?

Премьер: Конечно. Они присутствовали на совещании, где выразили свое согласие. Я мог бы больше сказать по этому вопросу (голоса: «Не надо!»; один голос: «Не увлекайтесь!»). Я поставлен в очень затруднительное положение. Палата должна понять, что я избегаю всяких сообщений, которые могли бы оказать хотя бы малейшую услугу врагу. Когда дело касается военного совета, есть только один выход: вы должны представить его членам решать вопросы или же, если у вас нет к ним доверия независимо от того, гражданские ли это люди или военные, нам остается только сменить их. Но начать обсуждение этих вопросов в газетах — безразлично с чьей стороны, ибо если одна сторона начинает дискуссию, то неизбежно ее

будет продолжать другая, — это значит сделать руководство войной невозможным, абсолютно невозможным!»

В заключение я обратился к палате и представителям печати со следующими словами:

«Я энергично боролся против появления в печати таких статей. Ничто так не мешает работе правительства, как публичное обсуждение стратегических вопросов. Я призываю поэтому палату общин и тех, кто вне палаты общин заинтересован в успешном ходе войны, не допускать такого рода дискуссий. Если палата и страна недовольны тем, как ведется война, и если они считают, что другое правительство может повести эту войну лучше, тогда их дело поставить с божьей помощью другое правительство. Но пока палата общин доверяет правительству, она должна предоставить ему полную свободу руководить войной по своему усмотрению».

Дебаты по практическим вопросам на этом закончились. Палата была удовлетворена полученными объяснениями.

Оппозиции не удалось вызвать недовольства версальскими решениями ни в палате, ни за ее пределами. Я надеялся, что после этого обсуждения, закончившегося поражением оппозиции, сэр Виллиам Робертсон будет достаточно благоразумен, чтобы примириться с положением. Я старался не усложнять положения увольнением генералов.

Робертсон, как администратор, заслуженно завоевал доверие. Он заслужил его своей организационной работой в бытность генерал-квартирмейстером во Франции. Он сумел также наладить дела и в военном министерстве. Но Робертсон старался также создать себе репутацию великого стратега. Между тем ни его научные занятия в мирное время, ни его деятельность во время войны не давали для этого основания. Завоеванная им в общественном мнении популярность намного превосходила его реальные способности. Много было похвал, но мало критики.

Во время войны не рекомендуется открыто смешивать генералов с грязью, вместе с тем всякое восхваление, как бы чрезмерно оно ни было, встречает одобрение. Такие меры внушают доверие к генералам и у солдат на фронте и у народа в тылу. Всякий сделанный публично намек на то, что вожди армии неспособны или ненадежны, подействовал бы на войска деморализующе. Необходимость воздерживаться от этого ставит государственных деятелей в их взаимоотношениях с военными руководителями в очень неблагоприятное положение. Я не мог бы, например, опубликовать свой меморандум о Пашенделе или указать, в какой мере оправдались мои предсказания. Если бы я уничтожил этот меморандум, не опубликовав изложенных в нем соображений, то мне сказали бы, что я вмешиваюсь в дела, для понимания которых я не имею ни опыта, ни достаточной подготовки; меня упрекнули бы, что я пренебрегаю суждением людей, которым — и мною и другими — вверены миллионы жизней. Во Франции, в Германии, в Италии, в России, точно так же как и

в нашей собственной стране, это создавало почти непреодолимые трудности в обеспечении правильного руководства армией. В Германии, где можно было ссылаться на блистательный ряд крупных побед, одержанных на всех фронтах, генералы завоевали себе такой авторитет, что даже в вопросах исключительной компетенции министров им, а не правительству, принадлежало решающее слово. В первые годы войны Жоффр занял во Франции почти такое же влиятельное положение. Низкие льстецы, как грибы, вырастающие вокруг человека, наделенного большой властью и не подлежащего критике, убедили Робертсона, что он может установить в нашей стране такую же неограниченную власть. Они убедили его, что условия для этого были тогда весьма подходящие. Он решил поэтому идти до конца и померяться силами с военным кабинетом. Робертсон был убежден, что правительство утратило завоеванную им популярность, что страна будет приветствовать смену правительства, что в парламенте в составе всех партий имеются группировки, достаточно сильные, чтобы нанести удар, и что конфликт между генералами и политиками произошел во время. Робертсон был поэтому совершенно непреклонен. Он отклонил предложение войти в состав контрольного бюро, поскольку это было связано с уходом с поста начальника генерального штаба. Он настаивал на том, что начальник штаба должен быть *ex officio* членом бюро с правом назначить себе заместителя на случай невозможности самому присутствовать на заседаниях бюро.

Я решил, что военный представитель в Версале не должен быть простым орудием и передатчиком начальника штаба, что он не должен быть заместителем, который не может пойти дальше посланных ему из Англии точных инструкций его начальника, лишенного возможности выслушать на месте аргументы и даже самые предложения. Это было бы фарсом. Робертсон, вероятно, послал бы туда услужливого и довольно неуравновешенного Фредерика Мориса, одного из тех не по разуму преданных людей, которые доводят обоготворяемых идолов до падения. Морис делал бы только то, что ему сказано, и ничего больше. Он не обладал той независимостью, той способностью суждения, которые могли бы обеспечить его начальнику объективную информацию, хороший совет и возможность составить себе правильное суждение. Со всех точек зрения трудно было бы сделать худший выбор. Кабинет поставил поэтому Робертсона перед дилеммой: либо самому перейти в контрольное бюро, либо остаться в военном министерстве начальником генерального штаба. Мы совершенно ясно указали, что в обоих случаях наш представитель в Версале должен иметь равные права с представителями других союзников. Поэтому он не должен быть связан ничем и должен располагать собой. Робертсон отказался от этого назначения и целиком отверг версальские решения.

В течение этих критических дней я был прикован к постели болезнью и не мог присутствовать на заседаниях кабинета. Мои коллеги навещали меня, в особенности Бонар Лоу, лорд Милнер и Бальфур. Последний не хотел отпускать Робертсона и считал,

что позиция Робертсона вызывалась в большей степени его глубокой антипатией к своему вероятному преемнику сэру Генри Вильсону. Я сказал Бальфуру, что если он может уговорить Робертсона быть более благоразумным, то я предпочел бы не порывать с ним. Бальфур обещал поговорить с Робертсоном. Вот отчет об этой беседе, который мне тогда прислал Бальфур:

«Министерство иностранных дел.

15 февраля 1918 г.

Запись беседы, которую я имел с начальником генерального штаба в четверг 14 февраля 1918 г. в 3 часа 30 минут дня.

По предложению кабинета я вчера после полудня посетил генерала Робертсона, чтобы убедить его, если возможно, сохранить на обычных основаниях пост начальника генерального штаба или же, если он это предпочитает, занять место военного члена союзного военного совета в Версале.

Я указал ему, что правительство предоставляет ему право выбрать любой из этих двух высоких штабных постов, связанных с ведением войны на западном фронте. Мне представлялось, что большего правительство сделать не может и что по соображениям государственного характера он должен был бы принять одно из этих предложений.

Генерал Робертсон с большой настойчивостью повторял, что сделанное ему предложение выбрать один из двух постов не имеет ничего общего со спорным вопросом. Если бы его возражения сводились только к тому, что полномочия, переданные версальскому совету, а, следовательно, и британскому члену его, оставляют в тени начальника имперского генерального штаба, то, может быть, имело бы смысл перенести поле деятельности из Лондона в Версаль. Но его точка зрения вовсе не такова. Он возражал против новой системы* независимо от того, предстоит ли ему участвовать в ней в качестве начальника генерального штаба или в качестве военного члена верховного военного совета. Неприятный предмет одинаково неприятен, с какой бы стороны ни смотреть на него, выразился он метафорически.

Я приложил все усилия, чтобы разубедить его. Я указал, что ответственность, которую он берет на себя, отказываясь в наиболее критический момент войны от высокого поста, вряд ли может быть оправдана. Можно, конечно, представить себе крайний случай, когда намеченная к пуску машина настолько явно обречена на гибель, что нельзя требовать от человека, чтобы он взял на себя ответственность пустить ее

* В своей же речи в Версале он одобрил ее.

в ход. Но я думаю, что о настоящем плане этого сказать нельзя. Конечно, всякая схема, направленная на внесение некоторого единства в работу четырех различных армий под командованием четырех различных главнокомандующих и под руководством четырех различных генеральных штабов, принадлежащих четырем различным нациям, — доступна критике. В ней не трудно будет найти слабые места. Немцы имеют и будут иметь преимущества перед союзниками в отношении единства командования. И хотя я не принимал участия в создании версальской системы, мне все же кажется, что достаточно немного доброй воли, и можно добиться, чтобы она действовала плавно и успешно. А если это так, то я полагаю, что Робертсон должен считать своей обязанностью провести версальский план в жизнь.

Мы обсуждали в этом духе вопрос в течение получаса, но, к сожалению, без всякого успеха.

Генерал Робертсон добивался изменения схемы в том направлении, чтобы военный член версальского совета был представителем начальника генерального штаба и был подчинен последнему. При этом условии Робертсон был бы готов сохранить за собою пост начальника штаба или же направиться в Версаль.

Я, однако, не имел поручения от кабинета обсуждать с ним схему, которая, насколько мне известно, была уже отклонена на последнем совещании. Кроме того я не считал себя компетентным в таком вопросе.

А. Дж. Бальфур».

Из этого отчета кабинету стало ясно, что речь идет о конфликте более тяжелом, нежели конфликт, вызванный версальскими решениями. Вопрос стоял так: подчинится или нет существующее правительство диктаторским указаниям начальника генерального штаба в вопросе, по которому согласно конституционной традиции высшая власть принадлежала бесспорно правительству. Все союзные правительства, включая и наше, были представлены в Версале. Их главные военные советники также были там. Принятые в Версале решения были единогласно одобрены, как гражданскими, так и военными представителями всех без исключения союзных государств. Даже если бы британское правительство хотело пересмотра этих решений, оно не было бы в состоянии сделать это иначе, как вновь подняв вопрос перед союзниками. Конфликт был рассмотрен в парламенте и голосование показало, что палата не отвергает линии правительства. И после всего этого командир, присутствовавший на версальском совещании и согласившийся с его решениями, берет на себя смелость срывать эти решения. Если бы правительство уступило, военная диктатура стала бы свершившимся фактом. Существующее правительство стало бы столь же бессильным перед протестами, запрещениями и приказами Робертсона, какими стали германский канцлер и его министры перед лицом

категорических требований Гинденбурга и Людендорфа. Мы обязаны были занять твердую позицию, хотя бы и с риском быть ложно понятыми и даже потерпеть парламентское поражение. В военном кабинете на этот счет не было разногласий. Но вне военного кабинета были влиятельные министры, встревоженные ходом вещей и даже грозившие отставкой. Один из них — притом отнюдь не наименее влиятельный — фактически вручил мне свою отставку. Был момент, когда положение казалось весьма неустойчивым. Тем не менее мы решили: либо отстоять версальские решения, либо пасть вместе с ними.

Когда Робертсон отказался оставаться на предложенных условиях на посту начальника генерального штаба, он подал в отставку. Кабинет принял меры к подысканию заместителя. Это было нелегко. Наиболее подходящим кандидатом на этот пост был сэр Генри Вильсон. Но как все блестяще одаренные люди с ярко выраженной индивидуальностью, он имел в армии не только пламенных поклонников, но и непримиримых врагов. Офицеры-профессионалы в оценке его резко разделились на две группы. Те, которые стояли наверху, были решительными антивильсонистами. Большинство из них не доверяло Вильсону и активно действовало против него. Обе группы были правы: его интеллектуальная одаренность заслуживала восхищения, но ему были свойственны также такие черты, которые объясняли, а до известной степени и подтверждали чувства подозрения и недоверия, питаемые к нему многими. Ему были свойственны причуды, доходившие до шутовства. Он отвечал на серьезные вопросы или излагал важные проблемы с такой веселостью и остротой, которые были неуместны для человека, несущего на себе столь большую ответственность. Над серьезнейшими вопросами жизни и смерти он обычно подшучивал. Эта привычка лишала его советы того веса и авторитета, которые должны были придавать им его положение и личные способности. Он несомненно был одарен наиболее острым умом среди всех высокопоставленных офицеров. Никто из его соперников среди профессионалов-военных не обладал таким светлым умом и способностью так ярко выражать свою мысль, как он. Было наслаждением слушать, как он излагает и подробно разъясняет какой-нибудь сложный военный вопрос. Поэтому он был особенно ценен на совещаниях с участием неспециалистов. Однако он не был способен принимать решения. Отсюда его непригодность на поле сражения. Отсюда его неполный успех в совете. Даже на совещаниях он пугался ответственности последнего слова. Лично я всегда был в затруднении, не зная, что думать о нем. Его друзья были исключительного мнения о его способностях. Они видели в нем человека большого диапазона. Вместе с тем меня предупреждали, что я должен с осторожностью относиться к нему, правда, только по политическим соображениям. Я знал об этих предубеждениях и об их происхождении и поэтому относился к ним с осторожностью. Но я слишком мало считался с моими инстинктивными сомнениями в отношении его. Я всегда считал, что мнения политиков о его достоинствах или недостатках не имели

никакого отношения к его способностям как военного. Их отношение к Вильсону вытекало из политических соображений и не было потому беспристрастным. Асквит его ненавидел за причастность к куррагскому мятежу. По этой же причине Бонар Лоу, Милнер и Карсон были его надежными друзьями. Но ни Асквит, ни лидеры юнионистов не имели правильного представления о нем как о военном. Из узко-партийных соображений они относились к нему слишком предубежденно, одни в его пользу, другие против него. Выбирая людей на те или иные посты в течение всей войны, я старался отделаться от своих политических симпатий или антипатий. Я не считал Вильсона идеальным кандидатом на этот пост, но он несомненно был самым способным в верхах военных профессионалов. Вместе с тем я знал, что его кандидатура вызывала острые разногласия, осложнявшие положение. Он был живым воплощением версальской идеи. Он нес частичную ответственность за нее. Это было общеизвестно. В обычных условиях, в борьбе против любой формы военной диктатуры, я мог твердо рассчитывать на поддержку либералов. Сейчас значительное число их было на стороне военной клики. Такое же положение было и с ирландцами. Какая ирония судьбы! Либералы, которые в 1914 г. боролись против попытки Вильсона установить господство военщины, поддерживали сейчас, из ненависти к нему, гораздо более опасный заговор сторонников военной диктатуры. С другой стороны, инициатор и организатор военного заговора, поставившего задачей опрокинуть в 1914 г. парламент, спустя каких-нибудь четыре года стал знаменосцем борьбы против аналогичного заговора. Я так часто наблюдал в политике подобные парадоксы, что они уже давно не удивляют меня больше.

Я должен, однако, признать, что расположение, и даже увлечение, с которым относились к Вильсону некоторые влиятельные члены военного кабинета, помогли мне провести необходимые перемены в военном ведомстве. К этим министрам не относились ни Бальфур, ни Дерби, ни Роберт Сесиль, склонившиеся, наоборот, к другой стороне. Что касается Бальфура, то беседа с Робертсоном настроила его более миролюбиво. Но остальные два все еще противились; вернее, один колебался, а другой относился определенно отрицательно. В этих условиях я считал более правильным предложить пост начальника генерального штаба лицу, которое пользовалось бы уважением и доверием всей армии, без различия рангов, и всей нации, без различия партии. Поэтому я предложил этот пост прежде всего Плюмеру, который командовал британской армией в Италии. Однако Холден, с которым я советовался по этому поводу и который хорошо знал настроение армии, высказался против кандидатуры Плюмера. Он высоко ценил его боевые качества, но был невысокого мнения о его интеллектуальных способностях. Он считал Плюмера совершенно неподходящим для роли начальника штаба. Впрочем, вопрос был окончательно разрешен самим Плюмером, который отклонил сделанное ему предложение. Он дал понять, что его симпатия на стороне Робертсона. Я не могу в точности сказать,

исходил ли он при этом из достоинств Робертсона или из личной лояльности по отношению к нему. Кабинету поэтому пришлось снова вернуться к кандидатуре Вильсона. Было очевидно, что у нас нет другой кандидатуры.

Хейг и Дерби приехали ко мне 18 февраля в Волтон Хис. Мы обсуждали положение в течение нескольких часов. Хейг не стал отстаивать Робертсона. Он явно не одобрял вызов, брошенный Робертсоном правительству, принявшему определенное решение. Я счел нужным поставить Хейга в известность, что Дерби заявил мне о своей отставке. Мне казалось, что к своему гражданскому руководителю Хейг относился с большим уважением и почтением. Я хотел поэтому сразу же выяснить, окажет ли эта отставка влияние на его позицию. К удивлению, я заметил, что мое сообщение отнюдь не смутило его и что он отнесся к нему с некоторым пренебрежением. Он считал Дерби не слишком устойчивым и не старался скрыть этого от меня. У самого Хейга не было намерения подавать в отставку. Не было также никаких признаков, что он не склонен согласиться с версальскими решениями. Хейг указал, что, поскольку сейчас становится ясным, что германское наступление будет направлено против британского фронта, было бы невозможно снять с этого фронта какие-либо резервы. Я заверил его, что Фош вполне отдаст себе в этом отчет и далек от нелепой мысли снять отсюда войска, для того чтобы отправить их на безопасный участок. Хейг заявил, что это заверение его вполне удовлетворяет и больше никогда не поднимал вопроса о недееспособности передачи общего резерва под командование Фоша. Вильсон в этот же вечер 18-го посетил Хейга в его доме в Кингстоне, и Хейг сказал ему, что он не имеет ничего общего с этими дразгами, что он готов принять все решения кабинета и выполнить то, что в его силах.

Когда Хейг ушел, Дерби задержался, чтобы в третий раз за последние 24 часа вручить свою отставку. Он подчеркивал, что на этот раз он своего решения не изменит. Он заявил, что делает это не потому, что в чем-либо не согласен с линией кабинета, а исключительно из лояльности к человеку, с которым работал в военном министерстве. Дерби сказал мне, что его решение окончательное. Как только он ушел, я позвонил Бонару Лоу, и мы условились, что освобождающийся министерский пост должен быть предложен, если король даст на это свое согласие, Остину Чемберлену. Последнего в это время не было в городе. По просьбе Бонара Лоу он приехал в Лондон. Но прежде чем Чемберлен прибыл на Даунинг-стрит, Макферсон, непререкаемый глава (товарищ министра) военного министерства, позвонил на Даунинг-стрит 11 и сообщил Бонару Лоу, что ему удалось убедить Дерби взять обратно свою отставку. На следующий день Бонар Лоу доложил кабинету о назначении Вильсона, которое было принято без каких-либо возражений.

Но борьба отнюдь еще не кончилась. В печати появлялись статьи, которые указывали, что борьба будет перенесена в парламент. При этом в статьях совершенно определенно указывалось, по какой линии пойдет эта борьба. В одной из них было сказано:

«Палата общин, представляющая нацию, должна выбрать между двумя людьми, между Ллойд Джорджем и сэром Виллиамом Робертсоном, причем в основе этого выбора лежит военный вопрос. Таково фактическое положение. Никто не может в одно и то же время быть на стороне премьера и на стороне начальника имперского генерального штаба (сэр Виллиам Робертсон заявил нам, что он не подавал в отставку)».

19 февраля я решил сделать в палате заявление. Привожу из него несколько выдержек:

«Правительство было крайне заинтересовано в том, чтобы удержать сэра Виллиама Робертсона на посту начальника штаба, поскольку это совместимо с политической линией, которую оно приняло совместно с остальными союзными правительствами после длительного обсуждения в Версале. Правительство глубоко сожалеет, что сохранение столь выдающегося военного деятеля оказалось несовместимым с этой политикой. Если эта политика правильна, никто, как бы его ни ценили и ни уважали, не может идти против ее решений. Если эта политика ошибочна, никакие личности и никакое правительство не должно помешать тому, чтобы эта политика была немедленно дезавуирована палатой.

В чем эта политика заключается? Я давал уже палате объяснения по этому вопросу. ...Это политика не только данного правительства. Это политика всех великих союзных правительств. В этом пункте между нашей политикой и политикой Франции, Италии и Америки нет расхождений. В самом деле, некоторые из выводов, к которым мы пришли в Версале, были результатом весьма настойчивых предложений, сделанных представителями других правительств, и прежде всего американского правительства. Эта политика основывается на утверждении, что союзники до сих пор страдали от недостатка согласованности и координации усилий. Во вчерашнем номере «Манчестер гардиан» имеется одно место, которое я хотел бы процитировать с разрешения палаты, ибо оно вскрывает суть всей дискуссии:

«Один великий полководец как-то сказал: чтобы определить действительную силу коалиции, вы должны учесть влияние расхождений во мнениях и разрозненности действий, а это значит, что вы должны номинальные ресурсы коалиции разделить на два».

Наша цель заключалась в том, чтобы покончить с этим делением союзных ресурсов на два, чтобы на место разрозненных усилий поставить концентрацию сил и единство действий. Известному французскому деятелю приписывают следующую, немного дилетантскую фразу:

«Чем больше я наблюдаю эту войну, тем менее я убежден в том, что Наполеон был военным гением. И это по той простой

причине, что в течение всей жизни Наполеон воевал только против коалиций».

Я вкратце изложил затем сущность версальских предложений и высказал несколько соображений в обоснование версальского решения не назначать начальников штабов членами контрольного бюро и обеспечить последним независимое положение:

«...Никто не может сказать, откуда будет грозить опасность и где придется принимать решение. Необходимо, чтобы люди, которым придется его принять, могли собраться в течение получаса. Промедление в восемь-десять часов может быть фатальным. Какую бы организацию мы ни поставили во главе маневренного резерва, она должна состоять из людей, которые могут быть созваны в течение получаса с тем, чтобы решение было тут же принято. Никто не знает, что предпримут немцы. Они могут и тут и там начать внезапные действия. Предварительно разработанные планы могут быть совершенно опрокинуты. Поэтому необходимо, чтобы организация, принимающая решение, работала постоянно.

Есть еще один мотив. Недостаточно принимать немедленные решения. Бюро должно заседать постоянно, сопоставлять данные и изо дня в день обсуждать развитие событий, ибо положение, представляющееся сегодня одним, может на завтра совершенно измениться. Вы можете в Лондоне принять решение и затем телеграфно передать его в Версаль. Но когда оно дойдет туда, положение может в корне измениться. Мы считали поэтому необходимым, чтобы люди эти заседали вместе, чтобы при каждом изменении положения они могли сопоставлять данные, обсуждать развитие событий и принимать решения, помогая в поисках этого решения друг другу.

...Если бы начальники штабов заседали в Париже, то это означало бы, что правительства на долгие сроки лишались бы своих главных военных советников, притом в такие критические моменты, когда неотложно требуются действия на других фронтах или в других жизненно важных областях управления. Поэтому я утверждаю, что при первом же рассмотрении этого варианта — а мы сначала расценивали его положительно — он был признан совершенно непригодным по следующей простой причине. Как только начальник штаба уедет в Париж, он перестанет быть главным военным советником правительства, и либо Версаль должен будет удовлетвориться заместителем, который может действовать только по инструкциям, либо правительство должно будет удовлетвориться заместителем, который не сможет быть полноценным советником. По этим соображениям верховный совет единодушно отказался от этого предложения. Я считаю себя вправе сказать, что это предложение было авторами его взято обратно, так как

даже им стало ясно, что без радикальных изменений предложение это неприемлемо.

После этого французский премьер-министр предложил, чтобы каждая делегация продумала к следующему заседанию возможность какой-либо иной схемы. Так и поступили. Интересно отметить, что, заседаая отдельно и рассматривая вопрос совершенно независимо друг от друга, делегации пришли на следующий день с совершенно идентичными выводами, которые и были затем приняты. В течение некоторого времени я испытывал желание прочесть палате чрезвычайно убедительный документ, представленный американской делегацией, который послужил основанием для настоящего предложения. Это один из наиболее убедительных документов. Я думаю, что те из моих distinguished друзей, которые имели возможность с ним ознакомиться, согласятся со мной, что это один из наиболее талантливых документов, когда-либо представленных военному совещанию. В этом документе обосновывается взятый ныне курс и приведены подкрепляющие его соображения...

Я лишний раз подчеркнул, что генералы присутствовали на этом совещании и принимали в нем участие:

«Сэр Виллиам Робертсон присутствовал на совещании, и им не было сказано ничего такого, что указывало бы, что он считает этот план непрактичным или опасным». (Это заявление ни разу не опровергалось ни Робертсоном, ни его друзьями.)

После этого я осведомил палату о беседе, которую я имел с сэрлом Дугласом Хейгом:

«Версальские мероприятия затрагивали главнокомандующие: о более непосредственно, чем начальника штаба, ибо они касались самих военных операций и прежде всего операций во Франции. Я был поэтому особо заинтересован в том, чтобы главнокомандующий убедился, что эти мероприятия, поскольку они его касаются, могут быть проведены в жизнь без ущерба для него. Поэтому я сначала пригласил его в Лондон. Я имел с ним беседу, и он сказал мне, что готов работать на базе этих мероприятий».

После этого я изложил оба сделанных Робертсону альтернативных предложения, рассказал об его отказе как от версальского поста, так и от поста начальника штаба, которые он в условиях нового соглашения считал для себя неприемлемыми.

«Мы должны были принять решение. Но было мучительно сделать это, ибо приходилось выбирать между политической липкой, единодушно принятой представителями союзных государств после тщательного рассмотрения в присутствии военных советников, и между услугами выдающегося и очень ценного государственного деятеля».

Я дал высокую оценку его способностям, его характеру, его личному обаянию и добавил:

«На протяжении двух-трех лет нашей совместной работы наши личные отношения были не только дружественными, но и сердечными. Даже во время нашей последней встречи, когда я сделал все, что мог, чтобы убедить его принять одно из двух сделанных ему предложений, мы простились с ним, пожелав друг другу успеха».

Я остановился затем на трудности обеспечить сотрудничество между союзниками. Эти затруднения были не только практического характера. Они коренились в национальных чувствах и в исторических традициях. Я кончил следующим замечанием:

«Я прошу палату учесть, что действительность, перед которой мы стоим, ужасна. Всмотритесь в положение вещей. Словами кайзера, которые несколько дней назад были цитированы здесь, враг отклонил более скромные, чем все предыдущие, условия, которые были облечены в столь умеренную форму, что весь цивилизованный мир признал их разумность. Почему же враг отклонил их? Ясно, почему. Он очевидно убежден, что события в России позволят ему добиться военной победы и силой навязать Европе прусское господство. Вот в чем дело. И я прошу палату перед лицом этой угрозы положить конец спорам и сомкнуть наши ряды.

Если политическая линия, принятая после рассмотрения представителями великих союзных государств в Париже, представляется палате неправильной, отвергните ее и назначьте правительство, которое пойдет и заявит, что оно этой политической линии не принимает. Но это будет уже другое правительство. Однако же не допускайте, чтобы эти споры затягивались. Правительство вправе знать — я говорю это с должным уважением к палате — и вправе просить сегодня же сказать ему, хотят ли палата и нация, чтобы правительство и дальше действовало, придерживаясь того политического курса, который оно взяло, стремясь организовать наши силы и встретить натиск врага подготовленным? К сказанному я хотел бы прибавить только несколько слов о себе лично. За все время пребывания на посту премьер-министра я старался выполнять свои сложные обязанности, отдавая им без остатка все свои способности и все силы. Если палата обвинит сегодня отвергнет политику, за которую я несу ответственность и от которой зависит спасение нашей страны, я оставлю свой пост, жалея только о том, что у меня не было больших сил и больших способностей, чтобы предоставить их в распоряжение моей родины в этот час величайшей опасности».

В своем ответе Асквит был неожиданно мягок. Было очевидно, что объявленная против нас парламентская атака на этот раз не состоится. Он все еще относился с недоверием к обязательствам,

которые должны были подчинить британскую армию союзному контролю. Тем не менее он заявил:

«Я питаю глубокое уважение к палате, но не считаю, что мы являемся подходящим трибуналом для разбора вопросов этого рода. Я не прошу палату высказать свое суждение, заняв в этом вопросе ту или другую позицию. Но я уверен, что правительство отдает себе отчет в том, что оно берет на себя большую ответственность, отклоняя в таком вопросе схему, которая была разработана лицами, обладающими величайшими стратегическими и техническими знаниями.

Сэр Виллиам Робертсон покинул военное министерство и взял на себя командование восточной армией. Его место занял сэр Генри Вильсон. Для эгоистичной и неблагодарной натуры Вильсона характерно, что он сделал в своем дневнике только одно единственное замечание о той ночи, когда он был мною назначен на этот высший пост в армии. И это замечание сводилось к тому, что благодаря моей перешительности его назначение затянулось на 11 дней. Однадцать дней, потраченных на напряженнейшие совещания, на борьбу в его интересах, за его назначение, на борьбу как среди самих министров, так и в палате общин! Говоря со мной лично, он неизменно превозносил меня. За глаза он меня поносил. Становятся понятными те обвинения в предательстве, которые связывались с его именем и которые подтверждались как нельзя больше записями в его дневнике.

После этих дискуссий в кабинете и в парламенте, после беседы с Хейгом и перемен, произошедших в военном министерстве, кризис был уже позади. Версальские решения были приняты парламентом и общественным мнением, и мы были готовы выполнять их. Почему же они не были выполнены? Одной из причин был недостаток времени, которое мы расточительно потратили на бесплодные споры. Второй причиной была изменившаяся позиция французского правительства.

Ценнейшее время было растрачено. Массу энергии и нервов правительство потратило на внутреннюю борьбу, которая ни в малой мере не содействовала успешному проведению кампании. Наоборот эта борьба отвлекла наше внимание от вопросов жизненного значения, требовавших неусыпной бдительности и наблюдения. Последовавшие отсрочки и разногласия сыграли большую роль в том, что проект организации общего резерва не был осуществлен к моменту германского наступления. Ничто не берет столько сил и не истощает так, как затягивающийся парламентский или министерский кризис. В мирные времена таковы неизбежные издержки демократического правления. Но и тогда они тормозят движение вперед. Во время войны они порождают бедствия. Было бы вредно недооценивать тяжесть кризиса и считать, что все дело сводится лишь к тому, какая группа политиков будет заседать на Даунинг-стрит. Борьба шла теперь вокруг вопроса, будет ли верховная власть в выполнении законных функций принадлежать существующему правительству, как

единственному представителю национальной власти, принадлежащей королю и парламенту, или эта власть должна перейти в руки одного лишь военного министерства. Если бы победили заговорщики, новое правительство, кабинет в целом и его отдельные министры, были бы фактически лишь креатурой этих заговорщиков. Видя наш удел, ни одно новое министерство не посмело бы пойти против распоряжений генерального штаба. Меньше всего можно было бы ожидать независимости от министерства, составленного из людей, которые пришли к власти под лозунгом: «Доверяйте двум генералам», а не совету, представляющему политических и военных деятелей всех союзных государств. Но это не было единственной опасностью, с которой мы столкнулись в этом тяжелом конфликте. Был момент, когда казалось, что единству нации угрожает опасность, особенно тяжелая в условиях войны. Казалось, что национальное единство раскалывается в результате борьбы вокруг вопроса о достоинствах и недостатках враждующих генеральских группировок и конкурирующих стратегических планов. Именно в этом духе была начата дискуссия в печати и затем продолжена в парламенте. В ходе этой дискуссии много было раскрыто такого, что помогло врагу. Если бы эта дискуссия продолжалась и дальше, вражеская разведка получила бы неоценимую информацию. Я отказался стать на этот путь. Но если бы правительство пало и на место военного кабинета стал бы кабинет военного министерства, то ожесточенные споры развернулись бы с новой силой и было бы трудно удержать одних сторонников от того, чтобы они не последовали примеру других. От этой опасности страна была избавлена в немалой мере Хейгом, отказавшимся примкнуть к интриге и занявшим патристическую и корректную позицию. Он прочно стал на сторону конституции и заявил, что решать вопросы — дело военного кабинета, а дело военных принимать эти решения к исполнению и действовать в соответствии с ними.

Робертсон один, без огромного престижа Хейга, не был достаточно силен, чтобы свергнуть министерство. Если бы оба они вышли в отставку, борьба была бы более тяжелой и ее исход более сомнительным. Для британской армии было большим несчастьем, что в следующие недели Хейг не последовал прекрасному примеру конституционной лояльности, который он сам показал в случае с Робертсоном. То, что в вопросе об общем резерве он поступил иначе, имело катастрофические последствия. Но за последующую линию поведения Хейга ответственность должна быть возложена прежде всего на Петана и Клемансо, которые сами отошли от версальских решений и поощряли в этом Хейга.

Глава семьдесят пятая

КЛЕМАНСО

Пенлеве был человеком высокого ума и большой обаятельности. Он представлял собой сочетание простоты с хитростью, и это сочетание было привлекательным, но и несколько озадачивающим. В нем было нечто от академика в политике, а война является самой хитроумной из всех деятельностей. Но если в своем поведении он был подобен ребенку, то в своих суждениях он был провидателен и мудр. Он умел проникать в сущность проблемы. Ему не доставало умения маневрировать и настойчивости, необходимой для претворения его идей в действие, сметающее с пути все препятствия, в действие, пробивающееся сквозь преграды и преодолевающее интриги парламентской и военной клики. Он был слишком чувствителен и слишком экспансивен, для того чтобы занимать положение национального руководителя в момент тяжелого кризиса в судьбе нации. Он избегал личной критики со всей неприязнью человека, который не может отвечать тем же оружием. Он не смог бы вынести холодящих высот изолированности в самом возвышенном и, следовательно, самом уязвимом парламентском положении, если бы это положение не делил с ним, хотя бы изредка, политический деятель совершенно иного типа. Его друг Франклен Буйон фактически разделял с ним пост премьера. Не обладая ни малейшей долей чувствительности и робости Пенлеве, он имел уверенный, кипучий и пламенный характер. И тот и другой обладали мужеством высокого порядка. Но в то время как Пенлеве не доставало уверенности, Франклен Буйон имел ее достаточно для двоих. Справедливость требует отметить, что он был не только агрессивен, но обладал также смелостью и почти всегда преуспевал в своей деятельности. Он управлял Пенлеве. Он говорил в пользу его, помимо него и вместо него на конференциях, совещаниях и в интервью. На конференции в Рапалло Пенлеве почти не пришлось принимать участия. Ему удалось вставить несколько поспешных замечаний, но под предлогом интерпретирования Пенлеве напористый Буйон отстранял своего шефа и приносил свои собственные речи по каждому возникавшему вопросу.

Настало, однако, время, когда Пенлеве пришлось очутиться в одиночестве и говорить самому за себя. Когда ропот в кулуарах перешел в рычание и когда он понял, что вскоре ему придется высту-

пить перед палатой, возмущенной событиями, за которые он не был ответственен, но развитие которых он не сумел контролировать, он буквально пришел в ужас. Он знал, что не сумеет овладеть сборищем, умирить которое часто не удавалось даже таким великим ораторам, как Вивиани и Бриан. Когда дискуссия, которая должна была решить его судьбу, стала неизбежной, он буквально сбежал в Англию под предлогом поручения ко мне, британскому премьер-министру, но в действительности лишь для того, чтобы на несколько дней укрыться от надвигающейся грозы. Он провел конец недели со мной в Чеккерсе. Он был беспокоен, рассеян и несчастен. Я был огорчен за него, потому что он был прекрасным человеком. Он знал, что сделал все, что в его силах, для своей родины. Он был убежден, что стоял на правильном пути для спасения ее. Но он сознавал также, что ничто не спасет его от унижения, когда его как неудачника раздавит разъяренная палата, обнаружив, что Франция должна выдержать еще один год войны, имея не лучшие шансы на успех, чем в конце любой другой кампании. Он пал, и с его падением Франция, казалось, исчерпала список возможных и зрелых кандидатов на пост премьера. Вивиани, Бриан, Мильеран, Рибо, Пенлеве — все они были испытаны и оказались негодными. Тогда произошла драматическая перемена, которая оказала решающее влияние на ведение войны.

Оставался только один человек, о котором без преувеличения можно сказать, что никто не хотел его прихода к власти. Президент Пуанкаре же любил его. Этот человек оскорбил всех видных политических деятелей во Франции и не помирился ни с одним из них. Ни одна партия или группировка не шла за ним. Клемансо был Измаилом французской политики. Как-то я сказал о нем, что он любит Францию, но ненавидит французов. Это достаточно справедливо характеризует его личную позицию, которую он занимал на протяжении всей своей карьеры. Тем не менее это была самая выдающаяся и сильная личность на арене французской политики во времена Третьей республики. Это был убийственный спорщик, который сбрасывал одного министра за другим острым и неотразимым оружием своего красноречия. Он с величайшим пренебрежением относился к людям, входившим в состав министерств; его презрение к ним было тем более уничтожающим, что оно было справедливо и совершенно искренно. Даже Гамбетту он считал театральным притворщиком и сорвал с него показные аксессуары его величия. Бриана он презирал, считал его сладкоречивым декламатором напыщенных бапальностей. Пуанкаре он не выносил. Я никогда не слышал, чтобы он с уважением отзывался о каком-нибудь политическом деятеле, за исключением великого лидера социалистов Жореса, да и того не было в живых. Когда-то ему пришлось скрестить мечи с Жоресом в одном памятном споре, и с тех пор он стал восхищаться интеллектуальными способностями последнего. Что же касается всех остальных, то он буквально издевался над ними. Когда спрашивали, как это часто делал я, его мнение о том или другом политическом деятеле, он отвечал презрительным восклицанием (не всегда печат-

ным) или свирепым взглядом. В его глазах они были никем иным, как мягкотелыми и пустыми парламентариями. Это означало, что он считал их попросту сведущими во всех искусствах и ремеслах политической игры в парламенте и вне его. Они разговаривали на жаргоне, который завоевывал им или сохранял избирательные голоса или срывал «аплодисменты». Они могли пролезть сами или протащить своих ставленников на министерские должности. Но они не были людьми дела. Когда они получали назначения, самые усердные из них только корпели над протоколами или официальными донесениями, подсовываемыми им бюрократами, главным стремлением которых было не столько окончательно разрешить какую-нибудь проблему, сколько временно отделаться от нее. Когда эти парламентские лидеры участвовали в конференциях, они считали триумфом, если в конце заседания получали возможность констатировать наличие «полного единения» или передать для прессы согласованное официальное сообщение, которое импонировало широкой публике, но было лишено всякого значения для посвященных. Клемансо хорошо, даже слишком хорошо, знал всех этих людей и относился к ним с величайшим пренебрежением. Он не принимал во внимание того обстоятельства, что они напрягали все свои силы и что большего не мог сделать и сам Клемансо.

Клемансо был мастером слова. Ни один современный ему оратор не владел в столь совершенной степени словами и фразами и умением находить их в нужный момент. Но в первую очередь он был человеком действия. Он презирал лиз, полагавших, что слова заменяют, а не стимулируют действия. Но он не всегда бывал справедливым даже к людям действия, если питал к ним личную неприязнь. Я всегда считал его несправедливым по отношению к Альберу Тома, который был первоклассным организатором и работником.

На протяжении всей войны Клемансо критиковал и осуждал всех и все. Издававшаяся им газета была закрыта; он основал другую, но она распространялась только в тех кругах, которые были с ним связаны. Депутаты и сенаторы прочитывали каждое слово этой газеты. Он мало выступал с речами, но в парламентских комиссиях нагонял ужас не столько на плохих работников, сколько на тех, кто ничего не делал, и кто, по моему мнению, является еще большим злом в критические моменты. В течение трех лет никто не думал о нем, как о возможном премьере во время войны. Он был ворчун, да к тому же старым ворчуном: ему было 78 лет. Перед самой войной он только что оправился от тяжелой операции. Незадолго до того как ему было предложено сформировать кабинет, я рискнул намекнуть одному видному французскому депутату, что следовало бы подумать о Клемансо. Он поднял мою мысль насмех. По его мнению и по мнению всех, кто разгуливал в кулуарах палаты депутатов, «Тигр» совершенно выпал из всяких расчетов. Я указал, что незадолго до начала войны он занимал пост премьера и оказался одним из сильнейших премьер-министров республики. Мой собеседник ответил, что теперь Клемансо уже не тот человек, каким был раньше; теперь он только раздражительный и брюзгли-

вый старик. Затем, совершенно неожиданно, в кулуарах палаты депутатов начали раздаваться голоса: «Почему бы не дать «Тигру» попробовать? В случае его неудачи, а это, вероятно, случится, он прекратит свое рычание; тогда мы сумеем испробовать кого-нибудь еще и сможем заставить его молчать, указав на его собственный провал». Успех Клемансо следует приписать желанию поставить его в затруднительное положение. Эти перешептывания дошли до ушей Пуанкаре, и он послушался их. Так возник самый известный из длинного ряда французских кабинетов, сменившихся за время этой войны, — министерство войны. В 78 лет Клемансо вступил в самый замечательный период своей энергичной и бурной карьеры.

Влияние, которое он оказал на развитие событий, было столь значительным, что мне хочется изложить здесь мои личные впечатления об этом замечательном человеке.

Впервые я встретился с г. Клемансо в Карлсбаде в 1910 г. Я был приглашен на чай к г. Т. П. О'Коннору. Было известно, что г. Клемансо проходит свой ежегодный курс лечения в Карлсбаде, и я очень хотел встретиться с ним. О'Коннор устроил эту встречу. Вскоре после моего прихода в комнату ворвался низенький, широкоплечий и широкогрудый человек, загорелый и довольно вызывающее лицо которого освещалось парой блестящих и свирепых глаз, глубоко сидящих под нависшими бровями. Меня поразили размер и решительная посадка его большой головы. Она производила впечатление огромной, но была лишена выпуклости, характеризующей добродушие, почтенность или доброту. Это была ненормально большая голова, все положительные характеристики которой были совершенно сглажены. В данный момент я не анализирую этого человека, а только передаю мои первые впечатления от его внешности. Он выглядел тигром, тигром-людоедом, который наступал на кабину за другим и разрывал их своими ужасными когтями. Он вошел в комнату маленькими быстрыми шагами. Тогда ему было семьдесят лет, и дни его величия должны были наступить семью или восемью годами позже.

Мы были представлены друг другу, и он поздоровался со мной без особого радушия. В то время я занимал пост канцлера казначейства и делал все возможное, чтобы заключить с Германией соглашение по вопросу о строительстве морского флота. Я опасался, что без такого соглашения война будет неизбежна. Г-н Клемансо упомянул о моих попытках с презрительным порицанием. В его ненависти к Германии была воплощена такая жестокость, подобную которой я никогда раньше не наблюдал даже у наиболее яростных британских германофобов. Их враждебное отношение к Германии всегда производило впечатление надуманного и показного; у Клемансо оно было в крови. Позже я лучше понял это чувство. Моя первая беседа с г. Клемансо не увенчалась успехом. Он ясно дал мне понять, что совершенно не одобряет меня. Если бы я никогда больше не видел его, то вспоминал бы о нем, как о сильном, но неприятном и сварливом старом дикаре. Только спустя годы — годы, насыщенные событиями — после этой встречи я понял, в чем

заключалось его настоящее очарование: оно было в его остроумии, шутливости и в гипнотизирующем интересе, который возбуждала его привлекательная и сильная личность. И раньше, чем кто-либо из нас предвидел, наступил день, когда произошли события, объяснившие мне, почему он боялся угроз и ненавидел заносчивость германского империализма.

Помню, как я ехал с ним с исторического совещания в Трианонском дворцовом отеле Версаля, после того, как он вручил г. Брокдорф-Ранцау и германским делегатам текст мирного договора. Я возвращался в Париж в его автомобиле. Когда мы проезжали развалины дворца Сен-Клу, который был сожжен немцами в 1871 г., он поделился со мной своими воспоминаниями об этом пожаре. Во время осады Парижа он был мэром Монмартра и с высоты своей мэрии был свидетелем разрушения этого знаменитого замка. По-видимому, это событие запечатлелось в его памяти гораздо сильнее, чем даже голод и лишения, с которыми он так успешно справлялся.

На этот раз он говорил о событиях 1870 г. с необычным спокойствием, как человек, у которого внутреннее пламя мести было наконец залито охлаждающим глотком победы. Только об одном случае 1871 г. он рассказывал мне с волнением: о потрясающей сцене, разыгравшейся во французском национальном собрании, когда Жюль Фавр тотчас после переговоров с Бисмарком пришел сообщить депутатам о характере поставленных условий и о той беспощадности, которую торжествующий канцлер проявил к просьбам французских делегатов о смягчении предъявленных требований. Слезы выступили на глазах Клемансо в первый и единственный раз за все время моего общения с ним, когда он пытался описать жестокость победителей. В тот момент я частично понял ненависть, которую Клемансо питал к немцам. Они не только вторглись во Францию, разбили ее армии, оккупировали ее столицу, унизили ее гордость, но в час победы обращались с ней с наглостью, которая на протяжении 50 лет терзала сердце этого яростного старого патриота. Когда я встретил Клемансо в Карлсбаде, боль обиды все еще вызывала его гнев. В сущности он всегда был раздражительным человеком. Те, кто читал его безжалостные слова по поводу смерти г. Штресемана, поймут, что даже победа не вполне погасила тлеющие угли мести в груди этого ужасного вулкана клокочущей и волнующей ненависти к немцам — личной, национальной, политической и религиозной.

Его успех на посту военного министра не является неожиданностью. Он обладал неистощимой энергией, неукротимым мужеством и даром заражать других своим боевым духом и уверенностью. Я ничего не знаю об его административных или организаторских способностях. Самые крупные организационные проблемы были уже разрешены до того, как он вступил на пост военного министра в 1917 г. В тот момент требовалось сочетание энергии, мужества и здравого смысла, а он в исключительной мере обладал всеми этими качествами.

Говоря о его мужестве, нельзя привести лучшего примера, чем

следующая характерная история, которую рассказывали о нем. Когда в начале войны предполагалось перевести французскую палату депутатов в Бордо, германцы находились в нескольких милях от Парижа. Президент, сенаторы и депутаты считали лучшим убраться из зоны действия германских орудий, пока еще не поздно. Клемансо отказался уехать. Когда его спросили, не полагает ли он, что им следует покинуть Париж, он ответил: «Да, мы находимся слишком далеко от фронта».

Его мужество никогда не вызывало сомнений даже у его врагов, но они не всегда признавали его мудрость. Когда он не горячился или когда не были задеты его личные или политические убеждения, — а у него бывали периоды прояснения и спокойствия, — он оценивал положение более здраво, разумно и проницательно, чем всякий другой человек.

По убеждению и темпераменту он был неисправимым циником. Он не верил в победу справедливости. Его основным символом веры, если он вообще обладал им, было то, что война ясно доказала неизбежность триумфа силы над абстрактной справедливостью. Во время одной из бесед он выразил это очень просто: «Сила есть право». Он верил в организованную и целеустремленную силу. В интересах человечества сила должна превалировать над слабостью. Из ряда колкостей, которыми обменялись Клемансо с президентом Вильсоном, наиболее острой была та, которой он напомнил американскому идеалисту, что без насилия Соединенные штаты Америки никогда не начали бы своего существования и что, не будь силы, они распались бы на части полстолетия назад.

Моя последняя встреча с Клемансо, когда он еще был премьер-министром, произошла после провала его кандидатуры на пост президента республики. Для него это поражение было связано со всеми признаками унижения, и он глубоко переживал его. За все время это был первый и единственный раз, когда я увидел, что этот мужественный старик проявил какие-то чувства по поводу лично перенесенной обиды. Он не стремился к этому посту. Наоборот, он до последнего момента сопротивлялся давлению, которое на него оказывали, чтобы вынудить его согласиться на выдвижение его кандидатуры. Он не желал этого и уступил только потому, что многие, которые его впоследствии предали, убедили его, что в интересах Франции он должен остаться у кормила правления, до тех пор, пока прочно не установится мир и пока Франция не оправится от своих ран.

Они настаивали на том, что исключительный и подавляющий авторитет, который он приобрел не только во Франции, но и во всем мире, был необходим в течение еще нескольких лет. Он послушался этих настояний и с большим нежеланием уступил. В результате личных интриг его провалили на глазах у всего мира. Вместо него был избран человек, которого он презирал (а кого он вообще не презирал?).

На следующее утро, когда я уезжал из Парижа, он приехал проводить меня на вокзал. Он не пытался скрыть своего огор-

чения по поводу того, что французы так быстро забыли его заслуги. Когда я сказал ему: «Общество быстро забывает всех, кто верно служит ему — такова судьба», он ответил: «В Англии бы так не поступили».

По поводу поражения Клемансо в его соревновании с Дешанелем на пост президента передают очень интересную историю о дуэли, которая состоялась перед войной между Клемансо и его счастливым соперником. Рассказывают, что дуэль происходила в саду, в каком-то парижском предместье. Дуэлянты дрались на шпагах. Клемансо был хорошим фехтовальщиком, и по мере того, как он наступал на своего противника, тот отступал все дальше и дальше от угрожающего клинка. Наконец Клемансо надоело это бесконечное отступление; взяв шпагу подмышку, он помахал рукой и, поклонившись в сторону Дешанеля, сказал: «Вы нас покидаете, сударь». Двадцать лет спустя в ином поединке настала очередь Дешанеля согнать опытного фехтовальщика с места дуэли.

Клемансо был величайшим государственным деятелем Франции, если не величайшим французом своего времени. Он был французом всеми фибрами своего существа. Он не проявлял настоящего интереса к человечеству в целом: его единственной заботой была Франция. Когда Франция находилась в унижении, ему не было дела до успехов других наций. Когда Франция являлась победительницей, его нисколько не трогало бедственное положение любой другой страны. Франция для него была всем. Когда он начал общественно-политическую карьеру, он нашел свою любимую родину поверженной в прах и униженной; когда он закончил свою карьеру, Франция, в значительной мере благодаря его стараниям, стала наиболее могущественным государством на материке.

Критикуя, Клемансо был злобен и жесток. По своей природе он был убийцей. Но в своих действиях он был спокоен, сдержан и практичен. Он всегда был готов уступить или пойти на компромисс, чтобы потом лучше наступать. Мое первое знакомство с этой стороной его характера произошло в связи с версальским советом. Когда Клемансо приступил к исполнению обязанностей премьера, его первой импульсивной попыткой было аннулировать все решения, принятые его предшественниками, и, в частности, попытку организовать междусоюзнический генеральный штаб в Версале, который должен был координировать все операции союзников на суше и на море. По его представлению войной следовало руководить из его кабинета в Париже. Вскоре он обнаружил, что ни Америка, ни Англия, ни Италия не были склонны получать распоряжения от французского военного министерства. Как и все французские генералы и министры, он сосредоточил свое внимание на сухопутной кампании и склонялся к тому, чтобы вместе со своими другими заслуженными соотечественниками заявить, что «больше моря не будет». Постепенно он понял решающее значение, которое имело господство на море. Он убедился, что здесь британский военный и торговый флоты являлись превалирующими, и что сам он совершенно некомпетентен, для того чтобы принять на себя руковод-

ство морскими операциями. Даже на суше общие силы союзников превышали силы французов. Когда Клемансо пришел к власти, он еще по-настоящему не ознакомился с военными проблемами в целом, но не считал ниже своего достоинства изучить это дело. Как и все великие люди, он не был настолько тщеславен, чтобы не замечать своих ошибок или не менять своих планов. Сначала он был упрямым человеком с диктаторскими замашками, но вскоре понял, что ничего из этого не выйдет. После первого совещания в Версале он пришел к убеждению, что новая организация, которая наблюдала, получала информацию и учитывала все действия союзников во всех пунктах и по всем родам войск, будет полезна ему в выполнении его почетной обязанности. Впервые ему пришлось столкнуться с некоторыми особенностями вооруженной борьбы, главным образом с теми, которые оказали решающее влияние на исход войны, — союзнической блокадой и стремлением парализовать отчаянную, но опасную контрблокаду, предпринятую противником. Впервые Клемансо осознал, насколько снабжение союзников не только военными припасами, но и хлебом насущным полностью зависело от нашего флота и насколько важно было защищать его и пополнять его потери. На этом же совещании он получил убедительную информацию о том, насколько фланговые операции, предпринимавшиеся везде, кроме Франции, угрожали единству центральных держав и вызывали постепенный распад вооруженных сил, охранявших восточные и западные границы Германии и угрожавших Британской империи на ее наиболее уязвимых и важных путях.

Неоднократно мне задавали вопрос, каково мне лично было работать с Клемансо. Всегда ожидали ответа, который выявил бы жизнь «кошки с собакой», которую мы якобы вели на протяжении двух лет тесного сотрудничества. Большая доля этих предположений вызвана глупыми или злыми сплетнями. Иногда шутливое и безобидное острое слово, брошенное через стол в разговоре или в прениях, подхватывается одним человеком, следующий заостряет его еще больше, а третий погружает это острие в яд. Часто такие предположения являются чистейшим вымыслом человека, который любит передавать новости или фразы, могущие быть приписанными видному политическому деятелю, вроде Клемансо, когда прежние новости начинают приедаться. Иногда, к сожалению, подобные неприятности являлись продуктом злобного воображения людей, питавших неприязнь к одному из нас или к нам обоим. Какова же истина на деле? Мне никогда ни с одним человеком не пришлось вести более важных дел, чем я вел с Жоржем Клемансо; за всю свою общественную карьеру я никогда не встречал человека, с которым мне было бы приятнее иметь дело. Те многочисленные возможности обмена мнениями с ним, которыми я пользовался, принадлежат к числу самых приятных и дорогих воспоминаний моей жизни. Нет ни одного эпизода или слова, которые вызывали бы горькое чувство. С первого момента нашей официальной связи я пришел к выводу о необходимости внушить этому властному поли-

ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

тическому ветерану, что всякие его попытки запугивания или придинок не будут терпимы, что он должен с уважением относиться ко всем заявлениям представителей Британской империи и в отношениях с ними поступать согласно указаниям своего величайшего ума. Вскоре после этого я выбрал вопрос; мнения по которому несколько расходились, но в котором, по моему убеждению, мы занимали совершенно правильную позицию. Когда Клемансо довольно кратко и самым резким образом попытался оборвать меня, я заявил подчеркнутый протест, возможно даже слишком подчеркнутый, что повергло его в полное недоумение. Он с большим тактом уступил. После этого его характер, который временами мог быть диким, никогда не портил наших взаимоотношений.

Глава семьдесят шестая

ПЕРЕД НАСТУПЛЕНИЕМ

Прежде чем рассказать о неудаче, постигшей попытку создать общий резерв, я должен рассказать о военном положении на западном фронте, каким оно сложилось к моменту той удручающей и беспредметной дискуссии, о которой я уже говорил. В этот период с несомненностью выявилась перспектива большого наступления противника на западном фронте. В спешном порядке с русского фронта на западный перебрасывали одну дивизию за другой. Имелись многочисленные указания на серьезные приготовления к наступлению. Всячески обманывая нас диспозицией своих резервов и материального снабжения, немцы в течение некоторого времени сумели скрыть направление и место готовящейся атаки. Хейг не верил, что наступление будет проведено в большом масштабе. 7 января он изложил военному кабинету свою точку зрения в следующих выражениях: «Немцы, вероятно, попытаются сломить моральное состояние армий Антанты атаками на ограниченных участках, как например, против Шалона, Арраса или другого подобного участка фронта». Этот вариант казался ему наиболее вероятным, ибо наступление, предпринятое широким фронтом с целью прорвать линию и дойти, скажем, до Калэ или Парижа, обошлось бы врагу, по его расчетам, слишком дорого. Хейг приводил еще и другой аргумент, который, на его взгляд, заставлял сомневаться в том, что немцы могут предпринять наступление в широком масштабе, чтобы прорвать нашу линию. Этот его второй аргумент сыграл, между прочим, большую роль в дискуссии о диспозиции британских военных сил. Он говорил, что «состояние живой силы германской армии представляется ему не вполне удовлетворительным».

Впоследствии Хейг изменил свою точку зрения на задачи, которые немцы поставили перед своим наступлением. Хейг пришел к заключению, что немцы попытаются добиться решения своих задач, но он все же еще продолжал придерживаться своего первоначального мнения, что немцы не предполагают вести наступление широким фронтом, а будут лишь тут и там предпринимать разрозненные и ограниченные наступательные действия, притом как против французского, так и против английского фронта. Еще 16 февраля, на совещании со своими генералами в Дуллапе, Хейг дал следующую

оценку положения: «Он считал, что главное усилие немцы направят против французов и что положение на британском участке фронта не содержит никаких признаков предстоящего наступления»*.

Я согласен с генералом Гофом, что «нелегко понять, какими путями пришел главнокомандующий к некоторым из своих заключений, ибо на этом самом совещании бригадный генерал Кокс, новый начальник разведки генерального штаба, сообщил, что из 68 резервных германских дивизий 50 находились на британском фронте. При этом Кокс ожидал наступления в марте или еще до марта». Вопреки информации своей собственной разведки, Хейг настаивал на высказанном им предположении. Свою позицию в этом вопросе он изменил лишь за три или четыре недели до наступления, когда из германских приготовлений, проводившихся вблизи наших линий, стало совершенно очевидным, что наступление будет предпринято именно здесь, притом в масштабах, не виданных еще за все время войны. Но генеральный штаб вплоть до последней минуты отказывался верить, что наступление охватит весь фронт пятой армии.

Петэн также, подобно Хейгу, считал, что немцы поведут наступление одновременно против обоих фронтов: два наступления против французов и одно против британцев. Как и рассчитывали немцы, Петэн был введен в заблуждение приготовлениями, инсценированными немцами вдоль его фронта. Петэн продолжал держаться своего мнения даже и после наступления 21 марта. Исходя из своего предположения, он распределил свои резервы, причем значительную часть их удерживал на отдаленном южном участке французского фронта. Петэн и в дальнейшем упорно не хотел поступиться своими резервными дивизиями, ибо был убежден, что немецкое наступление против французского фронта начнется, как только он бросит свои резервы в битву на Сомме.

Людендорф решил, что первое наступление должно быть направлено против британского фронта и проведено в огромном масштабе, с тем, чтобы разбить третью и пятую армии и тем расстроить всю британскую линию. Погода во Фландрии слишком неустойчива, чтобы предпринимать какие-либо операции ранней весной. Чем южнее был расположен участок, тем раньше могло быть начато наступление. Гинденбург говорил, что мысль о наступлении во Фландрии и на участке Лис была оставлена, ибо до середины апреля этот район представляет собою сплошное болото. Искключительно сухая весна побудила немцев начать во второй неделе апреля наступление в равнине Лис, но их продвижение было все же задержано болотистостью почвы. Исходя из того, что подводные лодки не смогли предотвратить регулярного притока американских войск, германское верховное командование ясно сознавало, как важно ускорить наступление. Оно не могло поэтому откладывать нанесение первого удара позже марта. Если бы немцам удалось добиться своей цели и разбить британскую армию весной,

* Gough, p. 236.

американские войска, которые должны были прибыть летом, пришли бы уже слишком поздно и не смогли бы восстановить положения союзников. План был задуман правильно. Он позволял наилучшим образом использовать положение, которое становилось все более тяжелым для центральных держав. Живая сила немцев была близка к истощению, и у них не было резервуара, из которого они могли бы ее черпать. У них не было, как у нас, непочатого американского источника миллионов мужественных молодых людей, обладавших наилучшими боевыми качествами. Продовольственное положение Германии становилось все более серьезным. Их союзники были также в очень тяжелом положении, и не было ни одного государственного деятеля в Германии, как не было и ни одного германского солдата, который не знал бы, что если это напряжение еще продлится, то нельзя будет более рассчитывать ни на Австрию, ни на Турцию, ни на Болгарию. Мы не сумели правильно оценить тот развал, который постепенно созрел в среде союзников Германии, что говорит не в пользу нашей разведывательной службы. Если же военное ведомство имело какую-нибудь секретную информацию об этом, то оно тщательно скрывало ее от военного кабинета. Оно не хотело чем-либо подтолкнуть нас к тому, чтобы бросить на восточный фронт хоть какую-либо часть наших сил и таким образом покончить с колеблющимися союзниками нашего главного врага. С этой целью военное ведомство всегда сильно преувеличивало численность турок и храбрость болгар и уж во всяком случае мешало нам узнать о разложении и деморализации, господствовавших в Австрии. Но сами немцы не строили себе никаких иллюзий относительно действительного положения вещей. В течение какого-нибудь года, но не более, можно было еще удерживать их союзников в окопах. В своих биографических записках Гинденбург показал, какую большую роль эта оценка состояния своих союзников сыграла при решении вопроса о германском мартовском наступлении:

«Даже к концу 1917 г. я считал, что нет ничего такого, что побуждало бы меня усомниться в способности нас, немцев, продолжать сопротивление в течение следующего года. И все же я не мог скрыть от себя прискорбного факта снижения боеспособности у наших союзников. Мы должны были пожертвовать всеми нашими ресурсами, чтобы обеспечить победоносное завершение войны. Таково было более или менее ясно выраженное требование всех наших союзников»*.

Если Антанте должен был быть навязан удовлетворительный для Германии мир, то необходимо было во что бы то ни стало добиться скорейшего его заключения, причем, чем раньше, тем лучше. Это заставило Людендорфа принять решение о наступлении против одного лишь британского фронта, ибо здесь благодаря условиям погоды операции были практически возможны уже в марте. К этому побуждал также и тот факт, что на британском участке оборонительные

* *Marshal V. Hindenburg, Out of my Life, p. 340.*

сооружения были в неудовлетворительном состоянии и что эта линия была слабо защищена. Окончательно Людендорф принял свое решение 21 января. Именно тогда был установлен тот план, который был приведен в действие 21 марта. Все приготовления должны были быть закончены к 10 марта.

С интересом узнаешь теперь, что полковник Ветцель, этот наиболее способный штаб-офицер Людендорфа, советовал повести наступление не против британского, а против французского фронта. Его соображения лестны для британского солдата и мало лестны для британского командования.

Его соображения сводятся к следующему:

«...Мы имеем против себя стратегически неуклюжего, тактически негибкого, но зато упорного врага. ...Французы показали, на что они способны. Они тактически умело используют как свою артиллерию, так и свою пехоту. Они используют местность одинаково хорошо как в наступлении, так и в обороне. Французы в наступлении лучше англичан, в обороне они более умелы, чем англичане, но в смысле длительной выдержки они не столь сильны, как британцы».

Он указывает также, что в этой части фронта «британская пехота обильно снабжена пулеметами и т. п.». Я надеюсь, что когда-нибудь военные критики найдут место и проявят немного благожелательности, чтобы уделить хотя бы строчку признанию, что обильным снабжением пулеметами и т. п. Англия обязана деятельности штатского, который развернул производство военного снаряжения вопреки советам генералов.

Немцы, очевидно, были невысокого мнения о наших военных руководителях, но они питали подлинное уважение к упорству наших офицеров и солдат, удерживавших свои линии против немцев. Французов же полковник Ветцель считал более умелыми и в стратегии и в тактике, но не столь непоколебимо стойкими, как «эти упрямые британцы». Насколько прав был Ветцель, не веря в прорыв фронта, занимаемого британскими солдатами! Эти солдаты отступают недостаточно быстро, для того чтобы наступающий мог достигнуть своей цели, прежде чем подоспеют резервы. Это так даже и в том случае, когда недоразумения и смятение задерживают подход резервов. Сражение 21 марта полностью подтвердило проницательность Ветцеля, его способность предугадывать. Ветцель советовал повести наступление против Вердена, взяв последний в тиски. Если бы это наступление увенчалось успехом, — оно, по его мнению, нанесло бы французам смертельный удар. Он не исключал возможности полного разгрома французской армии.

Ветцель указал на одну трудность, которая на деле получила решающее значение, когда мы позже старались вывести наши резервы с северного участка. Он считал, что мы были «стратегически связаны во Фландрии». Ход событий показал, насколько это было верно. Ветцель частично имел в виду и порты в Ламанше. Но и помимо этого, мы настолько связали себя пашендельским участком, что были

не в состоянии выделить из этого безопасного сектора новые силы. А между тем эти силы нужны были, чтобы спасти от разгрома пятую армию, которая завоевала этот пашендельский участок ужасной ценой.

«Версальские солдаты» держались того мнения, что первое наступление будет направлено против британского фронта и что немцы скоцентрируют огромную ударную силу, чтобы широким фронтом прорваться в район Арраса. Но где бы наступление ни было проведено, все сходилось на том, что немцы задумали большое наступление и что Антанта должна мобилизовать все свои ресурсы, чтобы справиться с ним. Не было разногласий относительно того, что необходимо сделать все, чтобы отразить наступление и удержать линию до тех пор, пока не придут в достаточных количествах американцы и не обеспечат союзникам превосходство в людской силе, которое позволит им позже повести наступление.

Я не намереваюсь обсуждать здесь вопрос о сравнительной силе враждующих армий. Я коснусь этого в другой главе. Одно время вопрос этот был предметом жаркой дискуссии и в зле погашенного спора еще остается и сейчас немного жару, а потому его и сейчас нелегко касаться. Показания, данные в комиссии германского рейхстага, расследовавшей вопрос об ответственности за мартовское наступление 1918 г., характеризовали положение, как «небольшое превосходство в численности» на стороне немцев при отставании в артиллерии. Если согласиться с Хейгом в его отрицательной оценке морального состояния немцев, то это значит, что по своей боевой силе немцы были определенным образом слабее союзников. Этим можно объяснить то обстоятельство, что до начала сражения в военных кругах Антанты не было ни паники, ни даже больших опасений. Все были уверены в успешном результате или по меньшей мере были благодушно настроены. Чтобы успешно отразить наступление, направленное на укрепленные позиции, которые защищала армия, по силе своей равная силе атакующей стороны, достаточно было, чтобы обороняющиеся сделали наилучшее употребление из своих позиций и из своих сил.

Какие приготовления были необходимы для обороны? Во-первых, надо было привести в порядок оборонительные сооружения: не только фронтальную линию, но и всю зону сражения — на тот случай, если бы мы были выбиты из окопов линии фронта, так как зону сражения необходимо было удержать ценой любых жертв. Далее, необходимо было подготовить оборонительную систему позади зоны сражения, чтобы укрепиться на ней в том случае, если бы врагу удалось проникнуть на вторую линию наших окопов.

Во-вторых, надо было наилучшим образом использовать находившиеся в нашем распоряжении войска, соответственно перестроив всю совокупность наших сил от Ипра до Соммы. Войска должны были быть распределены таким образом, чтобы опасный участок фронта был достаточно защищен и в отношении численности войск на самой линии боя, и в отношении резервов позади нее. Надо было во что бы то ни стало экономить нашу живую силу и вместе

с тем полностью использовать ее, стянув ее с тех участков, которые невозможно было защищать и которые не имели существенного значения для защиты фронта в целом. Эти соображения имели жизненное значение, потому что нельзя забывать, как трудно было найти достаточное количество людей для обеспечения всех военных нужд империи.

В-третьих, надо было обеспечить себе преимущества, которые могли быть извлечены из единства фронта союзнических армий. Но для этого нужно было создать общий межсоюзнический резерв под централизованным руководством, размещенный на соответственных участках, чтобы эта объединенная армия во всякое время могла прийти на помощь любому сектору фронта, попавшему в тяжелое положение.

В-четвертых, надо было послать из Англии на французский фронт всякого, кто мог помочь в укреплении фронта, призвать и подготовить каждого человека, которого еще можно было извлечь из наших истощающих человеческих ресурсов, учитывая одновременно также требования других, одинаково существенных сфер работы.

В-пятых, надо было принять меры для безотлагательной переброски из Египта во Францию всех британских войск, входивших в три находившихся там дивизии, пополнив эти дивизии индийскими войсками. И надо было перебросить с итальянского фронта британские или же итальянские дивизии.

Выполнили ли свои обязанности лица, на которых лежала ответственность за руководство всеми этими работами?

Остановимся прежде всего на том, были ли приведены в порядок оборонительные позиции на нашем фронте. В промежутке между июнем 1916 г. и декабрем 1917 г. британская армия была занята большими наступательными операциями.

В ходе этих боев вся имевшаяся в распоряжении британской армии рабочая сила была сконцентрирована на работах по подготовке к наступлению.

Надо было построить и отремонтировать шоссе, железнодорожные пути, новые аэродромы, бараки и другие сооружения. На этих работах было занято огромное количество людей. Достаточно привести одну цифру, чтобы составить себе представление о том дополнительном напряжении, которое потребовалось для выполнения этих работ. Численность рабочей силы, находившейся в распоряжении нашей армии во Франции, выросла с января 1917 г. до декабря 1917 г. с 80 524 до 302 904 человек. Цветных рабочих в том числе было только 98 574. Отчасти в результате боев, отчасти в результате ложного отступления, искусно проведенного Гинденбургом в марте 1917 г., чтобы сократить свой фронт и увеличить этим путем резервы, линия нашего фронта была передвинута вперед, и наши оборонительные сооружения должны были быть реорганизованы. Конец 1917 г. застал нас в районе Соммы, Скарпи, Вими, Мессина и Пашендель на новой линии фронта. Все помыслы нашего генерального штаба были до такой степени сосредоточены на на-

ступлении, что подготовка оборонительных линий осталась в значительной мере в пренебрежении.

На участке, переданном нам французами, линия фронта была в достаточно хорошем состоянии, но позади этой линии оборонительные сооружения были ничтожны. Генерал Гоф говорит, что французы передали часть своих оборонительных сооружений землевладельцам, которые засыпали окопы и затем распахали их. Британская армия в это время наступала. Эти наступательные операции потребовали всей энергии техников, саперов и рабочих корпусов британской армии. Хейг вряд ли имел в своем распоряжении достаточное количество людей, для того чтобы усовершенствовать свои новые позиции на всем протяжении фронта от Пашенделя до Уазы и закончить эти работы к началу мартовского наступления. Это было тем труднее, что значительное количество людей было отвлечено на другие, менее срочные и неотложные работы. Он должен был выбрать те участки, на которых надо было сосредоточить большинство своих саперов и рабочих батальонов. Армия, которая занимала участок к югу от Амьена, участок, который немцы в марте атаковали с сокрушительной силой, состояла из остатков усталых и истощенных войск, которые исчерпали свои физические и моральные силы на заболоченных полях сражения во Фландрии. Даже в численном отношении этот участок был слабее укомплектован, нежели любой другой участок английского фронта. Хейг решил в первую очередь укрепить позиции, которые он захватил во Фландрии. Основная часть инженерного состава и рабочей силы была направлена на укрепление оборонительных сооружений пашендельского участка. Месяц спустя он принял французскую линию фронта. Здесь, на участке пятой армии, было всего 626 рабочих, занятых укреплением оборонительных сооружений. Спустя месяц здесь находилось все еще только 3 120 рабочих. Как только я узнал об этом, кабинет поставил этот вопрос перед нашим генеральным штабом.

В результате контингент рабочих был на этом участке усилен; но даже 16 марта на строительстве окопов, пулеметных позиций и проволочных заграждений в этой зоне работало всего лишь 8 820 человек.

Сравнение числа инженерных рот, с одной стороны в пашендельском секторе и с другой — в секторе третьей и пятой армий, где должны были развернуться бои, дает представление о той доле внимания, которую генеральный штаб уделял защитным укреплениям каждого из этих двух секторов.

68 королевских саперных рот было отдано второй армии, фронт которой протянулся на 23 мили. Первой армии, занимавшей участок в 33 мили, было дано 56 рот. Третья армия, занимавшая участок длиной в 28 миль, получила 54 роты. А пятой армии, участок которой растянулся на 42 мили и кроме того больше всех нуждался в восстановлении и улучшении оборонительных сооружений, было дано всего 56 рот. Это значит, что на каждую милю пашендельского участка приходилось 3 роты и на примыкающем участке $1\frac{3}{4}$ роты. Третьей армии, которой угрожало нападение, были даны всего 2 роты на каждую

милю. В пятой же армии на каждую милю фронта приходилось всего $11\frac{1}{4}$ роты. Это значит, что пятой армии, защитные укрепления которой были в наихудшем состоянии даже тогда, когда стало очевидным, что именно против этого участка готовилось большое наступление, было оказано менее половины той помощи, которая была дана пашендельской армии. А между тем у Пашенделя незаметно было такого сосредоточения германских войск, которое указывало бы на предстоящее наступление. В результате, когда наступление началось, выяснилось, что состояние этих оборонительных сооружений не позволяет ни оказать сопротивление, ни задержать наступающие германские войска. Это наглядно показывает следующая выдержка из отчета, который был 12 марта 1918 г. послан генеральным штабом военному министерству:

«...передовая линия и зоны боев были частично ограждены проволочными заграждениями; было также положено начало подготовке отдельных местностей к обороне, но остальная часть главной линии обороны в зоне арьбергара была еле-еле укреплена»*.

Генерал Эдмондс, составитель «Официальной истории», был совместно с бригадным генералом инженерных войск Биддалфом 14 марта послан начальником саперных войск для обследования оборонительных сооружений пятой армии. Он установил, что «только передовая линия тыловой зоны была отмечена непрерывной лентой окопов шириной в семь футов и глубиной в один фут, со случайно попадавшимися небольшими полосами проволоки (проволоки, установленной в зоне пулеметного огня из тактических соображений; оборонительные проволочные заграждения должны были быть установлены позднее). Расположение пулеметов и укрепленных точек было намечено дощечками»**. Таковы были те оборонительные сооружения, которые были подготовлены на случай прорыва передовой линии, когда надо будет защищать отступающую армию от превосходящего по силе противника.

Плачевное состояние этого участка, защищать который должна была разбитая и заброшенная пятая армия, подтверждает также и генерал Гоф в своем описании этого сражения и событий, предшествовавших ему.

А как обстояло с диспозицией британских войск? Как были расставлены эти войска в ожидании надвигавшегося удара? Каковы бы ни были в январе и в первой половине или даже 20 февраля предположения Хейга относительно направления и силы германского наступления к концу февраля, даже Хейг, при всем своем упрямстве, не мог больше сомневаться ни относительно места предстоящего наступления, ни относительно масштабов его. К концу февраля и к первой неделе марта накопилось такое множество признаков германских приготовлений на участке третьей и пятой армий, что стало

* Official History, France and Belgium, 1918, v. I, p. 123.

** Ibidem.

совершенно бесспорным: намеченный удар придется именно на этот сектор фронта, и он будет нанесен внезапно, притом в ближайшее же время. Неисчислимые количества германских войск, орудий и материалов были собраны на этом участке. Были воздвигнуты новые аэродромы. Видны были огромные массы амуниции, сконцентрированные здесь для снабжения требующего огромных ресурсов наступления. Были построены новые шоссе и железнодорожные пути. Построены были госпитали. На фронте Аррас — Сен-Кантен, где раньше немцы имели одну армию, теперь стояли три армии. Предположение о готовящемся наступлении нашло свое серьезное подтверждение в открытии, сделанном разведывательной службой, что фон Хутье, завоеватель Риги, был переброшен с русского фронта и принял командование войсками, расположенными против нашей пятой армии. Каждый раз, когда Людендорф проводил на востоке какое-нибудь из своих больших наступлений, его выбор падал всегда на этого генерала. Все это было известно по крайней мере за три недели до начала наступления.

Хейг писал в своем официальном донесении:

«...К концу февраля 1918 г. эти приготовления в районе, занимаемом британскими третьей и пятой армиями, стали весьма заметными. Я считал вероятным, что свое первоначальное усилие враг направит от р. Сансе на юг. По мере того как приближалось 21 марта, становилось все более бесспорным, что предстояла атака именно этого участка. На участке, которому угрожало нападение, наша артиллерия проводила по ночам свои контрмероприятия»*.

Перед лицом этого факта произведенная Хейгом расстановка наших войск становится непонятной. К этому времени на пашендельском секторе, на крайнем левом фланге британского фронта, находились, включая резервные дивизии, 14 дивизий с 34 бригадами артиллерии и 25 батареями осадных орудий, не сведенных в бригады. Эти силы должны были защищать линию в 23 мили, которой ничто не угрожало. Первая армия, непосредственно примыкавшая к пашендельскому участку и занимавшая участок в 33 мили, насчитывала 16 дивизий с 29 бригадами артиллерии и 15 батареями осадных орудий, не сведенных в бригады. Утомленная пятая армия, фронт которой простирался на 42 мили и был плохо обеспечен оборонительными позициями, располагала 14 дивизиями (плюс три кавалерийских дивизии, равные одной пехотной дивизии) с 46 бригадами артиллерии и 15 не сведенными в бригады батареями осадных орудий. Пашендельский сектор имел приблизительно по одной дивизии на каждые $11\frac{1}{2}$ мили фронта. Пятой же армии, о которой генеральный штаб знал, что ей предстояло выдержать наступление, самое чудовищное в этой войне, было предоставлено по одной дивизии на каждые три мили фронта. В дополнение к этому пашендельский сектор имел на милю фронта в два или три раза больше

* *Sir Douglas Haigs, Despatches, p. 182.*

тяжелой артиллерии, нежели заброшенная пятая армия. Таково было отношение Хейга к армии, которая так мужественно боролась за его бессмысленную затею во Фландрии. Восемь дивизий занимали один только пашендельский участок; сверх того еще пять дивизий занимали участок у Флескьера. В своем декабрьском меморандуме Хейг указывал подчиненным командирам, что оба этих участка не могут быть защищены и в случае сильной атаки должны быть оставлены. И все же в то время, когда слабейшему участку его фронта предстояло выдержать наступление такой силы, которой Хейг и представить себе не мог, и когда ему нехватало резервов, чтобы сдержать это невиданное наступление, он на этих не имеющих ценности и незащищенных участках нашел фактически тринадцать лучших своих дивизий. Правда, под конец, когда сражение развернулось, сначала флескьерский, а затем и пашендельский участок были оставлены. Но это случилось лишь после того, как британской армии был нанесен крупный урон и в армии создалось большое смятение. Все это произошло в результате легкомысленного и безрассудного решения ослабить фронт в наиболее опасном участке для того, чтобы удержать трофеи ошибочной и бестолковой кампании.

Когда Людендорф пытался объяснить слабость нашего фронта на этом участке—слабость, созданную неправильным распределением наших войск,—он приписывал ее искусству и тщательности, с которой атакующая армия сумела ночными маршами и прочим скрыть свои передвижения. Он хвалился, что враг не смог обнаружить его обширных приготовлений. Он не допускал мысли, что наш главнокомандующий мог знать о предстоящем наступлении, ибо «иначе последний принял бы более эффективные оборонительные меры и его резервы прибыли бы к месту раньше». Этому вопросу касается и Гинденбург в своей книге. Он останавливается на поведении англичан, которые распределили свои силы таким образом, что массами скопили войска во Фландрии и оставили сен-кантэнский сектор слабо защищенным, в то время как флескьерский участок защищался значительными силами. Он указывает на эту диспозицию, как на одну из причин, почему наступление было направлено против южного участка нашего фронта. И он прибавляет: «Конечно, оставалось сомнительным, сохранят ли англичане это распределение сил до того момента, когда наступление начнется». Как и Людендорф, он не мог найти другого объяснения для такого поведения англичан, кроме искусства, с которым немцы сумели скрыть свои намерения. Если бы он знал, что к концу февраля Хейг был полностью информирован об этих намерениях немцев, ему пришлось бы искать другое объяснение. На это объяснение он уже раньше ссылаясь, указывая в своей книге, что «методы англичан были слишком негибки». Тактики английской армии «не умели реагировать и приспособляться к быстрым изменениям ситуации». Наш генеральный штаб остановился на этой диспозиции, исходя из определенных предположений, и потребовалось более четырех недель и несколько тяжелых ударов, для того чтобы он изменил свои решения.

В 1917 г. Людендорф взял на себя ответственность и вывел

германские войска с участка у Соммы. Он сделал это для того, чтобы таким образом спасти свои войска. Подготавлилось большое наступление против его фронта, и он хотел подготовить резервы для этого сражения. Он не понимал генералов, которые расточают свои войска, чтобы пытаться удержать территорию, которая не представляла ценности, в то время как нехватало людей для защиты другого участка фронта, стоящего под угрозой крупнейшего наступления.

Поведение Хейга непостижимо. История знает много случаев, когда люди, занимавшие высокие посты, делали в тяжелых положениях необъяснимые вещи. Правда, он был очень раздражен французами, которые принудили его растянуть свой фронт и тем лишили его последней возможности продолжать облюбованное им наступление во Фландрии. Он считал, что, послав пятую армию занять французские окопы, он деликом уже выполнил обязанность, которая была на него формально возложена. Если этот участок будет атакован, то направить сюда необходимые подкрепления было обязанностью Петэна, а не его. То, что случилось после первого дня сражения, придает известную правдоподобность этому объяснению. И сколько я ни разбирался в этом вопросе, я не могу найти другого объяснения. Но основным мотивом было другое. Хейга сковывала мысль о Пашенделе. Накануне крупнейшего сражения забота о Пашенделе доминировала в диспозициях Хейга. Нет поэтому ничего удивительного, что Ветдель в своем знаменитом диагнозе положения на фронте к декабрю 1917 г. повторно указывал, что британская армия «стратегически связана во Фландрии» и что французы более опасны, ибо они не связаны стратегическими кандалами. Одной ногой армия застряла в великой трясине, и не могла двигаться, несмотря на то, что это было крайне необходимо. Зло, причиненное Пашенделем, все еще сказывалось. Именно ему надо приписать потерю сотен тысяч обученных офицеров и солдат, особенно чувствительную для нас в момент, когда нам особенно недоставало тех и других. Оно до такой степени истощило блестящую армию, что последняя была уже не в состоянии подготовить своих людей к предстоящему сражению. Она была не в силах возвести необходимые оборонительные сооружения. В результате она была лишена возможности повести бой в таких условиях, которые дали бы ей хоть некоторый шанс отстоять себя. Пашендель лишил эту армию помощи инженерных сил и рабочих батальонов, без которых ее оборонительные сооружения не могли быть приведены в порядок. Он лишил ее необходимой для удержания фронта численности войск, оставил ее без резервов, которые одни только позволили бы остановить врага и перейти в контратаку. Пашендель был гноящейся раной, которая ослабляла силу армии и отвлекала внимание, в котором так нуждались другие слабые места системы.

Трудно найти хоть сколько-нибудь извиняющее объяснение для поведения Хейга по отношению к пятой армии. Она представляла собою остатки той замечательной армии, которая, служа ему, прошла с таким неистощимым упорством через величайшее испы-

тание, не выпадавшее на долю ни одной армии. Она проявила изумительную стойкость и храбрость. Этой армией командовал доблестный офицер, старый друг сэра Дугласа Хейга. Он показал образец лояльного послушания и преданности, честно проводя планы своего начальника, хотя сам и не верил в них. Объяснить поведение Хейга могло лишь то соображение, что приказаний, которых сам не одобряешь, никто не выполняет с тем рвением и усердием, с какими выполняешь приказания, которые тебе самому представляются правильными. А такие упрямые люди, как Хейг, будучи к тому же раздосадованы, готовы в своем сопротивлении зайти достаточно далеко. В своем противодействии они готовы привести к краху ненавистное им распоряжение, чтобы этим наказать его авторов. Мы уже раньше имели случай испытать все неприятные стороны такого склада характера. Мы столкнулись с этим еще ранней весной, когда один за другим подымался ряд утомительных вопросов, направленных к ютерочке наступления Нивелля. Можно утверждать, что неудача этого наступления в значительной мере объясняется этими оттяжками. Если бы правительство согласилось с планом Хейга возобновить наступление весной 1918 г., если бы оно целиком поддержало его отказ взять на себя дополнительный участок в общесоюзном фронте, если бы оно послало ему все те подкрепления, которых он требовал, и отозвало с востока британские дивизии, создав во Франции еще одну огромную армию и бросив ее для нового большого наступления на пашендельском участке, то в приготовлениях Хейга на фландрском фронте не было бы и тени той пассивности и медлительности, которые он проявил в деле усиления заградительных сооружений у Сен-Кантена, на участке несчастной, заброшенной пятой армии. В этом случае он нашел бы нужную рабочую силу и необходимые для поддержки наступления резервы. Но сен-кантенский участок фронта не был в сфере его забот. У него был другой, лучший план. Однако французское и английское правительства отклонили его план и приняли вместо него другой, который лишил Хейга той великой роли, которую он себе наметил. Ответственность за это несли оба правительства. Поэтому предусмотреть все необходимое и обеспечить осуществление их плана было их, а не его обязанностью. Приказание он, конечно, собирался выполнить. Пятая армия займет, конечно, указанный ей участок фронта. Но те, кто не захотел принять разумного совета, пусть увидят, что получается, когда пренебрегают таким советом. Упрямство, к тому же упрямство обиженного — это неуравновешенное душевное состояние. Такому человеку трудно действовать в соответствии с условиями, которые навязаны ему другими. Исторические факты обильно иллюстрируют это в любой сфере деятельности. Даже люди большего масштаба, нежели Хейг, не умели вкладывать все свои силы в начинания, если они их не одобряли. Единственным достойным образом действий в этих случаях является отставка или прямой отказ от выполнения. И в этом отношении сэр Виллиам Робертсон, когда он не верил в какой-либо план, поступал более достойно, нежели сэр Дуглас Хейг.

Короче говоря, пятая армия была разбита не вследствие отсутствия мужества или отсутствия умения у ее собственных офицеров и солдат, не вследствие недостатка предусмотрительности и квалификации у ее командующего, а по причинам, за которые главным образом нес ответственность генеральный штаб. Когда было решено, что британская армия должна принять этот участок фронта, он, повидимому, не был предварительно проверен с точки зрения состояния его оборонительных сооружений и коммуникаций. Французам не было поставлено условие до передачи участка англичанам устранить дефекты этих сооружений. Точно так же и после того как этот участок был принят у французов, генералу Гофу не были предоставлены средства, без которых эти работы не могли быть выполнены. Только спустя несколько недель после передачи этого неустроенного участка и под давлением правительства генеральный штаб снабдил его рабочей силой. Но и тогда это было сделано в размерах, не отвечающих даже минимальным требованиям. Двинутые сюда резервы не соответствовали ни в какой степени размерам опасности. Даже когда стало очевидно, что против этого участка будет направлен сокрушительный удар, генеральный штаб не двинул сюда необходимых резервов. Даже когда сражение уже развернулось и пятая армия вела отчаянные арьергардные бои против сил, в три раза превосходивших ее собственные, даже тогда помощь посылалась медленно и неохотно. Только на второй день сражения, уже поздно ночью генеральный штаб попросил поддержки у французов. Не следует упускать из виду, что британский главнокомандующий отказался участвовать в образовании общего резерва, который предупредил бы все это несчастье. При этих условиях нетрудно решить, на кого должна быть возложена ответственность за все то, что произошло во время мартовского наступления.

Важно было, чтобы расстановка армии позволяла в предстоящем сражении с наибольшей эффективностью использовать всю ее силу. Это относилось не только к британской армии, но и к союзным армиям в целом. Ибо цели, которые ставились этому наступлению, не были ограничены. Это наступление затрагивало отнюдь не один только какой-либо участок. Оно было началом большого сражения, которое по замыслу немцев должно было разбить последовательно и британскую и французскую армии, притом прежде, чем американцы стали бы действительной силой. Сначала должна была быть атакована и смята британская армия, затем должна была быть разбита и рассеяна французская армия. Это большое сражение должно было длиться недели и охватить фронт от побережья до швейцарской границы. При этом, независимо от того, какая из двух армий, английская или французская, будет атакована первой, важно было, чтобы резервы обеих армий могли быть в любую минуту брошены на тот участок, где создалось критическое положение. Немцы не располагали необходимой численностью, чтобы повести наступление такого масштаба одновременно против обеих армий. Каждая из армий могла быть атакована только одна вслед за другой. Германские резервы были стянуты со всех участков фронта, но они были

сосредоточены главным образом против того сектора, где должно было развернуться ближайшее наступление. Эти резервы были оставлены в распоряжении главнокомандующего всем фронтом в целом. Благоразумие требовало, чтобы Антанта действовала таким же образом. Именно по этим соображениям военный кабинет поддержал предложение о создании общего резерва, отданного в распоряжение объединенной центральной инстанции, не зависящей от усмотрения или эгоистических соображений командующих каждой из армий. Это казалось единственным практическим и разумным мероприятием, если оставить в стороне вопрос о назначении генералиссимуса. Но к последнему в тот момент не были готовы ни та ни другая сторона, ни их армии. Стратегия — это не фетиш, в чем хотели нас убедить второразрядные военные, а использование в военных условиях здравого смысла и практического опыта.

Как правильно указывает последнее издание (1935 г.) полевого устава, *«тактика на поле битвы определяется некоторыми прос- тыми предписаниями здравого смысла, которые в основном весьма сходны с теми, которыми руководствуются в обыденной жизни. Рядовой гражданин, планирующий какую-нибудь деловую операцию, действует в основном так же, как и командующий, планирующий военную операцию»*. Выдающиеся военные предоставили в наше распоряжение свои знания и свой опыт. И по меньшей мере один из них, ум которого был озарен светом гения, дал нам совет, который представлялся нам разумным. После того как сражение началось, уже не оставалось времени для совещания главнокомандующих о том, наступила ли необходимость бросить в дело свежие дивизии, и если да, то кто из них должен был бы это сделать. Должен ли был Хейг, например, двинуть в бой последние резервы своего штаба прежде, чем Петэн начнет использовать свои резервы? И Хейг и Петэн были убеждены, что придется иметь дело с тройным наступлением, почти одновременно проведенным: одним против английского и двумя против французского фронта. Только за несколько дней до сражения Хейг нехотя отказался от своей точки зрения. Тем не менее он не передвинул ни одной из своих резервных дивизий, расположенных на безопасных участках, ближе к полю сражения. Петэн же все еще держался того мнения, что наибольшее усилие немцы направят против французского фронта, а мартовское наступление имеет целью побудить его двинуть резервы к британскому фронту и прочно втянуть их в это сражение. В своей телеграмме, описывающей это сражение, как и приготовления к нему, Хейг говорит:

«Наряду с нашими собственными оборонительными мероприятиями заключение соглашения о возможно более тесном сотрудничестве с французами было признано делом крупнейшего значения и величайшей срочности. Было предпринято обстоятельное изучение разных проблем, связанных с сотрудничеством двух союзных армий. Совместно с французскими военными властями были намечены планы, разработанные с боль-

шой детальностью, чтобы мы могли быть готовы к различным ситуациям, которые могли создасться на различных участках союзнического фронта. Были приняты меры, которые должны были обеспечить бесперебойное и быстрое выполнение этих планов*.

Среди многочисленных проблем, изученных союзническими штабами, были и проблемы, связанные с наступлением неприятеля на линию реки Соммы и переправой через нее. Планы, соответствующие этой ситуации, были составлены, и, если бы обстоятельства потребовали их выполнения, они были бы уже в состоянии готовности**.

Можно, конечно, представить себе, хотя и трудно понять это, что Хейг и Петэн в свое время считали, якобы они разработали практическое соглашение о взаимной помощи. Но как мог человек, действительно знающий факты, уже после событий подчеркнуть этот поразительный абзац о планах сотрудничества. Это выходит за пределы моего понимания. Может быть, Петэн не выполнил того, что должен был сделать по соглашению? Но Хейг воздаст Петэну должное за ту готовность, с которой тот помогал ему во время сражения. И в самом деле, Петэн послал ему больше дивизий и раньше, чем это было оговорено в соглашении. В свете того, что случилось, этот факт весьма неблагоприятно характеризует эффективность соглашения, которому Хейг придавал такое значение.

Когда и Петэн и Хейг старались уклониться от требования выделить в распоряжение Фоша части для образования общего резерва, каждый из них уверял свое правительство, что им приняты совершенно исчерпывающие меры, для того чтобы притти друг другу на помощь, если кто-нибудь из них подвергнется атаке. Однако Пьерфе, этот блестящий французский писатель, находившийся в ставке Петэна во время сражения и во время приготовлений к нему, категорически отвергает это заявление. Он был ярким приверженцем Петэна, и то, что он пишет, поэтому отнюдь не продиктовано враждебностью к французскому главнокомандующему. Вот что он говорит о так называемых исчерпывающих и детальных планах сотрудничества между обеими армиями:

«...Поскольку единство фронта не было осуществлено, оказалось невозможным заключить четкое соглашение, которое автоматически обеспечило бы сотрудничество сил. Несмотря на прекрасные дружеские отношения, которые объединяли нас с англичанами, между обоими боевыми фронтами была какая-то стена»***.

Когда мы подойдем к описанию того, что происходило во время этих боев, будет видно, насколько расплывчатым было соглашение

* Курсив автора.

** *Sir Douglas Haigs, Despatches, p. 180.*

*** *Jean de Pierrefeu, G. Q. G., Vol. II, p. 127.*

Хейга с Петэном по поводу сражения, которое могло решить судьбу Франции.

Что сталося с общим резервом, который должен был быть передан в распоряжение независимого командования и стать маневренной армией, могущей справиться с чрезвычайной ситуацией. В свое время с этим предложением согласились как военные, так и политические руководители союзников. Свое согласие выразили также и главнокомандующий и начальники штабов французской и английской армии. Наряду с Фошем это решение было принято также Петэном, Хейгом и Робертсоном. Никто не заподозрит этих крупных генералов в том, что они симулировали согласие, для того чтобы обмануть политических руководителей и вселить в них ложное убеждение, будто это решение принято ими и они будут держаться его. Я не посмел бы бросить такой опорочивающий их прямоу клеветнический упрек. Во время совещания не было никаких указаний, что они не намерены действовать в соответствии с его решениями. Государственные деятели предоставили самим генералам разработать детали в полной уверенности, что последние с честью выполнят решение, с которым согласились сами. Оказалось, что эта доверчивость была ошибкой. После того опыта, который мы имели в общении с генералами, мы должны были знать, что недостаточно, когда план принят в принципе, даже когда он совершенно разумен, раз он мог вызвать у них возражения по персональным мотивам. Мы должны были знать, что необходимо зафиксировать также и все существенные детали его. Мы хотели снискать этому проекту расположение и добрую волю главнокомандующих и в разработке его опереться на их искреннее сотрудничество. Мы надеялись этим путем сберечь время и обеспечить хорошую и не осложненную трениями гладкую работу в ходе осуществления проекта. Нам приходилось выбирать: либо остаться при версальском решении, пока не будетработан бесспорный для всех план, от выполнения которого генералы могли бы отказаться, лишь бросив вызов авторитету своих правительств, либо отсрочить совещание на неделю или десять дней, после чего созвать новую сессию, которая должна была бы разрешить вопрос о разногласиях, возникших между главнокомандующими или между ними и созданной ими инстанцией. Слишком поздно мы поняли, как мало у нас было оснований довериться добросовестности и доброй воле людей, которые с неприязнью думали о мероприятии, на которое они только нехотя дали свое согласие. Они использовали всевозможные махинации, на которые был способен их профессиональный ум, чтобы проволочками затянуть это дело и таким образом добиться его провала. Они в совершенстве владели искусством, которое приписывают женщине, когда она старается незаметно помешать неприятному для нее желанию своего супруга. Она никогда не совершит ошибки, прямо и решительно отказавшись. Она предпочитает найти выход в проволочках. Этим путем она добьется своего в девяти случаях из десяти. Репингтон приписывает своему другу сэру Виллиаму Робертсону следующие слова, относящиеся к версальским решениям: «По отношению к этим политикам лучший метод —

стараться выиграть время». Все ведомства, когда имеют дело с своими политическими руководителями, умеют ценить этот совет. Одна забота заставляет нас забыть другую, а в жизни политического деятеля их так много, что чиновники имеют большие возможности для маневрирования. В этом конкретном случае забота, которая на некоторое время отвлекла наше внимание от исполнения версальских решений, была вызвана самим Робертсоном. К несчастью для него он был не только источником этой заботы, но и ее первой жертвой. Вызванный им кризис случайно сослужил ему службу и в отношении одного из основных его устремлений, а именно: затянуть образование общего резерва, пока не стало слишком поздно.

Эпизод с Робертсоном имел неожиданные последствия, которые помогли убить идею общего резерва. Контрольное бюро, состоявшее из генералов Фоша, Блисса, Кадорна и Вильсона, 6 февраля пришло к соглашению относительно числа дивизий, из которого должен был состоять резерв, и относительно доли участия в этом резерве каждой из армий. Считали, что для настоящего момента общий резерв в 30 дивизий был бы достаточен. Он должен был состоять из 10 британских, 13 французских и 7 итальянских дивизий. Меморандум бюро по поводу этого решения был немедленно послан генералу Петэну и генералу Диаз. Первоначальный ответ генерала Петэна был получен 19 февраля. В этом ответе он говорил, что не может выделить для этого резерва более 8 дивизий. Позже, когда было уже слишком поздно что-либо предпринять, он сообщил, что не имеет ни одной дивизии, которую мог бы выделить в общий резерв.

С отправкой этой ноты сэру Дугласу Хейгу произошла любопытная задержка. По какой-то странной причине сэр Генри Вильсон положил этот документ себе в карман, сказав, что он его лично вручит Хейгу по пути в Англию. Друзья Вильсона поставили его в известность, что Робертсон намерен дать бой правительству по вопросу о версальской схеме, и он знал, чем это могло окончиться. Вильсон был опытным политиком. Он знал также, как это могло сказаться и на его собственной карьере. Горячо поддерживавшие его политические друзья посоветовали ему быть на месте и выждать результаты этой борьбы. От этого зависели его шансы получить ту блистательную награду, которая его привлекала больше всего остального, а именно: занять пост, аналогичный тому, который в прежние армейские годы занимал главнокомандующий, однако с той разницей, что на этот раз речь шла о командовании армией в двадцать раз большей, чем та, которую он знал в мирное время, и к тому же о командовании армией в мировой войне. Он слишком торопился прибыть к месту, где разыгрывался этот многозначительный конфликт, чтобы задержаться хотя бы на одну ночь в генеральном штабе. Он точно так же был далек от мысли переслать этот документ через кого-нибудь другого. 8 февраля он частным образом послал сэру Дугласу Хейгу неподписанную копию этого письма, оригинал же с умыслом или по недосмотру оставил у себя. Голова его была значительно сильнее занята чем-то другим. В Англии он с тревогой и жадностью следил за ходом этой борьбы между имперским ге-

неральным штабом и военным кабинетом. Официальный документ был им совершенно забыт. Когда он вспомнил о нем (или когда ему напомнили о нем), он послал его Хейгу. Пока кабинет при этом кризисе вел борьбу за свою линию, сэр Генри Вильсон ни разу не обратил его внимания на опасные проволочки в образовании резерва и на интриги, которые плелись с целью окончательно похоронить версальский план.

Официальный текст версальского меморандума Хейг получил только 27 февраля. 26 февраля Клемансо посетил ставку Хейга и затем сообщил Пуанкаре, что английский главнокомандующий поставил его в известность, что «он не имеет в виду приводить в исполнение версальские решения». Хейг, повидимому, сказал также Клемансо, что «он уже информировал Ллойд Джорджа, что он скорее уйдет в отставку, чем откажется от своих резервных дивизий для того, чтобы создать общую резервную армию». Исключение он допускал только в отношении двух британских дивизий, которые возвращались из Италии. Мне официально ничего не известно о таком разговоре. Я видел Хейга только 9 и 13 февраля. Официальная версальская нота о резерве тогда еще не дошла до него, хотя, как я сказал, он был уже поставлен в известность о ее содержании. Если бы я был в курсе его позиции, я без всякого сомнения поставил бы вопрос об этом тревожном факте перед кабинетом и, конечно поставил бы о нем в известность Милнера, который был нашим представителем в версальском совете. Протоколы военного кабинета не содержат ничего, относящегося к этому вопросу, так же как и письма, получаемые мною в этот период от Милнера. Вильсон отмечает в своем дневнике, что Хейг 25 февраля «наотрез отказался» наметить какие-либо дивизии для общего резерва. Но этот отказ в то время не был мне передан. Я уже упоминал о том единственном указании, которое Хейг сделал по этому делу. Оно было сделано в разговоре, который я имел с ним 14-го числа. Хейг был тогда настолько далек от того, чтобы угрожать отставкой, что сообщил Вильсону, что его обязанность подчиняться распоряжениям правительства, а на обязанности кабинета лежало решение таких вопросов. Разговор, на который ссылается Клемансо, никогда не был мне сообщен.

Хейг дал свой ответ 2 марта. В это время имелись уже точные указания, что наступление будет направлено против британского фронта. Кабинет был официально извещен о решении Хейга 6 марта. В этом извещении говорилось:

«...Я должен сделать следующие замечания: по всей видимости предстоит наступление врага и против английского и против французского фронта. Чтобы встретить это наступление подготовленным, я уже распорядился всеми войсками, которые в настоящий момент находятся под моим командованием. И если бы я должен был из состава этих войск наметить шесть или семь дивизий, то все мои планы и диспозиции должны были бы быть деликом переделаны. Очевидно, это невозможно.

Я сожалею поэтому, что не в состоянии сообразовать свои действия с предложениями, которые содержатся в препровожденном мне документе».

(Это в точности соответствует тому, что пришлось ему принять уже в ходе сражения.)

К этому он добавлял:

«Чтобы быть готовым к любой случайности на франко-британском фронте, я пришел к соглашению с главнокомандующим французскими армиями о том, чтобы в качестве предварительного мероприятия были сделаны все при отовлении для срочной отправки ему в помощь от 6 до 8 британских дивизий с соответственным количеством артиллерии и вспомогательных войск. Подобные же меры были приняты генералом Петэном для помощи французскими войсками британскому фронту. Эти мероприятия, как французские, так и английские, сейчас рассматриваются и одновременно устанавливаются зоны концентрации, исходя из того, какие части фронта наиболее уязвимы и вероятнее всего будут атакованы».

Последующие события, когда эти мероприятия были проведены в жизнь, показали, насколько неопределенными, расплывчатыми и запутанными они оказались. Они были в основе ошибочны, ибо базировались на неопределенных обещаниях, которые были зафиксированы не в терминах официального соглашения, а в решениях двух лиц, взгляды которых на военное положение, а отчасти и интересы которых были противоположны.

Сам Вильсон отдавал себе отчет в опасности решения Хейга, ибо 6 марта он писал военному министру:

«Я крайне сожалею о той позиции, которую занял фельдмаршал-главнокомандующий.

Он допускает и, более того, он настаивает на том, что предстоит наступление врага как на британском, так и на французском фронте. И все же он отказывается действовать в соответствии с предложениями, сделанными ему версальским исполнительным бюро, на основании полномочий, полученных им от верховного совета. Свой отказ он мотивирует тем, что «предвидит использование общесоюзного резерва в более широком масштабе, чем было предусмотрено общей нотой», — замечание, которого я, должен признаться, не понимаю. Вторым мотивом отказа является то, что общий резерв, по его мнению, «не может быть намечен или локально выделен и т. д.», что я опять-таки совершенно отказываюсь понимать, ибо всякий вновь формируемый резерв всегда должен быть выделен в определенном месте и из определенных частей.

Отказываясь от выполнения предложений исполнительного бюро, фельдмаршал сэр Дуглас Хейг берет на себя тяжелую ответственность, ибо оба других главнокомандующих (генералы Петэн и Дназ) дали свое согласие на выделение дивизий.

Генерал Петэн согласился выделить 8 дивизий, а генерал Диаз — 6. Но независимо от этого сэр Дуглас берет на себя большую ответственность еще и потому, что если он в особо опасном положении не сможет один противостоять наступлению противника, то он увидит себя зависшим от милости французского главнокомандующего, который может не захотеть или может оказаться не в состоянии помочь ему.

Вместе с тем я категорически держусь того мнения, что в настоящий момент не следует производить на фельдмаршала никакого давления, чтобы побудить его сообразоваться с действиями наших союзников.

(Подписано) Генри Вильсон
6 марта, 1918 г.»

Документ этот в то время не был сообщен кабинету ни самим сэром Генри Вильсоном, ни военным министром, которому он был адресован. Однако 6 марта я получил от генерала Роулинсона, главы британской миссии в Версале, следующее официальное сообщение.

«...Верховный военный совет на своей сессии от 2 февраля, происходившей с участием главнокомандующих французской и британской армий и военного министра Италии, принял решение об образовании межсоюзнического общего резерва и направило исполнительному военному бюро свои полномочия во всем, что касается построения, месторасположения и использования этого резерва.

Исполнительное военное бюро в своем заседании от 6 февраля составило общее письмо к главнокомандующим, содержащее известные предложения относительно построения и расположения общего резерва. Путем письменных и устных сношений между генералом Фошем и генералом Петэном 19 февраля было достигнуто соглашение с французским главнокомандующим.

Путем письменного сношения между генералом Джардино и генералом Диаз 2 марта было достигнуто соглашение с итальянским главнокомандующим.

В своем письме от 2 марта фельдмаршал-главнокомандующий британской армией заявил о своем сожалении, что он не в состоянии исполнить просьбу, содержащуюся в общей ноте исполнительного военного бюро.

В связи с обстоятельствами, относящимися к названной ноте, исполнительное бюро считает, что оно не в состоянии продолжать свою работу и в частности организовать межсоюзнический общий резерв, что было поручено ему на заседании верховного военного совета от 2 февраля. Согласно общей ноте исполнительного бюро каждый военный представитель должен информировать об этом свое правительство и просить инструкции».

Из текста этой резолюции видно, что исполнительное бюро все еще находится под впечатлением, что Петэн сохраняет в силе свое предложение о восьми дивизиях. Под этим же впечатлением был и сэр Генри Вильсон. Фош и его коллеги, так же как и мы, оставались в неведении относительно того, что Петэн изменил свою позицию и что в этом его в значительной мере поддерживал Клемансо. Резолюция бюро говорит о том, что в его представлении схема образования резерва была сорвана отказом Хейга и что без дальнейших инструкций своих правительств было бы бесполезно дальше заниматься этой схемой. Если бы кабинету пришлось иметь дело только с своим собственным главнокомандующим, трудность была бы преодолена. Но скоро пришлось убедиться, что нам приходится иметь дело еще с двумя исключительно влиятельными лицами, которые не поддавались убеждению и которым мы не могли давать никаких предписаний — с премьер-министром Францип и с его главнокомандующим, генералом Петеном. Вся схема должна быть заново поставлена, и в новых спорах заново обсуждена. Но для этого уже не было времени. Оставалось только искать наилучшего выхода из этого незавидного положения.

Отказ Хейга мы обсуждали в военном кабинете под углом зрения особых затруднений Хейга, ибо было известно, что первый удар германского наступления будет направлен против его фронта. Мы считали, что тем больше было оснований, чтобы французы и итальянцы выделили свои квоты. Итальянцы обнаружили в Версале полную готовность послать во Францию 11 дивизий. С тех пор они свели свое предложение к 4 дивизиям. Хейг, однако, предпочел получить обратно две из британских дивизий. Итальянцы знали, что тучи собираются сейчас не над Юлианскими Альпами, а над полями Пикардии, и поэтому были готовы выделить несколько дополнительных дивизий. В связи с этим мы предложили Клемансо немедленно созвать верховный совет в Лондоне.

К этому времени не было еще известно, что и Петэн категорически против резерва и что он грозит также скорее подать в отставку, нежели отдать свои резервы в распоряжение Фоша. Мы не знали также, что и Клемансо изменил свою точку зрения и что он не поддерживает больше предложения об образовании маневренной армии под командой Фоша. Назначение Фоша было, повидимому, тем рифом, о который разбился этот проект. Петэн не хотел мириться с тем, что командование общим резервом переходит к Фошу. Он считал, что этим он практически подготовил бы передачу общего руководства крупным сражением другому генералу, а это умалило бы его собственный авторитет. Позже мне сообщили, что наш генеральный штаб был невысокого мнения о Фоше и о его пригодности для такого высокого и ответственного поста. В штабе не скрывали своего пренебрежительного отношения к этому старому солдату. Человек, который ясно выражал свою мысль, казался им поверхностным и болтливым. Умение делать свою речь прозрачной и легкой было для них изрядным недостатком. Речь Фоша была к тому же патетичной. Ему была свойственна французская театральность, ко-

торую передразнивали и над которой смеялись. В высоких сферах его называли «старым сумасбродом Фошем». Как ни блестяща была его прежняя карьера, в штабных кругах сложилось убеждение, что лучшие его достижения в прошлом, что он человек конченный и от него ничего не осталось, кроме шумных манер, которые, по их мнению, обманывали политиков, готовых видеть в них силу. Только этим безрассудным и бестолковым политикам могла взбрести в голову такая фантастическая идея, как передача в обстановке большого сражения резервов британской армии такому командующему, как Фош. Можно подумать, что, описывая закулисные стремления провалить проект общего резерва, я впадаю в шарж. Однако тех, кто слышал разговор о Фоше в высоких военных кругах, мой рассказ ни в малейшей степени не удивит.

Но наиболее убийственным критиком Фоша — я сказал бы противником Фоша — был Клемансо. Фош был ревностным католиком. В высших командных кругах французской армии было немало католиков по имени. Но они никогда не навязывали своему окружению этой приверженности к римской церкви. Они даже не разыгрывали из себя верующих католиков. Во Франции уже в течение многих лет правящая партия была антиклерикальной. В дни Буланже, как и в дни дрейфусовской аферы, угроза республике исходила от клерикальных элементов армии, воспитанных в клерикальных школах и принятых и обласканных в клерикальных кругах общества. Клемансо был наиболее неумолимым противником клерикалов. Он посвятил свою жизнь борьбе с влиянием церкви. Он никогда не посещал церквей. Приехав после перемирия в Страсбург, он отказался присутствовать на праздновании освобождения Эльзаса, происходившем в знаменитом кафедральном соборе. Он был самым популярным и могущественным человеком во Франции, но этот отказ стоил ему президентства. Фош же не только сам был пламенным церковником, он имел еще и брата епископа. А Клемансо питал глубокое недоверие ко всем католическим генералам.

Он не хотел давать им власть в руки. Он никогда не был уверен в том, правильно ли они эту власть используют. Эта интеллектуальная антипатия между двумя замечательными людьми в последующие месяцы развилась в личный антагонизм, который на людей, участвовавших в совещаниях с ними, производил очень неприятное впечатление. Нет ничего более неприятного, нежели быть на таком совещании свидетелем острой ненависти двух сильных личностей. Чем больше Клемансо раздумывал над версальским планом образования общего резерва под командованием этого клерикала, тем меньше он был склонен к этому. Был, впрочем, еще и другой мотив, объясняющий изменение в позиции Клемансо по вопросу об общем резерве. Пуанкаре приписывает Клемансо честолюбивое стремление при случае самому стать главнокомандующим союзных армий, которому были бы подчинены все театры войны*. Пуанкаре и Кле-

* Ср. например сказанное Клемансо во время посещения им Пуанкаре 22 февраля 1918 г.

мансо относились друг к другу с антипатией. Я не стал бы цитировать этих предположений Пуанкаре о мотивах, побуждавших Клемансо провалить назначение Фоша на влиятельный пост контролера союзнических армий. Но эти подозрения подтверждаются и другим свидетельством, авторитетность которого бесспорна. Генерал Рене Турнес в своей ценной и в целом хорошо документированной книге о кампании 1918 г. рассказывает о вмешательстве Клемансо в другой конфликт между Фошем и Петэном. Турнес при этом делает следующее замечание: Клемансо «был во власти смутного, причудливого желания сосредоточить в своих руках военное командование коалиции. Он стал проявлять его почти немедленно после того, как пришел к власти*». Этим можно объяснить те не слишком добрые слова, с которыми Клемансо обратился к Фошу после подписания в Дуллане соглашения: «Итак, Вы започутили в свои руки то дело, к которому Вы так страстно стремились». Трудно не заподозрить в этих словах укола, особенно если вспомнить, что они исходят от человека, который несколько недель назад обнаружил желание совершенно отделаться от Фоша. Если Клемансо когда-либо лелеял такого рода честолюбивые стремления, то они должны были склонить его скорее к Петэну, нежели к властному и динамичному Фошу. Петэн отступал перед смелыми решениями и был бы более, чем Фош, склонен передавать ответственность за такие решения главе правительства. Но каковы бы ни были мотивы растущего нежелания Клемансо видеть верховный контроль в руках Фоша, и Петэн и Хейг скоро уловили это нежелание и использовали его полностью. Петэн был осторожным, даже очень осторожным человеком. Поэтому сначала он свои возражения свел к попытке уменьшить свою долю участия в общем резерве. Почему не предложить 8 дивизий вместо 13? Это было все, что он мог выделить. Но когда он заметил, что Клемансо не низвергает на него молнии своего гнева, он постепенно стал смелее. Под конец он проявил столько мужества, что полностью воспротивился выделению хотя бы одной единственной дивизии для передачи под команду Фоша. Пуанкаре заявляет, что Петэн грозил отставкой, если правительство принудит его произвести такую пе-

... Мы говорили о затруднениях, которые возникли между Фошем и Петэном. Я улажу это дело, — уверял он меня. — Организацию маневренной армии так, как она мыслится сейчас, вряд ли можно защищать. Но я возьмусь за это дело. В момент атаки я буду на месте. Если положение станет острым, я уж сумею выправить его при условии, что я буду все еще у власти».

(Raymond Poincaré, Victoire et armistice, 1918, p. 38).

В другом месте Пуанкаре излагает мнение Фрейсине, высказанное последним 23 февраля 1918 г.:

... После полудня пришел Фрейсине. Он все еще был озабочен взаимоотношениями между Фошем и Петэном и вопросом о командовании общей армией. Я сказал ему, что Клемансо имеет в виду в случае необходимости сыграть роль арбитра. На это Фрейсине возразил: «Клемансо не может быть уверен, то в решающую минуту он будет на месте. И, кроме того, сомнительно, чтобы наши союзники предоставили право решать судьбу легионизированной армии французскому политическому деятелю» (Ibid., p. 60). (Курсив мой.)

* Général René Tournès, Foch et la victoire des alliés, vol. IV, of the «Histoire de la guerre mondiale», p. 156.

редачу. Привлечь Клемансо на свою сторону ему было нетрудно. 22 февраля он говорил Пуанкаре, что «организацию полевой армии (т. е. маневренной армии) вообще нельзя защищать». Предубеждения Клемансо к этому времени окрепли, и он взял сторону главнокомандующего, который не хотел Фоша. 26-го Клемансо посетил ставку Хейга. Но когда Клемансо после этого рассказывал президенту то, что сказал ему Хейг, он умолчал о том, что он сам говорил Хейгу. Согласно «Официальной истории», он сказал Хейгу, что он имел в виду постепенно «устранить» Фоша. Вероятно, оба доверительно обменивались мнениями об этом выдающемся, но нежелательном для них генерале и установили, что их отношение к нему, хотя и по разным мотивам, полностью совпадает. Во время этого свидания план образования резерва был окончательно ликвидирован. Во второй половине 26 февраля, в тот же день когда Клемансо был у Хейга, он посетил Пуанкаре и сказал ему, что видел Петэна, который опять выражал свою тревогу по поводу резервной армии, но Клемансо «успокоил его». Затем Клемансо добавил: «Впрочем, дело само улаживается. *Версальские дивизии больше не существуют*». Посещение премьером Клемансо ставки Хейга состоялось после «успокоительной» беседы его с Петэном. Помня об этом факте, мы можем лучше понять характер разговора, который Клемансо вел с Хейгом. Хейг знал обстановку, он знал, что теперь он может опрокинуть всю версальскую схему, не опасаясь неприятных последствий. Даже осторожный Петэн смог принять решение. 28-го он доложил Пуанкаре, что он «весьма удовлетворен беседой с Клемансо. Резервная армия приказала долго жить». Она была мертва. Но как оказалось впоследствии, эта смерть продолжалась только короткое время, значительно более короткое, чем кто-либо это тогда предвидел. Все эти беседы и переговоры происходили почти за месяц до того дня — дни смуты и несчастья, — когда презренный Фош был единогласно призван, чтобы спасти союзников от беды, в которую они попали, причем он был призван теми самыми людьми — Хейгом, Клемансо и Петэном, — которые лишь недавно опрокинули его самого и его планы, как не имеющие цены.

Ни одно из этих жизненно важных собеседований, происходивших между Клемансо и Хейгом, Петэном и Пуанкаре, не было сообщено мне или какому-либо другому члену военного кабинета. Я знал, что Хейг был упрям, а Петэн — тяжелый человек, но я не знал о том, что их в этом поощрял Клемансо.

Прежде, чем верховный совет собрался 14 марта в Лондоне, судьба общего резерва была окончательно решена. Я понял это еще до нашего первого заседания, так как положение вещей ясно определилось для меня уже тогда. Генерал Блисс, который был непоколебимым сторонником резервной армии, был так же, как и я, убежден, что воскресить проект сейчас невозможно, потому что это означало бы развернуть контроверзу, в которой Великобритания, Франция и Америка выступали бы друг против друга. А между тем через несколько дней должно было начаться сражение. Время было неподходящее для повторного кризиса. Потребовалось около трех не-

дель, чтобы покончить с конфликтом в связи с Робертсоном. Этот же вопрос вызвал бы значительно более серьезный конфликт, так как Клемансо, Хейг и Петэн выступили бы заодно против британского военного кабинета. В этом неудовлетворительном положении нам оставалось лишь одно: искать приемлемый выход. Перед заседанием Хейг уверил меня, — как до этого Петэн уверял Клемансо, — что самые детальные приготовления к сотрудничеству обеих армий в предстоящем сражении уже завершены. Я должен был удовлетвориться этим заверением. Блисс, Орlando и я выразили надежду, что по мере развертывания сражения, может быть, еще будет возможно организовать общий резерв в соответствии с версальской схемой. Но Фош, который знал размеры риска, которому мы подвергались, заявил свой гневный протест. Он жаловался, что экспертов верховного совета совершенно игнорировали и что они даже не были поставлены в известность о характере мероприятий, которые, указывал он, предприняты двумя главнокомандующими, чтобы бросить свои резервы на линию боев и чтобы прийти друг другу на помощь. Клемансо, потеряв самообладание, предложил Фошу «замолчать». Единственным ответом Фоша было: «Я не могу считать себя ответственным за то, что произойдет». Клемансо возразил на это, бросив упрек версальскому бюро, что оно не выполнило резолюции верховного совета, внесенной мною и принятой Орlando, предлагавшей перебросить во Францию одиннадцать итальянских дивизий. Фош дал исчерпывающий ответ. Он указал, что эта переброска была составной частью формирования общего резерва. Эти дивизии должны были составить итальянскую часть этого резерва. Когда идея общего резерва была и Францией и Великобританией сдана в архив, они не могли просить Италию быть единственным участником этого дела. Поэтому требование, адресованное Версалем к итальянской армии, должно было отпасть.

Наступление на наши позиции гигантской немецкой армии было встречено нами с незаконченными оборонительными сооружениями, ибо наша рабочая сила была отвлечена работами на участке, о котором думали, что его придется оборонять. Значительные количества дивизий были брошены на фронт, а неоценимые резервы были сосредоточены на участках, которым не угрожала непосредственная опасность. У нас не было общего резерва, который мог бы поддержать участок, атакованный врагом. Мы были лишены итальянских подкреплений, которые оказали бы неоценимую услугу, заполнив слабые участки позиций нашей пятой армии. Хейг, как мы видели, был невысокого мнения об итальянской пехоте. Он предпочел две британские дивизии четырем итальянским. Но если даже допустить, что он был прав в своей оценке — лично я позволяю себе почтительно не согласиться с этой его оценкой, — все же они могли быть использованы на неатакованных участках нашего или французского фронта и таким образом освободить более приспособленные части для боевой линии. Вскоре стало очевидным, что у нас не было достаточно разработанного соглашения о сотрудничестве британской и французской армий. Если бы этим вопросам было уделено внимание, гер-

манское наступление могло быть отброшено с такими опустошающими потерями, что немцы должны были бы оставить всякую надежду на повторное наступление, и мы могли бы достигнуть удовлетворительного мира без того, чтобы пройти через страшные бои в течение еще одного лета и еще одной осени. Но генералы решили иначе, а на данной стадии не оставалось уже времени и не было среди союзников единства, которые были необходимы для организации мощного сопротивления. Споры и взаимные обвинения между Фошем и Клемансо вряд ли могли спасти положение. Я не хотел поэтому раздувать эту оскорбительную ссору между двумя великими французами. Была высказана мысль, что мы должны были спасти свое лицо, создав хотя бы некоторое подобие общего резерва. Я не любитель участвовать в мистификациях. А резервная армия без реальных дивизий была бы обманом. Военные лишней раз одержали победу над политиками, и главнокомандующие, их штабы и их приверженцы немало торжествовали. Они с триумфом отбили все атаки на свои позиции. Стратегия и тактика их интриги были мастерскими. К несчастью, эти способности оказались менее эффективными в борьбе с врагом. Страна и несчастные бойцы третьей и пятой армий должны были дорого заплатить за этот триумф. И такова уж прелесть политической борьбы, что за последствия этих ошибок нападкам подвергались не действительные виновники, а те, кто всемерно старался спасти армию от последствий этих ошибок. Для виновников же пагубных ошибок, которые в результате незаконченных оборонительных сооружений и недостаточных резервов довели пятую армию до разгрома, нашлись не только извинения: их хвалили и в соответствии с традицией им дали под конец еще и награду.

Глава семьдесят седьмая

МАРТОВСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

По мере приближения битвы ничто так не поразило меня тогда (и не поражает теперь, когда я вспоминаю об этом), как то спокойствие, доходившее почти до тупости, которое господствовало среди тех, кто с момента начала сражения должен был нести самую непосредственную и страшную ответственность за жизнь миллионов и за судьбу нации. У немцев все отпуска было прекращено за несколько недель до сражения; у нас они продолжались, как обычно. Состав наших дивизий значительно сократился за счет находившихся в отпуску людей. При этих обстоятельствах трудно понять столь уверенное настроение. Казалось, что парализующий эффект длительной войны притупил сознание ответственности в больших и малых делах. После сражений на Сомме, на Скарпе и, в особенности, во Фландрии нервная система в обстановке войны перестала реагировать на воспоминания о прошлых ужасах и на возможности предстоящих кошмаров. Я уже указывал на медлительность военных руководителей в вопросах подготовки укреплений, группировки войск и диспозиции резервов. Когда наступление стало очевидным, когда стало известно, где оно будет иметь место, генеральный штаб не проявлял ни большой торопливости, ни оперативности в подготовке к нему. Генеральный штаб не поторопился проверить, не упущены ли какие-нибудь меры предосторожности, не забыты ли те или иные приготовления и приняты ли во внимание все непредвиденные случайности. В то время имели место два эпизода, кажущиеся незначительными по сравнению с размерами стремительно надвигавшегося значительного события, но весьма показательные для безответственного отношения генералов.

Основной долг всякого человека, возглавляющего какое-нибудь дело, заключается в том, чтобы подбирать себе подчиненных, основываясь не на личных симпатиях или антипатиях, а исключительно на пригодности этих людей к данной работе. Многие ошибки, допущенные на войне, в деловом мире и в политике, вызваны желанием дать повышение человеку, который по своим знаниям не годился для положения, на которое его выдвигали. Мне казалось, что Хейг в своем выборе людей слишком сильно руководствовался желанием окружить себя теми, к кому он был лично расположен

и кто потакал бы всем его решениям, не приходя тем самым в столкновение с его деспотическим характером.

Этот крупнейший недостаток иллюстрируется двумя его назначениями в период приготовлений к вооруженному столкновению. В первом случае на исключительно важный пост начальника генерального штаба был назначен дивизионный генерал, ничем особенным не отличившийся и не одаренный крупными способностями. Начальник штаба был главным советником главнокомандующего по всем вопросам стратегии и тактики. При наличии армии численностью свыше 2 миллионов человек, на протяжении 100 миль сдерживавшей наиболее решительных бойцов в мире, было чрезвычайно важно, чтобы главнокомандующий имел при себе лучшего в армии по подготовке, по опыту и по уму стратега. В британской армии были люди, которые несомненно обладали этими качествами. Сэр Дуглас Хейг не заметил их, а назначил сэра Герберта Лоуренса. Последний был кавалерийским офицером, занимавшим весьма незначительную командную должность в бурской войне. В то время он вел себя со всей отвагой и бесшабашностью, которых следовало ожидать от британского солдата, занятого преследованием неуловимых буров по южноафриканской степи. Как только южноафриканская война окончилась, он вышел в отставку, и головой ушел в финансовую деятельность. После 15 лет, проведенных за письменным столом в Сити, он записался добровольцем на великую войну. Он приобрел некоторый опыт позиционной войны на Галиполиском полуострове, отражая с помощью легкой артиллерии при недостаточной амуниции спорадические атаки турок. Во Францию он прибыл только в 1917 г. Он получил командование дивизией и выполнял свои обязанности, ничем не проявляя себя.

Генерал Кигел ушел в отставку с должности начальника генерального штаба в 1918 г., и неожиданно, в самый трудный и критический период войны, Лоуренс получил назначение на этот наиболее ответственный и важный после главнокомандующего пост в армии. Он занял такой же пост в британской армии, как в германской Людендорф — один из двух или трех наиболее блестящих штабных офицеров, которые участвовали с той и другой стороны в мировой войне. Такое ослепительное повышение при наличии столь скудного военного опыта могло бы быть заслужено или обосновано только подлинной гениальностью. Ни один из самых близких или самых доброжелательных друзей Лоуренса — а своей привлекательной личностью и любезным характером он должен был заслужить привязанность большого количества друзей — не стал бы утверждать, что Лоуренс был военным гением такого масштаба. Это — не единственная подобной рода ошибка Хейга в этот критический момент, поэтому естественно возникает вопрос: почему он так поступил?

Вот другой пример. На пятую армию была возложена задача оборонять тот участок фронта, на котором, как было ясно для всех, кто изучал обстановку, атака была наиболее вероятна. Укрепления были неудовлетворительны, а число защитников совершенно недостаточно для выполнения такой задачи. Для командования войсками,

которые в этих условиях больше всего подвергались риску быть атакованными, Хейгу надлежало бы назначить своих лучших офицеров. За несколько недель до сражения он отозвал генерала, командовавшего одним из армейских корпусов в этом секторе. По всем канонам разумного руководства ему следовало бы выбрать преемником этого генерала, самого способного из имевшихся в его распоряжении людей. Но у Хейга в ставке был любимый командир, генерал Бутлер, который до этого времени ни разу не имел случая командовать войсками на поле сражения, и Хейг решил, что случай представился. Конечно, Хейг должен был решиться на такой шаг только в самом крайнем случае. Это было несправедливо по отношению к самому Бутлеру. Это не было справедливо по отношению к Гофу. Это было в высшей степени несправедливо по отношению к войскам, которые были таким образом обречены сражаться в неравной борьбе под командованием неопытного руководителя. Бутлер был хорошим парнем, но с неприятной усмешкой, которую он перенял у Робертсона. Этой усмешке предназначалось внушать мысль о спокойной и безжалостной силе. Но она не пользовалась таким неотразимым успехом, как у Робертсона, и в действительности за ней ничего не скрывалось. Бутлер не был лишен ума, но и не обладал он такого рода сообразительностью, которая в трудные моменты компенсирует отсутствие опыта.

Я сомневаюсь, добился ли бы полного успеха лучший командир армейского корпуса, поставленный в незавидное положение Бутлера. Но никогда нельзя предугадать, как будет поступать в наихудших условиях действительно испытанный и опытный военный руководитель. Что же касается Лоуренса, то у меня всегда было чувство, что иной способный солдат, обладающий исключительным умом, глубокими познаниями в области ведения войны в условиях западного фронта и достаточно независимым характером, чтобы дать наилучший совет своему начальнику, не стараясь ему поддакивать, избежал бы некоторых грубейших ошибок, которые привели нас к мартовскому и апрельскому поражениям.

И вот после всех этих недоразумений, ошибок и небрежностей наступило самое изумительное сражение, которое когда-либо происходило на земле. Три самые могущественные нации мира напрягли последние силы в борьбе, которая безостановочно длилась на протяжении ряда месяцев и в жертву которой они принесли миллионы молодых жизней. Высоко компетентные наблюдатели и исследователи этой грандиозной и смертельной битвы писали о ее многих превратностях. С помощью документов того времени я изложу все, что помню, о том, как эта битва представлялась человеку, следившему за ее развитием на посту главы правительства, которому в течение этих напряженных и тревожных месяцев было поручено руководство судьбой Англии.

13 марта сэр Фредерик Морис, руководитель военными операциями, доложил кабинету о появлении к югу от Англии резервного бранденбургского корпуса. Вместе с тем он сказал, что это не меняет общего числа неприятельских дивизий, которое оставалось

равным 186. Он информировал нас, что в итоге численность неприятельской пехоты составляет около 1370 тысяч человек при артиллерийском парке в 15700 орудий; в то же время общая численность пехоты союзников на западном фронте равнялась 1500 тысячам человек при 16600 орудиях. В среднем по людскому составу британские дивизии превосходили германские*. Этот доклад был сделан нам за день до заседания верховного Военного совета в Лондоне, о котором я уже упоминал. Единственное дополнительное сообщение о количестве войск поступило 19 марта, когда было указано о выявлении еще 400 неприятельских орудий и еще двух германских дивизий. Но и при этом союзники сохраняли определенный перевес в орудиях и людях.

21 марта, когда военный кабинет собрался для очередного утреннего заседания, начальник имперского генерального штаба сообщил, что перед рассветом немцы начали сильную бомбардировку на фронте длиной в 80 километров, от Скарпы до Уазы, и что этот фронт атаки в общем соответствовал предположениям британского штаба в Версале. Известия, поступавшие в течение дня, были очень беспорядочными и не давали нам ясной картины того, что происходило на поле сражения. Однако эти сводки не содержали ничего такого, что могло бы вызвать тревогу. Когда мы собрались на следующее утро, т. е. 22 марта, информация, сделанная начальником имперского генерального штаба на основании сводок из ставки, все еще не носила определенного характера. Это было обычное официальное сообщение, к которому мы привыкли, об «очень тяжелых потерях неприятеля», но оно не содержало никаких подробностей о наших потерях. Сэр Генри Вильсон закончил свой доклад заявлением, что «полученная информация пока не дает поводов к беспокойству». Кабинет был очень заинтересован в том, чтобы получить самые последние сводки о сравнительной численности войск, включая резервы участвующих в сражении с обеих сторон. Сэр Генри Вильсон обещал приготовить эти сведения. Он придерживался мнения, что атака перейдет в продолжительное и затяжное сражение, предпринимаемое с определенной целью нащупывания сил, чтобы в дальнейшем можно было достигнуть решительных результатов. В течение этого второго дня сражения военное министерство не получило никаких донесений, которые меняли бы сделанные нам утром сообщения.

К 23 марта донесения из ставки не были столь обнадеживающими, как те, которые мы получили за предыдущие два дня. В донесениях указывалось, что на фронте пятой армии неприятелю удалось прорвать нашу боевую зону и резервные линии и что в результате этого мы вынуждены были отступить на линию Соммы. Более серьезным показателем положения явилось сообщение, что мы потеряли убитыми и ранеными 40 тысяч человек и оставили неприятелю 600 орудий. Но и тогда в сводке содержались успокоительные сообщения. Нам доносили, что на фронте третьей армии

* Число батальонов не было уменьшено.

неприятель в основном успешно сдерживается в зоне боя, за исключением Мори, и что в отдельных местах ему, без сомнения, нанесен огромный урон.

Я чувствовал, что положение было гораздо серьезнее, чем указывали сообщения из генерального штаба. Дело выглядело так, как будто усталая армия Гофа отступала под яростным натиском германских полчищ. Было очевидно, что наша линия сломлена и что мы рассчитывали остановить победоносную армию наспех импровизируемыми заплатами укреплений. Известие о том, что все резервы пятой армии были уже брошены в бой, создало замешательство. Факт посещения Хейгом Петэна с целью склонить последнего принять на себя часть фронта сражения, конечно, внушал беспокойство. Он доказывал, что хваленое соглашение между Хейгом и Петэном о взаимной помощи в трудную минуту провалилось и что на третий день сражения оно не приносило достаточного подкрепления войскам, которые отчаянно сражались против неприятеля, численно превосходившего их в три раза.

Я всегда работал рано утром и получал известия о сражении раньше всех.

В это субботнее утро я сделал вывод, что военное министерство было или смущено или ошеломлено полученными сводками. Поэтому я решил отложить заседание кабинета и заняться делами военного министерства. Я предложил начальнику штаба встретиться со мной в военном министерстве, чтобы обсудить все возможные пути, которыми можно было бы в кратчайший срок перебросить во Францию все имеющиеся в наличии подкрепления. В первую очередь надлежало установить, какие войска мы имели в Англии, затем — что из них мы могли уделить для фронта и, наконец, какое количество людей мы могли ежедневно переправлять через Ламанш. Я предложил генерал-адъютанту подготовить данные о количестве имеющихся в Англии войск.

Для помощи нам в отношении транспорта я попросил инспектора по судоходству встретиться со мной до моего отъезда в военное министерство и разъяснил ему срочность и важность переброски максимального количества людей в кратчайший срок. Он обещал заняться этим вопросом и выявить количество судов, которое можно было бы использовать для этой цели.

На созванном мною в военном министерстве совещании генерал-майор сэр Роберт Хэтчисон, начальник организационного отдела, подготовил цифровые данные о прошедших военной подготовку лицах, которых можно было использовать для подкреплений. Я узнал, что у нас имелось 170 тысяч человек, готовых к немедленной отправке во Францию. Все зависело только от транспортных возможностей. В названную цифру входили 50 тысяч человек в возрасте от 18½ до 19 лет. До этого в парламенте было дано торжественное обещание не посылать за пределы Англии юношей моложе 19 лет, кроме как в случае национальной опасности. Я решил, что такая опасность наступила. Немцы уже укомплектовали свои фронтовые дивизии значительным количеством восемнадцатилетних. При даль-

нейшем рассмотрении оказалось, что число людей, готовых к отправке во Францию, превысило на 20 апреля 212 тысяч человек. Я был поражен, обнаружив что 88 тысяч человек, числившихся в войсках во Франции, находились в отпуску в Англии, тогда как немцы прекратили всякие отпуска еще несколько недель назад. Мне показалось, что отсутствие такого количества людей из батальонов в момент, когда в любой день можно было ожидать наступления на наш фронт, нуждалось в некотором объяснении. Когда предполагалось наступление с нашей стороны, отпуска всегда откладывались. Отсутствие 88 тысяч человек в батальонах означало, что каждая из находившихся во Франции дивизий не была укомплектована полностью и что в каждой дивизии недоставало по несколько сот человек. При таком подсчете получалось, что в день сражения свыше 10 тысяч человек из пятой армии находились в отпуску. Не приходится удивляться жалобам Гофа на неполное укомплектование некоторых батальонов. В дополнение к вышеизложенному, в казармах во Франции находилось 30 тысяч человек, а доминионы имели в Англии и во Франции еще 10 тысяч человек.

Следующим шагом явилось принятие мер к переброске подкреплений во Францию. На практике оказалось возможным перевозить 8 тысяч человек в сутки. В результате еще одного совещания с сэром Джозефом Маклей я выяснил, что он мог наскрести необходимое количество судов, обеспечивающее перевозку во Францию 20 тысяч и даже 30 тысяч человек в сутки.

При наличии дивизий, переброска которых из Италии была согласована еще до начала сражения, и дивизий, обещанных итальянцами, настоящие и предстоящие потери были таким образом с избытком возмещены. Чтобы еще больше укрепить нашу армию, мы решили немедленно доставить три дивизии из Египта. Теперь всякий знает, что наша армия в Египте требовала большего числа людей, чем это было необходимо, принимая во внимание силы, с которыми ей приходилось иметь дело. Такая переброска обуславливала необходимость раскрыть перед кабинетом слабость турецких сил и этим поощрить стремление министров разбить турецкого союзника Германии. То же относилось к Месопотамии. Согласно подсчетам военного министерства, переданным комиссии по людскому составу, соотношение между всеми союзными силами и неприятельскими силами на турецких театрах военных действий (в Палестине и в Месопотамии) равнялось 6 к 5. В любое время после захвата Багдада и разгрома турецкой армии в Месопотамии индийские дивизии могли быть перевезены в Палестину и таким образом освободить несколько дивизий для отправки во Францию. Но и такое мероприятие вызвало бы необходимость рассказать всю историю распада Турции этим злобным политикам в Англии. Здесь был истинный враг, на котором великие воюки должны были концентрировать самые изощренные хитрости и увертки. В этой критической обстановке мы решили немедленно сделать то, что штаб должен был сделать месяцы тому назад: перебросить британские дивизии из Египта во Францию, заменив их индийскими

дивизиями, которые не были нужны в Месопотамии. Фактически приказ о такой переброске сил был отдан за несколько недель до сражения при Амьене.

В процессе всех этих обсуждений в военном министерстве я понял, насколько борьба между Версалем и начальником штаба отвлекала внимание тех, кто руководил организацией и распределением наших сил, от их первостепенных и важнейших обязанностей. Ничто не занимает и половины того времени, мыслей и энергии, как борьба групп, находящихся в состоянии ожесточенного соперничества. Итальянский, месопотамский и палестинский планы должны были быть своевременно проведены в жизнь, чтобы укрепить нашу армию во Франции задолго до того, как ожидалось германское наступление.

Во второй половине дня я созвал в военном министерстве совещание кабинета, чтобы обсудить создавшееся положение и санкционировать решения, которые были приняты на утренней конференции в связи с менее благоприятными донесениями с фронта. Кабинету была дана полная в течение дня от генерального штаба информация о ходе сражений. Сообщалось, что в этот день фельдмаршал сэр Дуглас Хейг отправился для свидания с генералом Петэном с намерением договориться о том, чтобы французы взяли на себя оборону еще большей линии фронта. Вильсон предпочел не сказать нам, что в телеграмме от Хейга говорилось о серьезности положения. Это было первое донесение из генерального штаба, содержащее правильную оценку положения. Хейг также информировал Вильсона о том, что соглашение о прибытии французов для принятия на себя защиты фронта на Сомме будет оформлено не раньше 29 марта (на девятый день сражения). Вильсон также не воспроизвел точных слов Хейга о свидании с Петэном. «Я собираюсь встретиться с Петэном сегодня вечером», — таковы были сказанные им слова.

Был поднят вопрос о необходимости оказать политическое давление на французское правительство, чтобы обеспечить необходимую нам помощь. Было выдвинуто предложение, чтобы Милнер или я сам немедленно отправился с этой целью в Париж. Однако начальник имперского штаба и его свита считали нежелательным, чтобы министры вмешивались во взаимоотношения главнокомандующих, до тех пор пока не выяснится, что Хейг и Петэн не смогут договориться между собой. Поэтому было решено подождать до выяснения результатов переговоров Хейга с Петэном. В ходе начавшейся дискуссии я указал, что если бы версальская схема образования и контроля общего союзного резерва была полностью реализована, то не пришлось бы в разгаре сражения вести этот торг с французами, что исполнительный военный совет немедленно принял бы решение о том, куда следовало с максимальной выгодой бросить имеющиеся в его распоряжении резервы, чтобы остановить продвижение неприятеля.

Начальник военной разведки генерал Макдоноф и руководитель военными операциями сэр Фредерик Морис сообщили последние

сравнительные данные о количестве союзных и неприятельских сил. Теперь уже они увеличили количество германской пехоты до 1402 800 человек и уменьшили союзные силы до 1418 тысяч человек; все же, как говорили цифры, союзники имели незначительный перевес. Комментарии начальника имперского генерального штаба по поводу этих подсчетов сводились к тому, что, по его мнению, существующее соотношение сил можно было считать приблизительно одинаковым. Он не принимал во внимание превосходства союзников в области механических орудий войны.

Находившиеся в отпуску в Англии солдаты были учтены при составлении сводки, данной нам за два или три дня до этого, как если бы они находились во Франции. Мне думается, что во вторую сводку были включены только те армейды, которые находились во Франции в день, когда началось сражение. Если это так, то этим можно объяснить расхождение между двумя подсчетами.

После разрешения самых неотложных вопросов о немедленной отправке подкреплений во Францию мы занялись выискиванием способов и путей для пополнения наших резервов людьми, которых можно было бы отправить на фронт в том случае, если бы война продолжилась зиму 1918 г. и весну 1919 г. Но наши поиски не имели успеха. Существовало только два источника: мобилизация мужчин, занятых в жизненно необходимых отраслях промышленности, и принудительный набор в Ирландии. На вторую из этих мер я согласился, в значительной степени вопреки своему желанию, под давлением широких кругов Англии и Франции. Но я должен отложить эту часть повествования. В итоге, за это утро мы проделали превосходную работу, и машина, которую мы привели в движение для предупреждения неминуемого кризиса, работала без малейших неполадок.

В тот же вечер, 23-го, поскольку мы не получали благоприятных донесений из Франции, я решил, что Милнер или я должен немедленно отправиться во Францию и выяснить, где и почему срывается действие соглашения о взаимной помощи, и нельзя ли привести все в порядок раньше, чем наступит возможный крах. Я пригласил к себе Милнера и подробно обсудил с ним положение. Мы оба считали, что оставалось только одно эффективное решение — передать Фошу руководство обеими армиями. Мы пришли к заключению, что если бы существовал общий резерв из 30 дивизий под непосредственным управлением командира, обладающего даром молниеносного решения, каким обладал Фош, то достаточное количество подкреплений было бы уже подброшено для восстановления линии фронта. Немедленно по получении исполнительным советом известий о концентрации германских войск между Аррасом и Уазой большая часть этих резервов была бы передвинута в этот район. Достаточное количество их было бы подтянуто так близко к линии фронта, что смогло бы вступить в бой к вечеру первого дня или, во всяком случае, к утру второго дня. Вместо этого мы имели маневрирования Хейга и Петэна по поводу того, кто из них должен первый ввести в бой свои резервы; не следует ли Петэну целиком принять на себя

оборону части британской линии и если да, то когда. Мы получили информацию о том, что обсуждался вопрос, не лучше ли, чтобы войска Хейга отступили на север, а войска Петэна — на юг, что образовало бы гибельную брешь между британской и французской армиями. Если бы общий резерв из 30 дивизий уже существовал, то такая брешь могла бы образоваться только при условии поражения этого внушительного резерва. Петэн утверждал, что, пока сражение полностью не развернулось, он не имел основания быть уверенным, что немцы не атакуют его фронт в районе Шампани, куда они стянули значительные резервы. Если бы они так сделали, то, по словам Петэна, он мог бы обнаружить, что его резервы оказались занятыми в другом сражении. Он деликом стоял за формулу «подождем — увидим» и не вводил сразу слишком много своих резервов в битву на Сомме. С другой стороны, Хейг разместил большую часть британских войск, которые могли быть использованы для подкрепления, на другом крайнем конце его линии фронта. Для переброски их потребовалось бы продолжительное время. Пререкания в таком духе продолжались без конца. Хейг и Петэн не спорили друг с другом лично, как им следовало бы делать. Каждый из них совещался со своими штабными офицерами у себя в ставке, где все сходилось в мнении, что первым должно было двинуться другое крыло. Тем временем отважные солдаты пятой армии гибли, не получая помощи ни от одного, ни от другого из этих восторженных толкователей соглашения, которому не хватало только точности. Это было печальным завершением «полного и детально разработанного соглашения», которое должно было «быстро функционировать».

Известия, полученные военным министерством к вечеру 23 марта, доказали, что это описание не являлось только предположением со стороны Милнера или моей. И, как мы впоследствии обнаружили, факты недостаточно отражали действительный беспорядок. Поэтому было решено, что ничто, кроме прямого вмешательства надоедливых политических деятелей, не может положить конец этому гибельному маневрированию.

В соответствии с этим мы договорились, что Милнер немедленно выедет в Париж для свидания с Клемансо. Мы полагали, что будет лучше, если я останусь в Лондоне для руководства разработанными мною планами срочной отправки подкреплений во Францию, с тем чтобы в этом важном деле не было никаких проволочек. Я уполномочил Милнера сделать все, что было в его силах, чтобы восстановить прорванный версальский фронт путем обложения Фоша необходимой властью для формирования резервов и контроля над их диспозицией. Насколько хорошо Милнер осуществил этот план, будет видно далее, когда я перейду к изложению истории о конференции в Дулане. Этот план был гораздо скромнее версальского; тем не менее, в нем было все, на что Милнер мог добиться согласия и что являлось шагом вперед на пути к достижению окончательного единения между армиями. Прежде чем перейти к изложению дуланского решения, я должен продолжить описание

обнаруженного нами истинного положения в подкреплении прорванного фронта третьей и пятой армий.

21 марта, когда началась атака, генеральный штаб имел в резерве две дивизии, 20-ю и 39-ю, находившиеся в тылу пятой армии. Я уже учел их при подсчете числа дивизий, удерживающих этот участок фронта. Поскольку, по мнению Гофа, эти две дивизии находились слишком далеко за его армией, он хотел придвинуть их ближе к фронту. Он подтянул 39-ю дивизию немного ближе к фронту. 20-я дивизия находилась на расстоянии 15 миль позади фронта XVIII корпуса, а Гоф хотел подвинуть ее на 5—8 миль к северу от последнего. Кроме того, у него было желание подвинуть вперед 50-ю дивизию, которая была только что привезена из четвертой армии и вошла в армейский резерв. Она находилась на расстоянии свыше 25 миль позади его фронта, а он хотел придвинуть ее по крайней мере на расстояние одного дневного перехода. По его мнению, эти мероприятия были «чрезвычайно срочными, почти жизненно необходимыми», и он запросил полномочий от генерального штаба на такое передвижение. Ему не дали разрешения сдвинуть с места хотя бы одного человека. Как он сам указывает в своей книге, «никто так не пострадал от неумения понять этот принцип, как сам Хейг в сражении при Лоосе, когда сэр Джон Френч запрещал ему использовать его резервы, до тех пор пока не стало уже слишком поздно». Фактически отозвание Френча и назначение Хейга его преемником было в значительной мере вызвано этим поступком Френча. Не подлежит сомнению, что отказ генерального штаба разрешить передвижение этих двух дивизий ближе к фронту имел пагубные последствия. Хотя после сражения Гоф под свою личную ответственность вызвал в конце концов эти резервы без санкции генерального штаба, 20-я дивизия вступила в бой только 20-го числа, а 50-я дивизия — только во второй половине этого же дня.

Если бы эти дивизии были введены в бой в течение первого дня сражения, они могли бы помочь приостановить германское наступление. Они, однако, оказались совершенно недостаточными для восстановления фронта, который был прорван наступающими войсками, численно превосходившими защитников его в три или четыре раза и захватившими уже их лучшие укрепления. Необходимо было иметь гораздо большее число дивизий, готовых к введению в бой не позднее второго дня сражения. Первой на прорванный фронт генеральный штаб послал 8-ю дивизию. Она достигла Этерпиньи, отстоящего на несколько миль позади линии, на которую отступила армия, к 23 марта, т. е. на третий день сражения, но в этот день только несколько частей дивизии вступило в бой. 24 утром, на четвертый день сражения, линия фронта этой дивизии находилась на расстоянии 6 миль позади линии, которую британская армия занимала накануне утром, и на расстоянии 14 миль позади первоначальной линии фронта. Второй на помощь пятой армии была двинута 35-я дивизия. Несколько неполностью укомплектованных батальонов без артиллерии вступило в бой на четвертый день, но только 25-го, т. е. на пятый день сражения, дивизия была полностью укомплектована.

Ее остальные батальоны прибыли в тот же день, а артиллерия присоединилась во второй половине дня. Ввиду того, что северная железнодорожная линия была полностью загружена перевозкой 8-й дивизии и дивизий, получивших приказ подкрепить третью армию, 35-й дивизии пришлось передвигаться пешком. Если бы эти дивизии были подтянуты к находившемуся под угрозой сектору немедленно, как только выяснилось направление предполагаемого удара, то указанные задержки не имели бы места и подкрепления могли бы оказать решающее влияние на ход сражения. В течение недели непрерывных боев генеральный штаб не посылал больше никаких подкреплений на этот фронт сражения.

В ночь на 24 марта весь VII корпус, включая 35-ю дивизию, был влит в третью армию и таким образом вышел из-под контроля Гофа. 28-го марта остаток его армии перешел под командование генерала Роулинсона. Поэтому указание Гофа, что на протяжении всего времени его командования в этом сражении он получил из резерва генерального штаба с других фронтов только одну дополнительную дивизию, вполне правильно.

Эта исключительная задержка в посылке подкреплений может быть объяснена медлительностью, с которой генеральный штаб подходил к сознанию серьезности положения. Я уже цитировал первую телеграмму Хейга начальнику имперского генерального штаба, в которой он употребил фразу «положение серьезно». Эта телеграмма была получена на третий день сражения. Гоф сообщает, что поздно вечером в первый день сражения он имел разговор с Лоуренсом, начальником штаба Хейга. Привожу его слова:

«Лоуренс, повидимому, не осознал серьезности положения. Он думал, что «немцы на следующий день больше не появятся». Он думал, что «после понесенных ими жестоких потерь» они «будут освобождать поле битвы от убитых и раненых, реорганизовываться и предоставят отдых бойцам». Я категорически возражал, но мне не удалось на него повлиять. Я всегда придерживался того мнения, что генеральный штаб недооценивал ни размера наступления на третью армию, ни исключительных трудностей, которые ей приходилось преодолевать. Этим, возможно, объясняются те неправильные представления, которым мы позволяли так свободно распространяться даже среди членов кабинета в течение последующих недель».

Телеграммы, переданные кабинету начальником имперского генерального штаба, показывают, что если среди членов кабинета и существовали какие-нибудь неправильные представления о положении на фронте, то это было вызвано недостаточным пониманием происходивших событий генеральным штабом во Франции. Как я уже сказал, первая телеграмма Хейга, из которой было видно, что он, наконец, осознал серьезность положения, была получена в военном министерстве на третий день сражения. Что происходило в это время в французском штабе? На основании первых сообщений Пегэн и его штаб решили, что происходившее не было еще настоящим наступ-

лением, что это была только местная атака, предпринятая, чтобы вынудить французов увести свои резервы с фронта в Шампани, где должно было произойти действительное наступление. В течение всего первого и второго дней сражения Петэн не получал никаких известий от Хейга. В течение первого дня во французском генеральном штабе в Компьене не было получено никаких сведений, кроме слухов и бессвязных донесений, ни одно из которых не исходило от британского генерального штаба. Во второй половине первого дня сражения ставку Гофа посетил генерал Гумбер, назначенный Петэном командующим резервами, которые в затруднительных случаях должны были быть посланы на помощь англичанам. Гоф спросил Гумбера, привел ли он с собой подкрепления. Гумбер ответил, что у него нет ничего, кроме маленького флажка, развевающегося на капоте его автомобиля. Таково было «соглашение», разработанное во всех деталях, которое должно было служить заменой общего резерва в день испытаний. Справедливость по отношению к Петэну требует отметить, что, не ожидая, чтобы его попросили, он вечером 21-го провел подготовку к отправке дивизий V корпуса на помощь англичанам. Хейг отправил ему послание, в котором благодарил за быструю помощь, но указывал, что он еще не нуждается во вмешательстве французов.

На второй день 125-я французская дивизия начала приближаться к британской линии фронта; но она не была укомплектована, и поэтому была послана на линию фронта только 23-го утром, т. е. на третий день сражения.

Вечером второго дня Петэн узнал, вероятно от своей разведки, что «неприятель прорвал большую часть британской линии фронта и оттеснил армию Гофа; эта армия, сокрушенная огромными массами неприятельских войск и задавленная их численностью, стремительно отступала. За британским правым флангом не было никакого резерва». Но происшедшее в ту ночь событие обратило внимание французского штаба на более угрожающие вещи. Германские самолеты сбросили несколько бомб на штаб главнокомандующего в Компьене, и два офицера были убиты. Это случилось впервые за все время войны. Штабы главнокомандующих обеих сторон считались священными и защищенными от тех опасностей, которым подвергались обыкновенные сражающиеся солдаты. Но, повидимому, существовали глубины падения, до которых «гунны» еще не успели опуститься в своем варварстве. Штабы главнокомандующих были взбудоражены, как муравейник, в который упал камень. В эту же ночь документы и архивы были перевезены в лес, где они были скрыты от германского истребителя. Поздно ночью, когда штаб главнокомандующего был в безопасности от бомбардировки, он опять обратил свое внимание на выполнение соглашения с Хейгом. Вторая пехотная и кавалерийская дивизии получили приказ двинуться на британский фронт и вступили в бой во второй половине третьего дня сражения, не имея артиллерии или обоза, только с теми боеприпасами, которые они несли на себе. «Соглашение» начинало действовать, но как медленно и как неуверенно!

На четвертый день сражения прибыли еще две французские дивизии, но без артиллерии и обозов, имея только боеприпасы, которые они принесли в своих патронташах. И это для оказания помощи армии, которая лишилась большей части своих орудий!

В этот день французы взяли на себя оборону южной части британской линии. После четырех дней ожесточенных боев, когда все шансы были против нас, наши подкрепления состояли из 6 дивизий, из которых 3 не имели артиллерии. Все-таки шансы в пользу неприятеля снизились с 3 или 4 против 1 до определенных 3 против 1; цифра 3 скрывала за собой войска, воодушевленные победой; 1 была представлена по большей части разбитыми остатками потерпевшей поражение армии и наспех подбрасываемыми дивизиями, прибывающими ночью, запыхавшимися и без артиллерии и обозов.

В ту ночь Петэн и Хейг встретились в первый раз за все время сражения, чтобы обсудить и решить планы дальнейших действий. Гоф увиделся с Хейгом также впервые за все время сражения, если не считать тех десяти минут беседы в воскресенье, 24-го числа, когда он встретился с ним в главном штабе корпуса. Ни один офицер генерального штаба не посетил пятой армии, чтобы ознакомиться с положением вещей; ни один из членов генерального штаба не побывал у Гофа с начала и до конца сражения. Утешение, высказанное Хейгом Гофу по поводу поражения, было: «Ну, Губерт, нельзя же сражаться без людей». Он никогда не сказал ему, что, не будь пашендельского наводнения, его укрепления были бы лучше подготовлены, а его линия фронта держалась бы упорнее; что если бы не отказ Хейга осуществить версальскую схему общего резерва, то Гоф получил бы достаточные подкрепления во-время, чтобы повести контратаку на неприятеля и отбросить его назад. За три недели до сражения Хейг знал, где оно произойдет. Если бы он тогда принял меры к перегруппировке своих сил с таким расчетом, чтобы оборонять подверженные опасности секторы третьей и пятой армий так же упорно, как оборонялись тогда два северных сектора, которым ничто не угрожало, то неприятелю вместо 30 были бы противопоставлены 37½ дивизий. Какую громадную разницу это составило бы в результате, даже при отсутствии общего резерва! А в первый день сражения фронты первой и второй армий могли бы все еще удерживаться упорнее, чем фронт пятой армии.

Что происходило с третьей армией? О ней заботились гораздо больше, чем о третируемой и выброшенной за борт пятой армии. Для обороны фронта протяжением в 28 миль Билгу были предоставлены 16 дивизий вместо 14 дивизий, которые получил Гоф для защиты фронта длиной в 42 миль. Эта армия имела еще то преимущество, что находилась по соседству с привилегированными секторами, куда Хейг стянул большую часть своих войск. Насколько значительной поддержкой это послужило, доказали несколько первых дней сражения. Резервы находились на расстоянии не более однодневного перехода. Между 21 и 22 марта генеральный штаб отдал приказ о присылке 8 дивизий с северного фронта для подкрепления третьей армии; каждая дивизия была в полном снаряжении и имела

в полтора раза больше людей, чем французские дивизии, прибывшие на помощь Гофу. Поскольку эти дивизии прибывали из соседних секторов, они также вступали в бой несколькими часами раньше подкреплений пятой армии. Третья армия смогла бы удержать свои позиции, совершенно не отступая, если бы не осложнение на участке Флескьер. Описание сражения, приведенное в официальной истории войны, показывает, какую важную и губительную роль сыграл в сражении этот участок. Он совершенно расстроил и изменил дислокацию нашей обороны. Для защиты ее были выделены целых три дивизии, хотя раньше генеральный штаб допускал, что в случае серьезной атаки нет смысла ее удерживать. Немцы обошли участок, и Бинг не сумел извлечь свои войска из сетей, которые он сам же сплел и которыми он плотно опутал три несчастные дивизии. Вместо того чтобы во-время выбраться, он попытался удержать половину участка. Он проявлял нежелание уступить единственный кусок земли, захваченный им в неумелой танковой атаке при Камбрэ. В результате получилось, что вправо и влево вся оборона его линии фронта и часть линии обороны Гофа были расстроены. Между третьей и пятой армиями открылась большая брешь. Тюдор, который 21 марта храбро и успешно бился вместе с 9-й дивизией на левом фланге пятой армии, был вынужден, в результате флескьерской оплошности, отступить с позиции, которую его дивизия так умело и с таким упорством удерживала. Пятая армия, казалось, была обречена нести последствия ошибок и глупостей тех, кто занимался как подготовкой к сражению, так и фактическим руководством им. Справа от Флескьера и на крайнем правом фланге армии Бинга немцев сдерживали, и их атаки отражались с невиданным кровопролитием. Но допущенная тактическая ошибка открыла им лазейку. Третья армия была вынуждена перейти в общее и почти стремительное отступление. Только прибытие значительных подкреплений дало ей возможность привести в порядок свой фронт. Все же на фронте третьей армии, взятом в целом, немцы, несмотря на наши значительные территориальные потери, понесли гораздо больший урон, чем нанесли сами. Их потери серьезно ослабили их в то время и еще больше сказались в последующих операциях. И если бы третья и пятая армии были даже тогда своевременно подкреплены, то прежде чем немцы закрепили свои завоевания, их наступление было бы приостановлено и им был бы нанесен такой контрудар, который отбросил бы их с жестокими потерями. Таким образом это незначительное поражение превратило бы победу неприятеля в решительное поражение, которое положило бы конец всякой дальнейшей надежде германского наступления. Иначе говоря, могла бы быть предвосхищена победа союзников 18 июля. Но могли ли прибыть к двум нашим армиям подкрепления, достаточные для предотвращения катастрофы? Каково было положение на всем фронте сражения после четырех дней упорных боев? Пятая армия не была уже больше армией. Она была разбита на осколки, но, отступая, продолжала сражаться. Следует отметить, что дезертирства не было. Как сообщалось в одной сводке, «бегства с поля сражения не было». Но зигзагообразная линия, на которой армия от-

дыхала в ночь на 24-е, отстояла в среднем на 16 миль от линии фронта, которую она занимала на рассвете 21-го, и дальнейшее отступление было неизбежно. Британская и французская ставки ожидали падения Амьена. Третья армия также полностью отступала. Она была отброшена на много миль назад от занимаемой вначале линии фронта. На четвертый день сражения Петэн договаривался о том, чтобы принять на себя защиту южного участка района расположения пятой армии; но даже на шестой день сражения он высказал Пуанкаре опасения в том, что его дивизии не придут во-время, чтобы поддержать британскую армию. Таково было положение вещей, когда Милнер 24 марта прибыл во Францию. От сотрудника нашего штаба он узнал о действительном положении. О том, как мало фактов нам сообщали, становится ясным из меморандума Милнера о его поездке, написанного им для военного кабинета. В одной из первых фраз сказано:

«Великой тайной был развал пятой армии, который и до сих пор остается необъяснимым».

Ему сообщили, что эта армия была настолько разбита и ее коммуникации во всех направлениях так нарушены, что невозможно с точностью установить, что именно произошло. Но по дороге в Версаль и на месте он слышал достаточно, чтобы прийти к следующему заключению: «Не подлежало сомнению, что эта армия была вдребезги разбита и что во фронте союзных армий между правым флангом третьей армии и французами образовалась брешь». Это означало, что немцы были близки к одной из своих основных задач — разделить французскую и британскую армии. Отступающие войска «продолжали сражаться в ряде пунктов, а иногда даже переходили в контратаку, но уже не представляли собой организованной преграды для германского продвижения вперед».

На следующий день Милнер принял участие в конференции, состоявшейся в ставке Петэна, где присутствовали кроме него Клемансо, Лушер и Фош. Петэн весьма пессимистически расценивал состояние пятой армии, которая, по его словам, перестала существовать как армия и должна была быть реорганизована. Теперь она была передана Хейгом в его, Петэна, распоряжение. Он подтягивал с юга и с запада, большей частью с юга, «все дивизии, которые только мог уделить для поддержки и замены обломков пятой армии». Но Петэн продолжал заблуждаться относительно «опасности наступления немцев вниз по Уазе, со стороны Нуайона, и угрозы атаки в районе Реймса».

Фош, который, повидимому, говорил с большой убедительностью и решительностью, иначе оценивал положение. Он полагал, что опасность германского удара с целью вбить клин между французами и англичанами в направлении Амьена настолько угрожающа, что необходимо пойти на известный риск на других участках фронта. По его мнению, следовало по возможности ввести в бой еще больше дивизий, что при большом напряжении усилий могло быть проделано скорее, чем считал возможным Петэн. Только в момент опасности

проявляются подлинные способности человека. В столкновении с такой опасностью и Петэн и Хейг были смущены и неспособны на великие дела, которых требовало отчаянное положение; но Фош с честью выходил из такого положения. Этим объясняется полная перемена, которую Милнер обнаружил в отношении обоих главнокомандующих к знаменитому старому генералу. Теперь они усиленно желали вернуться к решениям, совместно принятым ими в Версале, и заручиться помощью Фоша, чтобы выбраться из тушика, в который отрицание его превосходства завело армии союзников. В конце конференции Пуанкаре и Клемансо настоятельно потребовали, чтобы были предприняты какие-нибудь действия для восстановления полного сотрудничества обеих армий. Хотя Милнер был всегда крайне заинтересован в действиях в этом направлении, он не мог взять на себя ответственности принять решение, не посоветовавшись предварительно с Хейгом. Он мог бы указать, что никто не был более ответственен, чем сам Клемансо, за тот факт, что проект обеспечения такого сотрудничества, принятый верховным советом семь недель назад, потерпел полную неудачу. После окончания конференции Милнер сказал Клемансо, что у него были некоторые опасения по поводу того, «был ли Петэн со своей стороны подготовлен, чтобы пойти на известный риск, связанный с подтягиванием всех возможных французских резервов, от которых, как ему казалось, зависело все».

Клемансо ответил, что он «согласен с этим, но что Петэн уже делает гораздо больше того, что он первоначально предполагал, и сделает, он полагает, еще больше». Какое признание полной непригодности соглашения между Петэном и Хейгом, которое должно было служить заменой общего резерва из 30 дивизий под независимым командованием!

На следующий день состоялась конференция в Дуллане, на которой французы были представлены Пуанкаре, Клемансо, Петэном и Фошем, а англичане — Милнером, Хейгом и Генри Вильсоном. Когда Милнер прибыл на конференцию, Пуанкаре сразу «схватил его и привел в изумление сообщением, что Хейг заявил о неизбежности открыть Амьен и отступить к портам Ламанша». Милнер немедленно увиделся с Хейгом, Плюмером, Горном и Бингом. Хейг заверил его, что был неправильно понят. Хейг не поставил их в известность о том, что только за день до этого он вручил Вейгану (начальнику штаба Фоша) следующий документ:

«Секретно.

Неприятель, очевидно, намеревается вклинить крупные силы между английской и французской армиями и по осуществлении этой задачи задерживать французскую армию, одновременно бросая все имеющиеся у него в наличии резервы на английскую армию так, чтобы оттеснить ее к морю.

На британском фронте, от моря до Эршэ, неприятель имеет 65 дивизий на линии фронта и 33 дивизии в резерве, из которых 20 являются свежими. На французском фронте,

от Эршэ до швейцарской границы, имеется 71 дивизия на линии фронта и 24 дивизии в резерве, из которых 21 свежая. Но 15 из 71 дивизии на линии фронта небоеспособны.

Сражение на английском фронте, которое длится с 21-го, вероятно истощило некоторое количество германских дивизий, и теперь они подтягивают дивизии, занимающие линию фронта или находящиеся где-то в резерве.

Но в высшей степени невероятно, чтобы для наступления на французский фронт имелось в наличии более 21 резервной дивизии.

Из продвижения противника на нашем правом фланге и вдоль долины р. Соммы становится очевидным, что разделение французской и английской армии является только вопросом времени. Возникает необходимость в принятии немедленных мер к восстановлению положения, а это возможно только путем немедленной концентрации на том берегу Соммы, к западу от Амьена, по крайней мере 20 французских дивизий для операции на фланге германского движения, направленного против английской армии, которая с боем должна немедленно отходить назад, прикрывая порты Ламанша.

Всякое промедление в принятии этого плана сделает положение критическим. Все находящиеся в Бельгии французские дивизии должны быть немедленно сосредоточены в Дуллане.

25 марта 1918 г.

Копия вышеизложенного вручена генералу Вейгану в Абевилле в 4 часа пополудни.

Д. Хейг, Фельдмаршал*

25 марта 1918 г.

Ясно, что Хейг считал положение безнадежным. В свете этого документа трудно понять, зачем ему понадобилось сказать Милнеру, что он был неправильно понят. Примерно в это же время Петэн высказал идентичное мнение Клемансо, и, как говорит Пуанкаре, фактически отдал приказ об отступлении французской армии на юг, причем Клемансо согласился с Петэном. Поэтому дело обстоит как будто бы так, что оба главнокомандующих на этой конференции вечером 24-го пришли к одному и тому же заключению. Мужество Фоша спасло положение. Это был ответственный момент в его карьере. Имеет смысл привести здесь цитату из дневника Пуанкаре, касающуюся этого вопроса, так как в сопоставлении с меморандумом Хейга она вскрывает ту бездну отчаяния, в которой тогда очутились эти видные полководцы.

«Он (Клемансо) прервал свою речь с печальной целью: поведать мне, что генерал Петэн обдумывал вопрос об отступлении французской армии на юг одновременно с отступлением

* Документ был написан собственноручно фельдмаршалом сэром Дугласом Хейгом.

английской армии на север. Петэн, прибавил Клемансо, уже отдал соответствующий приказ. Фош подтвердил последнюю часть информации и сообщил мне о приказе к отступлению, который был дан Петэном. «Председатель совета, — добавил Фош, — только недавно начал принимать участие в военных делах; он принял точку зрения Петэна, но я отказался взять на себя какую бы то ни было ответственность за нее. Я послал г. Клемансо записку с изложением моих взглядов. Здравый смысл говорит, что если неприятель приступил к пробиванию брешей, то не расширяйте ее сами. Закрывайте или пытайтесь закрыть ее. Нам нужно только попытаться и проявить волю; остальное будет легко. Держитесь за свою землю, защищайте ее шаг за шагом. Так мы поступали на Ипре, так мы поступали под Верденом». И Фош с такой же энергией отстаивает свою точку зрения перед Клемансо, перед сенатором и перед представителем парламента.

Клемансо, становясь все более и более уступчивым, отозвал меня в сторону и сказал: «Петэн раздражает меня своим пессимизмом. Подумать только, он сказал мне то, что я не рассказал бы никому, кроме Вас. Он сказал, что немцы разобьют англичан в открытом поле, а после этого они разобьют французов». Надлежит ли генералу говорить или даже думать таким образом».

Раньше чем принять участие в конференции в Дулланде, Милнер обменялся двумя словами с Хейгом по поводу Фоша и «был восхищен, узнав, что Хейг не только не чувствовал себя обиженным, как склонен был предполагать Милнер при мысли о вмешательстве Фоша, но даже приветствовал идею сотрудничества с ним и отзывался о нем в совершенно дружеском тоне». После взаимного обмена мнениями конференция согласилась на следующую формулировку:

«Генералу Фошу предписывается британским и французским правительством координировать операции союзных армий на западном фронте. Он договорится по этому вопросу с главнокомандующими, которым предлагается предоставить ему все необходимые сведения».

Хейг, казалось, был не только вполне согласен, но и по-настоящему доволен. Что было достигнуто этим решением? Я приведу два мнения: одно, выраженное президентом Пуанкаре, который был на конференции, а другое — весьма компетентным военным наблюдателем, генералом Блиссом. В беседе, которую Пуанкаре имел с Милнером сейчас же после конференции и которую он описывает в дневнике, Пуанкаре сказал: «Эта координация не есть единство командования». На это Милнер ответил, что он не берется судить о том, что, произойдет в будущем, и что, во всяком случае, координация сама по себе является достижением и даст большие выгоды.

Как заявление Пуанкаре, так и ответ Милнера представляют собой весьма справедливую оценку принятого решения. Это было далеко от единства командования. Оно оставалось для будущего. Пока это было, как правильно сказал Милнер, улучшением существующих условий.

Генерал Блисс в своем описании конференции в Дулланде подтверждает точки зрения Пуанкаре и Милнера на имевшие место события. Вот что он пишет о дулланском решении:

«Многие лица думают, что принятое решение сделало генерала Фоша главнокомандующим всех союзных армий. Этого не было. Его функции ограничивались английской и французской армиями; они не распространялись на американцев. Ни один американец не был приглашен на конференцию в Дулланде. Не было дано никакого права контроля над бельгийскими или итальянскими армиями. Более того, ему не было дано никакого полномочия на командование. Результат был таков, какого и можно было ожидать. Ему приходилось тратить драгоценное время на поездки из одной ставки в другую, убеждая командующих делать то, что он должен был бы иметь право приказывать».

Через день или два после дулланской конференции генерал Гоф был смещен. После многих дней борьбы с неравными силами его армия была вдребезги разбита. Французы очень нечестно взвалили на него вину за поражение. Хейг фактически занял ту же позицию, лишив Гофа командования. В своих донесениях об этом сражении Хейг, объясняя причину замены Гофа, пишет:

«В течение целой недели наши войска сражались против неприятеля, располагающего несравненно большими силами».

Он, далее, говорит, что это «вызвало исключительное перенапряжение у Гофа и его штаба», и что «во избежание потери в эффективности, к которой могло привести такое перенапряжение», он решил назначить на пост командующего пятой армией генерала Роулинсона. Гоф был направлен в тыл наблюдать за рытьем окопов. Кто был виноват в том, что пятая армия в течение целой недели имела перед собой подавляющее превосходство сил? Это, конечно, не было виной Гофа. Если взять западный фронт в целом, то дитированные мною выше официальные цифры показывают, что армии противников численно были приблизительно равны, с незначительным перевесом на стороне союзников, но с явным преимуществом англичан и французов в отношении механизации. Хейг признает, что он своевременно знал о том, где произойдет наступление. Гоф не нес ответственности за такую расстановку союзных сил, при которой немцы получали подавляющее превосходство в пункте наступления; нельзя обвинять его и за то, что по истечении целой недели жестоких боев немцы продолжали иметь подавляющий перевес на фронте сражения. Не Гоф лишил армию свободы маневрирования, необходимой в том непредвиденном случае, который

произошел. Тем не менее Гоф был принесен в жертву и на него указывали с осуждением. Это было несправедливо. Больше того, это было низко. Что бы ни говорилось об этом храбром офицере, ему определенно не везло в выполнении тех задач, которые поручались ему главнокомандующим в этой войне. Во Фландрии ему было дано задание, успешного выполнения которого не смогли бы добиться ни наилучшая армия в мире, ни самый блестящий генерал. На Сомме ему поручили удерживать позицию, которую ни один генерал не мог бы удержать, имея так мало войск и орудий на линии фронта и в резерве.

Когда Фошу была поручена роль координатора, сражение шло с большим перевесом в пользу противника. Я припоминаю, что в утро страстной пятницы полученные донесения вселили в нас беспокойство и тревогу. Немцы упорно отесняли британские и французские войска назад, к Амьену. При таких темпах продвижения этот важный железнодорожный узел должен был перейти в их руки. Это было бы катастрофой, и мы не были уверены, что назначение Фоша произошло во-время, чтобы предупредить ее. На северном фланге третьей армии немцы повели другую сильную атаку, которая в случае ее успеха поставила бы в опасность всю армию. Единственное донесение о развитии этого нового события, полученное к утру пятницы, не было обнадеживающим. Мы были вытеснены с некоторых наших позиций, а сражение все еще продолжалось в полной силе в боевой зоне. Мы с трудом там удерживались. Сэр Морис Ханки и я часами просиживали в комнате правительства, с беспокойством ожидая дальнейших донесений с фронта. Наконец мы решили пойти в церковь св. Анны в Сохо послушать баховскую церковную музыку. В момент, когда мы занимали наши места, мы услышали, как священник параспев произносил проникновенную мольбу: «О, господи, спаси нас поскорее!» Как горячо мы присоединились к этому, воскликнув: «Боже, поспеши помочь нам!»

Когда мы вернулись на Даунинг-стрит, мы узнали, что немцы были отбиты третьей армией, понесла тяжелые потери, и что их продвижение к Амьену замедлилось.

Глава семьдесят восьмая

БОВЭ И СЕВЕРНАЯ КАМПАНИЯ

До кабинета дошли сведения, что реализация дулланского соглашения не проходила гладко. Между обеими союзными армиями возникли серьезные недоразумения, которые пагубно отражались на проведении обороны. На месте не было ни одного сколько-нибудь авторитетного лица, которое могло бы урегулировать эти расхождения. Фош не мог координировать действия, потому что он не имел возможности командовать. Что такова была точка зрения Фоша, явствует из его мемуаров:

«Итак, чтобы составить план этого наступления, чтобы вдохновлять и направлять его, чтобы обеспечить его выполнение главнокомандующими, а также чтобы достичь справедливого распределения вооруженных сил, полномочия, предоставленные мне дулланским соглашением, были явно недостаточны. Они были недостаточны даже для масштаба существующих оборонительных операций. Они неизбежно оказались бы тем более недостаточными, если бы в не столь далеком будущем я обязан был решать вопрос о стратегическом использовании союзных армий, обновленных и подкрепленных содействием американцев: когда я должен был бы определять, в соответствии с обстоятельствами, куда должны были быть направлены эти силы; когда я должен был бы распределять оборонительные и наступательные задания и, возможно, производить обмен войсками между французским и итальянским фронтами.

Простая роль *координатора* не была достаточна для увеличившейся программы действий, которая должна была в ближайшее время проводиться в жизнь. Было слишком мало свободы для *инициативы* выполнявшего его командира, что создавало непреодолимые препятствия в тот момент, когда ему приходилось быстро и решительно реагировать на непредвиденные случайности, возникающие во время оборонительного боя, или организовывать и вести наступательные операции. Роль координатора следовало заменить ролью *руководителя*. Если межсоюзный орган, созданный в Дуллаке усилиями взаимного доверия, должен был давать все то, чего от него ожидали, то

его полномочия должны были быть немедленно расширены, и стратегическое руководство военными действиями на западном фронте вверено ему. Должна была быть признана его власть над главнокомандующими союзников и над всеми войсками, расположенными на линии от Северного моря до Адриатического.

Опыта нескольких дней было достаточно, чтобы выявить неудовлетворительность дулланского соглашения. Настоящие, равно как и будущие интересы коалиции требовали, чтобы оно было без промедления исправлено»*.

Было решено созвать еще одно совещание с участием Клемансо и главнокомандующих для исправления этого неудовлетворительного положения. Я знал, что могло быть только одно правильное решение, и оно заключалось в назначении Фоша верховным главнокомандующим обеими армиями. Но на заседании военного кабинета я обнаружил, что большинство было против такого решения. Присутствовавший на этом заседании Генри Вильсон отнесся к нему с полной враждебностью. Он сказал, что Фошу, вероятно, не требуется никаких полномочий кроме тех, которыми он уже облачен. Я нашел, что это утверждение не соответствует действительности. Встретив Фоша, я имел возможность наблюдать его отчаяние от бессилия направлять ведение сражения так, как он хотел. Кабинет постановил, что «решение должно быть предоставлено моему усмотрению, после того как я буду иметь возможность обсудить этот вопрос с сэром Дугласом Хейгом». Совещание, которое в конечном счете привело к установлению действительного единства командования, состоялось в городской ратуше в Бовэ 3 апреля 1918 г. По пути в Бовэ Вильсон и я заехали в ставку Хейга. Затем Хейг и начальник его штаба, Лоуренс, поехали с нами в Бовэ. Часть пути я ехал на автомобиле с главнокомандующим, а остальную часть — с начальником его штаба. Таким образом, я имел возможность узнать их точки зрения на ход сражения. Я констатировал, что ни один из них не высказывался по поводу расширения полномочий Фоша. Они были убеждены, что дела шли вполне хорошо. Когда я сообщил им об успешных соглашениях, которые мы заключили по вопросу о перевозке американских войск во Францию, я ожидал не благодарности, но некоторого чувства облегчения при этой хорошей новости. Напротив, они встретили ее равнодушно и с презрительным фырканьем. У меня создалось впечатление, что они не придавали большого значения помощи американцев в 1918 г. Если бы американские части влились в наши батальоны, то, по их мнению, это означало бы еще больше неприятностей для генерального штаба и в дальнейшем послужило бы источником скорее слабости, чем силы! Они думали об этих массах, которые скоро должны были прибыть во Францию, как о неподготовленной толпе.

Недалеко от Бовэ я проехал между остатками нескольких разбитых батальонов пятой армии, отдыхавших в деревнях, за передовыми позициями. Мне никогда не приходилось наблюдать более бод-

* *Foch, Memoirs*, англ. издание, p. 313—314.

рой толпы солдат. Не было ни малейшего признака уныния или отчаяния. Они встретили делегацию улыбающимися лицами. Это не соответствовало моему представлению о побежденной армии.

Приехав в ратушу в Бовэ, я застал там ожидавших нас Клемансо, Фоша, Петэна, Першидга и Блисса. Я имел предварительную беседу с Клемансо и конфиденциально заявил ему, что считаю дуланское соглашение слишком расплывчатым, и что совершенно необходимо обложить Фоша 6 льшей властью над союзными войсками. Клемансо, к которому Фош уже обращался по этому вопросу и которого успел в этом убедить, был того же мнения. Он открыл конференцию разъяснением, что, хотя дуланское соглашение действовало хорошо до определенного момента, «ситуация продолжала развиваться, и была достигнута стадия, на которой возникла необходимость с большей точностью определить положение «генерала коалиции», как он называл бы генерала Фоша». Фактически, было необходимо решить, должно ли было дуланское соглашение оставаться в прежнем виде или оно требовало расширения. Затем он предложил генералу Фошу разъяснить свою точку зрения. Перед тем как он это сделал, я попросил, чтобы при изложении своих взглядов генерал Фош подробно указал, почему он считает, что дуланское соглашение не дает ему достаточной власти для координирования действий обеих армий. В ответ

«генерал Фош напомнил конференции, что согласно дуланскому соглашению ему поручалось координировать действия союзных войск на западном фронте. Это означало, что при отсутствии военных действий нечего было координировать. Если ни французская, ни британская армия не предпринимали никаких действий, то было невозможно координировать их действия. Следовательно, теперь необходимо было нечто большее. Ему требовалась власть ставить перед главнокомандующими вопрос о необходимости действия и осуществлять это действие. Фактически, раньше чем координировать, он должен обладать властью создавать действия. По этой причине текст дуланского соглашения был недостаточен, и в него следовало включить слова: «власть внушать идею действия». Более того, координация действий была не столь необходима, как подготовка действий. В моменты затишья необходимо было создавать идею, вокруг которой должны были проводиться мероприятия по координации. 26 марта в Дулане ситуация весьма отличалась от той, которая существовала 3 апреля в Бовэ. В первом случае вопрос стоял о координации действий, которые были в полном разгаре. Во втором случае дело идет о координации союзнических приготовлений к будущему действию. 26 марта британские армии участвовали в сражении, навязанном нам неприятелем. Сегодня в Бовэ мы думаем о союзнических действиях. Во втором случае правомочия только на координации действий являются недостаточными».

Сэр Генри Вильсон, который к этому времени несколько изменил свою версальскую точку зрения и успел на пути в Бовэ обсу-

дить этот вопрос с Хейгом в автомобиле последнего полагал, что дулланское соглашение представляло Фошу все полномочия, которых тот требовал, и что в дальнейшем расширении их не было необходимости. Фош ответил, что,

«если не было действия или движения, то нечего было координировать. Он удовлетворился бы включением в соглашение слов, вроде *«приказывать»* или *«отдавать приказания»*.

Из заявления Фоша я понял, что кабинет не был полностью информирован об основном дефекте в действии дулланского соглашения. Жалоба Фоша касалась даже не разногласий, которые возникли по поводу определенных участков фронта сражения и которые нуждались в урегулировании. Дело даже не шло об оказании немцам сопротивления в том или другом пункте. Вопрос стоял о значительно более важных вещах. Его мысли опережали приостановку германского стремления прорваться у Амьена. Внимание Фоша было обращено не столько на германское наступление, сколько на большой контрудар, намеченный им в его знаменитом январском меморандуме о плане кампании на 1918 г. Он думал об очередном шаге, о необходимых приготовлениях для доведения огромного начавшегося уже сражения до решительного исхода. При разрешении этой важной задачи ему нехватало действительной власти. Поскольку он был единственным генералом на поле сражения, который обладал необходимыми кругозором и решимостью для составления плана такой кампании, я решил рискнуть всем, чтобы добиться требуемой для него власти. Если я сознавал, что не мог до этого вполне убедить кабинет ввиду опасений, вылившихся на его последнем заседании, то сегодня я решил зайти настолько далеко, насколько мог, и по возвращении тянуть за собой кабинет до конца пути.

Поэтому я выступил после Фоша:

«Г-н Ллойд Джордж заявил, что он говорит от имени британского общественного мнения, заинтересованного в обеспечении таких мер, которые не дали бы разногласиям во мнениях закончиться катастрофой. Была сделана попытка координировать действия союзников с помощью верховного военного совета и постоянных военных представителей в Версале; так как мы поняли, что германцы имели одну армию, а союзники — три. Даже в прошлом году союзники имели две стратегии — фельдмаршала Хейга и генерала Петрена.

Фельдмаршал Хейг внес поправку, что в прошлом году он находился в подчинении генерала Нивелля».

Хейг покраснел, и по его тону и поведению я понял, что он был очень возмущен взятой мною линией поведения.

«Г-н Ллойд Джордж сказал, что он не имеет в виду того периода, когда стратегия генерала Нивелля за год войны дала британской армии самые ценные результаты, так как обеспечила союзникам обладание холмом Вими и областью к востоку от Арраса. Он имел в виду операции последующего периода года,

когда фельдмаршал Хейг сражался во Фландрии, а армия Петэна вела операции с ограниченными задачами и через большие промежутки времени. В результате получилось, что, хотя союзники имели превосходство над немцами, выражавшееся отношением почти трех к двум, они фактически достигли очень немногого. В то же время немцы, не имевшие, повидимому, численного перевеса, достигли в их последнем наступлении весьма значительных результатов, что объяснялось главным образом единством руководства. Версальский совет был учрежден с целью обеспечить аналогичное единство действий; но он не успел развернуть своей деятельности, как началось это наступление, и ни одно из его решений не было приведено в исполнение. Каковы бы ни были результаты недавних действий, их следует отнести исключительно за счет системы координации высшего командования. Он опасался, что сегодня союзные правительства придут только к новой формулировке, не достигнув никакого действительного единства командования. Британское общество хотело знать, существует ли подлинное единство. Теперь нам предстоит принять решение, которое наделит бы генерала Фоша реальной властью, необходимой ему в создавшейся обстановке. Он сказал, что британское общественное мнение всецело верило в Фоша, доказательством чему было отношение, с которым его назначение было встречено в прессе. Конечно, если генерал Фош поставит британскую армию в опасное положение, то фельдмаршал Хейг обратится к своему правительству, и никакой документ, подписанный здесь, не сможет помешать этому. Следовательно нет возражений против добавления тех или иных слов в дуланское соглашение. Но, если генерал Фош не будет иметь необходимой власти, то он окажется больше, чем бесполезным. Он сказал, что очень хотел бы заслушать мнение американских генералов, особенно потому, что генерал Блисс и генерал Першинг теперь заслуживали особого внимания, так как согласно недавнему решению президента Вильсона армия Соединенных штатов Америки будет сражаться бок о бок с их союзниками».

Последовавшая дискуссия дает представление о различных точках зрения тех, кто принимал участие в конференции:

«Генерал Блисс сказал, что дуланское соглашение содержит два момента, которые особенно заинтересовали его. Во-первых, в Дулане два главных заинтересованных союзных правительства, несшие максимальный риск на западном фронте, пришли к соглашению, которое, как он понимает, было сердечно принято всеми, кого оно затрагивало. Во-вторых, смысл их соглашения заключался в том, что было необходимо создать орган командования, который до этого не существовал. По этому соглашению власть передавалась одному определенному офицеру, на которого возлагалась ответственность за координацию действий союзных армий на западном фронте... Из сказанного

на конференции сегодня выяснилось, что есть некоторые сомнения в правильности истолкования той власти, которой документ, подписанный в Дулланде, обладал назначенного офицера. Поэтому он лично считает, что если существует какое-нибудь сомнение, то следует изменить условия первоначального соглашения так, чтобы назначенный офицер имел полную власть.

Генерал Першинг сказал, что, по его мнению, мы достигли теперь такой стадии войны, на которой должно быть обеспечено полное сотрудничество между союзными армиями. В принципе он не знает иного пути для обеспечения такого сотрудничества, кроме единства командования. Для двух или трех главнокомандующих, командование которых распространялось на такой огромный фронт, не представлялось возможным самостоятельно координировать свои действия иначе, как при том условии, что армии союзников возглавит одно лицо. Эксперименты в этом направлении зашли уже слишком далеко. Они полностью доказали невозможность координации. Каждому генералу приходилось думать о своей собственной ответственности. Дальнейший успех зависит от наличия у союзников единого командования.

После речей двух американских генералов, которые оказали моему предложению исключительную поддержку, Хейг и Вильсон увидели, что конференция не была намерена оставить вопрос в прежнем положении и что расширение дулланского соглашения было неизбежно.

Тогда Хейг, посоветовавшись с Вильсоном, сказал:

«Он полностью согласен с тем, что сказал генерал Першинг. Во Франции должен быть только один военачальник. Данные ему британским правительством инструкции заключались в том, чтобы получать стратегические указания от французского главнокомандующего, хотя он несет ответственность за безопасность британской армии. В связи с этим он, подчиняясь, конечно, распоряжениям британского правительства, всегда обращался к главнокомандующему французской армией за стратегическими указаниями. Было бы очень легко вставить в соглашение то, чего хотел генерал Фош. Он (Хейг) полагает, что проект генерала Вильсона удовлетворителен. Фактически требовалось только, чтобы главнокомандующие вели свою работу искренне и охотно, в самом тесном контакте с генералом Фошем».

Для меня было новостью, что Хейг придерживался мнения, что «во Франции должен быть только один военачальник». Многих лишений и потерь удалось бы избежать, если бы он ясно высказал это мнение как в 1917 г., так и в первые месяцы 1918 г. Затем г. Клемансо зачитал проект нового соглашения, основанного на предложении, которое было сделано генералом Вильсоном. Была принята следующая резолюция:

«Соглашение о координации высшего командования на западном фронте, заключенное в Дулланде 25 марта 1918 г., подлежит замене нижеследующим соглашением:

На генерала Фоша возлагается британским, французским и американским правительствами обязанность координировать действия союзных армий на западном фронте. Для достижения этой цели он облечается всей полнотой власти, необходимой для успешной реализации этого решения. Британское, французское и американское правительства в этих целяхверяют генералу Фошу стратегическое руководство военными операциями. Главнокомандующие британской, французской и американской армиями сохраняют полный контроль над тактическим использованием своих вооруженных сил. Каждый главнокомандующий имеет право апеллировать к своему правительству, если, по его мнению, безопасность его армии ставится под угрозу каким-нибудь приказом, полученным от генерала Фоша».

Эта резолюция шла гораздо дальше, чем дулланский план. Впервые британское, французское и американское правительства вверили Фошу стратегическое руководство военными операциями, и он был облечен всей полнотой власти.

Генерал Блисс впоследствии в своем отчете о конференции в Бовэ писал:

«В результате конференции генерал Фош приблизился к верховному командованию наиболее непосредственно, чем когда-либо удавалось достигнуть этого».

Фош был не вполне удовлетворен этим решением. Он полагал, что если ему не будет дана власть отдавать приказы обоим главнокомандующим, то будут возникать недоразумения при истолковании даже расширенных полномочий, данных ему. По его мнению, должности, известной под названием координатора, не существовало. С присущей ему манерой он сказал: «Что я такое? Я — лишь господин Фош, достаточно известный Фош (с улыбкой), но все еще только господин Фош и не более того». Я сознавал убедительность его возражений и, учитывая то, что произошло после соглашения в Дулланде, считал его предположения обоснованными и разъяснил ему затруднения, которые мне приходилось испытывать не только в отношении Хейга, но и в отношении национальной щепетильности на родине. Но я обещал сделать все, что в моих силах, чтобы добиться согласия британского военного кабинета на назначение Фоша главою всех войск, и спросил, удовлетворит ли его такое положение. Он сказал: «Это — совсем другое дело. Будь это сделано, больше затруднений не было бы».

По возвращении в Англию я зондировал мнение моих коллег и, когда счел их подготовленными для принятия решения, передал весь вопрос на обсуждение кабинета. После некоторых прений они согласились на назначение Фоша главнокомандующим вооруженными силами союзников. Таким образом, после многих преврат-

ностей, единство командования было окончательно установлено и впервые все вооруженные силы союзников были координированы и консолидированы не только с оборонительными целями, но и для большого ответного удара, который привел войну к триумфальному завершению. Катастрофа 21 марта спасла союзников. Ничто, кроме нее, не могло бы дать нам возможности преодолеть природную шкестильность и подозрения, без устранения которых невозможно было обеспечить необходимое для победы единство командования.

После того как единство командования было, наконец, достигнуто и столь ощутительно способствовало успеху союзников, появилась длинная вереница претендентов на славу, связанную с предложением и советом этого единства. Когда Бриан и я впервые проделали этот эксперимент весной 1917 г., мы натолкнулись на противодействие двух лиц, Хейга и Робертсона, самой выдающейся способностью которых было упрямство. Их уметственные способности были посредственны, их упрямство — ненормальным. Люди такого типа были бы полезны в узкой траншее, которую надлежало удерживать любой ценой. Для командования полем сражения, которое охватывало три континента, их кругозор был слишком ограничен. Это был не кругозор, а неподвижный взгляд. Нельзя сказать, чтобы они были неспособны видеть что-нибудь, лежащее вне линии прямого зрения, но они отказывались смотреть на что-нибудь иное и считали изменой долгу повернуть свой взор в другом направлении.

В области политики, медицины и религии часто встречаешь людей с навязчивой идеей. Эта идея кажется им всеобщей панацеей. Всякая другая мысль является для них ненужной. Следовать таким идеям — бесполезная трата времени и энергии, ибо они отвлекают внимание и нарушают преданность принципу спасения. На войне я обнаружил, что военная профессия также подвержена этой болезни.

Во время наступления Нивелля весной 1917 г. общественное мнение Великобритании ни в какой мере не было очаровано мыслью, что верховное руководство объединенной операцией будет возложено на французского генерала. К несчастью, риск, связанный с этим экспериментом, не был компенсирован его результатами. Операция потерпела неудачу на том фланге обширного поля сражения, на котором главнокомандующий лично руководил атакой. Он был дискредитирован в глазах своей собственной армии, которая взбунтовалась против его руководства. В конце концов он был смещен с командного поста тем же министерством, которое назначило его. Это являлось неудачным прецедентом объединения командования под начальством французского генерала. Эксперимент был воспроизведен в меньшем масштабе, когда в сражении во Фландрии шесть французских дивизий были переданы под начальство Хейга. Но даже такая ограниченная попытка ввести единство командования не привела ни к чему такому, что восстановило бы престиж идеи объединенного командования. Никто, выдвигая план назначения генералиссимуса, не мог с гордостью указать на обогранные кровью поля битв Фландрии и сказать: «Посмотрите, чего достигло здесь единство».

Дополнительная трудность заключалась и в том, что война

еще не выдвинула ни одного генерала — победителя. За исключением битвы при Марне, на стороне союзников не было ни одной явной победы.

Петэн никогда не производил на меня впечатления генерала, чьи личные качества или военный гений могли вести огромные армии к победе в войне, к которой в нужный момент для поражения врага была необходима сокрушительная атака. Он был способным человеком и хорошим солдатом. Он напоминал римского генерала Фабия, прозванного Кунктатором за свою медлительность. Его осторожность и медлительность граничили с робостью. Его занятие после 1917 года было подобно ремеслу главной сестры в госпитале для контуженных. После трех лет неописуемых ужасов, достигших кульминационного пункта в боине Шмен де Дам, французская армия сильно нуждалась в таком лечении. Он делал это хорошо и удачно. Нет ни одного другого французского генерала, который мог бы выполнить эту задачу так же хорошо. Он не дергал истрепанных нервов своих пациентов постоянными тревогами и наступлениями. Тем не менее, все, кто знал его, согласился с точностью и справедливостью сжатой характеристики, которую дал ему Фош в разговоре с Пуанкаре: «Как помощник главнокомандующего, выполняющий его распоряжения, Петэн превосходен. Но он боится ответственности и не годится для поста главнокомандующего». Как Пуанкаре, так и Клемансо постоянно жаловались на пессимизм Петэна. Он был склонен размышлять о самых мрачных возможностях в любой ситуации. В своем дневнике Пуанкаре сказал, что в вопросе германского наступления Петэн был «пораженцем». Из него получился бы недееспособный главнокомандующий союзными армиями, стоящими перед проблемами 1918 г.

Французы не согласились бы на кандидатуру Хейга на пост главнокомандующего обеими армиями. Бои происходили на их земле. Они не могли бы предоставить дело освобождения французской земли от захватчиков иностранному генералу. Более того, их армия все еще была самой большой. Помимо этого они не доверяли способностям Хейга для занятия такого положения. Они считали его смелым и упорным войком. Но они достаточно хорошо знали, что он был лишен умственных и личных качеств, которые создают великих полководцев. Он не обладал воображением, широтой взглядов или обаянием. По этим соображениям его имя никогда не называли, говоря о кандидатах на пост главнокомандующего.

Кто оставался? Фош был известен как способнейший французский генерал, но он не принимал участия в боевых операциях свыше года. Его вмешательство и руководство в первом сражении на Ипре были превосходны. Но ужасные потери, понесенные французами в наступлении при Артуа в 1915 г., за которое Фош нес полную ответственность, временно уничтожили существовавшую до того уверенность в его гении. Его неумолимость и традиционная вера в политику атак дорого обошлись его родные по числу французских жизней. Продолжительная и кровопролитная битва на Сомме, когда Фош командовал французской армией, выявила его замеча-

тельное искусство полководца, благодаря которому без особых потерь была завоевана большая территория. Но эта битва не дала ничего для восстановления его престижа, так как не привела к результатам, которые удовлетворили бы французское общественное мнение. Это наступление лишний раз разбило надежды на прорыв. Я встретил Фоша в период этой битвы. Он показался мне подавленным и разбитым обломком того кипучего и торжествующего Фоша, которого я встретил в первый раз. Тяжелая автомобильная катастрофа вывела его из строя. Потребовались месяцы, чтобы он мог поправиться. Когда его здоровье полностью восстановилось, он был назначен главным военным консультантом при французском военном министерстве вместо ничем не отличавшегося генерала Рока. Я помню свою беседу о Фоше с Альбером Тома, относящуюся, примерно, к этому же времени. Он сказал мне: «Фош опустошен и истощен». Это замечание довольно верно отражало общее мнение, составившееся о перспективах, которые имел Фош в этот период войны. После того как этот шестидесятипятилетний человек пострадал от автомобильной катастрофы, можно было с полным основанием сомневаться в его физической пригодности для командования на поле сражения миллионными армиями в критический этап истории величайшей войны, которая когда-либо велась. Только поздней осенью к нему вернулись прежние эластичность, живость и свежесть. После поражения при Капоретто он сопровождал французского премьера и меня в Италию, и я впервые заметил, что властный Фош, каким я его знал в первый год войны, снова был полон жизни и энергии. Ничто не является лучшей иллюстрацией изменения, внесенного в развитие кампании решением в Бовэ, чем дискуссия, которая имела место на конференции союзников, состоявшейся 1 и 2 мая 1918 г. в Аббевилле*. На этой конференции синьор Орlando от имени итальянской армии поднял вопрос о том, должны ли функции генерала Фоша, как главнокомандующего, распространяться на итальянскую армию. Он заявил, что, хотя он готов согласиться с применением соглашения в Бовэ к итальянским войскам, находившимся в то время во Франции, он требует, чтобы на армию в Италии распространялось только дуланское соглашение. В качестве комментария к решению в Бовэ и как показатель произведенных изменений эта конференция заслуживает краткого ознакомления с ней.

3 апреля, после того как конференция в Бовэ закончилась, мы отправились в Англию. Я хочу рассказать здесь о двух незначительных инцидентах, которые произошли на обратном пути британской делегации. Конференция в Бовэ продолжалась до позднего вечера; так как по дороге пегде было закусить, мы решили устроить пикник у дороги.

Клемансо захватил корзинку с завтраком для себя и своих сотрудников; так как он до нашего приезда уже позавтракал с президентом, он отказался от своего пайка и передал его нам. Мы устроили роскошный пир из яств, приготовленных для «Тигра».

* См. приложение в конце главы.

Г-н Уинстон Черчилль, который ездил в штаб для обсуждения вопроса о пополнении погибшего военного снаряжения, присоединился к нам в пути. Когда мы достигли Булони, город был погружен в полный мрак, так как ожидался германский воздушный налет. Мы видели длинные колонны солдат, молчаливо шагавших в темноте. Приехав на набережную, мы были свидетелями того, как при свете единственного карманного фонаря с десантных судов на берег высаживалось большое количество молодых шотландских солдат в возрасте около 19 лет, одетых в национальные костюмы. Мы сели на истребитель типа «П» — новое судно, изобретенное для разыскания и преследования подводных лодок. Как только мы вышли из гавани, начали падать бомбы. Ни одного огонька не было видно на канале; но, когда мы проехали половину пути, появилась внезапная иллюминация, которая осветила воду почти от одного берега до другого. На расстоянии одной или двух миль мы увидели судно, которое, казалось, пылало от носа до кормы. Корпус и фалы — все резко выступало в белом пламени. Они были обмазаны составом, который светился, но не горел. Это было одно из новых приспособлений для обнаруживания подводных лодок, которые под покровом темных ночей пытались проскользнуть между бдительными гонимыми, охранявшими судоходство вдоль наших берегов.

Через три дня после конференции в Бовэ первый германский натиск великого наступления был приостановлен. Он потерпел неудачу в достижении стратегической цели. Но он явился наиболее известным тактическим успехом в военных действиях на западном фронте с момента окончания маневренной войны в 1914 г.: ни одно из наступлений союзников 1915 г. или 1915—1917 гг. не может сравниться с ним по своим результатам. В течение немногим более двух недель неприятель прорвал наши передовые позиции на фронте в шестьдесят миль и проник вглубь на максимальное расстояние в сорок миль за линию наших траншей; он захватил 975 наших орудий и причинил нам урон в 188 тысяч человек, включая 70 тысяч пленных и без вести пропавших. И он достиг такого результата, когда его общие вооруженные силы на западном фронте по боеспособности были примерно равны силам союзников, а огневая мощь была слабее. Сравните это с наступлением союзников в Шампани, на Шмен де Дам, в Вими, на Сомме и в Пашенделе, когда мы имели огромный численный перевес. На Сомме в результате пятимесячных боев мы продвинулись на максимальную глубину в семь миль, захватив 125 орудий и 40 тысяч пленных и потеряв 498 тысяч наших солдат, не считая французов. При Пашенделе мы затратили почти четыре месяца на отвоевание пяти миль бесполезной и болотистой пустоши, чтобы в дальнейшем отдать ее без боя в течение одной единственной ночи и чтобы ценой 400 тысяч выбывших из строя солдат захватить 74 орудия и 34 тысячи пленных.

Суммарные потери германцев в великом мартовском наступлении, включая их бои с французами, выразились в цифре 220 тысяч человек. Но если даже считать их сведения неполными и прибавить к этой цифре некоторый процент, то цена, уплаченная за этот

успех, все же ниже той, которую мы уплатили на Сомме и во Фландрии за достижения, ничтожные по сравнению с успехами этого наступления. И все же с точки зрения практических целей это блестящее достижение явилось дорогостоящей неудачей. Амьен не был захвачен. Брешь между англичанами и французами создать не удалось. Потери союзников были пополнены. Германская армия с ее сократившимися резервами получила для обороны еще один бесполезный участок фронта.

Людендорф имеет основание заявлять, что «это было блестящим подвигом». Я не думаю, чтобы кто-нибудь, кто беспристрастно читал историю войны, мог оспаривать его другое заявление, что немцы осуществили то, чего не удалось сделать англичанам и французам, и притом на четвертом году войны. Но тот факт, что британская армия потерпела тяжелое поражение, не должен делать нас слепыми в отношении ее достижений. Германская армия имела все преимущества, которые может дать хорошее руководство. Британская армия была поставлена в самые невыгодные условия, в какие только может поставить армию плохое руководство. Немцы готовили свои планы с величайшим искусством. Они сгруппировали свои войска таким образом, что смогли ударить по нашей линии с максимальной силой, которую можно было сконцентрировать на фронте атаки. Они подвели свои резервы настолько близко к своим передовым атакующим войскам, насколько это было возможно. Благодаря этому, не было никакой потери времени при введении этих резервов в бой там, где было необходимо увеличить натиск или поддержать измученные войска. Когда для преодоления непредвиденного сопротивления или для использования неожиданного преимущества требовались еще подкрепления, все было подготовлено к переброске их с максимальной быстротой с других участков фронта. Если все же германское наступление не достигло своей конечной цели, то это произошло не из-за отсутствия подготовленности со стороны высшего командования.

Как обстояло дело в британской армии? Хотя в штабе знали о приближении наступления, приготовления к обороне носили самый случайный характер. Что же касается подготовки к контратаке, которая является существенным элементом обороны, то она была заранее обречена на неудачу из-за недостатка резервов. О контр-наступлении совершенно не думали. Большая часть наших войск была сосредоточена в секторах, которые, как было известно генеральному штабу за неделю до 21 марта, не должны были подвергаться серьезной атаке. В то же время линия длиной в 42 мили, которая, как неоднократно предупреждали штаб, должна была вместе с третьей армией выдержать первый удар огромных военных сил, была защищена слабо. Большинство наших резервов находилось как на самом удаленном от поля сражения участке линии, так и за ним. Хотя за три недели вперед генеральный штаб был предупрежден о том, что самая значительная концентрация сил неприятеля превосходит против наиболее слабого участка нашей линии и что удар будет нанесен там, он не сделал никаких попыток укрепить этот участок или

сосредоточить за ними больше наших резервов. Хейг отверг предложения о создании общего резерва из 30 дивизий, две трети которых должны были быть укомплектованы из других армий и быть в готовности оказать поддержку нашим войскам, теснимым и атакуемым превосходными силами. А мы не заключили с французами такого соглашения о помощи, которое можно было бы назвать рабочим планом взаимной поддержки.

Если взять весь фронт в целом, то силы противников были по существу одинаковы с преимуществом в механизации на стороне союзников. Но мы так расположили наши войска, что в течение первых четырех дней сражения неприятель имел перевес в отношении 3 или 4 к 1 в людях и еще больший перевес в орудиях, так как большинство наших солдат и орудий, находившихся на крайнем конце линии, не имели возможности принять участие в сражении. Официальная история пытается убедить нас, что Хейг был прав, когда держал большую часть своей армии как можно дальше от района предполагаемого сражения. По-видимому, это — новая теория, при которой, чем дальше от боя находятся подкрепления, тем полезнее они в нужный момент. Они приносят больше помощи, когда находятся на расстоянии трехдневного перехода от поля сражения, чем если стоят только в нескольких милях позади него! Как эти великие генералы спекулируют на невежестве простого человека!

Первые резервы вошли в бой только после того, как наши линии были прорваны подавляющей массой людей и орудий. Нашим солдатам ни на один момент не было дано возможности сражаться и победить. Имеется достаточно исторических прецедентов, когда в таких условиях самые храбрые солдаты убегали с поля битвы. В течение всех этих тревожных дней большой страх вызывало у меня воспоминание о Наполеоне, который, разъясняя принцип битвы при Ватерлоо — «спасайся, кто может», — сказал на острове, св. Елены: «Самые храбрые армии по очереди бывали охвачены паникой; вопрос заключается в том, в состоянии ли вы сплотить их раньше, чем они разбегутся». В битве при Амьене имелись суматоха, беспорядочность, отступление, неразбериха, но не было паники, не было клича «спасайся, кто может». Не было бегства охваченной ужасом толпы, спасающейся от преследовавшей ее смерти. Солдаты ни на минуту не переставали сражаться. Они искали возможности сопротивляться до самого конца. Когда их выбивали или вытесняли из одной позиции, они искали другую, где могли бы удержаться. Офицеры редко испытывали затруднения в том, чтобы привести солдат в боевой порядок, когда находилась подходящая позиция, на которой можно было временно задержать противника. Их несчастье заключалось в том, что было так мало подготовленных позиций, которые они могли бы занимать. Окоп или пулеметное гнездо, обозначенное только доской, указывавшей, где они должны были быть, не представляли собой еще защищенной позиции. А неглубокие канавки траншей, вырытые лопатами, служили плохим прикрытием от артиллерийского огня. Ничего лучшего генеральный штаб

не мог им предоставить. Штаб бросил всю наличную рабочую силу в привилегированные секторы, которые навряд ли могли быть атакованы. Итак, солдаты пятой армии, отцепенцы Пашенделя должны были выбирать любой удобный выступ, чтобы укрываться от огня германских орудий, одновременно делая все, что было в их силах, чтоб задержать движение германской пехоты. В первый день передовая линия была прорвана, но настроение войск не было сломлено. Когда люди были отрезаны от своих войсковых частей, они присоединялись к другим, которых они встречали на своем пути, и рядом с которыми сражались, чтобы остановить германское продвижение. Остатки людей, которые вообще не были в боевых рядах — саперы, рабочие роты, повара, слуги, — хватали винтовки, занимали траншеи, формировали свои собственные маленькие батальоны и бригады, пользуясь помощью рядовых, которые в суматохе такого сражения отбились от своих войсковых частей. Американские инженеры, помогавшие нам строить укрепления вокруг Амьена, бросали свои технические инструменты, хватали винтовки и сражались с доблестью, превосходившей всякую похвалу, бок-о-бок с импровизированными отрядами, чтобы остановить продвижение неприятеля. Было много случаев, когда победоносные массы неприятеля сдерживались героическим сопротивлением отдельных батальонов и рот в разных местах поля сражения. Таким образом, могло быть выиграно время, чтобы скупо отпускаемые резервы достигли фронта раньше, чем неприятель достигнет своей конечной цели. Такова неподражаемая картина, написанная по донесениям британских офицеров генерального штаба, заинтересованных в приумножении поражения. Она подтверждается многочисленными свидетельствами германских очевидцев. Стоит процитировать несколько выдержек из отчета, написанного видным германским генералом. Вот как он описывает бой в первые дни сражения:

«(21 марта). Несмотря на туман, английская артиллерия сумела оказать хорошую услугу пехоте в ее отчаянной борьбе и во многих случаях продолжала действовать до самого конца. Орудия неизбежно должны были перейти в руки немцев, ибо, несмотря на отчаянное сопротивление, они попадали под огонь германских пулеметов!.. В этот тяжелый момент командиры батарей и орудийная прислуга присоединялись к пехоте и подкрепляли ее ослабленные ряды... Стойкое сопротивление англичан привело к тому, что уже во второй половине дня 39-й дивизии (вторая линия) пришлось принять участие в сражении в секторе Линдквиста... Чем ближе подходил 126-й полк к дороге Ланькур — Луверкаль — Дуаньи, тем сильнее становился артиллерийский огонь неприятеля. После перехода через дорогу правый фланг 3-й роты понес большие потери от огня английского пулеметного гнезда.

(22 марта). Тем бойцам на передовой линии, которые искали и нашли в воронках от снарядов или в вырытых ими самими траншеях некоторое прикрытие от артиллерийского

и пулеметного огня англичан... пришлось довольствоваться сухим хлебом, который они захватили с собой. На следующее утро атака продолжалась... Сопrotивление англичан оказалось гораздо упорнее, чем накануне. Холмы и пригорки были использованы ими для бесчисленных пулеметных гнезд, расположенных на второй линии обороны; эти холмы были прекрасным прикрытием. Только с большим трудом продвигаясь вперед с истинным презрением к смерти и ни на шаг не отставая от первых рядов пехоты, наступающие штурмовые батареи 2-го полевого артиллерийского батальона смогли овладеть некоторыми из этих гнезд. В 8 часов 30 минут утра пришлось отдать приказ значительно поредевшим наступающим частям окопаться на линии, которой они достигли, немного не дойдя до укреплений второй британской линии обороны.

Проходили часы совершенно невыносимого ожидания. Тесно прижавшись друг к другу, бойцы всматривались вперед, полные ярости, что так много обещавшая атака должна была приостановиться...

Наши новые артиллерийские подготoвки и атаки чередовались с контратаками англичан. Битва шла с перемешным успехом. Наши храбрые товарищи терпели жестокий урон. Войска из тыла были брошены на линию боя. Они также падали под огнем, не имея возможности добиться перелома в положении. В 6 часов вечера англичане возобновили мощное контрнаступление по всему фронту от Морши до Камбрэ — Бапом. К северу от Морши они выслали вперед свои танки. Получив жестокий отпор, они отступили под германским огнем на изрытую дорогу Морши — Зигелей. ...Везде в Морши, и особенно на изрытой дороге происходили жестокие рукопашные бои. Наши солдаты победили...»

Вот описание борьбы за обладание незначительной деревней в районе Соммы:

«...Сады деревни были взяты штурмом, саперы с кусачками продолжили путь через проволочные заграждения, дорога пошла под уклон, и мы очутились в деревне... К вечеру 52-му пехотному полку удалось взять Фальви. ...Затем перед огнем неприятельского артиллерийского и пулеметного огня атака была приостановлена. 24 марта, в 4 часа утра 12-й гренадерский полк начал переправляться у Бетенкура, но сильный пулеметный огонь выбил его из домов деревни.

(24 марта). Английская атака была отбита. Когда рассеялся туман, англичане отступили на расстояние около 200 метров в дома Бетенкура. Оттуда они повели упорный и ожесточенный обстрел гарнизона, занимавшего вход на мост...

(26 марта). Но нам не скоро удастся достигнуть крупного успеха. Англичане опять оправляются от удара. Начинается бой, в течение которого положение изолированной 26-й пехотной дивизии, разбитой на две группы, временами становится очень серъ-

езным. Ее атакуют на рассвете. Фронтная и две фланговых атаки были отбиты с тяжелыми потерями для неприятеля. С другой стороны, неприятелю, выдвинувшемуся из Бошуара, удалось оттеснить правый фланг к Эршэ и к востоку от нее. Отдельные части этого соединения появились в самом тылу дивизии. Батареи, стоявшие за передовой линией, быстро открыли огонь на близкой дистанции. 2-му подразделению 65-го полка полевой артиллерии и 1-й и 3-й батареям 55-го пехотного артиллерийского полка удалось своим огнем вынудить неприятеля укрыться в траншеях и в воронках от снарядов на позициях Соммы. ...Тем временем в Солшой три роты 1-го гренадерского батальона совместно с 7-й батареей полевой артиллерии самостоятельно отражали повторные яростные атаки англичан. Наступил полдень. Как можно было добиться крупного успеха? Батальон стоял перед дилеммой: держаться ли в Солшое и защищать этот пункт от лобовых атак англичан или пробиваться в направлении Эршэ на соединение со своими частями. Было решено остаться. ...Если дивизии имели, таким образом, возможность непрерывно подавлять постоянно возобновлявшееся сопротивление неприятеля, то этим они в значительной степени обязаны сопровождавшим их батареям, самоотверженная помощь которых стоит выше всякой похвалы...

Эти выдержки ясно показывают, что продвижение германцев было всем, чем угодно, но не легкой прогулкой. Оно было достигнуто только благодаря огромному превосходству в людях и в артиллерии. Когда наступление зашло так далеко, что превосходство сошло на-нет, оно замедлилось и остановилось. «Упрямый британский солдат», по словам Ветцеля, полностью оправдал то качество твердости, которое ему приписывали. Но справедливость требует добавить, что французские войска, бросившиеся на помощь разбитой пятой армии, оказались достойными репутации искусных и храбрых бойцов.

Таким образом, германское наступление было задержано на достаточный срок, чтобы оба штаба могли решить, которому из них следует послать необходимые подкрепления. Немцам был нанесен тяжелый урон, в результате которого они обнаружили, что огромные резервы, собранные позади передовых линий, оказались недостаточными, чтобы раздавить и смести этот беспорядочный сброд упорных британских солдат, которые не убегали, а задерживали неприятеля.

В конце концов Амьен был спасен. Предположение Хейга и Петрена, что британская армия откатится к северу, а французская — к югу (что соответствовало планам Людендорфа), не оправдалось. Между британской и французской армиями не открылось никакой брешы, и таким образом первый большой германский натиск окончился неудачей. Этого результата удалось достигнуть благодаря непоколебимой стойкости британских солдат и строевых офицеров. Своей неустрашимой доблестью они загладили ошибки своего начальства. Это была битва солдат. Слава и честь всецело принадлежит

им. Ветдель был прав, предупреждая Людендорфа не рисковать последним шансом на восстановление успеха центральных держав и не рассчитывать на то, что, используя стратегическую неопытность и тактическую глупость британских генералов, он сможет раздавить выносливость британского солдата.

Но великое наступление отнюдь не было окончено. Первый натиск был задержан, но повесенный союзниками урон намного превышал урон, нанесенный ими самими неприятелю в любом из сражений на западном фронте с момента начала войны. Престояло еще выдерживать другие крупные атаки, вести другие большие сражения, нести другие тяжелые поражения, переносить другие тяжелые потери. Потерпев поражение в описанном немецком наступлении, союзники поставили перед собою задачу превратить это поражение в решительную победу и заставить немцев немедленно отступить из страны, которую они занимали в течение трех лет. На протяжении трех лет немцы отражали все наши попытки выбить их с позиций, устроенных с таким умением, что они успешно удерживали их даже в том случае, когда противник превосходил их численно в полтора раза. Год за годом эти позиции укреплялись всеми способами, на которые были способны военные инженеры. Можно ли было штурмовать эти позиции теперь, когда союзники в лучшем случае не могли рассчитывать на численное превосходство, которое можно было бы сравнить с превосходством 1916 и 1917 гг.? Русская катастрофа и Брест-литовский договор освободили так много германских дивизий, что даже ожидавшиеся подкрепления американских войск не могли восстановить равновесие настолько, чтобы дать союзникам такой же перевес, какой они имели в годы Соммы, Шмен де Дам и Пашенделя. Существовала ли при таких условиях какая-нибудь надежда добиться успешной развязки в 1918 г.? В то время я не встречал ни одного военного или штатского, который верил бы в эту возможность. Исчезли последние остатки оптимизма, которым каждый из них обладал раньше. Никто не отдавал себе полного отчета в перемене положения, которое наступило вследствие объединения командования армиями союзников в руках человека, обладавшего гением военного руководителя. Нам вскоре предстояло увидеть произошедшие в результате объединения командования перемены в области боевой мощи французской и британской армий.

К первому апреля Людендорф пришел к заключению, что он не мог добиться реального успеха в направлении Амьена и что наступило время привести в исполнение другую часть его плана и нанести удар в другой точке британского фронта. Он выбрал долину реки Лис — вариант первоначального германского плана внезапного наступления на фландрском фронте в направлении Хэйзбрюгена и Санкт Омара, которому высшее командование присвоило шифрованное название «Св. Джордж». Второй вариант был назван немцами «Джорджеттой». Участок линии, по которому Людендорф нанес первый удар, удерживался португальской дивизией. Очень много несправедливых колкостей отпускалось по адресу португальских

войск, по поводу их слабой боеспособности. За некоторое время до этой атаки я видел, как батальон португальских солдат маршировал на фронт. Если говорить о рядовых солдатах, то они произвели на меня прекрасное впечатление коренастых, хорошо сложенных и имеющих франтоватую и боевую выправку бойцов. Но их офицеры, повидимому, не стояли наравне с солдатами по своей выправке и выносливости. Они были или неудачно подобраны или плохо обучены. Веллингтон нашел, что из португальского крестьянина получается первоклассный солдат, если его вымуштровать и если им руководят хорошие офицеры, многие из которых были наемниками из ветеранов нашей армии. Победа при Будзако была в значительной мере обязана упорному сопротивлению, оказанному португальцами некоторым из наилучших войск великой армии во главе с одним из самых известных маршалов Наполеона. Что бы ни думали о природных качествах португальских офицеров, участвовавших в этой войне, надо учесть, что они никогда не получали подготовки, которая делала их пригодными к занятию командных постов в великой войне. Более того, португальские части незадолго до этого пострадали в результате политических перемен на их родине. Министерство, которое от имени Португалии вступило в войну, было свергнуто. Его преемники не проявляли особого усердия в продолжении ее. В результате получилось, что маленькая португальская армия во Франции за последние несколько месяцев была совершенно заброшена в отношении пополнения людьми и материального снабжения и, что хуже всего, в отношении поощрения. Но будь португальцы даже лучшими офицерами и будь их дивизия самой богато оснащенной на поле сражения, они не смогли бы в тех условиях оказать успешное сопротивление такой страшной атаке. В португальской армии было некоторое количество офицеров и солдат, симпатизировавших точке зрения, которой придерживался новый министр в Лиссабоне. Они были настроены против войны. Но это не послужило единственной причиной их бегства. Основной причиной всего происшедшего была непостижимая небрежность, проявленная нашим командованием. Генерал Горн, командующий второй армией, получив предупреждение, что очередная генеральная атака произойдет в этом секторе, решил вывести португальский корпус с передовых позиций и заменить его двумя британскими дивизиями. Но глупости он снял только одну дивизию и, таким образом, оставил участок линии, который раньше удерживался корпусом из двух дивизий, под охраной только одной португальской дивизии, имевшей в качестве резерва одну бригаду второй дивизии. Предполагалось снять их 9-го и заменить двумя британскими дивизиями. Прежде чем удалось осуществить эту замену, внезапно началась атака. Последующие события были бы неизбежны при наличии любых войск.

Португальцы были застигнуты врасплох в тот момент, когда они собирались уходить. Они подверглись жестокому артиллерийскому обстрелу и атаке германских войск, значительно превосходивших их по численности. Они дрогнули, и, естественно, их отход превратился в стремительное бегство.

Но для маленькой нации, имеющей признанную, почетную репутацию доблести и отваги на море и на суше, позволившую ей на протяжении веков сохранять независимость своих гор от посягательств могущественного воинственного соседа и сделаться пионером в области исследований в неизвестных морях и странах Запада, довольно тяжело нести пятно позора за поражение, которое следует полностью отнести на счет тупости генерала другой страны.

Фланги британских дивизий по обе стороны от португальцев оказались незащищенными, и отступление стало неизбежным на значительной линии фронта. В течение одного дня немцы проникли вглубь на 6 миль. Сражение распространялось вправо и влево, захватывая все более и более широкий фронт. Немцы стремились овладеть железной дорогой, проходившей с севера на юг за британским фронтом. Захват этой дороги имел бы тяжелые последствия. Он весьма сильно усложнил бы оборону британских позиций, делая затруднительной быструю доставку английских и французских подкреплений с юга. К счастью, германская атака на Живинши, предпринятая на нашем правом фланге, потерпела полную неудачу. Если бы она увенчалась успехом, немцы достигли бы результатов, которые им не удалось осуществить при их первой крупной атаке к югу от Арраса. Они обошли бы фланг британских войск и смогли бы вызвать отход последних. Но яростный германский натиск в этом пункте был отбит с тяжелыми для них потерями, благодаря великолепному сопротивлению, оказанному 55-й западной ланкаширской дивизией под командованием генерала Джедуайна. Это был один из прекраснейших военных подвигов, который в значительной мере способствовал неудаче великого германского наступления. Ланкашир имеет право гордиться сопротивлением, оказанным манчестерцами во время атак на пятую армию, которое так сильно помогло задержать германское продвижение в марте, так же как и сопротивлением ланкаширцев у Живинши, которое сорвало в апреле попытку немцев решить одну из основных своих стратегических задач.

Однако, хотя на этом важнейшем участке фронта германская атака и потерпела неудачу, на других участках немцы продвигались вперед со скоростью, которая внушала тревогу. Сначала полагали, что эта атака была только демонстрацией. В таком духе о ней было сообщено кабинету министров, который получил информацию, что наш фронт хорошо укреплен. На следующий день сообщения из генерального штаба гласили, что атака была «более значительной», чем предполагалось вначале. Допесенния, получаемые нами из штаба по поводу хода сражения, приводили на память те первые оптимистические сводки, которые поступили о сражении 21 марта. В первые один или два дня сражения при Амьене не было «поводов к беспокойству». Двумя днями позже нашей единственной надеждой было отступить на север. В данном случае мы имели те же резкие переходы от надежды к панике. Один момент атака оказывалась только ложной, а вслед за этим генеральный штаб ударялся в противоположную крайность пессимистических предчувствий и приходил к заключению, что быстрое продвижение немцев ставит в не-

посредственную угрозу порты Ламанша. Было естественно, что, получив подобные сообщения, кабинет встревожился и решил довести до сведения Клемансо, что считает совершенно необходимым, чтобы французы рассматривали часть нашей линии, как часть их фронта сражения. Мы решили также, что «если в этом отношении наши требования будут удовлетворены, то, чем меньше будут мешать генералам, тем лучше».

Когда Фош узнал о случившемся, он немедленно бросился в наш генеральный штаб. Он не вполне разделял наши опасения и весьма неохотно отдавал резервы, которые собирал для контрудара. Тем не менее он обещал помощь французов. Начальник нашего генерального штаба был удовлетворен этими мероприятиями. Но на второй день сообщения с фронта уже не содержали указаний на непосредственную угрозу. Скрытая сила наступления была невелика. Имелись указания, что немцы атакуют только 8 дивизиями и что наши фланги были хорошо укреплены.

Когда началось это наступление, Фош только что получил назначение на пост главнокомандующего тремя союзными армиями на западном фронте. До получения этого назначения он был лишен возможности дать необходимые приказы о формировании резерва. Но в рассматриваемом случае он действовал быстро и дал приказ о переброске пяти французских дивизий для помощи английской армии.

Ввиду испирированных сэрм Фредериком Морисом нападок на правительство в печати и в парламенте интересно привести отрывки из доклада, представленного кабинету руководителем военными операциями 10 апреля о сравнительной численности германской и союзнической пехоты на западном фронте на это число.

«Руководитель военными операциями привел некоторые подробности соотношений сил союзной и неприятельской армий на западном фронте в настоящий момент. В переводе на дивизии неприятель имел 199 дивизий против наших 167. Предполагалось, что потери неприятеля составляли 200 тысяч человек и что неприятель имеет в настоящее время 1370 тысяч человек пехоты. Шесть или семь дивизий, доставленные с начала сражения из России, можно было считать возмещением потерь неприятеля».

Это был необычайный подсчет. Семь дивизий, даже полностью укомплектованных, не составили бы больше 63 тысяч пехотинцев. Как могли они возместить потери, составляющие в итоге 200 тысяч человек?

«На стороне союзников французы ввели в бой две дивизии, а мы ввели одну, но пять наших дивизий и португальская дивизия были разбиты, что уменьшило количество пехоты союзников до 1450 тысяч человек».

Руководитель военными операциями был того мнения, что неприятель, готовя наступление, подготовил вместе с тем ре-

зервы для замены всех выбывших людей. Он имел 400 тысяч человек подкрепления наготове перед началом наступления. Дополнительно он имел возможность отозвать из своих дивизий на Востоке до 100 тысяч человек. Более того, немцы отозвали все свои войска, которые находились в Македонии и Италии, и это было доказательством того, что в настоящем сражении они концентрировали каждую унцию своей силы. Против подобных сил неприятеля французы имели 250 тысяч человек в казармах, и мы имели 200 тысяч человек, включая возвращающихся из отпуска. С 21 марта 1918 г. мы послали на фронт 110 тысяч человек пехоты и от 20 до 30 тысяч других специальностей, кроме людей, возвращающихся из отпуска*.

Было указано, что присылка дивизий с русского фронта могла быть уравновешена стотысячной армией Соединенных штатов, которая в скором времени должна была прибыть во Францию.

Даже этот благоприятный доклад о сравнительных силах войск противников ограничивался пехотой. Морис не принимал во внимание нашего решающего перевеса в людях и снаряжении, в орудиях, аэропланах и танках, который увеличился с 21 марта, и он, конечно, совершенно игнорировал существенное обстоятельство, что наши войска гораздо лучше питались. Военное значение этого последнего фактора сказалось во время двух последних наступлений благодаря двум поразительным фактам. Во-первых, продвижение германской пехоты серьезно задерживалось из-за того, что голодающие солдаты грабили захваченные продовольственные склады; во-вторых, когда эпидемия инфлуэнцы, — которая прошла по всему миру и вызвала больше смертей, чем даже великая война, — достигла германских окопов, плохое питание солдат сделало их более подверженными разрушительному действию этого ядовитого микроба, чем хорошо питавшихся английских солдат. Их потери от этой болезни были поэтому исключительно велики.

На том же совещании кабинета военный министр сообщил, что наши общие потери людского состава в великом сражении составляли между 21 марта и 6 апреля 150 тысяч человек. Наши потери были уже возмещены людьми, которых мы послали во Францию после 21 марта, и теми, которые были доставлены из Италии.

Фош не считал второе наступление столь же опасным, как мартовское наступление. Последнее потребовало от немцев многих недель тщательной подготовки. Они подвезли 63 дивизии непосредственно к фронту наступления, сконцентрировали позди своих атакующих войск тысячи орудий с огромными запасами снарядов, возвели новые аэродромы и госпитали. На протяжении ряда месяцев готовилось гигантское наступление на намеченном уча-

* Это составляло свыше 200 тысяч человек.

стке фронта. В наступлении при р. Лис не было явной подготовки к крупной атаке. В первом нападении участвовали 8 германских дивизий без крупных резервов за их спиной. Существуют значительные доводы в пользу той точки зрения, что это наступление первоначально было ограниченной атакой на слабый участок нашей линии, предназначавшейся для отвлечения французских и английских резервов из зоны, где должно было развернуться очередное крупное наступление. В этом отношении первая сделанная Хейгом оценка атаки, как демонстрации, была обоснованной. Такова была также точка зрения Фоша. Вот почему он ни на один момент не потерял головы, когда наступление привело к неожиданному успеху немцев, благодаря эпизоду с португальцами. Фош не хотел играть на-руку немцам, посылая на север больше французских дивизий, чем было абсолютно необходимо, чтобы помешать немцам прорваться к портам Ламанша. Немцы были отвлечены от их первоначального плана легкостью, с которой они пробились через брешь, созданную отходом португальцев. Немцы подбросили свои резервы с юга, чтобы использовать достигнутое ими преимущество. Они были пойманы в ловушку, приготовленную ими для союзников. Для атаки было израсходовано больше резервов, чем для обороны. Фош отказался войти в яму, вырытую для него Людендорфом, но сам германский командующий в момент восторга, вызванного легкой победой над одной португальской дивизией, бросился очертя голову в свою собственную яму. Он был не первым военным руководителем, которого привел к гибели убегающий враг.

Приманка, какой являлись порты Ламанша, была ослепительно заманчивой: занятие немцами портов Ламанша сказалось бы на доставке наших войск и припасов во Францию; занятие портов имело бы, кроме того, моральную ценность для немцев, вызвав растерянность и отчаяние в Англии; будь порты захвачены, Ламанш мог бы быть закрыт для нашего сквозного судоходного сообщения с Лондоном, что само по себе являлось серьезным фактом. Оккупация Калэ и мыса Гринз немцами впервые сделала бы Англию доступной для германских пушек. Париж обстреливался пушкой, которая бросала свои снаряды с дистанции, превышавшей 50 миль. Морские орудия могли бы стрелять через канал. По этим причинам второе германское наступление произвело более глубокое впечатление на общественное мнение в нашей стране, чем даже первое. Немцы в Амьене — это было достаточно скверно, но немцы на территории на виду наших собственных берегов — это было бесконечно более тревожной перспективой. И по мере того как немецкая армия в течение трех недель продвигалась вперед, когда один за другим в немецкие руки переходили хорошо известные города (Армантьер, Мервиль, Невшатель и Байель были более известны в Англии, чем Мондидье, Баном, Вилье-Бретонне или даже Амьен), определенная тревога распространялась по стране. Тогда-то Хейг написал свое знаменитое обращение к войскам, в котором он выразился, что они «сражались, будучи приперты к стене». К 12 апреля он был глубоко встревожен создавшимся положением, и его тревога передалась английскому кабинету. Следствием по-

добного настроения явилось представление, сделанное английским кабинетом французскому правительству по поводу срочной необходимости во французских подкреплениях. Фош, однако, сохранял спокойствие и не только спокойно, но и с надеждой смотрел на германское продвижение через р. Лис. Он твердо придерживался мнения, что немцы играли союзникам на-руку. Он решительно отказывался опрометчивыми действиями нарушить свои окончательные планы. Он исходил из того, что немцы растрачивали свои резервы на достижения нереальных и дорогостоящих побед в том направлении, где, по его убеждению, немцев можно было остановить раньше, чем они достигли бы жизненно важных пунктов. Придерживался такого мнения, он рисковал. Но сама война есть риск, а здравая стратегия и тактика заключаются в том, чтобы определить, на какой риск следует идти. Фош послал пять французских дивизий на север. Позже он отправил еще несколько, но к этому времени немцы оттянули свои лучшие резервы с юга, чтобы использовать ошибку, на этот раз их собственную. Расчеты Фоша полностью подтвердились событиями. Наступление на р. Лис разрушило германский план второго наступления в направлении Амьена. Фош считал, что немцы не имели никаких шансов прорваться к портам. В лучшем случае их численность была только равна численности союзников. В мартовском наступлении, когда немцы были тщательно подготовлены, а союзники — нет, так как были ослаблены разногласиями среди командного состава, они проникли только на 40 миль за линию союзников и были затем остановлены. При более слабых силах немцев и при тщательной подготовке союзников было мало шансов на немецкое продвижение вглубь союзного фронта. Кроме того местность была менее удобна для атаки. На севере немцы могли быть удержаны затоплением местности, а равнина р. Лис в это время года была болотистой. Гинденбург так описывает затруднения, испытанные германскими войсками при их продвижении:

«Наши штурмовые войска подымались из своих залитых грязью траншей на р. Лис от Армантьера до Ла Бассэ. Конечно, они шли не большими колоннами, а главным образом маленькими отрядами, которые брели по колено в трясине, изрытой снарядами и минами, и пробирались к неприятельским линиям между глубокими воронками от снарядов, наполненными водой, или следовали по немногим твердым шоссе... Только с величайшими трудностями удавалось продвинуть несколько фургонов со снаряжением вслед за пехотой».

По мере дальнейшего продвижения их затруднения увеличивались:

«Трудности коммуникации через долину р. Лис, которые приходилось преодолевать нашим войскам, ведущим атаку с юга, были подобны цепям на нашей шее.

Боевые припасы удавалось подвозить в совершенно недостаточных количествах; только благодаря покинутым неприятелем продовольственным запасам нам удавалось надлежащим образом прокормить наши войска».

В этом положении:

«Германская пехота чрезвычайно тяжело пострадала в борьбе с неприятельскими пулеметными гнездами, а затем возникла угроза полного истощения, если бы немецкие войска во-время не приостановили своей атаки».

Потери немцев были гораздо более тяжелыми, чем потери оборонявшихся. Немцы несли большой урон офидерами и солдатами. Подобные потери нельзя было компенсировать. Все изложенное подтверждало правильность стратегии Фоша. Германские резервы и рекруты гибли в наступлении, которое отнимало драгоценное время и непоправимо ослабляло их резервы, предназначенные для будущих активных действий.

После краткой передышки для восстановления и пополнения своих измученных войск немцы возобновили атаки, главным образом в северном направлении. Они подвезли с юга свежие дивизии, и одно время атаки немцев опять стали успешными. Тогда-то генерал Плюмер принял весь оборонительный фронт от Ла Бассе до моря. Его первым мероприятием, на которое, однако, он согласился с большой неохотой, была переброска всех войск с пашендельского участка и занятие линии фронта, которую британские войска удерживали задолго до этого дорогого стоившего сражения. Это мероприятие не только увеличивало находившиеся в распоряжении генерала Плюмера резервы, но и опрокидывало германские планы на крайнем севере нашего фронта. Немцы готовили сильный удар, имевший целью отрезать участок на крайнем севере нашего фронта и захватить дивизии, которые удерживали его. Отвод союзных войск состоялся тайно за одну ночь до атаки немцев. Бесплодная территория, на захват которой было потрачено 4 месяца ужасных боев и 400 тысяч жизней, была покинута в одну ночь. Завоевание ее было кошмаром; отказ от нее — облегчением. Когда германские войска достигли Лангемарка, они не обнаружили для захвата ничего, кроме болотистого треугольника, на котором в течение пяти месяцев они били британскую армию.

В это время Фош прислал мне личное послание, которое отражало степень его уверенности в отношении исхода борьбы. Беседуя с ним в Бовэ, я задал ему вопрос, кем бы он предпочел быть тогда и от кого вести игру: за свой собственный счет или за счет Людендорфа? Он обещал дать мне ответ, как только получит возможность ознакомиться с положением в целом и будет иметь время сравнить ресурсы армий противников. Это было 4 апреля. 17 апреля я получил от него послание, что «если бы ему пришлось выбирать между игрой за свой счет или за счет Людендорфа, то в том случае, если бы ему было нужно попасть в Берлин, он предпочел бы играть за Людендорфа; но, поскольку его целью было разбить Людендорфа, он предпочитает играть сам за себя».

Но битва на севере была далеко не закончена. Каково бы ни было первоначальное намерение германского высшего командования, атака развернулась в крупное наступление, цель которого далеко

превосходила первое открыто выраженное намерение поглотить резервы союзников и отвлечь союзные дивизии к северному концу линии, где их коммуникации были хуже, чем у неприятеля. Однако даже в этот период цель наступления не была ясно осознана германскими командирами. В данном случае скорее существовала идея: «заранее ничего сказать нельзя». Британская армия может быть разбита; порты Ламанша могут быть захвачены, и, в лучшем случае, французы могут оказаться вынужденными послать свои резервы на северный участок фронта, чтобы предупредить катастрофу. И в самом деле, чего не случается, когда начинаешь брать верх над неприятелем. В надежде на подобную победу к атакующим подвозились крупные подкрепления, частично с русского фронта, но главным образом с французского, путем замены одних частей другими. Постепенно немцы отнесли нас в направлении Хейзбрюкена. Они уже захватили Мессинскую дорогу; теперь они атаковали и захватили еще большую часть возвышенной местности на западе. По мере того как неприятель приближался к равнинам севера, положение становилось все более серьезным. Под давлением происходящих событий Фош послал из французской армии свежие подкрепления на помощь некоторым из наших батальонов, находившимся в тяжелом положении. Немцы еще раз предприняли отчаянную попытку развернуть свой левый фланг путем повторной атаки на фронте Живинши. Атака была отбита более слабыми британскими силами с тяжелыми потерями для немцев. На другом фланге германский натиск имел больший успех. Были отданы распоряжения приступить к затоплению местности, чтобы защитить Дюнкирк и Калэ от атаки со стороны Изера.

В разгаре наших тревог кабинет получил от разведывательной службы военного министерства сведения, которые показывали, что, каковы бы ни были наши опасения, у немцев они должны были быть еще значительнее. В этой опаснейшей схватке с англичанами и французами были уже использованы силы, равные 208 германским дивизиям. Из них 151 дивизия сражалась с британскими войсками, а 57 дивизий — с французскими. Для замены у немцев оставалось 63 дивизии, тогда как французы и англичане имели 66 дивизий. При этом подсчете не принимались во внимание четыре дивизии американских войск, находившиеся уже на линии фронта, а также не учитывались американские подкрепления, часть которых заканчивала военную подготовку и экипировку во Франции и могла быть использована в особо неотложном случае для пополнения поредевших дивизий. Помимо этого во Францию еженедельно привозилось 30 тысяч молодых американских рекрутов. В скором времени эта цифра должна была возрасти до 40 тысяч в неделю. Теперь резервы союзников определенно превосходили резервы, имевшиеся в распоряжении немцев. Задача заключалась в том, чтобы в течение ближайших двух недель усилить этот численный перевес, и поэтому не следовало предпринимать слишком рискованных операций. Несмотря на это существенное соотношение, Фош, побывав в районе сражения, пришел к заключению, что он должен уделить несколько

своих резервных дивизий для британского фронта. Опасения британского главнокомандующего были, естественно, несколько преувеличены, но ни в какой мере не являлись необоснованными. Он считал, что свежие французские дивизии, отправляемые на север, могли оказаться необходимыми для задержки яростного германского натиска на жизненно важный бастион выше Изера.

Немцы отобрали важную высоту — холм Кеммель — у французской дивизии, заменившей измученную британскую дивизию. Но дальнейшее германское продвижение в этом направлении было приостановлено британскими и французскими силами. Последняя попытка немцев захватить возвышенность на севере была отражена объединенными французскими и британскими войсками. В этом решающем сражении французы контратакой отбросили неприятеля на милю за исходную линию наступления. Немцы ввели в этот бой свои последние свежие дивизии, находившиеся на их северном фронте. Их потери в этом сражении были исключительно велики.

Тем временем мы получили удовлетворяющие нас сведения о действии, оказанном непредвиденным наступлением немцев на их первоначальные планы. Вторая атака, первоначально задуманная ими и ожидавшаяся нами в направлении Амьена, свелась к сравнительно мелкой операции, в которой для захвата Вилье-Бретонне и продвижения германского фронта на возвышенную местность над Амьеном были использованы четыре дивизии. Вначале эта операция имела некоторый успех, и немцы уже видели шпиц великого собора. Но они не имели в этой жестокой атаке значительного перевеса сил. Их резервы завязли в трясинах реки Лис. Блестящей контратакой, произведенной объединенными британскими и австралийскими войсками, Вилье-Бретонне был возвращен.

К концу апреля немцы пришли к заключению, что, с точки зрения основных целей, их великое наступление на севере не удалось и что настало время от него отказаться. Им не удалось ни уничтожить британской армии, ни достигнуть портов Ламанша. Теперь они решили концентрировать свое внимание на французской армии. В результате своих побед они приобрели еще один участок британского фронта, и на протяжении нескольких недель платили тяжелую дань британской артиллерии, которая обстреливала их с двух сторон. В продолжение некоторого времени союзники не знали о затруднениях, испытываемых их страшным врагом в его продвижении по завоеванной им болотистой местности. Опасения дальнейшего натиска продолжали тревожить умы тех, кто в первую очередь нес ответственность за организацию обороны в районе сражений. Между союзниками велись серьезные дискуссии по поводу тех действий, которые должна была бы предпринять британская армия в случае, если бы немцам удалось настолько оттеснить нас, что дальнейшая оборона портов Ламанша оказалась бы невозможной. Следовало ли нам отступать в Калэ, Булонь и Дюнкirk и готовиться к переправе войск и военного снаряжения в Англию, или наша армия должна была бы соединиться с французской армией на юге и предоставить порты их собственной судьбе, как французы и мы сами сделали в 1914 г.? Если бы военное

решение было в пользу отступления к портам, то надлежало своевременно начать приготовления на этот возможный случай. Нужно было собрать достаточное количество судов в удобных портах, чтобы иметь их наготове. Сэр Дуглас Хейг и сэр Генри Вильсон стояли за последний вариант. Адмиралтейство настаивало на необходимости удерживать порты до самого последнего момента. Если бы Калэ перешел в руки неприятеля, то Дувр не мог бы служить морской базой для операций наших подводных лодок в Ламанше. Я думаю, что Петэн стоял за повторение прецедента, имевшего место в 1914 г., т. е. за отступление к югу на соединение с французской армией.

В то время когда происходили эти дискуссии, в Аббевилле состоялось заседание верховного совета, на котором, помимо всего прочего, должен был решаться и этот вопрос. На конфиденциальном совещании, созванном в доме префекта до открытия официального заседания совета, присутствовавшим генералам было предложено высказать их точки зрения. Фош не принял участия в дискуссиях. Когда его попросили высказаться по этому вопросу, его единственным ответом была сердитая, дважды или трижды повторенная фраза «не бежать». Он не хотел даже обсуждать возможности отступления. Союзники должны отказаться от всякой мысли об отступлении. Нужно отстаивать каждую пядь земли. Он не хотел отвечать на частные вопросы, исходящие из предположения о вынужденном отступлении. С психологической точки зрения это было прекрасным и стимулирующим жестом. Нельзя хорошо сражаться, думая об отступлении.

В тот самый момент, когда мы обсуждали возможность германского прорыва, как практическую проблему, требующую принятия практических предупредительных мер, немцы решили отложить дальнейшие операции во Фландрии до того времени, когда они разделяются с французской армией. Мы знаем и очень живо чувствуем наши собственные неприятности; поэтому мы склонны к их преувеличению. Мы не всегда в такой же мере сознаем затруднения других людей и меньше всего затруднения наших врагов. Мы или не подозреваем об их существовании, или склонны ошибаться в оценке их характера.

Сражение при р. Лис было одной из крупнейших стратегических ошибок германского высшего командования. Людендорф предупреждали, что до весны местность на севере непригодна для крупного наступления. Тем не менее, он послал отборные дивизии своей последней армии хлопотать по залитым водой лугам, пересеченным канавами и дренажными каналами. Он признает, что только с трудом ему удавалось подвозить артиллерию для поддержки пехоты и что в связи с этим многие дивизии не проявляли желания идти в атаку. Невозможно было доставлять даже провиант, не говоря уже об орудиях и боеприпасах. Голодные войска тратили время, рыская в поисках какой-нибудь еды. В таком наступлении, какое вел Людендорф, быстрота составляла основу успеха. В течение одной недели во время мартовского наступления на Сомме немцы проникли почти на сорок миль вглубь британских линий. После трех недель ожесточен-

ных боев на фронте р. Лис самая дальняя точка проникновения была на 12 миль. Германскому главнокомандующему следовало учесть неудачи наших атак во Фландрии в прошлом году. Это должно было показать ему, что быстрое передвижение современных армий с их громоздким оснащением неосуществимо в болотистой местности. Странным совпадением является то, что два самых выдающихся генерала периода мировой войны, один британский и один германский, вынуждены были почти уничтожить свои армии, упорно ведя большие сражения в трясины. Оба прельстились надеждой, что, после того как им удастся захватить возвышенную местность за болотом, остальное будет легким делом. Если бы летом и осенью 1917 г. Людендорфа спросили, каким образом он хотел бы довести британскую армию до полного истощения, он не мог бы выбрать лучшего способа заставить ее потерять все шансы на успех, чем кампания, в которую ее втянули ее собственные военные руководители.

Если бы Фоша спросили, как ему хотелось бы, чтобы немцы использовали все, что оставалось от их огромных резервов после сражения при Амьене, он не мог бы выбрать более удачного плана, чем послать лучшую армию Людендорфа, по его (Фоша) образному выражению в «поход уток» по фландрским низинам, где быстрое передвижение было невозможно вследствие застревания обозов с боеприпасами. Это дало бы Фошу время, необходимое для создания крупных союзных резервов, чтобы нанести сокрушительный удар по истощенным неприятельским силам.

Наши потери в этих двух крупных сражениях были велики, но потери неприятеля были еще большими. Для получения цифр наших или неприятельских потерь нам не приходится больше прибегать к приблизительным подсчетам. Обе стороны располагают официальными статистическими сведениями. Людендорф жалуется на то, что ввиду нехватки рекрутов эти потери неприятно давали себя чувствовать. К союзникам начали прибывать американские подкрепления, которые с избытком пополняли недостаток людей в армиях союзников. Сражение при р. Лис дало время организовать вновь прибывающих американцев в действующую армию.

Германская армия была настолько обессилена и истощена, что ей пришлось в течение месяца отдыхать и пополнять свои ряды, прежде чем она стала способной к очередному походу. Эта месячная передышка была неоценима для нашей армии, которая до этого беспрерывно сражалась на протяжении шести недель. Тем временем, американские войска, в большинстве боеспособные солдаты, доставлялись на британских судах по 25 тысяч человек в месяц, а находившиеся уже во Франции американские войска совершенствовали свою военную подготовку. Таким образом, к тому моменту, когда немцы подготовились к очередной атаке, пять американских дивизий, из которых каждая по численности втрое превосходила германские дивизии, были готовы принять участие в вооруженном столкновении. Но важнее всего было вероятно то, что Фош имел время разработать план подготовлявшегося им большого контрудара и произвести необходимые приготовления, чтобы нанести его в благоприятный момент,

ПРИЛОЖЕНИЕ

Выдержка из отчета о втором заседании пятой сессии Верховного военного совета, состоявшегося в четверг, 2 мая 1918 г. в Аббевилле

Г-н Клемансо сказал, что синьор Орландо имеет основание возбудить вопрос о соглашении в Бовэ. Это соглашение не было представлено итальянскому правительству для формального принятия его. Французское, британское и американское правительства согласились назначить генерала Фоша верховным главнокомандующим армиями союзников во Франции на определенных условиях. Генерал Фош имеет письменное назначение, составленное г. Пуанкаре и завизированное г. Клемансо. Весь вопрос заключается в том, должна ли власть генерала Фоша распространяться на итальянские войска и согласится ли итальянское правительство на такое расширение его (Фоша) полномочий.

Синьор Орландо сказал, что он уже изъясил свое согласие. Когда армии, сражающиеся в Италии, достигнут того же состояния, в каком находятся армии, сражающиеся во Франции, Италия согласится на назначение единственного генерала над итальянским главнокомандующим, и этим генералом должен быть генерал Фош.

Г-н Клемансо заявил, что такая формулировка слишком расплывчатая. Кто должен быть судьей в этом вопросе? Он полагает, что против предложенной линии нет никаких возражений при том непременно условии, что в случае отдачи генералом Фошем приказа, которое итальянский главнокомандующий сочтет противоречащим интересам находящейся под его командованием армии, он сможет апеллировать к своему правительству. Эта оговорка имела в соглашении в Бовэ. Кроме того, соглашение касалось командования армиями союзников только во Франции, но не в Америке и не в Великобритании.

Синьор Орландо полагал, что весь вопрос зависит в значительной мере от единодушия, существующего между заинтересованными генералами.

Г-н Клемансо считал, что, поскольку американское правительство согласилось на управление генералом Фошем американскими войсками во Франции, не было никаких оснований к тому, чтобы итальянское правительство не стало на ту же точку зрения.

Синьор Орландо заявил, что вышеуказанное соглашение в его существующем виде касается трех армий во Франции. Если бы в какой-нибудь момент в Италии оказались три союзных армии, которым предстояло бы выдержать большое наступление противника, то тогда, он полагает, его правительство приняло бы принцип верховного командования.

Генерал Фош указал на заявление синьора Орландо, что если бы в какой-нибудь момент союзные армии сражались бок-о-бок в Ита-

ли, то тогда должен был бы существовать верховный главнокомандующий. Но если даже это и не было так, то, по его мнению, было чрезвычайно важно, что Италия согласилась и приняла такую же систему координации, как та, которую другие союзники имели во Франции. В интересах генерала Диаза было знать, какова в данное время ситуация во Франции, и каковы там планы союзного командования. В равной степени верховный главнокомандующий во Франции должен точно знать, какова ситуация в Италии, чтобы в соответствии с этим строить свои планы. Единственно правильным решением, насколько ему кажется, является применение системы координации к Италии. Это отнюдь не означает распространения принципа верховного командования на Италию, а только указывает на точную координацию всей системы.

Синьор Орландо заявил, что накануне он пытался ясно высказать свое мнение, указав, что соглашения в Бовэ можно рассматривать под двумя углами зрения:

1. Оно установило принцип эффективного командования союзными войсками на одном и том же театре военных действий.

Применение его в настоящее время не выходит за пределы Франции, но он примет этот принцип, когда сочтет необходимым распространить его на Италию.

2. Применение принципа координации ко всем союзным армиям. С этим он также готов согласиться, но желает указать, что до сего времени он был только третьей стороной в переговорах, а не одной из договаривающихся сторон в соглашении в Бовэ.

Г-н Ллойд Джордж сказал, что он проводит различие между координацией и функциями генерала Фоша в качестве верховного главнокомандующего. Соглашение, достигнутое в Бовэ, является известным шагом вперед по сравнению с тем, которое было заключено в Дуллане. В качестве генералиссимуса генерал Фош выполнял во Франции функции, которые не были применимы к итальянской армии. Генерал Фош фактически распоряжался диспозицией войск во Франции. Он (Ллойд Джордж) полагает, что надо предложить синьору Орландо присоединиться не к соглашению в Бовэ, а к дулланскому соглашению, поскольку им достигается координация совместных действий союзников на фронте от Ламанша до Адриатического моря.

Г-н Клемансо сказал, что он согласен с полномочиями генерала Фоша во Франции, которые распространялись на находившиеся там французские, британские и американские войска.

Генерал Фош указал, что дулланское соглашение представляло собой мертвый документ, который был аннулирован соглашением в Бовэ. Он порицал возвращение к жизни похороненного соглашения.

Г-н Ллойд Джордж полагал, что в настоящий момент совет сподручит о двух различных вещах. Он считает, что синьор Орландо, конечно, согласится на то, чтобы генерал Фош командовал теми итальянскими войсками, которые могут находиться во Франции или быть отправлены туда. Лично он пошел бы дальше, и он просит синьора

Орландо согласиться на распространение принципа координации под руководством генерала Фоша на берега Адриатики.

Г-н Клемансо сказал, что это все, чего бы он сам мог хотеть.

Генерал Фош сказал, что дуллавское соглашение касалось координации участков западного фронта. Но соглашение в Бовэ заходило гораздо дальше.

Синьор Орландо сказал, что соглашение в Бовэ имело двоякий характер: оно включало как координацию, так и принцип верховного командования. Лично он согласен с принципом координации.

Глава семьдесят девятая

АМЕРИКАНСКИЕ АРМИИ ВО ФРАНЦИИ

2 апреля 1917 г. президент Вильсон объявил, что отныне Америка находится в состоянии войны с Германией. Я уже указывал, что вначале Америка была совершенно не подготовлена для ведения активных военных операций в достаточно широком масштабе. Вильсон не откликался ни на какие призывы об увеличении военных средств республики, которые могли бы понадобиться, когда обстановка станет угрожающей.

Уже после декларации о вступлении Соединенных штатов в войну приготовления к активным военным действиям велись настолько медленно и вяло, что это казалось совершенно необъяснимым всякому, кто знает бурную энергию и находчивость этого замечательного народа. Даже через год после этой декларации участие могущественной американской республики в нашей борьбе во Франции казалось сравнительно незначительным. Гораздо менее многочисленная британская нация за такой же период успела сделать гораздо больше.

Хочу быть правильно понятым: я говорю, главным образом, о непосредственных военных операциях Соединенных штатов. Финансовая и экономическая помощь Америки была с самого же начала совершенно неоценима. Она приняла значительные размеры задолго до того, как первые контингенты американских войск заняли свое место на линии огня. Точно так же помощь Соединенных штатов на море сыграла большую роль в нашей борьбе с неприятельским подводным флотом. Нам не хватало миноносцев; в этом отношении сотрудничество американского флота оказалось также чрезвычайно полезным.

К концу сентября 1917 г., когда Америка уже почти шесть месяцев принимала участие в войне, общая мощь американского экспедиционного корпуса во Франции составляла 61531 человек, причем ни одна ее дивизия еще не вступила в строй. Америка и Великобритания в одном отношении походили друг на друга. В обеих странах не было обязательной воинской повинности, у них не было обученных военному делу кадров молодежи. Обе страны могли рассчитывать только на небольшие профессиональные армии и общественные организации. Но через полгода после вступления Англии в войну британские экспедиционные силы на западном фронте на-

считали уже 354 750 человек. Первая американская дивизия заняла спокойный участок французского фронта 21 октября 1917 г., почти через 7 месяцев после разрыва дипломатических отношений с Германией. Но кроме этой дивизии, ни одна другая американская дивизия не вступила в строй раньше, чем через 11 месяцев после вступления Америки в войну. Требовалось значительное время, чтобы обучить новобранцев научным методам ведения войны, которые получили уже широкое применение за прошедшие три с половиной года. Эти методы требовали строгой координации действий пехоты, с одной стороны, и пулеметов, траншейных мортир, артиллерийских заградителей, танков и т. п., с другой. Надо было обучить американскую армию военным операциям в условиях траншейной войны, газовой атаки, в условиях сложного оснащения армии, которая становилась все более механизированной. Прилив американских войск во Францию, который принял впоследствии размеры широкого потока, в эти первые месяцы еще только медленно поднимался. К концу октября мы насчитывали во Франции 87 тысяч американцев, к концу ноября — 126 тысяч, в начале 1918 г. — 175 тысяч. Так обстояло дело спустя 9 месяцев после вступления Америки в войну. На этой стадии мы, англичане, уже бросили на различные театры войны 659 104 человека.

Друзья и враги с огромным вниманием следили за этим пока еще медленным приливом новых сил из Америки. Этот прилив стал доминирующим стратегическим фактором в расчетах обеих сторон. Гигденбург и Людендорф, с одной стороны, и Фош и Петэн, с другой, строили свои планы на 1918 год, пристально глядящая в поток молодежи, который приливал к нашим берегам из Америки.

Изучение германских отчетов о войне ясно показывает, что, в конечном счете, именно перспектива растущего притока американских войск заставила германское верховное командование поставить все на карту и начать, в марте 1918 г. безрассудное наступление; надо было во что бы то ни стало добиться решения, прежде чем американские войска придут в Европу. В равной мере перспектива идущих на помощь американских подкреплений позволила французам после крушения нивеллевого наступления и первых вспышек мятежа в их рядах летом 1917 г. удержаться от паники, не впасть в недостойное уныние и перейти до конца года на оборонительное положение в ожидании прибытия американцев, которые в течение 1918 г. должны были изменить положение в пользу союзников. На всех конференциях союзников в течение осени и зимы 1917 г. предположительные цифры будущих американских контингентов фигурировали на первом плане. Еще до того как американцы произвели первые выстрелы на фронте, самое их появление дало моральный перевес союзникам, внесло в их ряды уверенность и надежду.

Осенью 1917 г. эти подкрепления прибывали, однако, с такой медленностью, которая не могла не вызывать разочарования и недоумения. И французы, и мы боялись, что, если темпы не будут ускорены, подкрепления не смогут спасти союзный фронт от грозного германского наступления. Резервуар живой силы во Франции уже

почти истощился, наши источники также быстро иссякали. С другой стороны, Россия уже отпала, и мы знали слишком хорошо, что неприятель сможет перебросить новые огромные силы на западный фронт. С увеличенными паступательными силами центральные державы могли добиться решающего успеха, прежде чем американцы создали бы перевес в нашу пользу. Поэтому ускорение переброски американских сил в Европу стало для нас делом жизни. Мы должны были сотрудничать с Соединенными штатами как можно теснее, чтобы добиться этой цели.

Как я уже рассказывал в другом месте, сейчас же после вступления Америки в войну, Англия и Франция послали миссию в США, чтобы обеспечить правильное сотрудничество и взаимопонимание с этим нашим новым союзником в борьбе. Но уже вскоре стало ясно, что если Америка должна занять подобающее ей место в военном руководстве союзников и оказать общему делу всю помощь, на которую она была способна, необходимо, чтобы выдающиеся деятели непосредственно и оперативно занимались важнейшими проблемами, которые выдвигает война.

Я чувствовал, что географическая отдаленность Америки, а еще более некоторое ее отчуждение объясняют в значительной мере медлительность темпов военной подготовки. Неприятель расположился на французской земле, в нескольких десятках километров от столицы Франции. Германские суда время от времени бомбардировали наши прибрежные города. Германские дельфины совершали палеты на нашу столицу и убивали сотни женщин и детей. И города, и села по ночам погружались во тьму, чтобы не дать ориентировки дельфинам, чтобы не показать им, куда надо сбрасывать их смертоносные бомбы. Все наши крупнейшие города и усадьбы превратились в госпитали, переполненные ранеными, которые прибывали сюда со всех фронтов континента. Все чаще мы встречали женщин, одетых в черное; они оплакивали свои самые непоправимые потери в этой войне. Нам не нужно было произносить речи или выступать с увещеваниями в печати, чтобы напомнить нации, что происходит смертельная схватка с самым грозным врагом, какой когда-либо вызывал нас на состязание. Однако в Англии бывали моменты уныния, что тормозило порой самые срочные мероприятия. Известно, что в моменты самой большой опасности люди иногда засыпают в результате чрезмерного нервного истощения. В самые роковые дни мы должны были принимать особые меры — визиты короля на заводы и т. п., чтобы побудить работников всех категорий усилить темпы. Мы могли поэтому легко понять, что в стране, в которой война не напоминает о себе так упорно и так грозно, нет также и этого вечного стимула спешить и волноваться. Но если невозможно было заставить США услышать шум битв, надо было, по крайней мере, чтобы некоторые из выдающихся американских граждан приехали к нам и сами увидели, как настоятельна нужда. Уже это дало бы некоторые результаты.

Я просил лорда Рединга и сэра Виллиама Уайзмана предложить полковнику Хаузу, чтобы США послали в Европу миссию из круп-

ных военных руководителей. Они должны изучить непосредственно на месте проблемы, связанные с их деятельностью. Уайзмен обратился к полковнику Хаузу с письмом, из которого я привожу следующий абзац:

«Я думаю, что Германия в настоящее время делает свою главную ставку на те три тысячи миль, которые отделяют Лондон от Вашингтона. Поэтому для нас самая срочная задача заключается в том, чтобы оба правительства, находясь на противоположных концах мира, сумели обеспечить теснейшее сотрудничество, которое совершенно необходимо, если мы хотим быстро и победоносно закончить войну. Угодно ли будет президенту рассмотреть вопрос о посылке своих полномочных представителей в Лондон и Париж? Эти представители примут участие на ближайшем большом военном совете союзников. Они со свежей головой обсудят с нами вопросы, которые я выдвигал, а также, если это окажется возможным, те организационные мероприятия, которые помогли бы сократить расстояние между Вашингтоном и театрами войны».

Это письмо датировано 26 сентября 1917 г. Полковник Хауз, который знал европейские условия войны лучше, чем кто-либо из его соотечественников, не исключал и самого президента, сейчас же взялся за дело. В первых числах октября президент Вильсон, наконец, решил, что послать миссию в Европу необходимо; он тогда же решил поставить во главе этой миссии полковника Хауза.

Узнав об этом, министр иностранных дел, от имени и по просьбе всего кабинета, послал полковнику Хаузу 14 октября 1917 г. телеграмму следующего содержания:

«Французский и британский кабинеты поручили мне передать Вам наше сердечное приглашение принять участие во всех собеседованиях и конференциях по вопросам войны и мира. С величайшим удовлетворением узнали мы, что это приглашение, вероятно, будет принято. Я не могу говорить официально от имени итальянцев и русских, но Вы можете считать, что и они разделяют наши чувства...»

Президент Вильсон, однако, был полон той всегдашней, чисто американской подозрительности и недоверчивости к Европе, которую трудно объяснить, если вспомнить, что предки этого народа были все же европейцами. Вильсон поэтому решил, что миссия должна носить временный, а не постоянный характер. Миссия должна была провести, так сказать, исследовательскую работу, только установить связи и выяснить важнейшие вопросы. Главными участниками миссии, кроме полковника Хауза, были: контрадмирал В. С. Бенсон — начальник морского оперативного штаба, генерал Таскер Г. Блисс — начальник штаба армии, Оскар Т. Кросби — заместитель статс-секретаря казначейства, Поль Крават — юрист-консульт казначейства, Ванс К. Мак-Кормик — руководитель военного министерства торговли, Бейнбридж Колби — представитель мини-

стерства торгового мореплавания Соединенных штатов, д-р Алонзо Р. Тэйлор — представитель продовольственного контроля США, Нэлсон Перкинс — юрисконсульт министерства военной промышленности. Секретарем миссии был Гордон Очинклосс — помощник советника государственного департамента.

Миссия покинула США 29 октября и прибыла в Плимут 7 ноября 1917 г. С их приездом участие США в мировой войне получило новый смысл и новое значение. Представители коммерческих фирм могли теперь совместно со своими коллегами из Франции и Англии разрешить крупнейшие из многих трудных вопросов, которые давно уже ждали разрешения. А генерал Блисс вошел в состав верховного совета в Версале, учрежденного вскоре после его приезда, в качестве американского делегата коллегии «постоянных военных представителей». Это был счастливый выбор, счастливый для Америки и счастливый для всего нашего дела в целом. Блисс был уравновешенным и исключительно здравомыслящим человеком. Он имел еще одно неоценимое качество: сохраняя полную независимость суждений, он умел работать в полнейшем согласии с другими. Это был один из самых ценных вкладов, которые Америка внесла в наше дело во имя успешного продолжения войны.

Я пригласил членов американской миссии к себе, на Даунинг-стрит, 10, для совместного обсуждения срочных вопросов. Это было 20 ноября 1917 г. С нашей стороны присутствовало 25 человек, в том числе и члены военного кабинета. Присутствовали также руководители министерств, соприкасающихся в своей деятельности с военными вопросами: министерства иностранных дел, морского, военного, блокады, торгового мореплавания, продовольствия и др. Адмирал Джеллико в качестве первого морского лорда адмиралтейства и сэр Виллиам Робертсон в качестве начальника имперского генерального штаба также приняли участие в работах совещания. Одна подробность придавала этому собранию особый смысл: мы заседали в той же комнате, в которой сто тридцать лет назад заседал лорд Норт. Здесь разрабатывалась, отсюда направлялась та политика, которая в свое время заставила американцев поднять восстание против британской короны и провозгласить свою Декларацию независимости. Свою речь на конференции я начал с упоминания об этом совпадении.

Я обрисовал затем вкратце те формы сотрудничества с Америкой, которые, по нашему мнению, основанному на опыте войны в течение трех с половиной лет, могли принести наибольшую пользу общему делу. Это, указал я, не совсем легкая задача:

«Все, что необходимо для успешного ведения войны, — все срочно, потому что, чем раньше мы будем готовы, тем скорее война кончится. Это нетрудно понять. Но есть одна или две вещи, которые все же более срочны, чем остальные. После продолжительных консультаций с моими коллегами и с нашими военными морскими советниками я считаю нужным выделить вопросы о живой силе и о водном транспорте как первооче-

редные. Мне трудно было бы сказать, который из них важнее. Я не уверен в том, что можно один из них поставить раньше другого, потому что и тот и другой — вопросы чрезвычайной и самой настоятельной важности. Если позволите я скажу несколько слов по тому и другому вопросу».

В связи с вопросом о живой силе я напомнил о событиях в России и Италии и о том, что человеческие ресурсы Франции убывают. События в России позволили Германии перебросить тридцать или сорок из ее лучших дивизий с восточного фронта на западный против нас. Положение Италии не так катастрофично, как это могло казаться еще две недели назад, но, чтобы спасти Италию от крушения, Франция и Англия должны оказать ей немедленную помощь, пошлав туда несколько лучших дивизий. Я указал далее, что и сама Франция уже очень истощена. Таким образом, союзники будут иметь в будущем году гораздо меньше войск, чем они имели в этом году. С другой стороны, Германия после крушения России сможет выставить на французский и фландрский фронты свыше 600 тысяч человек.

«В данный момент мы имеем превосходство на западном фронте. Совершенно необходимо, чтобы вы в будущем году, и как можно раньше, послали в Европу как можно больше солдат, которые позволили бы нам выдержать предстоящее германское наступление. Я не говорю уже о нашем наступлении на немцев. Я должен искренне рассказать вам о действительном положении, чтобы вы не думали, что вы имеете возможность создавать армию постепенно, с прохладцей. Будет неправильно, если вы решите, что не имеет большого значения, придут ли ваши войска в Европу в 1918 или в 1919 г. Я хочу, чтобы вы поняли, что разница эта может оказаться роковой».

После этого я перешел к вопросам транспорта и указал, что необходимо немедленно принять меры для ускорения переброски в Европу войск и их снаряжения.

«Шестьдесят процентов нашего флота работает на войну, непосредственно на войну, для нас и для наших союзников. Вот цифры, которые покажут вам, в какой мере мы помогаем нашим союзникам: суда водоизмещением в 2 600 тысяч тонн заняты снабжением союзников — Франции, России и Италии, а особенно Франции; остальные суда водоизмещением в 2 300 тысяч тонн половину времени посвящают работе для той же цели. Однако мы зависим от импорта, пожалуй, больше, чем какая-либо другая страна в мире. Наша страна очень невелика — вы сами имели возможность убедиться в этом, когда ехали к нам. Англия — страна небольшая и густо населенная. Мы вырабатываем лишь около $\frac{1}{5}$ всей пшеницы, которая нужна нам для потребления. Мы и во всем остальном зависим от того, что мы получаем из-за моря. Я не убежден в том, что даже

если бы мы возделывали каждый ярд земли в нашей стране, мы могли бы себя прокормить... Вспомните, что нам приходится кроме того ввозить очень много руды и другого сырья для военных целей. Наш экспорт почти прекратился, если не говорить об экспорте военных материалов. Я прошу наших американских друзей представить себе, что это для нас значит. Торговля для нашей страны означает преимущественно внешнюю торговлю. Наши заводы работали для всего мира, наши суда обслуживали весь мир, мы в значительной мере финансировали весь мир. Теперь от всего этого пришлось отказаться. *Мы для войны содрали с себя все — вплоть до рубашки.* Если и сохранился кое-какой экспорт, то он необходим нам для того, чтобы мы могли финансировать некоторые существенные виды импорта из других частей света. Многие из наших судов никогда уже не вернутся на родину. Мы были народом, который отдавал суда на прокат и торговал судами, а сейчас мы стянули наши суда со всех концов мира на родину. Почему? Мы должны были бросить все дела потому, что суда необходимы нам для войны и не только для нас самих, но и для наших союзников. Боюсь, что за пределами нашей страны не всегда ясно представляют себе, в какой мере мы всю нашу торговлю поставили на службу войне. Мы поставили на карту все в этом великом испытании».

Я привел затем цифры, которые свидетельствовали о сокращении нашего импорта. Я говорил, что к 1918 г. объем нашего импорта едва достигнет половины довоенного. Это объясняется не только тем, что мы заставили наши суда работать на войну для нас и наших союзников, но и тем ущербом, который причинили нашему судоходству, а также судоходству наших союзников и нейтральных стран, неприятельские подводные лодки.

«Мы должны будем перейти на паек, и не столько ради нас самих, сколько ради Франции, в которой производство пищевых продуктов сократилось на 40% по сравнению с довоенным уровнем. Причина очень проста: крестьяне, которые раньше обрабатывали землю, сейчас не ходят за плугом, а работают винтовкой. Они защищают свою землю, а земля тем временем зарастает травой, потому что некому ее возделывать. Женщины во Франции делают для войны все, что могут, работают даже старухи и дети, но земля полностью не обрабатывается, и поэтому мы должны отдать часть нашей пшеницы, чтобы помочь французам и спасти итальянцев. Итальянцев надо спасти от голода!

На днях я встретил в Париже корреспондента «Таймс». Он сказал мне: «Я только что объехал несколько французских департаментов; в одной деревне уже несколько дней не видели хлеба». Если бы это случилось в нашей стране, общественное мнение потребовало бы, вероятно, головы лорда Ронда и, вероятно, моей... А корреспондент слышал в этой французской

деревне только одно замечание: «Ну, что же, мы очень терпеливый народ». Вот почему, сказал мне по этому поводу Клемансо, во Франции было столько революций. Это, конечно, очень остроумное замечание... Французы держатся очень стойко, и о сдаче врагу никто там не думает. Правительство, которое заговорило бы о капитуляции, не продержалось бы там более 24 часов. Франция, несмотря на то что она несет гигантские потери и терпит огромные лишения, тверда и мужественна, как никогда. Мы гордимся тем, что соединили с ней свою судьбу; мы сознательно пошли на это».

Все это, указал я, требует немедленного увеличения нашего флота. Я просил также усилить поставку в Канаду и к нам, в Англию, стали для судостроения.

«Подвожу итоги тому, что я говорил о важнейших формах сотрудничества Соединенных штатов с нами в этой войне. Первое: вы должны помочь Франции и союзникам на фронте возможно большим числом бойцов, которых следует возможно раньше обучить и экипировать. Это необходимо, чтобы мы могли выдержать напор германского наступления в течение будущего года. Второе: вы должны помочь нам восполнить дефицит нашего судостроения в этом году, расширив ваши верфи и увеличив масштабы вашего судостроения в невиданных еще до сих пор размерах».

Я выразил затем нашу благодарность за ту великую помощь, которую оказали нам Соединенные штаты в борьбе с неприятельским подводным флотом и предложил обсудить вопрос о новых защитных мероприятиях в этой области. Я говорил о том, что нам нужно иметь больше аэропланов. Контроль в воздухе столь же необходим для победы, как и контроль на море. Немцы делают сейчас чудовищные усилия, чтобы стать хозяевами воздуха. Американцы, сказал я, могут сыграть важную роль в этом отношении, если усилят производство аэропланов и перебросят сюда искусных пилотов. «Ваш народ обладает теми качествами, которые необходимы для настоящего летчика, — смелостью и решительностью — в большей мере, чем другие. Я бы сказал, что американец — от природы первоклассный воздушный боец. Предприимчивость, стремительность и смелость как-то сами ассоциируются с вашей расой. Вы показали эти качества на стольких полях сражения и во время войны и в мирное время». И климат, и разнообразие природных условий, и самые просторы этой большой страны создают огромные возможности для воспитания первоклассных летчиков.

Я просил также дать нам орудия. Война все больше становится артиллерийским поединком, и только подавляющая сила артиллерии может сделать возможным успешное наступление без тяжелых потерь. «Чем больше пушек, тем меньше жертв, потому что пушки разрушают те защитные гнезда, в которые немцы посадили своих пулеметчиков». Я подчеркнул затем настоятельную необходимость

в снабжении нас продовольствием, особенно сейчас, когда закрылась для нас российская житница, а запасы далекой Австралии мало доступны для нас при нашем теперешнем сокращенном тоннаже. Я подчеркнул в заключение высокую ценность той помощи, которую оказывают нам американцы в отношении финансов, а также в усилении блокады Германии.

Адмирал Бенсон отвечал от имени американской делегации. Он высказался по вопросам, которые были подняты мной. Он засвидетельствовал, что наши правительственные учреждения широко и охотно предоставили в распоряжение миссии всю информацию по вопросам, которые ее интересовали. Они (т. е. американцы) пришли к заключению, что в отношении многих видов военного снаряжения они еще плохо подготовлены. «Но, — сказал он, — мы теперь ясно чувствуем, что надо сплотиться теснее и решительно следовать по определенному пути». Он подчеркнул, что США сохраняют свое единство и безоговорочно поддерживают своего президента и что они готовы отдать все свои ресурсы для обеспечения победы.

Что касается флота, он заявил, что Соединенные штаты надеются в течение ближайших 10 месяцев поставить в строй не менее 267 истребителей. Америка строит также 103 подводных лодки. Американцы не думают теперь о боевых судах; все свои судостроительные возможности они бросили на постройку грузовых судов. В Соединенных штатах вводятся продовольственные ограничения, чтобы высвободить максимальное количество продовольствия для нужд европейских союзников Америки. Что касается аэропланов, то они надеются, что в январе США будут выпускать сотни, а в мае — тысячи машин. Американский мотор «Либерти» показал на испытаниях прекрасные качества.

В отношении артиллерии американцы уделяют особое внимание производству орудий для боевых кораблей, в частности четырехдюймовых или пятидюймовых для истребителей. Бенсон рассказывал также, что правительство США широко субсидирует строительство новых предприятий, которые будут вырабатывать снаряжение и военные материалы.

В ответ на вопрос лорда Дерби он заявил, что они надеются в июне выпускать не только 4 300 аэропланов в месяц, но и такое же количество обученных пилотов. Это оптимистическое предсказание так и не оправдалось до самого конца войны. Ко времени подписания перемирия в ноябре во Франции все еще не было ни одного американского аэроплана.

Мы перешли затем к обсуждению вопроса о судах для переброски войск и военных материалов во Францию. Цифры, которые были представлены нам в отношении настоящего и ближайшего будущего, не могли нас ни в какой мере удовлетворить. Г-н Колби заявил, что тоннаж, который находится в распоряжении армии США, составляет в данный момент 850 тысяч тонн, а тоннаж военного флота — 150 тысяч тонн. К 15 января 1918 г. Соединенные штаты перебросят во Францию один армейский корпус в придачу к тем

американским войскам, которые уже находятся во Франции. Однако этот армейский корпус будет снаряжен не полностью. В частности, он не будет иметь в достаточной степени живой тягловой силы. Наличный тоннаж позволял США поставить в строй во Франции 220 тысяч человек.

Для всех нас было очевидно, что такой морской транспорт не обеспечивает нам численного превосходства, необходимого для победы над неприятелем; поэтому вопрос о судоходстве приобрел решающее значение. Конференция еще некоторое время обсуждала возможности более полного продуктивного использования тоннажа нейтральных стран, а затем было решено создать подкомиссию, которая должна была во второй половине того же дня окончательно обсудить и решить этот вопрос. Лорды Керзон, Милнер, Роберт Сесиль и сэр Маклей представляли в этой подкомиссии Англию, а гг. Мак-Кормик, Колби, Перкинс и д-р Тэйлор — Америку. Подкомиссия собралась в 4 часа пополудни и, обсудив различные предложения, приняла несколько решений, которые должны были обеспечить постоянную консультацию по вопросам судоходства между Англией и Соединенными штатами, всестороннее изучение потребности в тоннаже и наличных возможностей в союзных и присоединившихся к ним государствах, а также распределение между союзниками реквизируемых судов нейтральных стран. Мы предложили Соединенным штатам реквизировать суда голландского торгового флота с общим тоннажем в 400 тысяч тонн, которые находились тогда в портах США, и использовать их для конвоирования судов, которые перевозят войска и военные материалы во Францию.

Было ясно, что если мы серьезными мерами не исправим положения, участие Америки в войне даст нам гораздо меньше, чем мы могли с полным основанием от нее ожидать. Количество наличных судов было недостаточным. Более того: использование этих судов было совершенно неудовлетворительным. Работали плохо и медленно, — случилось то, что всегда случается, когда военные или морские чиновники берут в свои руки чисто коммерческое дело. Генерал Першинг* жалуется, что к концу года положение не оправдывало надежд американцев ни в отношении количества наличных войск, ни в отношении военных запасов; к этому времени Америка находилась в состоянии войны уже девять месяцев, и американцы имели все основания ждать большего.

«Мы далеко не в полной мере использовали тот ограниченный флот, который до сих пор был предоставлен нам для военных дел. У нас было во Франции менее 175 тысяч человек, включая те 100 тысяч, которые входили в состав 4 дивизий, а должны мы были иметь по крайней мере 10 дивизий боеспособных войск и вспомогательные силы в соответствующей пропорции. Положение вещей казалось очень неудов-

* General Pershing, *My Experience in the World War*, pp. 249—251.

летворительным, а перспективы на улучшение были очень невелики».

Першинг изложил свои опасения в телеграмме своему правительству, которую он послал 20 декабря 1917 г. В этой телеграмме он указывал, что не будет выполнена даже та недостаточная ныне осуществляемая программа, согласно которой во Францию должно быть отправлено к концу мая три корпуса с вспомогательными частями.

«Но фактически не выполняется даже эта программа. Сейчас середина декабря, а первый корпус (6 дивизий) еще далеко не полон — нехватает целых 2 дивизий и многих вспомогательных частей. Я должен заявить совершенно категорически, что к 30 июня мы должны выступить на фронт силами, по крайней мере 4 корпусов (24 дивизии). Если будет продолжаться такое же положение с переброской армии, как сейчас, то этот план не будет в какой-либо степени выполнен. Только самые энергичные меры по обеспечению транспортировки войск дадут нам возможность принять подобающее нам участие в операциях 1918 г...»

Першинг требовал, чтобы для перевозки войск было выделено больше судов. Характеризуя положение, он говорил:

«Вряд ли нужно подчеркивать, что, если мы предстанем перед союзниками с такими жалкими достижениями, это вызовет серьезные осложнения. До сих пор наши усилия тормозились недостаточно активным курсом у нас на родине. Независимо от того, объясняется ли это неумением работать или неумением понять самые настоятельные нужды момента, генеральный штаб как верховный координирующий орган в первую очередь в этом повинен».

Все это звучит очень забавно, потому что очень напоминает то, что нам в Англии пришлось проделать с некоторыми военными департаментами на ранней стадии войны. В Америке дело обстояло, пожалуй, еще хуже.

Если бы имелось неограниченное количество судов и достаточное количество европейских портов, готовых к приемке войск и грузов, вполне можно было бы в короткое время перебросить полностью укомплектованные американские части и поставить на французском фронте целую американскую армию, как этого очень хотелось генералу Першингу. Верно, что ни войска, ни штабные офицеры не имели достаточного опыта и еще нуждались в обучении тем интенсивным методам ведения войны, которые уже применялись во Франции. Совместная работа в составе французских или британских частей дала бы им самую лучшую подготовку. Снаряжение войск было также совершенно неудовлетворительным. Сам Першинг был весьма озабочен серьезными недостатками в военной подготовке своих частей, прибывающих во Францию. Эти недостатки, однако, можно было исправить, после того как американские части уже прибыли на

французскую землю и вступили в прямой контакт с великими армиями Франции и Великобритании. Огромные военные запасы, которые были накоплены союзниками, могли восполнить и тот дефицит в самом необходимом снаряжении, какой испытывали американцы. Мы имели уже трехлетний опыт войны — мы могли помочь им закончить их военное образование. Сговориться с американцами было также нетрудно ввиду общности языка.

Прибытие американских войск в самом деле ставило перед нами несколько проблем. Первая из них — проблема транспорта. Затем вечная «пробка» в переполненных французских портах — неистощимый источник нестерпимой волокиты. Далее: нужно ли было сохранить американские войска как самостоятельный корпус или лучше было бы включить батальоны американцев во французские и британские дивизии, хотя бы на время, чтобы улучшить их военную подготовку и оказать немедленную помощь нашим уже очень потрепанным дивизиям. Эта помощь могла быть оказана немедленно, в противном случае пришлось бы ждать, пока американские дивизии будут перебросены сюда, сформированы, полностью укомплектованы и снаряжены.

Ограниченность транспорта придавала этому вопросу особую остроту. Время решало. Наличное количество судов позволило бы перебросить в Европу крупные пехотные части, которые очень укрепили бы поредевшие ряды союзников. Но если то же самое количество судов должно было перевозить весь личный состав и снаряжение целых дивизий, включая артиллерию, богатые вагоны, персонал штабов, денщиков и ординарцев и все то добро, каким богатая страна снабжает свои войска, тогда фактические количества войск, которые могли быть перевезены во Францию в течение того же периода, резко сократилось. В течение зимы и весны 1917—1918 гг. между американцами и союзниками происходили непрерывные споры по этому поводу. Французы и англичане, очень болезненно ощущая истощение своих резервов в результате четырех дорогостоящих кампаний, сознавая неизбежность предстоящего мощного наступления Германии, увеличившей и продолжающей увеличивать свои силы, требовали, чтобы американские суда перевозили возможно больше боевых единиц, которые могли бы в случае необходимости заполнить прорехи и бреши на линии фронта. Это означало, кроме того, что эти войска должны до поры до времени включаться в состав французских и английских дивизий, поскольку в течение еще нескольких месяцев нехватает персонала и материалов, чтобы составить из них самостоятельные американские дивизии. Но в этом отношении мы встречали упрямое сопротивление со стороны Першинга. Он хотел возможно раньше сформировать самостоятельную американскую армию, которая имела бы свои собственные базы и средства сообщения, свое место на фронте и свое собственное командование в лице Першинга. Он ссылаясь на то, что этого, мол, требуют национальный престиж Америки и чувство национального достоинства ее граждан. Слияние американских частей с общесоюзными вызовет, мол, в Америке естественное и справедливое недо-

вольство и даст пищу прогерманской агитации. Этот аргумент, несомненно, имел серьезные основания. Першинг боялся, что, если он позволит влить свои батальоны во французские и английские дивизии, он никогда уж больше их не увидит — ему не удастся их обратно извлечь впоследствии. Все эти вопросы не возникли бы, если бы в США приготовления к войне велись энергичнее и эффективнее. Соединенные штаты могли набрать, обучить, снарядить и отправить во Францию в 1917 г. по крайней мере 20 полных дивизий, которые могли бы принять участие в предстоявшей борьбе. В результате волокиты со стороны военного руководства в самой Америке мы оказались в очень трудном положении.

Вопрос этот так обострился, что 15 декабря я послал полковнику Хаузу телеграмму следующего содержания:

«Учитывая положение вещей в России и тот факт, что Германия энергично перебрасывает орудия и войска с восточного фронта на западный, кабинет считает необходимым, чтобы немедленно было принято решение о включении полков или рот американских войск в состав английских частей; об этом мы говорили с Вами в Париже. В ближайшем будущем и в течение первых месяцев будущего года положение может стать чрезвычайно серьезным. Будет жизненно необходимо, чтобы вся наличная американская живая сила была немедленно использована. Это тем более необходимо, что немцы рассчитывают нанести союзникам окончательный удар еще до того, как вполне обученная американская армия сможет принять участие в борьбе.

Ллойд Джордж».

Правительство Соединенных штатов, естественно, поддерживало точку зрения Першинга. Однако из нежелания причинить ущерб военным операциям оно не настаивало на самостоятельности американских войск. 20 декабря 1917 г. мы получили копию телеграммы которую Ньютон Д. Бэйкер — американский военный министр — собирался послать генералу Першингу. В этой телеграмме сказано:

«И англичане, и французы ходатайствуют перед президентом, чтобы Вы включили ваши полки и роты в состав их дивизий. И те, и другие уверяют, что предстоит крупное германское наступление на одном из участков западного фронта. Мы не хотели бы обезличить наши формирования, но считаем это все же второстепенным по сравнению с основной задачей: в критический момент выставить против врага максимум сил, которыми мы располагаем... Президент, однако, хочет, чтобы Вы сами распорядились войсками, как найдете правильным в согласии с французским и английским главнокомандующими».

В течение войны мне не раз приходилось иметь дело с г. Бэйкером, и я всегда находил, что это способный и понимающий человек, который широко смотрит на вещи. Цитированная телеграмма на-

глядно иллюстрирует отношение к делу г. Брайкера. Он не виноват в том, что даже половинчатое разрешение этого вопроса наступило еще очень не скоро. Разум и здравый смысл бессильны против упорства профессионального вояки. Г-н Ньютон Брайкер в течение войны познал этот упрямый факт.

Во время дискуссий по этому поводу было выдвинуто следующее предложение: если американцы согласятся впредь, до формирования полных американских дивизий, послать в Европу пехотные части для включения их в состав английских дивизий, мы (англичане) постараемся выделить дополнительные суда для перевозки этих частей. Это обещание произвело некоторый эффект. 2 января 1918 г. состоялось свидание Першинга с Хейгом. Хейг объяснил Першингу, как он намерен обучать те американские батальоны, которые будут включены в его дивизии, и как он затем, по мере увеличения американских контингентов, будет постепенно превращать их в американские дивизии, составляющие самостоятельную американскую армию.

Через 10 дней после этого сер Виллиам Робертсон, начальник имперского генерального штаба, также имел свидание с генералом Першингом, и результаты этого свидания он признал «не весьма удовлетворительными». В своей записке о результатах беседы он заявляет, что генерал Першинг, повидимому, так и не рассмотрел сколько-нибудь серьезно то предложение, которое я выдвинул перед полковником Хаузом, хотя Хауз показал ему меморандум, составленный по этому поводу:

«Дело в том, что ему это предложение не нравится, во-первых, потому что он хотел бы перебросить в Европу полностью укомплектованные дивизии; во-вторых, он, естественно, стремится сохранить национальный характер своих частей и указывает, совершенно справедливо, что американские батальоны будут лучше драться в составе американских, а не английских дивизий. Мы договорились, что он направит Ваше предложение своему правительству, поддержав его от своего имени в сдержанных выражениях. Копию своего сообщения правительству он передаст мне по телеграфу».

Робертсон сообщает далее, что генерал Першинг требовал увеличения количества судов для переброски не только пехоты, но и дивизий в полном составе:

«Я должен был несколько раз напоминать ему, что наличное количество судов может перевезти в Европу 150—200 тысяч человек пехоты (т. е. 150 батальонов), которые могут быть поставлены в строй уже через три или четыре месяца. То же количество судов может перевезти не больше трех полных дивизий (36 батальонов), которые смогут вступить в строй не раньше, чем через 6 месяцев. В конце концов, он должен был признать убедительность моих аргументов. Я добавил к тому же, что ради трех дивизий британское правительство не может подвергать себя риску, который связан с сокращением

подвоза продовольствия и военных материалов; оно, однако, пойдет на этот риск ради крупных пехотных подкреплений».

Эта выдержка из меморандума Робертсона подводит итоги обсуждению проблемы, перед которой мы стояли на той стадии войны. Я был прав, когда говорил членам американской миссии, что мы не можем помочь им нашим флотом в деле перевозки американских войск. Мы, в самом деле, не имели даже того количества судов, который был необходим для обеспечения самых насущных нужд нашей и союзных армий и самых насущных нужд нашего внутреннего фронта. Однако, если бы дополнительные американские силы могли склонить чашу весов в нашу пользу и приблизить победу — что являлось для нас вопросом жизни и смерти, — мы решились бы пойти на риск и сократить наши и союзные запасы продовольствия и сырья, отдав часть флота для переброски дополнительных войск во Францию. Однако мы не могли решиться сделать этот чрезвычайно опасный шаг без уверенности в том, что этот флот будет использован действительно для переброски боевых сил. Мы не могли согласиться на то, чтобы эти суда перевозили чиновников дивизионных штабов, нестроевой персонал и обстановку генеральских кабинетов; мы могли найти более полезное и важное применение для нашего флота. Першинг требовал судов, но хотел перевозить на этих судах только целые дивизии со всем их скарбом. Германия перевозила с русского фронта массы бойцов, чтобы включить их в состав своих поредевших дивизий; даже тогда, когда она перебрасывала на западный фронт целые дивизии, они не возили с собой все полагающееся им по уставу имущество.

Меморандум генерала Робертсона заканчивался довольно пессимистической оценкой ближайших перспектив. В его словах есть преувеличения, но они продиктованы весьма характерным недовольством иностранцами всех родов и категорий:

«Я никогда не возлагал особых надежд на участие американцев в войне, в той или иной форме, уже в этом году. Я должен сообщить военному кабинету, что после этой беседы я еще меньше в это верю. Формирование новых армий — очень трудная задача для любой страны. Можно было думать, что Америка, имея уже в прошлом значительный опыт, обладая, как принято думать, прекрасными деловыми качествами, лучше справится с задачей, чем другие страны. Факт тот, что она очень плохо с этим справляется... Французы окончательно потеряли терпение, их отношения с американцами никак нельзя назвать хорошими. Французы всегда слишком экспансивны в таких делах, но в данном случае их недовольство вполне извинительно. Американцы ведут себя так, точно у них впереди есть еще много лет для подготовки. Они оборудовали лагерные поселения для 10 дивизий, они строят роскошные сооружения для своих отпускников; у них каждый человек имеет кровать и три одеяла...

Мое общее впечатление таково, что американская помощь

нам в этой войне, т. е. помощь в достижении военной победы над Германией, — слишком хрупкая соломинка, чтобы мы могли на нее опереться. И так будет еще долго, если Америка не подкрепит свои слова гораздо более практическими и энергичными делами, чем это было до сих пор».

Сейчас уже забавно сравнивать эти меланхолические предсказания с тем, что было в действительности сделано Америкой впоследствии. Тем не менее совершенно бесспорно, что на том этапе нам приходилось беспрерывно понукать наших американских друзей. Главный военный советник британского правительства сделал такой доклад не только потому, что он уже становился очень раздражительным, но и потому, что затяжка в этом деле уже вызвала серьезную тревогу.

Я сейчас же послал телеграмму полковнику Хаузу. В этой телеграмме от 15 января 1918 г. я сообщал ему о результатах свидания между Робертсоном и Першингом и просил, чтобы Вашингтон утвердил намечающееся соглашение о временном включении американских частей в состав английских дивизий. Это предложение я формулировал таким образом:

«...Мы подробно рассмотрели вопрос о морском транспорте. Мы признали, что, значительно сократив на время ввоз продовольствия в нашу страну, мы можем перевезти около 150 тысяч американской пехоты, т. е. 150 батальонов в течение ближайших трех или четырех месяцев, не нарушая ни в какой мере прежних договоров о перевозке американских дивизий. Мы берем на себя снабжение этих батальонов продовольствием и всем необходимым дополнительным снаряжением, а также заботу о военном обучении этих частей. Если эти батальоны будут временно включены в состав английских дивизий, это принесет нам неоценимую пользу в течение ближайших критических шести месяцев. Во второй половине года Вы сможете, если это будет признано желательным, отозвать их и включить в состав американских дивизий.

Если мы используем тот же флот для переброски американских дивизий со всем их снаряжением, мы сможем перевезти не более трех дивизий. Кроме того для подготовки дивизий к полевой службе потребуется гораздо больше времени, чем для обучения рот и батальонов. Правительство не считает себя вправе требовать от народа тех больших жертв, с которыми связано использование флота ради трех дивизий, которые прибудут еще очень нескоро...»

Нет никакого сомнения, что в это время отношения между американским генералом и его французским и английским коллегами были не вполне сердечными. Рассказывая о своем свидании с Робертсоном (которое описано выше в меморандуме Робертсона), Першинг в своей книге говорит:

«Аргументы, которые выдвинул генерал Робертсон, ясно показали, что, когда англичане предлагали нам свою помощь в деле переброски наших войск, они хотели извлечь из этого пользу для себя. Другими словами: они могут дать нам суда для перевозки американских батальонов только при том условии, если эти батальоны войдут в состав британских армий. Они стремились восстановить контингенты своих частей, вместо того чтобы увеличить число боевых дивизий на западном фронте и этим помочь нашему общему делу в целом».

Эти слова показывают, что Першинг не понимал, как безнадежно обострилось в то время положение с морским флотом. Совершенно напрасно также он подозревает нас в том, что мы стремились извлечь для себя выгоду, тогда как на самом деле мы заботились только о предотвращении большого бедствия, угрожавшего союзным армиям. Впоследствии нависшая угроза катастрофы убедила американцев в нашей правоте, и недоверчивость сменилась более здоровым отношением и пониманием наших общих задач и более искренним стремлением к сотрудничеству. Но в то время недоверчивость создавала еще большие трудности, которые задерживали проведение необходимых мероприятий.

На заседании военного кабинета 25 января 1918 г. директор военно-оперативного отдела прочитал нам выдержку из французского доклада о состоянии американской армии. Предполагалось, что мы будем иметь во Франции 8 американских дивизий в марте, 14 — в июне, 20 — в сентябре 1918 г. и 28 — в январе 1919 г. Эти дивизии требовали шестимесячного обучения во Франции, прежде чем быть готовыми для активного участия в операциях. Из этого следовало, что в июле мы могли рассчитывать на 4 обученные дивизии, а в октябре на 8, и еще, может быть, на 4 полубоюченных дивизии для более спокойного сектора. В данный момент на фронте была только одна боеспособная дивизия, а вторая только приступала к первоначальному обучению в траншейных условиях.

Была задан вопрос: входят ли эти цифры в состав тех 150 тысяч человек, которые были нам недавно обещаны. Нам ответили на это, что не входят.

Была задана также вопрос, будут ли и эти 150 тысяч человек обучаться так же медленно, как те дивизии, которые упоминались во французском докладе.

Начальник военно-оперативного отдела указал, что на обучение батальона требуется только $\frac{1}{6}$ того времени, которое необходимо для обучения дивизии. Если переброска этих войск начнется немедленно, мы сможем ввести в строй некоторое число этих батальонов уже в мае.

Военный министр высказал опасение, что придется сократить количество судов, необходимое для перевозки этих войск. Он отметил также крайне низкий уровень обучения американской пехоты.

26 января 1918 г. генерал Робертсон вел во Франции продолжительные беседы по этому поводу с Першингом и Блиссом. В своей

телеграмме военному министру, посланной в тот же день, он сообщал об этих беседах и жаловался, что, хотя Блисс и Першинг уже получили полномочия заключить соглашение о 150 батальонах, они не решаются взять на себя какую бы то ни было ответственность за это. Блисс защищал американскую военную программу, по которой 24 американские дивизии должны были прибыть во Францию в июле. Поскольку у американцев не было судов, эта программа казалась в то время совершенно нереальной. Блисс настаивал, чтобы мы после переброски 150 батальонов предоставили американцам дополнительные суда для переброски намеченных 24 дивизий. Только при этом условии он соглашался принять наше предложение. Першинг очень огорчил Робертсона, когда рассказал ему, что он, после всего, так и не сообщил Вашингтону о своей готовности одобрить предложение о 150 батальонах; он сказал только, что это предложение должно быть внимательно рассмотрено. Он все отстаивал свой национальный престиж. Он позволял нам взять временно на обучение американские батальоны, с тем чтобы мы в то же время перевозили американские дивизии со всем их имуществом в полном составе. Робертсон находил это предложение почти неприемлемым.

Вопрос был окончательно разрешен на конференции в Версале 29 января. Генерал Першинг, генерал Блисс и один адмирал представляли Америку, а в составе английской делегации, кроме меня, были лорд Милнер, Робертсон, Хейг и Ханки.

Первоначальная американская программа, как сообщил нам Блисс, предполагала, что 12 американских дивизий будут переброшены во Францию к июлю 1918 г. После нашего нажима на них в ноябре они выдвинули новую программу, по которой число перебрасываемых дивизий повышалось до 24. Половину судов, необходимых для выполнения этой новой программы, должен был дать Вашингтон, вторую половину — Англия; мы, однако, заявили, что не можем этого сделать. Тогда они вернулись к своей первоначальной программе: две дивизии в месяц. Теперь возник новый проект — Англия дает суда для перевозки американских войск сверх этого плана; если так, генерал Першинг считает, что Англия должна перевозить целые дивизии в полном составе, не только пехоту, но и артиллерию.

В ответ на мой вопрос Першинг заявил, что он не поддержал предложения Робертсона о перевозке 150 пехотных дивизий. Он только переслал этот проект в Вашингтон для серьезного обсуждения, а затем в телеграмме своему правительству подчеркнул, что американские войска должны находиться под командованием своих офицеров. Мы довольно обстоятельно обсудили все «за» и «против» робертсоновской схемы, но было очевидно, что Першинг питает глубокое недоверие к этому плану. В конце концов мы отложили заседание до следующего дня. На следующий день Першинг представил меморандум, в котором излагал вкратце свои возражения против схемы Робертсона и свой контрпроект. Нам ничего не оставалось, как принять этот контрпроект. Заключительная часть меморандума Першинга гласила:

«Учитывая создавшееся положение, как оно обрисовано генералом сэром Виллиамом Робертсоном, мы в целях ускорения прибытия американских войск и их обучения предлагаем, чтобы британское правительство использовало наличные морские транспортные средства для перевозки американских дивизий на следующих основаниях:

1. Пехотные и вспомогательные части этих дивизий будут обучаться побатальонно в составе английских дивизий или на основе другого соглашения, которое может быть принято в будущем.

2. Артиллерийские части будут обучаться под руководством американцев, с применением французского вооружения, как и в настоящее время.

3. Высшие чины и штабные офицеры будут прикомандированы для обучения к соответствующим частям английской армии.

4. Когда эти батальоны получат достаточную подготовку, они должны быть сформированы в полки; когда артиллерийские части пройдут необходимую подготовку, все отдельные части каждой дивизии должны быть объединены в одно боевое соединение под командой своих офицеров.

5. Вышеприведенный план должен выполняться независимо от ныне действующих планов переброски американских частей.

6. Вопросы снабжения должны быть урегулированы особым соглашением между английским и американским главнокомандующими.

7. Таким же путем должны быть урегулированы вопросы о вооружении и экипировке».

Итак, мы уступили Першингу. Мы должны были согласиться сохранить подивизионные формирования американских войск; мы должны были отказаться от включения в состав наших боевых частей американской пехоты и добились только временного прикомандирования американских частей к нашим в целях их обучения. Это решение очень мало могло нас удовлетворить, но оно в какой-то мере улучшало положение. Оно давало нам уверенность, что на случай большой крайности на французской земле будут находиться значительные контингенты американских войск, которые прошли некоторую военную подготовку под руководством боевых офицеров. Хейг два дня спустя, на заседании верховного военного совета 30 января, заявил, что в этом году союзники не должны ждать от американской армии сколько-нибудь эффективной поддержки.

Невозможно было отрицать, что он в значительной мере прав. Но уже через два месяца нагрянувшее бедствие вызвало бурную вспышку энергии, которая совершенно рассеяла наш пессимизм. Однако в то время размеры и формы американского участия в войне, конечно, должны были нас разочаровать. Начальник военно-разведывательного отдела прочитал военному кабинету на засе-

дании 31 января 1918 г. выдержки из письма, которое он получил от генерала Уэгстаффа из американского генерального штаба. В письме говорилось, что американские дивизии рвутся в бой; кроме того американцы встретили с большим удовлетворением известие, что американские батальоны будут, возможно, включены в состав британских дивизий. Письмо отмечало также, что этот последний проект был встречен с одобрением американским народом.

В конце февраля Першинг отвечал:

«Становилось тяжело при мысли, что прошло уже 10 месяцев после нашего вступления в войну, а мы кое-как готовили всего только одну дивизию в 25 тысяч человек. Таков пока результат наших усилий — при всем нашем богатстве, наших человеческих ресурсах и наших способностях... Весьма вероятно, что предстоит самое крупное военное наступление, какое когда-либо видел мир, и похоже на то, что мы должны будем беспомощно стоять в стороне и наблюдать, как союзники будут терять сотни тысяч человек, чтобы отбиться от врага».

К тому времени — 28 февраля 1918 г. — общая численность американских экспедиционных сил во Франции превышала уже $\frac{1}{4}$ миллиона. Однако в значительной части это были не бойцы, а люди, которые обслуживали армию на тех или иных нестроевых должностях; подавляющее большинство остальных было совершенно не подготовлено для активного участия в войне. Описывая состояние американской армии, генерал Першинг через три недели после этого писал:

«Кризис застал нас в момент, когда у нас было около 320 тысяч офицеров и рядовых солдат во Франции; из этого числа 100 тысяч было занято на работе по снабжению армии».

Из числа строевиков только меньшинство входило в состав дивизий, которые могли принять участие в военных операциях.

При таком положении вещей мы вступили в роковой март 1918 г. Генерал Першинг с огромным упорством воевал за сохранение корпоративного единства американских войск во Франции. Он отклонял каждое предложение, которое, по его мнению, несло с собой угрозу этому единству. Першинг победил, и результатом его победы явилось положение, при котором мы имели во Франции гораздо меньше боеспособных американских войск, чем могли бы иметь, если бы были приняты предложения французских и английских военных руководителей. С другой стороны, его упорство, конечно, ускорило формирование полностью укомплектованных американских дивизий. Мы могли тем временем проиграть войну, — и успех Першинга компенсировал бы нас за это лишь в очень слабой степени. Он, однако, может возразить, что мы войну все-таки не проиграли. Но мы можем ответить, что если бы распределили войска так, как предлагал Фош, поддержанный в этом случае американскими генералами, то не проиграли бы ни одного сражения.

Когда 21 марта 1918 г. на Сен-Кантен обрушился германский

удар, американские войска во Франции насчитывали около 900 тысяч человек. В это число входили: одна полностью обученная дивизия (1-я) и еще две (2-я и 42-я), которые проходили обучение на спокойном секторе французского фронта, к югу от Вердена; 26-я дивизия находилась в резерве у Шмен де Дам. Уже был разработан план о создании первого американского армейского корпуса, по которому эти дивизии должны были занять позиции рядом с 1-й дивизией. Неожиданно разразившийся кризис приостановил на время выполнение этого плана. Он же заставил нас внести новые изменения в программу перевозки американских войск.

К 25 марта мы уже могли оценить до некоторой степени силу германского натиска и размеры опасности, которая угрожала фронту союзников. Было ясно, что необходимо стянуть все имеющиеся у нас силы, чтобы восстановить наши прорвавшиеся линии. Я расскажу в другом месте, какие решительные меры мы приняли, чтобы перебросить из Англии максимальное количество солдат. Мы повысили возрастной лимит призываемых, мы еще раз прочистили скудные остатки боеспособных мужчин, которые оставались в тылу на важнейших гражданских работах, и бросили в ряды армии все, что могли наскрести. Более чем когда-либо стало очевидным, что надо немедленно получить из США как можно больше боеспособных войск. Я был уверен, что в этом критическом положении американские власти убедятся, наконец, в правильности наших доводов: пока не разрешится кризис, боевые единицы должны при отправке войск пользоваться всяческим авторитетом над нестроевым персоналом дивизий.

В соответствии с этим 25 марта г. Бальфур и я посетили г. Брайкера, чтобы убедить его добиться изменения политики США в отношении перевозки войск. Характер наших предложений изложен в телеграмме, которую после нашего свидания г. Бальфур послал полковнику Хаузу. Вот содержание этой телеграммы:

«Премьер-министр и я посетили сегодня утром г. Брайкера и со всей серьезностью подчеркнули перед ним срочную необходимость проведения, с согласия соответствующих властей, следующих предложений:

Первое. Все четыре американские дивизии должны быть сейчас переброшены на фронт, чтобы освободить такое же число французских дивизий.

Второе. По нашим расчетам, наличный флот позволяет перебросить сейчас шесть полностью укомплектованных американских дивизий во Францию. Мы настойчиво просим, чтобы ввиду наступившего критического положения, этот флот был использован с большей пользой для дела: не для перевозки полного состава дивизий со всей артиллерией и т. п., но главным образом для перевозки пехоты, в которой мы в данный момент испытываем самую неотложную нужду.

Третье. В виде временной меры американские инженерные части во Франции, которые заняты сейчас подготовкой баз

и коммуникационных линий будущей американской армии, должны отвлечься от своих нынешних занятий и применить свои силы в качестве отдельной инженерной части на постройке защитных укреплений и пр. в тылу наших армий. По нашим сведениям в составе этих частей есть много опытных работников.

Четвертое. Одна из американских железнодорожных дивизий, которая, по нашим сведениям, имеет полный комплект транспортных средств, должна быть также использована на фронте либо в качестве самостоятельной единицы, либо в составе пехоты наших боевых дивизий.

Г-н Брайкер лично, как нам кажется, поддерживает эти предложения».

Г-н Брайкер послал и от себя телеграмму генералу Першингу, в которой приводил эти предложения. Он отзывался о них так:

«Вы можете пока не отвечать на все вышеизложенное, так как я завтра Вас увижу, и мы сможем всесторонне обсудить эти предложения. Если окажется, что французские железные дороги очень загружены, мне придется отказаться от поездки в Италию. Во всяком случае мы не должны позволить, чтобы паровозы и грузовики применялись для других целей, если они могут быть использованы войсками в нынешних тяжелых обстоятельствах...»

26 марта полковник Хауз ответил на телеграмму г. Бальфура. Он сообщал, что передал телеграмму президенту, причем от себя настойчиво рекомендовал отдать распоряжение о выполнении всех выдвинутых нами предложений. Он выражал уверенность в мужестве и стойкости британских войск, которым приходится сейчас выдерживать чудовищный напор германского наступления. 27 марта мы получили от него еще одну телеграмму, в которой было сказано:

«Президент согласился со всеми Вашими предложениями об использовании американской армии. Рад Вас известить, что статс-секретарь Брайкер, после консультации с генералами Блиссом и Першингом, отдал распоряжения о выполнении всех предложений, выдвинутых в Вашей телеграмме».

В тот же день военные представители в Версале (будем помнить, что одним из них был генерал Блисс) приняли единогласно резолюцию, рекомендующую такой же метод работы. Вот текст этой резолюции:

«Военные представители считают весьма желательным, чтобы американское правительство возможно скорее оказало активную помощь союзным армиям, позволив временно включить американские части в состав союзных армейских корпусов и дивизий. Эти подкрепления должны быть, однако, даны не за счет американских дивизий, которые сражаются сейчас с французами. Части, временно используемые, как указано

выше, впоследствии должны будут вернуться в состав американской армии.

Военные представители полагают, что в соответствии с вышеизложенным и впредь до новых директив верховного военного совета во Францию должны перевозиться только американские пехотные и пулеметные части, организованные так, как это найдет нужным сделать правительство. В соответствии с этим должны быть изменены все действовавшие до сих пор и противоречащие настоящему решению, конвенции и договоры».

Всякий, кто не испытал на себе непреклонного тщеславия профессионалов в тех случаях, когда дело идет об их авторитете и самолюбии, решит, что приказ главы правительства, скрепленный подписью военного министра, должен был окончательно ликвидировать эти злосчастные споры.

Когда генерал Першинг узнал об этой резолюции, он был совершенно потрясен. Ему казалось, что кто-то еще раз пытается отбить у него американскую армию. Он набросился на Бэйкера и стал излагать ему свои опасения. Чтобы не допустить срыва дела, Бэйкер послал одновременно с резолюцией военных представителей свое сопроводительное письмо президенту Вильсону. В этом письме он указывал, что «мы должны временно пойти на эти уступки ввиду нынешнего критического положения, но оставим их в силе только до тех пор, пока этого будет требовать положение вещей». Он настаивал, чтобы президент утвердил эти предложения, специально оговорив, что:

«прибывающие во Францию части должны поступать в распоряжение главнокомандующего американским экспедиционным корпусом и направляться на обучение или на фронт по его усмотрению. Главнокомандующий будет применять эти и другие воинские части Соединенных штатов, находящиеся под его командованием, таким образом, чтобы сказать максимальную помощь союзникам в общем деле. Он должен, однако, всегда помнить о твердом намерении правительства Соединенных штатов объединить все свои воинские части, как только это окажется возможным по состоянию их подготовки и по положению вещей на фронтах, в независимую самостоятельную американскую армию».

Эта оговорка к резолюции военных представителей была принята президентом Вильсоном. Фактически это означало, что все дело опять всецело зависело от благоусмотрения генерала Першинга. Французы и англичане думали только о том, чтобы наилучшим образом использовать все наличные силы и привести эту истребительную войну возможно раньше к победоносному концу. Бесконечные переговоры с генералами и переговоры генералов друг с другом по вопросам, которые не вызвали бы сомнений ни у одного разумного человека, означали бесцельную потерю драгоценного вре-

мени и драгоценных возможностей. Однако мы должны были во что бы то ни стало обеспечить прибытие американских войск в возможно короткий срок. Мы делали все, что было в наших силах, чтобы обеспечить нам поддержку общественного мнения в Америке. 27 марта я по телеграфу передал лорду Редингу обращение к президенту и американскому обществу:

«В войне наступил кризис. Под давлением количественно превосходящих сил Германии наша армия должна была отступить. Мы провели отступление в полном порядке, заставив немцев ввести в дело свои резервные части одну за другой; эти неприятельские части понесли огромные потери. Наши войска проявили необычайное мужество и стойкость. Беззаветная храбрость наших войск в данный момент уже приостановила непрерывное наступление неприятеля; французы уже присоединились к нам и принимают участие в общей борьбе. Но это сражение — величайшее и самое грозное сражение в истории человечества — сейчас только начинается. Нас поддерживает сознание, что великая республика не остановится ни перед какими трудностями, чтобы ускорить доставку своих войск в Европу. В войне время решает. Невозможно преувеличить значение прибывающих к нам американских подкреплений, которые необходимы нам возможно скорее».

В тот день лорд Рединг передал нам по телеграфу свою оценку положения в Соединенных штатах:

«Впечатление, произведенное первыми известиями о великом сражении, вполне благоприятно для дела союзников. Со времени вступления Америки в войну не было еще события, которое так взволновало бы национальные чувства американцев, так восстановило бы их против Германии. Новые свидетельства германской военной мощи поразили воображение американцев, и широкие массы народа впервые поняли, что союзники и, в частности, Англия защищают Америку от наступления германского милитаризма. Эти известия вызвали чувства симпатии и восхищения англичанами, совершенно изменив обычное отношение американцев к нам. Народ Америки стоит за войну; он хочет знать, как мог бы он помочь наиболее реально общему делу. Как при вспышке молнии, американцы вдруг увидели то, что было скрыто во тьме: как мало они подготовлены для войны и сколько времени потеряно, с тех пор как США вступили в войну. Это вызвало уже в прессе и в парламенте взрыв недовольства, которое вполне естественно принимает теперь характер прямых нападок на правительство... Для правительства это сражение было не менее поразительным уроком. Правительство надеялось и верило, что речи президента сами по себе усиливают позиции либеральной партии в Германии, подрывают боевой дух ее армии и оказывают влияние даже на германских милитаристов. Теперь правительство соз-

нало, что оно заблуждалось. Стало ясно, что речи и пропаганда не смогут восстановить германский народ против германских милитаристов или оторвать Австрию от Германии. Наконец они поняли, что если надо разбить Германию, надо ее разбить военными средствами...

Последние фразы объясняют причины медлительности Соединенных штатов в деле подготовки к участию в войне.

Всем, кто не понял еще психологии президента Вильсона и его безграничной веры в силу идеалов, покажется поразительным, что только сейчас, через год после вступления Америки в войну — войну, которая продолжалась уже почти 4 года, — американцы начинали ясно представлять себе, что для победы надо драться, и драться яростно. Прекраснодушный президент все еще верил, что красноречивые призывы к справедливости могут остановить победоносное движение армий неприятеля. Когда уже льется кровь в борьбе между нациями, разъярившиеся люди отмахиваются в сторону все соображения разума и справедливости.

Выдержки из заявлений самого генерала Першинга, которые я приводил выше, показывают, как трудно было ему заставить свое правительство действовать активно и энергично. Такие же попытки со стороны французов и англичан встречались американцами с очень большим недоверием. Они боялись оказаться жертвами какого-нибудь вероломного трюка, придуманного коварными европейскими дипломатами. И только тогда, когда опаснейший германский прорыв на западном фронте предстал перед ними во всей своей ужасающей реальности, они, наконец, уразумели, что Америка в самом деле принимает участие в стихийной борьбе с таким строем, при котором сила есть единственная добродетель и меч безраздельно над всем господствует.

28 марта я получил через американского посла сообщение от Бэйкера, что Першинг откомандировал 4 американские дивизии, имеющие уже некоторый опыт окопной войны, в распоряжение Петэна. Эти дивизии уже смелят французские дивизии, которые направляются на фронт германского наступления. В настоящий момент британские суда могут в первую очередь перевозить пехоту тех шести американских дивизий, которые должны быть переброшены во Францию. Я ответил г. Пейджу:

«29 марта 1918 г.

Дорогой посол,

Очень Вам благодарен за письмо статс-секретаря Бэйкера. Будьте любезны передать ему мою сердечную благодарность за быстрое и умелое содействие, которое он и генерал Першинг оказали нам в это критическое время. Военный кабинет принял это известие с большим удовлетворением.

Искренне Ваш Д. Ллойд Джордж».

Около 9 часов утра, поговорив о разных вещах с сэрром Джоном Девисом во время прогулки по парку, я направился в военное министерство, к дежурному генерал-адъютанту, чтобы получить у него точную цифру численности наших армий во Франции. Чтобы ускорить дело я решил лично обратиться к президенту Вильсону, желая обеспечить его прямое, срочное и авторитетное вмешательство в наши взаимоотношения с американскими военными властями в США и во Франции.

Я послал длинную телеграмму лорду Редингу, которую он должен был передать президенту Вильсону. В этой телеграмме я обрисовал положение и наметил те важнейшие мероприятия, которые необходимо сейчас провести.

Вот содержание этой телеграммы:

«У нас было достаточно времени, чтобы подробно изучить наши военные проблемы. Мы имеем основания надеяться, что сможем отразить теперешнее наступление неприятеля, но вполне вероятно, что мы должны будем отдать Амьен. Ближайшее будущее покажет, сможет ли неприятель дойти до этого пункта. Если это ему удастся, военное положение станет весьма серьезным. Во всяком случае неприятельское военное командование доказало совершенно неоспоримо, что германская армия способна произвести прорыв на западном фронте на очень широком участке. Поэтому, если неприятельское командование не сможет реализовать все свои цели уже в этом сражении, оно начнет немедленно подготовку своей армии для нового удара в первый же подходящий момент. На какой участок фронта придется этот удар — это будет зависеть от конечного результата нынешних военных операций. В целом наше будущее зависит от того, сможем ли мы подкрепить и поддержать своевременно наши армии, чтобы выдержать предстоящий новый удар. После того как закончится нынешнее сражение, основной проблемой станет для союзников проблема живой силы.

Наши потери в этом сражении, которое длится пока еще только неделю, составляет уже сейчас почти 120 тысяч человек. Если мобилизовать все наши ресурсы обученных и наполовину обученных призывников, мы сможем едва только заполнить эту брешь; но если мы это сделаем, мы останемся вовсе без обученных резервов. Мы поэтому принимаем сейчас срочные меры для увеличения войсковых контингентов путем повышения призывного возраста до 50 лет; мы призываем мальчиков 18-летнего возраста; мы снова изымаем здоровых мужчин из промышленности, а это последнее мероприятие неизбежно причинит огромные трудности и перебои в работе наших фабрик и заводов. Мы не останавливаемся даже перед перспективой серьезных столкновений в Ирландии, потому что считаем жизненно необходимым быть сильнее немцев летом этого года.

Однако, хотя эти опасные мероприятия дадут нам подкрепления для армии в 400 тысяч и 500 тысяч человек, понадобится по крайней мере 4 месяца, чтобы подготовить этих призывников для участия в военных действиях во Франции. В мае, июне и июле у нас окажется опасная нехватка — именно в то время, когда мы можем ждать нового большого неприятельского наступления. Поэтому, если мы хотим сдерживать напор неприятельских сил и не позволить им добиться победы на западном фронте, надо уже в эти месяцы восполнить нехватку сил при помощи американских войск. Только таким путем мы сможем обеспечить безопасность союзников.

Наши морские специалисты подсчитали, что в том случае, если Великобритания ценой серьезных жертв, за счет других отраслей работы, отдаст свой флот на переброску американских войск, мы сможем в апреле посадить на суда в Америке около 60 тысяч человек. Адмирал Симс считает, что американский флот сможет перевозить по 52 тысячи человек в месяц. Кроме того, есть некоторое количество голландских судов в Америке, которые могут быть брошены на эту работу, и в ближайшее время мы получим некоторое количество итальянских судов. В общей сложности мы надеемся вывезти в апреле 120 тысяч американцев и несколько больше — в последующие месяцы. Поэтому я прошу Вас от имени британского правительства побудить президента отдать распоряжение, чтобы между апрелем и концом июля отправлялись в Европу по 120 тысяч человек ежемесячно. Батальоны этих американских полков должны быть включены в состав британских или французских дивизий на тех же основаниях, которые были установлены по плану о 6 дивизиях. В согласии с резолюцией военных представителей в Версале от 27 марта, утвержденной генералом Першингом, перевозимые войска должны включать только пехотные и пулеметные части. Как было решено в отношении 6 дивизий, эти батальоны, после того как они пройдут обучение, могут быть сформированы в полки и направлены в распоряжение генерала Першинга, когда он этого потребует.

Прошу вас немедленно передать обо всем этом президенту. Только таким путем мы сможем поставить в строй те сотни тысяч обученных и полуобученных военному делу призывников, которые находятся в Америке. Совершенно невозможно было бы уже сейчас сформировать из них самостоятельные боевые единицы. Если их не будет, война может закончиться, и то дело, которое так красноречиво защищает президент, будет потеряно, прежде чем Америка получит возможность ввести в игру даже незначительную часть своей армии. Я думаю, что все будущее войны зависит от того, кто из нас — союзники или германцы — первыми смогут возместить потери этого великого сражения. Немцы, конечно, не будут терять ни минуты. У них есть необходимая живая сила, чтобы возместить свои потери. У них на западном фронте есть уже

по словам сегодняшних германских газет 250 тысяч австрийцев*. Если мы не сможем восстановить наши силы так же скоро, как они, мы дадим Германии возможность нанести нам тот решающий удар, при помощи которого ее военные лидеры надеются закончить войну».

В ответ на это обращение мы получили от президента Вильсона вполне удовлетворительное сообщение. Лорд Рединг известил меня 31 марта по телеграфу, что президент в основном принял мои предложения. Будут отданы распоряжения об отправке 120 тысяч человек пехоты ежемесячно, если мы представим для этого необходимые суда и снаряжения. Только ограниченность флота и загруженность портов не позволяют еще более усилить темпы переброски войск. Президент в принципе одобрил также предложенные мною методы применения этих войск, но предоставил решить детали этого вопроса генералу Першингу.

Все это было бы очень хорошо, но мы уже, к несчастью, имели серьезные доказательства, что между программой отправки американских войск и ее выполнением существует разрыв. В частном письме, которое я послал Редингу 1 апреля, я просил его лично проследить, чтобы обещания президента были реализованы. Я указывал:

«Нас уже два или три раза жестоко подвели. В сущности, мы страдаем теперь из-за того, что американцы совсем не выполнили своей программы. Они обещали дать к марту во Францию 17 дивизий, а фактически дали только 4, и эти четыре только сейчас вступили в строй...»

Вслед за этим письмом я послал на другой день обстоятельную телеграмму, в которой опять призывал приложить все усилия, чтобы обеспечить фактическую отправку обещанных нам войск. Я просил Рединга добиться того, чтобы полковник Хауз отдавал все свое время этому вопросу, «как, если бы это была избирательная кампания», пока мы не убедимся, что 120 тысяч человек действительно, а не на бумаге будут отправлены в апреле и столько же в каждый последующий месяц из Америки в Европу. Я привел в заключение несколько подробностей о заключенных нами соглашениях по вопросу о морском флоте. Нам в Англии нехватало продовольственных запасов, и наши запасы пшеницы также были невелики. Но я пришел к заключению, что мы должны даже пойти на сокращение нашего хлебного пайка и связанные с этим опасности, чтобы предоставить суда для переброски войск во Францию. В следующем моем обращении к президенту я писал:

«Прилагаемые расчеты относятся ко всем войскам, кроме тех, которые прибывают к нам по основному плану американ-

* В то время на западном фронте не было австрийских дивизий — первая австрийская дивизия прибыла в июле. Л. Л. Дж.

ского военного министерства. Мы включили, однако, в эти расчеты те шесть дивизий, которые, как было решено на последнем верховном военном совещании, должны быть включены в состав наших и французских войск. Из этого числа, насколько мне известно, до сих пор было отправлено только 1700 человек.

Мы рассчитываем, что 61 тысяча человек будет отправлена на судах британского флота в апреле из расчета по 16 тысяч человек в первую и третью неделю, 12 тысяч — во вторую неделю и 17 тысяч человек — в четвертую неделю месяца. Суда будут предоставлены, если не возникнет каких-либо непредвиденных обстоятельств. Мы не включили два итальянских судна, которые также будут предоставлены для перевозки войск. Практически войска, перевозимые на английских судах, будут доставляться в Англию и оттуда переправляться нашими средствами в порты северной Франции. Это значит, что Брест и порты Бискайского залива останутся свободными и смогут принимать контингенты, которые будут прибывать во Францию на американских судах. Будете любезны получить от американских властей немедленно соответствующий план: сколько будет перевезено войск на американских судах в течение четырех недель, включая голландские или другие суда, которые можно будет использовать для этой цели. Совершенно необходимо, чтобы мы имели своевременно точное расписание и могли договориться с Герцингом о приеме этих войск, их обучении и включении в состав союзных частей.

Крайне важно также, чтобы суда американской линии были приспособлены и использованы для перевозки всего того числа солдат, на которое они рассчитаны. До настоящего времени они перевозили обычно меньше 1700 человек в каждый переход. Если они будут снаряжены так же, как наши транспорты, они смогут перевозить 2—3 тысячи человек. «Монголия» и «Манчжурия» перевозили по 2500—3000 человек».

Рединг со своим обычным тактом и неизменной деловитостью сумел заставить президента вникнуть во все эти вопросы. Одновременно он поддерживал постоянную связь с американскими правительственными, военными и транспортными учреждениями. Его энергичной деятельности союзники многим обязаны. Но уже через несколько дней новая угроза нависла над этой программой — и опять со стороны тех, кто и до сих пор срывал все соглашения. Генерал Першинг бурно запротестовал против этого договора. Он опять заподозрил, что французы и англичане хотят отбить у него его армию, и задрожал при этой мысли. Раз уже американские пехотные части будут включены в европейские формирования, он никогда их больше не получит. 7 апреля, на конференции совместно с генералами Уайгемом и Хетчисоном, представителями английского военного министерства, он наотрез отказался принять программу перевозки 120 тысяч пехотинцев и пулеметчиков. Он соглашался, чтобы не больше 60 тысяч человек пехоты были отправлены в первую очередь,

как это было предусмотрено ранее заключенными соглашениями.

8 апреля я переговорил по этому поводу с министром иностранных дел, и мы решили обратиться к президенту и еще раз попросить его вмешательства. В соответствии с этим г. Бальфур послал обстоятельную телеграмму лорду Редингу. Он рассказал ему о тех серьезных расхождениях, которые обнаружились во время обсуждения наших планов с генералом Першингом, и просил его представить весь вопрос на усмотрение президента Вильсона.

«Мне очень не хочется, — говорил он в телеграмме, — стоять президента, который проявил такое хорошее понимание положения вещей, нападками на его представителей. Однако очевидно, что расхождение между генералом Першингом, с одной стороны, и предполагаемой политикой президента, с другой, так серьезно и так значительно может повлиять на исход всей войны, что необходимо выяснить вопрос окончательно».

10 апреля мы получили ответ от лорда Рединга. Он сообщал, что посетил президента Вильсона, который, хотя и разделяет наше стремление возможно скорее и наиболее эффективно использовать американские силы, все же не хочет связать себя каким-либо решением по вопросу о наших спорах с генералом Першингом, пока не посоветуется с Бэйкером, который сейчас находится по пути в США. Таким образом, этот срочный вопрос должен был ждать разрешения еще несколько дней, пока Бэйкер не придет в Соединенные штаты.

Тогдашнее положение американской армии было обрисовано генералом Уайгемом на заседании военного кабинета 10 апреля. Он сообщил, что генерал Першинг имел во Франции первый американский армейский корпус в составе четырех стрелковых и двух резервных дивизий, из которых одна в настоящее время перевооружается, чтобы стать оперативной дивизией. Общая численность американских войск по Франции составляла 319 тысяч человек, а номинальная численность оперативных сил — 214 тысяч человек. Но в это число входило в данный момент не больше 60 тысяч пехотинцев, которые могли бы вступить в строй. В Англии находилось 10 тысяч американских войск; в том числе $\frac{3}{4}$ одного батальона и большие или меньшие части других соединений и вспомогательных войск. Общая боевая мощь этой армии, как легко видеть, была в тот момент не весьма значительна.

Мы узнали на том же заседании тревожную новость: американские власти не позволяют грузить свои войска на суда, которые идут со скоростью меньше $12\frac{1}{2}$ узлов в час. Мы мобилизовали все суда, какие можно было использовать для перевозки войск; некоторые из них были тихоходы, развивавшие скорость не больше $9\frac{1}{2}$ узлов в час. Отказ американских властей использовать эти суда сокращал на 9 тысяч человек в месяц те контингенты, которые мы наметили для перевозок. По этому поводу много было телеграмм и консультаций. В конце концов было достигнуто соглашение, по которому американские войска могли перевозиться на суда со скоростью

не ниже 11½ узлов. Энергичная работа Грам Томсона, которого я послал в США для наблюдения за перевозкой войск, привела к тому, что были мобилизованы суда, которые перевозили свыше 200 тысяч человек в месяц, — значительно больше, чем предполагалось по первоначальному плану.

Но перед нами все еще стоял вопрос: достигнем ли мы соглашения, по которому можно будет практически применить эту боювую силу в течение ближайших нескольких недель — критических недель, решавших исход войны.

Если говорить без прикрас, Першинг считал, что создание самостоятельной американской армии более важное дело, чем отражение германского наступления, а для нас отражение этого наступления и, следовательно, сокращение сроков этой истребительной войны было самой важной и всеподчиняющей задачей. Американская армия, которая могла быть организована в армию только в конце лета или осенью, вступила бы в строй слишком поздно, когда уже решился бы исход этой роковой борьбы.

18 апреля в ожидании нового этапа в переговорах между президентом Вильсоном, г. Бэйкером и лордом Редингом я послал последнему обстоятельный меморандум, в котором излагал факты и приводил доводы за то, чтобы американские войска, включенные в состав британских и французских дивизий, были немедленно же использованы для отражения германского наступления, а не ждали бы, пока Першинг сформирует свои дивизии и проведет свои войска через длительный период обучения. Я приводил подробные данные о силах наступающих на нас германских войск и об их потенциальных резервах, о наших силах и наличных подкреплениях. Я сообщал о тех трудностях, с которыми встречаются французы при передвижении своих частей по северным департаментам, находящимся под угрозой обстрела немцами, чтобы сохранить свои коммуникации с нашими войсками; но даже, если не говорить об этом, французам приходится защищать своими силами достаточно большую линию фронта. Наши потери во время последних сражений были так велики, что пришлось расформировать несколько дивизий. Поскольку немцы все еще могут подбрасывать свежие силы с восточного фронта, диспропорция между нашими и германскими силами все возрастает.

Я делал вывод:

«Нет никакого сомнения, что для союзников победа или поражение зависят от того, прибудет или не прибудет американская пехота... В настоящий момент только пехота и пулеметчики имеют значение, потому что потери пехоты не стоят ни в каком соотношении к потерям артиллерии и других войск. Даже если не будет катастрофы, мы не сможем восстановить наши пехотные контингенты. Дело обстоит так, что у союзников есть необходимые резервы достаточно подготовленных пехотных частей, которые сделают для немцев победу невозможной. Но эти резервы находятся, главным образом, в Америке...

От Америки зависит, победим ли мы или будем побеждены в этом сражении, решающем исход войны. Но если мы хотим победить, Америка должна действовать не так, как она действовала до сих пор, и президент должен преодолеть узколобое упорство тех, которые не дают нам возможности применить американскую пехоту единственно целесообразным в данных условиях образом...»

Лорд Рединг имел несколько бесед по этому поводу с Бэйкером и президентом Вильсоном. В результате было достигнуто компромиссное соглашение, которое было изложено в специальном меморандуме от 21 апреля. Лорд Рединг передал мне по телеграфу условия этого соглашения:

«Следуя директивам президента и в соответствии с утвержденной им резолюцией постоянных военных представителей в Версале, Соединенные штаты Америки будут в течение апреля, мая, июня и июля сдавать для перевозки на американских или контролируемых американцами судах или на судах, которые предоставит Великобритания, пехотные и пулеметные части. На основе произведенных подсчетов можно надеяться, что общее число перевозимых войск будет составлять 120 тысяч человек ежемесячно. Эти войска по прибытии их в Европу будут направляться под руководством и по усмотрению генерала Першинга в английские, французские или американские дивизии для обучения и для использования их в зависимости от тех требований, которые выдвигает время от времени положение на фронте. Эта программа представляет собой отступление от плана перевозки и формирования в Европе самостоятельных американских дивизий. Оно вызвано только требованиями нынешнего военного положения и стремлением возможно скорее обеспечить эффективное сотрудничество американских частей с военными силами союзников.

Стороны оговаривают, что это заявление не будет связывать правительство США тогда, когда обстоятельства уже не будут этого требовать. Мы учитываем также, что принцип отправки в первую очередь пехоты и пулеметчиков не должен толковаться слишком расширительно. Правительство США может и сейчас включать в состав войск, перевозимых на американских судах, небольшие контингенты войск других родов оружия и соответствующий резерв, как найдет нужным правительство Соединенных штатов. Правительство США решит, использовать ли эти транспортные возможности для перевозки пехотных и пулеметных частей или для перевозки средств обслуживания и снабжения американской армии, которая уже формируется во Франции.

Эти оговорки делаются для того, чтобы намерения Соединенных штатов были ясно поняты и чтобы не было недоразумений по вопросу о методах, при помощи которых эти намерения будут осуществляться. Они не должны означать, что

правительство США намерено, до того как, по его мнению, изменится положение на фронте, уклониться от максимально точного решения постоянных военных представителей».

Это было всеобщее удовлетворительное соглашение. Естественно, что мы предпочли бы иметь определенную гарантию в получении 120 тысяч человек пехоты и пулеметчиков каждый месяц, как обещал нам в свое время президент. Мы предпочли бы также, чтобы Фош и верховный совет, а не Америка решали, миновала или не миновала уже крайность. Однако Рединг сообщал нам, что более благоприятных условий сейчас нельзя будет добиться и очень советовал нам принять их безоговорочно. В соответствии с этим на заседании военного кабинета 23 апреля было решено уполномочить лорда Рединга принять этот меморандум и поручить военному министерству вести дальнейшие переговоры с генералом Першингом о выполнении этих решений.

Но если мы были удовлетворены, Першинг клокотал от гнева. Он приехал в Лондон 21 апреля и 22-го посетил лорда Милнера и сэра Генри Вильсона, который сменил генерала Робертсона на посту начальника имперского генерального штаба. На этом собрании мы рассказали ему о меморандуме, которого он еще не видел. Першинг сейчас же заявил, что «эти уступки совершенно невозможны, и что очередность отправки различных классов американских войск и их распределение должны устанавливаться им, Першингом, единолично». Он не получил своей официальной копии этого документа, пока не вернулся во Францию; там она уже ждала его. Вот его вердикт по этому поводу:

«Они зашли в уступках слишком далеко по сравнению с тем, что необходимо, и по сравнению с тем, чего я ожидал. Учитывая те осложнения, которые могут возникнуть в результате этих обязательств в будущем и связанную с этим решением задержку в формировании американской армии, я в последующих дискуссиях не соглашался с теми требованиями, которые союзники считали вправе выдвигать... Нет необходимости подчеркивать, что такие уступки, хотя бы они и вызывались самыми благородными побуждениями, только осложняли нам дело организации самостоятельной американской армии».

Таким образом, оказалось, что решение президента Соединенных штатов не имеет достаточной силы перед лицом упрямого и непримиримого американского главнокомандующего. Он думал только о сохранении полноты своих собственных полномочий, он ревниво оберегал свой собственный авторитет. Тогда только президент Вильсон впервые узнал, что такое профессиональное самолюбие военных, а мы уже имели в этом отношении достаточно богатый опыт в результате работы с нашими собственными военными руководителями. На конференции между Першингом и лордом Милнером, которая состоялась в Лондоне 22—24 апреля, первый фактически отменил решение президента и настоял на заключении соглашения, по кото-

рому в мае должны были перевозиться не только пехотные и пулеметные части, но также и инженерные войска и связисты и штабный персонал 6 дивизий, а если окажутся в наличии необходимые суда, то и артиллерия и весь необходимый персонал для формирования корпусов. После этого Першинг потребовал, чтобы суда перевозили не только бойцов, но и вспомогательные войска и вообще все те контингенты, какие он найдет нужным перевозить в Европу. Это значило, что у нас уже не было никакой уверенности, что после мая транспорт будет заниматься перевозкой боевых единиц в первую очередь.

По возвращении своем во Францию Першинг был вызван к Фошу в Париж. В Париже он встретился с Фошем, Вейганом и Блиссом. Фош стал говорить о том, что в ближайшие три месяца совершенно необходимо перевозить в первую очередь пехотные и пулеметные части, а весь остальной персонал дивизий должен перевозиться во вторую очередь. Но Першинг упрямо отказывался принять этот план. Он соглашался лишь на то, чтобы в мае пехотные части отправлялись в первую очередь перед остальным персоналом дивизии, но уже в июне суда должны были доставлять также всю соответствующую артиллерию и вспомогательные войска. Авторитет Фоша, главнокомандующего всеми союзными силами, и все его аргументы и ссылки на критическое положение на фронте не могли поколебать Першинга.

Нечего и говорить, что это изменение плана вызвало горькое разочарование у наших представителей в Америке, которые не только добились с огромным трудом согласия президента Вильсона, но уже приступили к подготовке перевозок по плану заранее, за несколько недель вперед, как и следовало сделать. Беспощадно урезывая планы перевозок по другим категориям, они сумели мобилизовать суда, на которых в течение мая, июня и июля можно было доставить в Европу 700 тысяч человек американских войск: 270 тысяч на американских судах и 430 тысяч человек на английских.

На заседании верховного военного совета 1 и 2 мая 1918 г. мы опять подняли этот вопрос и обстоятельно его обсудили. Г-н Клемансо и генерал Фош настойчиво требовали, чтобы Першинг согласился признать приоритет боевых частей над всеми остальными, но он буквально встал на дыбы и не соглашался ни на какие уступки. Самое большое, что он смог нам обещать, — это рассмотреть вопрос еще раз в конце месяца. На второй день после заседания совета я еще раз подробно разобрал с ним этот вопрос и в конце концов добился его согласия на резолюцию, по которой действие уже принятого соглашения в майских поставках распространялось и на июнь. По этому соглашению, как известно, пехотные и пулеметные части шести дивизий должны были отправляться в первую очередь; а остальной наличный флот мог быть использован для перевозки других частей, входящих в состав дивизионных формирований. Далее, если мы сможем в июне перевезти не только 6 дивизий (150 тысяч человек) в полном составе, но еще некоторое количество войск, этот излишек должен быть использован для перевозки

пехоты и пулеметчиков. Мы должны были снова пересмотреть этот вопрос в первых числах июня.

Статья об излишке судов была вставлена по моему настоянию. Уже до того, учитывая отчаянную нужду в подкреплениях, мы делали для перевозки американских войск больше, чем обещали, и в результате подвергали себя в Англии очень серьезному риску. Все же положение было столь критическим, что мы уже решались урезать и другие весьма срочные требования на флот, если этим путем можно было получить новые боевые силы для фронта.

Лучшего соглашения с Першингом мы так и не смогли достичь, а это было еще далеко не удовлетворительным. 4 мая я сообщил об этом соглашении лорду Редингу по телеграфу. В конце телеграммы я заявлял:

«Я столь же разочарован этим соглашением с Першингом, как и Вы. Все трудности возникли из-за того, что американское правительство не дало определенных инструкций генералу Першингу. Оно приняло основные принципы соглашения, но предоставило разрешение всех практических вопросов, от которых и зависит ценность этого соглашения, генералу Першингу... Несмотря на все наши усилия и на энергичные призывы генерала Фоша, мы так и не смогли сдвинуть Першинга, который упорно стоит на своих «шести дивизиях в мае и в июне». Могу добавить только, что Фош, этот несомненно величайший из союзных генералов, был очень подавлен и возмущен... А Блисс, который присутствовал при обсуждении этого вопроса, все время молчал и никак не поддержал Першинга. Мне рассказывают, что Блисс в беседе со своими коллегами выражал свое несогласие с точкой зрения Першинга».

Дальше я указывал, что было бы гораздо лучше, если бы какой-нибудь авторитетный политический деятель Соединенных штатов присутствовал при этом обсуждении и участвовал в разрешении этих вопросов, вместо того чтобы предоставлять единолично Першингу принимать все решения. Если бы присутствовал полковник Хауз, мы добились бы лучшего соглашения. Я указывал, что боевая мощь американской армии сейчас гораздо ниже обещанного нам уровня.

«Можно притти в бешенство, — писал я, — когда подумаешь, что, хотя у нас есть люди, мы ставим под угрозу исход всей войны из-за близорукости одного генерала и неспособности правительства проявить власть и заставить его выполнить принятые правительством обязательства».

Я возмущался отказом Першинга выполнять соглашения, заключенные между его правительством и его союзниками, и я забывал в тот момент, что не одно только американское правительство не умело заставить генералов выполнять свои приказы и свои специальные соглашения даже тогда, когда они заключались с согла-

сия этих генералов. Першинг хотел дать свое сражение, одержать своей армией свои собственные победы. Но Хейг тоже хотел провести свое собственное наступление на своем собственном фронте, и это наступление закончилось, как известно, его собственным провалом. Петэн также хотел воевать обязательно на том участке фронта, за который он отвечал.

В своей телеграмме я отмечал также, что и с точки зрения самих американцев желательно, чтобы они поскорее ознакомились с новыми и весьма интенсивными формами ведения войны под руководством уже опытных в этом отношении штабов, прежде чем они попадут под руководство генералов, которые еще не имеют такого опыта. Я заканчивал просьбой, чтобы лорд Рединг сам занялся этим делом. Вне зависимости от того, какое соглашение будет заключено между нами, возможно большее количество солдат должно быть немедленно отправлено в Европу и возможно большее количество их должно быть подготовлено в предвидении осенних сражений. Я был убежден, что, когда большое количество американских войск будет находиться в Европе, Першинг не захочет, чтобы война была проиграна из-за его упрямства; он позволит применить эти подкрепления там, где в них будет настоящая нужда.

В ответ на это лорд Рединг сообщил мне, что в Вашингтоне к нашим предложениям относятся гораздо более сочувственно, чем в ставке генерала Першинга. Он будет добиваться отправки возможно больших контингентов пехоты, но в виде частичной уступки Першингу придется отправлять также довольно много войск других родов оружия. Скоро, однако, стало очевидно, что трудно будет обеспечить постоянный приток пехоты, прошедшей предварительное пятимесячное обучение, как этого требовал генерал Першинг. До сих пор это правило соблюдалось не очень строго, и прибывавшие суда представляли в отношении своей подготовленности весьма пеструю картину. В последних числах апреля я узнал из беседы с капитаном Гестом, который беседовал с американцами, отправившимися из Англии во Францию, что из Америки отправляют в Европу солдат без всякой системы: наряду с людьми, прошедшими шестимесячную подготовку, можно найти совершенно сырых новобранцев. Генерал Першинг подтвердил это сообщение и выразил свое удивление по этому поводу. Объяснялось это, по его предположению, чрезвычайной спешкой, при которой происходила отправка войск. Он заявил, что ему придется произвести отбор или реорганизацию частей, прежде чем эти войска смогут быть применены на фронте.

На этом основании Першинг теперь настаивал на том, чтобы из Америки посылались только солдаты, уже прошедшие предварительную пятимесячную военную подготовку. Но так как число прошедших такую подготовку новобранцев было ограничено, очень скоро выяснилось, что если не будет послаблений, количество мобилизованных для перевозки судов вскоре опередит поступление новобранцев этой категории. В телеграмме от 24 мая лорд Рединг сообщал, что, если в июне суда будут прибывать такими же темпами,

в июле они уже смогут забрать меньше, чем в июне, а потом нечего будет забирать вплоть до сентября. Однако парламент уже уполномочил президента призвать в армию столько солдат, сколько можно будет снарядить, обучить и применить до конца войны. Поэтому потенциальные возможности Америки были почти неограничены, чего нельзя было сказать о подготовленных и обученных делу новобранцах. Все это было результатом необъяснимых задержек в мобилизации, обучении и снаряжении войск в 1917 г. На заседании верховного военного совета 1—2 июня 1918 г. Першинг согласился отправлять из Америки войска, которые прошли трехмесячное обучение; это позволяло нам сохранить на прежнем уровне темпы перевозок. Если учесть ухудшение качества германских войск, то летом 1918 г. даже новобранцы, прошедшие лишь короткий срок обучения, были для нас теперь ценнее, чем когда-либо с начала войны.

На этом заседании верховного совета продолжалось обсуждение обострившегося вопроса о приоритете пехоты. Только что произошло новое германское наступление на французов у Суассона. Неприятель продвинулся в Шато-Тьерри и уже серьезно угрожал Парижу. Нужда в подкреплениях для союзных войск была настоятельнее, чем когда-либо. Было совершенно неясно, сколько потребуется времени, чтобы сформировать из прибывающих американских батальонов вполне боеспособные дивизии. Между тем, очень поредевшие английские и французские дивизии, которые потеряли большую часть своей пехоты, могли вобрать в себя немедленно эти батальоны и применить их на фронте в эти критические дни. После долгих и горячих споров мы заключили новый компромисс с упрямым Першингом. Условия этого компромисса изложены в следующем меморандуме:

«Ниже следующее соглашение заключено между генералом Фошем, лордом Милнером и мной по вопросу о перевозке американских войск в июне и в июле. Исходя из предположения, что в июне и в июле удастся при помощи британского и американского флота перевозить по 250 тысяч человек ежемесячно, мы предлагаем:

А. В июне в первую очередь безоговорочно должны быть перевезены 170 тысяч бойцов (т. е. 6 дивизий без артиллерии и без запасов снарядов и другого снаряжения; это составит 126 тысяч бойцов и 44 тысячи человек в резервных частях); во вторую очередь — 25 400 человек для обслуживания железных дорог, из которых 13 400 человек по требованию французского министра путей сообщения. Главнокомандующий американскими экспедиционными силами определит категории остальных войск, подлежащих отправке.

Б. В июле в первую очередь безоговорочно отправляются 140 тысяч бойцов вышеуказанных категорий (4 дивизии без артиллерии и т. п., т. е. 84 тысячи человек бойцов и 56 тысяч человек в резервных частях); во вторую очередь — остальные войска, из расчета 250 тысяч человек в общей сложности. Они будут состоять из тех категорий, которые определит

главнокомандующий американскими экспедиционными силами.

В. Если в каждый из этих месяцев наличные суда позволят перевезти больше 250 тысяч человек, то перевезены должны быть бойцы вышеуказанной категории.

Г. Мы учитываем, что войска, которые будут отправлены в июле, будут включать частично недостаточно обученные кадры. Ввиду создавшегося тяжелого положения мы признаем целесообразным это временное отступление от законных требований о достаточной подготовке войск, поскольку такую политику проводят в настоящее время также Франция и Англия.

Фош, Милнер, Першинг».

На том же заседании Клемансо, Орlando и я решили послать президенту Вильсону телеграмму с выражением нашей горячей благодарности за ускорение отправки американских подкреплений, которым мы обязаны ему лично. В той же телеграмме мы подчеркивали, что кризис еще не разрешился и требует от нас еще больших усилий. Мы приводили авторитетное заявление генерала Фоша о численном превосходстве германцев над союзниками на западном фронте, мы указывали, что для предотвращения несчастья Фош настаивает на отправке возможно большего количества пехотных и пулеметных частей в июне и в июле. Мы отмечали, что генерал Фош

«считает конечную победу возможной только в том случае, если Америка даст возможность союзникам восстановить их численное превосходство над неприятелем. Он считает, что для этого потребуются не менее 100 американских дивизий. Он просит провести новые наборы, которые, по его мнению, должны давать не менее 300 тысяч человек в месяц — с таким расчетом, чтобы составить возможно скорее 100 американских дивизий».

Нужно отметить, что расчеты генерала Фоша оказались впоследствии преувеличенными. Это объяснялось в значительной мере тем паническим настроением, которое создалось в лагере союзников после германских побед. Мы преувеличивали силы неприятеля. Поскольку американская дивизия, насчитывающая 25 тысяч человек, почти в три раза превосходила тогдашний контингент германских дивизий, 100 американских дивизий дали бы союзникам превосходство над немцами на западном фронте почти на 50%, даже если не считать французских и английских сил. Кроме того, вспомогательные войска американских корпусов и обслуживающий персонал американской армии составлял еще 15 тысяч человек на каждую полную дивизию. Это значило, что США, для того чтобы выполнить требования Фоша, должны были мобилизовать у себя на родине и содержать во Франции армию в 4 миллиона человек. На самом деле союзники получили значительное численное превосходство над германцами уже тогда, когда американские части во Франции составляли только около $\frac{1}{3}$ этой цифры. Першинг указывает, что

в последних сражениях мировой войны, между 26 сентября и 11 ноября 1918 г., участвовало около 22 американских дивизий. Если учесть вспомогательные и обслуживающие части дивизий, во Франции насчитывалось в ноябре в общей сложности 41 американская дивизия. Но фактическое число войск, участвовавших в сражениях, не исчерпывало всего значения американского вклада в наше дело во время войны. Присутствие свыше двадцати американских дивизий давало нам не только численное превосходство над Германией. Сознание, что за нашими линиями формируются и проходят обучение еще 20 американских дивизий и что миллионы человек будут переброшены из Америки, когда это станет необходимым, позволило французам и англичанам бросить в бой свои последние резервы без колебаний и сомнений и нанести немцам тот «удар топором», который заставил их рухнуть. В течение всего 1918 г. воевать приходилось, главным образом, англичанам и французам, и они понесли самые тяжелые потери; но все их жертвы были бы напрасны, если бы не было американской армии, которая сыграла свою роль, особенно в последние месяцы этого кровавого состязания.

Можно думать, что цифра в 100 дивизий была выдвинута «с запросом»; Фош просил 100 дивизий, чтобы получить по крайней мере 50. Но американцы все еще не выполняли своих обещаний. Першинг сам пишет по поводу этих больших требований:

«Мы не оправдали надежд, которые были высказаны в ноябре. Я просил тогда Фоша и Робертсона присоединиться к моему призыву о том, чтобы Америка в июне следующего года поставила в строй 24 обученных дивизии. Неудивительно, что союзники так настойчиво требовали теперь ускорения отправок войск, обученных и необученных».

Когда было заключено вышеизложенное компромиссное соглашение, можно уже было считать, что все дискуссии и споры о количестве и категориях перебрасываемых в Европу американских войск пришли к концу. После этого поступление американских сил протекало, в общем, по плану, и если не говорить о временных отклонениях и осложнениях, соглашение более или менее выполнялось. К 1 ноября общая численность американских войск во Франции составляла уже 1868 тысяч человек.

Из этого числа 51,25% были доставлены во Францию на английских или контролируемых англичанами судах, 46,25% на американских судах и 2,5% на судах других государств. Таким образом, и в непосредственной перевозке войск, и в конвоировании военных транспортов американских армий основную роль сыграли английский торговый и английский военный флоты.

Если бы я стал рассказывать о том, как снаряжалась американская армия на войну, то это была бы очень печальная история о нерешительности, неумении и бестолковщине. Мы в первые десять месяцев сами так напутали в этом деле, что лишили себя права показывать пальцем на американцев. Надо, однако, помнить, что когда Америка вступила в войну, ее промышленность уже в зна-

чительной мере была реорганизована для военных дел, потому что давно уже работала по заказам союзников и выпускала военные материалы всякого рода. Американские заводы вырабатывали на миллиарды долларов винтовок, взрывчатых веществ и артиллерийских орудий. К этому надо добавить, что американцы имели уже перед собой опыт союзников, который был накоплен ими за 2½ года войны. Мы послали офицеров союзных держав в Америку, чтобы передать этот опыт американскому военному министерству: рассказать американцам, что не удавалось союзникам первоначально и как они достигли впоследствии успеха, каковы были препятствия и как они их преодолели. К сожалению, к этим советам отнеслись очень невнимательно, а иногда даже неохотно принимали советы.

Нельзя сказать, что крупнейшие промышленные деятели, которые взяли на себя снаряжение новой американской армии, относились совсем нелюбезно к союзным комиссиям. Все же они считали, что, поскольку речь идет о механизации, Америке нечему учиться у Европы. Давала себя чувствовать навязчивая идея, что европейские методы как в промышленности, так и в административной области совершенно устарели. «Европа» и «устарела» — это было совершенно неразделимое сочетание слов во всей американской газетной риторике в то время. Поскольку речь идет о европейских заводах довоенного времени, утверждение в значительной мере соответствовало действительности. Когда мы предложили Америке воспользоваться теми уроками, которые мы вынесли из испытаний этой войны, американские промышленники восприняли это так, точно им, мастерам всех промышленных искусств, предлагают пройти курс в дамской школе рукоделия. Поэтому-то они ни за что не хотели присматриваться ни к нашим аэропланам, ни к нашим орудиям. Они с самого же начала решили, что наши аэропланы и орудия хуже американских и что надо создать собственные образцы, которые должны были показать отсталым европейским ремесленникам, что может сделать страна первой в мире инженерии. Они собирались поразить мир совершенством американской продукции; они не хотели считаться с тем практическим соображением, что орудия войны требуют тщательной отделки и максимальной точности; поэтому совершенно неизбежно, что практическая разработка, испытание и усовершенствование новых моделей отнимут очень много времени. Та серьезная оттяжка, которая произошла при снаряжении великой американской армии, отправлявшейся в Европу, в большой мере объясняется именно этой психологией американцев.

Но всему этому можно было бы помочь, если бы сверху быстро и энергично руководили всем делом. Только тот человек, который стоит наверху, может дать направление, толчок и вдохновение всем тем, кто трудится на разнообразных правительственных должностях. Только человек, наделенный верховной властью, может взять на себя ответственность за решения, которые задевают национальную гордость и национальные традиции. Только он может дать в нужный момент толчок, который сэкономит много драгоценного времени и быстро даст благоприятные результаты. Власть в верхах означает

дряблость во всей системе. Колебания в верхах означают шатания, нерешительность и бездействие в каждой отрасли правительственной работы. Безразличие в верхах поощряет застой и размагниченность внизу.

Президент Вильсон не имел данных великого государственного деятеля военного времени. Он о войне ничего не знал. И откуда бы ему знать? Он этому не учился. Это не соответствовало его склонностям. Поистине, он не находил в этом никакого удовольствия. Мысль о войне приводила его в дрожь. Производство орудий для истребления людей не только не интересовало его, но внушало ему отвращение. Ему пришлось объявить войну, но он не сумел приспособиться к тем новым обстоятельствам, которые возникли после этого отхода от привычек и влечений деловой жизни. Он был упрямый человек. И он очень неохотно шагал по дороге, которая ему не нравилась, хотя сам должен был признать, что шагать необходимо. Трудно было ждать настоящего порыва и интереса к войне со стороны человека, который всем своим существом отрицал войну. Просить его подумать о расширении производства орудий и бомбометов значило приблизительно то же, что просить его расширить производство электрических стульев, поскольку наказание преступников входит неотъемлемой частью в сферу деятельности всякого хорошего правительства.

Эти черты Вильсона показывают, как существенно отличался он от такого человека, как Линкольн. Первый был человеком, который вырос и всю жизнь продолжал пребывать в академической обстановке. Он искренно стремился повести нацию в обстановке полного спокойствия к высшим идеалам человечности. Второй был человеком, который вырос и воспитывался в очень трудной обстановке; в этом мире на каждом шагу приходилось бороться за кусок хлеба. Линкольн тоже ненавидел войну, и больше всего ненавидел он братоубийственную войну. Он всячески пытался ее избежать. Однако обстоятельства, от него не зависящие, заставили его в конце концов начать войну. Вот тут-то и обнаружилась разница между ним и одним из его выдающихся преемников на посту президента. Убедившись, что только кровопролитная война может спасти Америку от распада, он отдал все силы своего непреклонного характера на борьбу за победоносное окончание войны. С неукротимой энергией принимал он меры по мобилизации и обучению солдат, по изготовлению необходимых вооружений, чтобы снарядить этих солдат для победы. Это один из самых необъяснимых парадоксов истории: величайшая по своему техническому развитию страна на земном шаре не смогла одолеть механику первой мировой войны после 18 месяцев упорных трудов, взаимных понуканий и суеты. Люди, которые взяли на себя организацию всех ресурсов этой страны для целей войны, непрерывно понукали друг друга, а дело не двигалось.

Возьмем к примеру аэропланы. Когда Америка вступила в войну, английские и французские аэропланы работали не хуже, чем какие-либо другие машины, летавшие над европейскими полями сражения. Опыт войны показал конструкторам, какие недостатки надо устра-

нить, и к этому времени самые серьезные дефекты были уже устранены. На некоторое время немцы случайно приобрели превосходство над нами; этим они обязаны таланту одного замечательного голландского изобретателя. Однако счастливая для нас ошибка германского летчика заставила германский фоккер снизиться за линиями союзников. Это позволило нам создать модель, совершенно равноценную лучшим германским машинам. Ни в одной армии не было лучших пилотов, чем отважные и искусные летчики французских и британских авиационных отрядов. Американские промышленники поступили бы очень разумно, если бы для начала изготавливали машины по французским и английским моделям. Они могли бы затем вносить улучшения и усовершенствования, в зависимости от уроков, которые давало применение этих машин в деле. К несчастью, тут выступило на сцену, совершенно несвоевременно, национальное самлюбие. Они решили, что работать по европейским образцам значило бы бросить тень на американскую изобретательность и техническую одаренность. Они обязательно должны были послать в Европу что-нибудь оригинальное; что-нибудь такое, что поразило бы воображение европейцев и заставило бы немецкие аэропланы уходить в облака от этих новых страшных машин с запада. Так была запроектирована машина «Либерти», которая однако, никак не хотела изобрестись. Они испытывали одну модель за другой, и каждая приносила все большее разочарование. Когда, наконец, была создана удовлетворительная модель и уже решено было начать производство, штаб генерала Першинга вмешался в дело: он предложил новые улучшения. Когда эти изменения были сделаны, генерал Першинг внес новые исправления*.

Результат нетрудно было предвидеть. В течение всего 1917 г. мы не получили из Америки ни одного аэроплана. Даже во время великих сражений в апреле, мае и июне 1918 г. американские летчики должны были работать на французских машинах, потому что своих у них не было. Только в июле 1918 г. новая модель

* Возвращаясь к вопросу о тех многочисленных изменениях, которые рекомендовал нам из Франции письменно и по телеграфу генерал Першинг. Он обычно назначал техническое бюро из офицеров, которые должны были подвергать подробному разбору всякое военное средство иностранного происхождения, если предлагалось ввести его на вооружение в американской экспедиционной армии. Эти группы часто представляли собой живую иллюстрацию старой армейской поговорки: «бюро длинно, узко и деревянно» (в оригинале игра слов *board* — бюро и доска. — Прим. перев.). Сам генерал Першинг ничего не принимал в аэропланах; поэтому он утверждал и отправлял к ним доклады бюро, которое вносило не частные изменения к тому стандартному типу аэроплана, который оно само ранее рекомендовало к производству, но буквально сотни изменений. Это были иногда коренные изменения в самой конструкции аэроплана, которые превращали его в другую машину. Несчастный заводчик на родине должен был сворачивать все уже налаженное производство, чтобы начать сначала, а потом выяснялось, что бюро Першинга своим коллективным мозгом отменило это решение и высказывается в пользу предыдущего, тогда как производство по прежнему образцу уже свернуто, а страна и конгресс ругали военные министерства за все эти проволочки» (*General Peyton C. March, The Nation at War, p. 283*).

была, наконец, окончательно разработана, и оказалось, что она не лучше и даже хуже тысячи тех машин, на которых английские и французские летчики уже завоевали превосходство в воздухе, до того как машины «Либерти» вышли из заводов или даже со стола чертежников.

Когда 11 ноября было заключено перемирие, половина аэропланов, которые работали в американской армии, были французского или английского происхождения.

Ту же повесть о бесцельной суете пришлось бы повторить, если бы я стал рассказывать о тяжелой и легкой артиллерии для американской армии. Артиллерия малых и средних калибров, которую применяла вплоть до конца войны американская армия, была получена ими от французов. Тяжелую артиллерию дали англичане. Ни одно орудие американского образца или американского производства не дало ни одного выстрела в эту войну. То же относится к танкам: казалось бы, нация, которая располагала величайшей автомобильной промышленностью в мире, могла бы наладить без особых трудностей серийное производство танков, но ни один танк американского производства ни разу не участвовал в военных действиях в мировую войну.

Транспорт был так плох, что суда иногда месяцами не могли добраться до портов назначения. А на суше дело было организовано так плохо, что, несмотря на помощь от других армий, многие американские части, которые так храбро сражались в Аргонне осенью 1918 г., оставались без достаточного питания, которое могло бы их поддержать в героической борьбе в очень трудной местности. Но дрались американские солдаты великолепно. Это — факт, который признают не только их друзья и британские товарищи, но и враги.

Не было более храбрых и более бесстрашных бойцов ни в одной армии; но организация в тылу и за линией фронта совершенно не оправдывала той репутации, которую по праву завоевали американские предприниматели своей находчивостью, энергией и умением работать.

Глава восьмидесятая

ПРОБЛЕМА ЖИВОЙ СИЛЫ

1. ПЕРСПЕКТИВЫ НА 1918 ГОД

В Англии к началу войны насчитывалось около 9 миллионов мужчин призывного возраста (от 19 до 50 лет). Приблизительно четверть миллиона человек достигли этого возраста в течение войны. Одновременно несколько сот тысяч человек вышло из призывного возраста. В общем, в годы войны у нас было около десяти миллионов мужчин призывного возраста. Надо считать, что из этих десяти миллионов приблизительно шесть миллионов были годны для военной службы.

До того как мы в конце мая 1916 г. ввели воинскую повинность в наших воинских частях и во флоте — не считая доминионов и Индии — служило свыше четырех миллионов человек. С этого времени и до конца войны еще два миллиона человек вступило в строй. Я включаю в этот расчет тех, которые были зачислены в армию еще до введения воинской повинности, но еще не были призваны, и тех, которые не подходили под категорию «А» и занимали нестроевые должности. Стоит отметить, что целых два миллиона из трех, вступивших в ряды армии, чтобы защитить свою страну, были не мобилизованными, а добровольцами. В общей сложности, свыше шести миллионов англичан одновременно, т. е. почти все годные для военной службы мужчины, имевшиеся в нашем королевстве, служили короне. Некоторое число годных для военной службы мужчин в течение всей войны продолжало заниматься своими гражданскими профессиями, поскольку мы считали, что эта их работа приносит большую пользу делу обороны, чем принесла бы их непосредственная служба в армии или во флоте. Значительное количество мужчин, негодных для действительной военной службы, были привлечены для выполнения вспомогательных военных работ. Обе эти категории таким образом взаимно уравнивали наш баланс живой силы.

Эти цифры показывают, что нация отдала войне все свои силы и максимально использовала весь свой наличный человеческий материал. Почти каждый годный к военной службе мужчина призывного возраста служил в наших частях, тогда как остальное муж-

ское население и большая часть женского населения выполняли ту или иную работу на оборону страны.

Когда «комитет по вопросам живой силы» при кабинете министров произвел в декабре 1917 г. обследование наличных человеческих ресурсов в нашей стране, этот процесс уже был закончен; после работы, проведенной в течение 1917 г. специальным департаментом по вопросам живой силы, комитет уже мог обнаружить только крайне незначительные остатки неиспользованного человеческого материала. В предисловии к своему докладу члены комитета указали, что то полное исчерпание ресурсов здорового мужского населения, которое должно было произойти в результате войны, уже совершилось. Мы были не единственной из воюющих стран, которая должна была констатировать этот факт. Все воевавшие страны исчерпали свои ресурсы человеческого материала до последнего предела. Я утверждаю, что мы нашу живую силу распределили более разумно, чем кто-либо из наших союзников или врагов. Мы исходили из того, что количество бойцов в строю решает все дело. Если бы мы не стояли на этой точке зрения, война закончилась бы поражением союзников, до того как Америка пришла нам на помощь.

На взгляд военных историков и профессиональных полемистов проблема человеческой силы представляется крайне простой. В Англии были, мол, миллионы молодых людей, годных для военной службы. В Англии их было слишком много, для того чтобы всех одновременно поставить в строй. Если так, то некоторая часть их останется за линией фронта, а после будет послана в строй в виде пополнений, потому что потери ведь неизбежны. Эти нестроевые вояки не могли понять, почему гражданское правительство так скупое и неохотно давало новых рекрутов, несмотря на то, что в стране было еще некоторое количество мужчин, которые занимались своими обычными делами. Эти вояки погрязли делком в идеях и традициях прошлого века, когда условия военных действий были совершенно отличны от тех условий, в которых протекает механизированная война нашей эпохи. Было время, когда общий контингент боеспособной живой силы в стране измерялся числом мужчин всех возрастов, способных носить копье или меч и переносить тяготы военного похода. Вооружение и снаряжение, необходимые для военных действий в тот период, носили на себе сами солдаты. Несколько повозок могли подвезти на фронт весь необходимый запас дротиков. Осадная артиллерия, в основном, импровизировалась из материалов, которые можно было найти в каждом лесу; армия снабжалась за счет той страны, через которую она проходила. Последним примером такой войны была южноафриканская (бурская) война. Фермер брал ружье, наполнял сумку патронами, укладывал под седло мешок с вяленным мясом; несколько повозок подвозили на фронт необходимое количество патронов и провизанта — и экипированная таким способом армия выдерживала натиск военных сил Британской империи в течение более двух лет. В старые времена потребности населения в тылу были весьма незначительны,

Старики при помощи женщин и детей пахали землю, снимали урожай, ходили за скотом. Что касается войны на море, то достаточно только сравнить деревянные суда, которые вышли навстречу испанской армаде, с нашими стальными чудовищами и тысячами судов, больших и малых, которые сторожили наши коммуникации. Но и в 1918 г. можно было найти ответственных военных деятелей, которые в отношении комплектования армии находились еще полностью во власти прежних представлений о примитивной войне.

Однако для правительства, отвечающего перед нацией за успешное ведение затянувшейся изнурительной войны в современных условиях, проблема наилучшего использования наличной живой силы представляется гораздо более сложной. Мы должны не только дать огромное количество солдат и снаряжения для современных армий и флота, но и управлять высокоразвитым хозяйством и всеми повседневными делами в стране. Мы отвечали за всю работу нации на войну — за работу армий на суше и на море, за торговую, промышленную, финансовую, дипломатическую работу на войну; в большой мере мы должны были содействовать и военной работе наших союзников. Чтобы выполнить все эти огромные задачи, мы должны были тщательно и умело распределить нашу убывающую человеческую силу по различным отраслям работы. Все получали меньше, чем хотели, и все должны были давать максимальный результат, располагая только теми ресурсами, которые мы могли им уделить. На первой стадии войны все нации очень щедро распоряжались своими человеческими запасами; они вели военные действия так, точно количество молодых людей призывного возраста, которые могли быть брошены в горнило войны, чтобы не дать угаснуть ее пламени, было совершенно не ограничено. Союзники, у которых было огромное численное превосходство над неприятелем из-за беспечной щедрости военных руководителей, почти совсем лишились своего преимущества. Немцы гораздо больше заботились о том, чтобы побеждать без излишних потерь. Если бы немцы поступали так же безрассудно, как союзники, они рухнули бы от истощения уже к концу 1916 г. Потери англичан и французов на западном фронте были вдвое больше, чем потери немцев. Россия потеряла втрое больше солдат, чем наступавшая на Россию Германия. С глупым упорством мы продолжали пренебрегать экономным расходованием живой силы, и в результате то подавляющее превосходство, которое имели союзники в начале войны, на четвертый год войны растаяло и свелось к очень сомнительному равенству сил. Вот почему исход войны мог быть иным, если бы в последний момент Америка не пришла на помощь совершенно истощившим свои силы союзникам. Нас, может быть, и не разбили бы, но нам пришлось бы окончить войну без победы.

Для нас в Англии проблема живой силы в нескольких существенных отношениях решалась не так, как для наших союзников. В большой мере нам приходилось нести на себе не только свое бремя, но и бремя наших союзников. Контроль на море, без которого победа союзников была бы невозможна, составлял в основ-

ном нашу задачу. Наш флот должен был держать морские пути свободными, охотиться за германскими подводными лодками, не давать военным судам неприятеля уходить из своих гаваней, конвоировать торговые суда, которые перевозили запасы не только для нас, но и для союзников. Французский и итальянский флоты участвовали в этой работе, но по сравнению с нами их участие было незначительно и не требовало таких серьезных жертв от населения обеих этих стран. Нам нужны были люди не только для комплектования наших огромных военного и торгового флотов, но и для строительства новых кораблей и сотен судов для патрульной службы на морях, для текущего ремонта судов. Это по сравнению с тем количеством людей и материалов, которые необходимы были Франции, Италии, России или Германии для своих флотов, давало разницу в несколько армейских корпусов. Оккупация неприятелем нескольких аграрных и скотоводческих областей Северной Франции лишила французов значительной части ее хлебных и мясных запасов. Без помощи наших судов ни Италия, ни Франция не продержались бы ни одного года. Голод заставил бы их сдаться. Без нашего флота не было бы возможности перевозить наши войска и войска союзников, включая американские части, на различные театры войны, и не было бы возможности их там прокормить. Но комплектование наших военно-морского и торгового флотов и наших судостроительных и ремонтных верфей и доков, их вооружение и снабжение, комплектование команд для миноносцев и тральщиков и все бесчисленные мероприятия по борьбе со страшной подводной опасностью — все это в совокупности потребовало свыше миллиона человек. Если выделить из этого числа тех, которые по возрасту и здоровью годились для действительной военной службы, это составит контингент тридцати дивизий, по меньшей мере. Нет лучшего примера профессиональной ограниченности, чем тот факт, что даже военные деятели исключительных способностей, как генерал Фош, никогда не могли понять, насколько работа флота необходима для самого существования и единства союзников. Нельсон дал Наполеону первый урок по вопросу о значении флота в битве под Абукиром. Когда армия Наполеона оказалась отрезанной от источников своего пополнения и снабжения, Наполеон уразумел, что в море таятся такие роковые возможности, которые способны свести на-нет все схемы сухопутных стратегов. И в последующие годы ему еще не раз пришлось убедиться, как трудно одолеть врага, если он властвует на море. На Фоша, однако, никакие перебои и прорывы в снабжении не производили большого впечатления. Он никогда не понимал, что то неограниченное снаряжение, которым располагали его армии, и тот факт, что не только его солдаты, но и их семьи получали хорошее питание, — все это должно быть отнесено за счет мощного британского флота. Он считал, что отдавать боеспособных людей во флот значит терять людей попусту, что всему виной традиционное стремление Англии быть во что бы то ни стало самой могущественной морской державой. Он однажды очень раскричался по поводу такой преступ-

ной растраты людей и судов; Клемансо тогда же привел его в чувство. Фош спрашивал: «Что собственно сделали моряки? Они воевали, что ли?». И наши собственные генералы никогда не хотели считаться с той тягой к морю, которая есть у нашей молодежи. Однако они не имели бы солдат на полях сражения, если бы наши моряки и те, кто им помогал на берегу, не обеспечили бы полного контроля на море, и народ Англии под давлением голода должен был бы просить мира.

Но не только флот и судостроение оспаривали у армии необходимые ей запасы человеческой силы. Наша угольная промышленность также нуждалась в людях. Мы должны были не только дать уголь нашим сталелитейным и прокатным цехам, арсеналам и военным заводам, но снабжать также и Францию, потому что ее лучшие угольные месторождения находились в германских руках, и Италию, у которой нет своего угля. Мы фактически смогли дать Италии лишь небольшую часть того, что ей было нужно; и в результате население Италии очень страдало от недостатка топлива, и больше того — недостаток угля ослабил ее удельный вес на войне. Рабочие наших военных заводов напрягали все силы, чтобы поспевать за всеми требованиями на вооружение, непрерывно предъявляемыми армией. Эти требования возрастали с каждым сражением. В течение первых шести месяцев войны весь расход снарядов составлял приблизительно миллион штук, включая и совсем небольшое число снарядов тяжелой артиллерии. А в сентябре 1918 г. мы расходовали почти миллион снарядов каждый день, включая свыше 160 штук снарядов для тяжелой и сверхтяжелой артиллерии (от 6 до 15 дюймов). Заводы нашей страны выпускали также значительные количества вооружения для наших союзников. Мы давали значительную часть вооружения и для американской армии, включая тяжелую артиллерию и снаряды.

В другом месте я уже рассказывал* о той важной роли в деле снабжения Англии продовольствием, которую сыграла обработка наших полей. Если бы этого не было, Англии угрожала участь Германии и ее союзников: голод вызвал бы внутренние волнения, а затем и капитуляцию. А мы из тех продовольственных запасов, которые мы сумели создать внутри страны, смогли отдать часть импортной пшеницы Франции и Италии. И мало того: мы не побоялись пойти на серьезный риск и отдать часть транспорта, работавшего на поставках продовольствия, для переброски американских войск. Все это требовало значительного количества людей в тылу.

В течение всей войны мы должны были сохранять финансовое равновесие не только в наших интересах, но и в интересах союзников, а это значило, что промышленность должна была производить какое-то количество товаров, которые мы могли бы продать в обмен на приобретаемые нами продовольственные запасы. Когда американская миссия во главе с полковником Хаузом приехала

* «Военные мемуары», т. III, гл. 44, «Производство продовольствия».

к нам в Лондон в ноябре 1918 г., один из членов миссии г. Колби, помощник статс-секретаря казначейства США, выразил даже сожаление, что мы слишком сократили нашу экспортную промышленность во имя чисто военных задач. Он заявил, что правительство США, особенно казначейство, предпочитало бы, чтобы мы не доводили до крайности сжатие промышленности; это необходимо по многим экономическим и финансовым соображениям.

Для всех этих жизненно важных мероприятий, столь же насущных для нашего дела, как и борьба в окопах, мы нуждались в людях. Правительство должно было заботиться, чтобы каждая из отраслей работы имела хотя бы минимальный приток рабочей силы. Я уже рассказывал о том, как мы в ходе войны провели новые законы и административные мероприятия, имевшие целью учесть наличие рабочей силы в стране и наиболее экономно и целесообразно ее распределить*. С течением времени запас рабочей силы, занятой в своих обычных гражданских профессиях, из которого мы могли бы черпать дополнительные силы для работ на войну, все более истощался, пока не иссяк совершенно. Все мужское население страны было учтено и работало либо в армиях Англии, либо на предприятиях общенационального значения, снабжавших армию и флот, питавших нацию и ее союзников, либо на предприятиях, которые признавались общественно-необходимыми, и в правительственных учреждениях. Некоторые из этих предприятий испытывали такой недостаток рабочей силы, что мы признали необходимым взять для них людей из окопов.

В процессе максимального использования живой силы страны контингенты мужчин призывного возраста проверялись со все большей придирчивостью. Каждый, кто мог быть признан годным для военной службы (а требования наши становились все ниже и все растяжимее, по мере того как продолжалась эта истребительная война), призывался в армию, если только его работа в тылу не казалась более ценной для обороны, чем могла быть его работа в армии. Если же можно было найти ему заместителя среди людей непризывного возраста или негодных по состоянию здоровья, он надевал форму цвета хаки. Военные комиссии непрерывно работали во всей стране; военные представители в этих комиссиях требовали, чтобы каждый мужчина, годный для военной службы, направлялся в строй. Приходилось драться за каждого боеспособного мужчину. Нет сомнения, что некоторое число годных мужчин проскочило сквозь эту сеть и окопалось в тылу. Однако правительство не могло вмешиваться в действия комиссий, которые назначались самим же правительством.

Мы так и не смогли провести полностью схему «национального обслуживания», т. е. заставить все население и всех граждан, независимо от возраста и прочих условий, делать ту работу, ко-

* «Военные мемуары», т. I, гл. 9, «Министерство снабжения»; гл. 3, «Рабочий вопрос»; т. II, гл. 23, «Воинская повинность»; т. III, гл. 45, «Система национального обслуживания»; т. IV, гл. 59, «Волнения среди рабочих».

тбрай предписывалась им государством через его представителей. Даже Германия не смогла провести это сильнодействующее мероприятие, несмотря на постоянный нажим ее всемогущих военных руководителей. Все же по мере развития войны общественное давление и те экономические мероприятия, которые проводило правительство, в совокупности дали приблизительно такие результаты, какие могла бы дать эта система. Поскольку дело шло о мужчинах призывного возраста, законы о воинской повинности заставляли нас брать каждого из них на учет и отправлять либо в ряды армии, либо на работу оборонного значения. Конечно, были и у нас дезертиры, окопавшиеся в тылу «земгусары» («скримшанкеры»), или «франты», как их презрительно называли; они умудрились уклониться от военной службы, хотя не имели на то никакого права. Но их было немного. Если бы мы даже совершенно беспощадно вычистили всех этих тыловиков, наша армия получила бы пополнение, очень незначительное по численности и совершенно жалкое по боевым качествам. К концу 1918 г. мы могли смело сказать, что больше не осталось неисчерпанных источников для набора в армию. Если не говорить о контингенте молодых людей, достигавших призывного возраста в каждый новый год войны, — единственная возможность получить дальнейшие пополнения для армии заключалась в том, чтобы брать в армию людей, которые служили своей стране на других участках: на военных заводах, в угольных рудниках, на верфях, на транспорте, в промышленности пищевой и производящей предметы широкого потребления, а также в других самых существенных отраслях промышленности. Эти люди, однако, были необходимы каждый на своем месте.

Можно ли было взять значительную часть мужчин этих категорий в армию? Эту серьезную государственную проблему мы не могли решить одни, без военных властей. Трудно было ожидать, что генералы отнесутся к этому делу совершенно беспристрастно. Они привыкли беспечно тратить человеческий материал, который был дан им с такой щедростью. Эта привычка лишала их способности трезво взвешивать и беспристрастно решать. Но оставим в стороне даже это соображение. Генералы ведь не отвечали за наш военный и торговый флот, за наши верфи, железные дороги, сельское хозяйство, пищевую и текстильную промышленность, даже за производство снарядов. Они мало заботились также о сохранении единства нации, о предупреждении недовольства и волнений, которые сломали бы боевой дух нации. Они думали только о военных операциях. У них разгорались аппетиты; все с большей раздражительностью они требовали от нас все больших и больших армий. Они делали постоянные заявки правительству о пополнении потерь, о снаряжении новых частей, и по этим заявкам не видно было, чтобы великие генералы представляли себе, что и другие как-то отрасли национальной работы могут иметь законные претензии на живую силу. Никак нельзя было их убедить, что мы не можем вести важнейшие невоенные отрасли работы, располагая только отбросами военно-медицинских комиссий. Если мы ставили боеспо-

собного человека на какую-нибудь работу не в армии, генералы считали, что это настоящее предательство, которое совершают малодушные и неразборчивые в средствах политики. Разве не было еще в Англии сотен тысяч мужчин, которые до сих пор почевали дома? Если бы их послали во Фландрию, генералы сейчас же одержали бы блистательные победы. Это была война на истощение. Как выразился сэр Виллиам Робертсон: «Мы должны действовать по принципу игрока, у которого больше денег, чем у его партнера: мы будем заставлять его делать ходы и тратить, пока не сделаем его нищим»*.

«Официальная история» военных операций во Франции и Фландрии жалуется, что мы не всегда полностью и не всегда в срок выполняли заявки генералов на пополнения. Однако же мы послали для пополнения наших армий на западном фронте в 1917 г. больше, чем мы обещали, потому что потери по численности превзошли самые худшие предсказания. Наши критики из числа военных специалистов были бы в лучшем положении, если бы они помогли правительству и применили свое влияние, чтобы удержать генералов от преступной растраты сотен тысяч наших лучших молодых людей в совершенно безнадежных военных предприятиях. Если бы они это сделали, мы могли бы не допустить победы неприятеля во время весеннего наступления немцев в 1918 г. Не будем, далее, забывать, что огромные пополнения, которых потребовал от нас сэр Дуглас Хейг поздней осенью 1917 г., предназначались не для обороны его позиций, в ожидании прибытия американской армии, когда должно было начаться большое наступление по всему фронту, а для того чтобы он мог продолжать весной свое пашендельское наступление и погубить еще 200—300 тысяч человек, до того как союзники смогут оказать ему помощь. Французские генералы и многие из наших собственных генералов возражали против этого плана, и поэтому мы не имели никакого желания расстраивать хозяйство в стране, чтобы только дать людям Хейгу. С другой стороны, по данным, которыми мы располагали, и по тем данным, которые представил сам сэр Дуглас Хейг, силы, имеющиеся у Хейга, и наши пополнения позволяли отбросить любые наступающие силы неприятеля. Для этого необходимо было, однако, должным образом укрепить наши защитные линии, целесообразно распределить войска по отдельным участкам фронта, подготовить резервы так, чтобы они могли поддержать любой сектор, когда возникнет опасность.

Это была не только математическая проблема. Настроения в тылу, на внутреннем фронте, столь же важны для победы, как и борьба на позициях во Франции. Беспощадные мероприятия для пополнения нашей армии вызывали в стране волнения и забастовки; а революция в Британии вряд ли способствовала бы нашей победе. Некоторые из чрезвычайных мер, которые были проведены нами в критические дни весны 1918 г., чтобы дать пополнения нашей

* «Военные мемуары», т. IV, гл. 63, стр. 290.

очень стесненной армии, были чрезвычайно вредны для всей работы нашей на оборону на других важнейших ее участках. Только кризис оправдывал эти мероприятия; только кризис делал эти мероприятия психологически возможными. Если бы раньше попробовали это сделать, вспыхнули бы волнения в стране и, возможно, рухнул бы наш внутренний фронт. Так и случилось в Ирландии: наши мероприятия вызвали там бурное национальное движение протеста, и мы так и не получили от Ирландии рекрутов.

Когда мы говорим о требованиях на живую силу, которые предъявляла армия в конце 1917 г., и о том, как отнеслось к этим требованиям правительство, надо иметь в виду все эти соображения.

Одна из основных трудностей, которые встречало правительство при распределении живой силы, заключалась в том, что требования военного министерства беспрерывно менялись. Один чиновник, который занимался в военном министерстве, чисто статистической, как ему казалось, работой, признался мне однажды, что совершенно невозможно заниматься статистикой в военном министерстве. Повидимому, говорил он, здесь никто не знает основных правил арифметики. Это не значит, что они не умеют делать сложения и вычитания; но он до сих пор не встречал ни одного военного, который знал бы точно, что надо складывать и что вычитать. Рубрики и категории менялись каждый день. Все зависело от точки зрения того офицера, который производил данную операцию, или от его непосредственного начальника. А эта точка зрения беспрерывно менялась, и в зависимости от этого беспрерывно колебались цифры. А в результате всех этих бесконечных перестановок и перетасовок никто не мог толком ответить на простой вопрос: сколько у нас человек под ружьем. Один известный генерал, который был направлен к нам для изучения этого вопроса, рассказал мне, что, когда он начал свою работу, он обнаружил, что 40 тысяч человек бесследно исчезли; все они значились на довольствии, но никто не мог сообщить, где они находятся. Я понимаю, что мы можем ошибаться при оценке вероятных потерь неприятеля. Обе стороны обычно преувеличивают потери противника. Но одна оценка, с которой я познакомился, показалась мне совершенно дикой: там говорилось, что на Сомме, против английских линий, немцы потеряли миллион человек убитыми и ранеными и что столько же немцев вышло из строя во время сражения во Фландрии!.. И все же, когда вы складываете контингенты частей вашей собственной армии, получающих воинское довольствие, вы, казалось бы, имеете дело с задачей, которая уже не представляет серьезных трудностей для беспристрастного математика. Установлено, что цифры военных штабов не имели никакого отношения к реальному положению вещей; они варьировались в зависимости от намерений верховного командования в данный момент. Если генеральный штаб собирался начать новое наступление или возобновить старое, всегда оказывалось, что у нас подавляющее превосходство над теми силами, которые неприятель может выставить на нашем фронте.

Во время дискуссии в военном комитете кабинета в июне 1917 г.,

когда обсуждался план папендельского наступления*, сэр Виллиам Робертсон заявил, что в отношении живой силы он не предвидит затруднений. Он надеялся, что сможет послать 150 тысяч человек, из которых 20 или 30 тысяч необходимы для полного комплектования нашей армии во Франции, а остальные дадут возможность восполнить наши потери во время наступления. Робертсон собирался также послать 67-ю дивизию.

Фактически летом 1917 г. мы послали во Францию больше, чем обещали. Согласно письму, которое было послано военному министерству сэрром Дугласом Хейгом 15 февраля 1917 г., и несколькими последовавшим за ним письмам мы обещали ему дать между 1 марта и 31 октября 1917 г. 356 тысяч человек. А фактически мы послали 376 тысяч человек, т. е. на 20 тысяч больше.

Силы немцев на западном фронте в 1917 г. были значительно ниже франко-британских сил, а Хейг, когда он в июне защищал свой проект во Фландрии, уверял, что германские войска уступают нашим и по качеству.

8 октября в ответ на мой запрос Хейг представил начальнику имперского генерального штаба свои соображения о той тактике, которую должны будут применять британские армии, если Россия выйдет из войны. Он тогда заявил, что наши войска в хорошем состоянии, а германские очень истощены, что их резервы иссякнут к маю или июню 1918 г. и что к 1 апреля 1918 г. у союзников будет численный перевес над немцами на 30%. И это с учетом тех дивизий, которые немцы смогут перебросить с восточного фронта!

Правда, эти расчеты основывались на предположении, что потери британской армии будут восполнены за счет подкреплений из Англии. Однако нам сообщали, что армиям нехватает до полного комплекта всего только 75 тысяч человек; это число мы вполне могли дать. И если бы даже этот дефицит не был восполнен, наше превосходство, по расчетам Хейга, составляло бы к октябрю все же свыше 20%. Вот какие цифры были представлены нам, когда нужно было преувеличить наши силы, чтобы оправдать дорогостоящее наступление.

Но когда планы изменились и решено было отложить наступление до прибытия американских войск, мы попросили Хейга занять своими силами еще несколько участков фронта. Тогда сразу же наше так называемое превосходство улетучилось и превратилось в очень тревожное отставание. В течение всего времени, пока правительственный комитет занимался изучением вопроса живой силы, цифры, которые представляло ему военное министерство, беспорывно менялись. Кабинет не мог в своих расчетах исходить из сколько-нибудь устойчивых и надежных данных о подлинном положении вещей.

Цифры, представленные военным министерством в письме от 3 ноября 1917 г., показывали, что, если учесть солдат, которые

* «Военные мемуары» т. IV, гл. 58.

проходят сейчас лечение после полученных имп ранений и вскоре вернутся в ряды войск, чистый дефицит пехоты на 31 октября 1918 г. составит 259 тысяч человек. Большая часть этого дефицита будет покрыта значительным увеличением контингента солдат, прикрепленных к обслуживающим армию механизированным частям.

Новые цифры, заключавшиеся в меморандуме начальника имперского генерального штаба от 19 ноября 1917 г., показали, что армия имела в то время недобор приблизительно в 100 тысяч человек. Меморандум не давал ясного указания о том, на какой основе были выведены эти расчеты и почему, по всей видимости, не учтено увеличение численности всех остальных частей, кроме пехотных. «Чтобы восполнить нормальные зимние потери и полностью укомплектовать армии к апрелю 1918 г., нам недостает 500 тысяч человек, — говорилось далее в меморандуме. — ...Мы же пока можем рассчитывать только на 225 тысяч человек. К концу октября следующего года, если не будут проведены новые мероприятия, дефицит, по нашим подсчетам, составит 300 тысяч человек».

Через пять дней мы получили в письме от сэра Дугласа Хейга новые и еще более мрачные цифры. Он сообщал 24 ноября 1917 г. военному министерству, что «на основании прежнего опыта мы подсчитали, что к 31 марта будущего года дефицит британской пехоты во Франции составит приблизительно 250 тысяч человек, или около 40%».

По другому подсчету генерального штаба, который был произведен почти в то же время и отмечен в «Официальной истории»*, нехватка пехоты на западном фронте к 31 октября составит 460 тысяч. Все эти беспрерывно менявшиеся цифры оказались впоследствии совершенно фантастическими. Это были не расчеты, которые выводились понимающими людьми на основе законов бухгалтерии. Это были не цифры, а вспышки раздражения генералов, которые не сумели достичь того, что нужно было и что они обещали, и торопились поэтому возложить вину за собственную несостоятельность на тех политических деятелей, которые посмели предсказать полную неизбежность этих неудач.

Цифры, представленные генерал-адъютантом в последних числах декабря, давали еще новый вариант подсчета количества будущих потерь и потребности в подкреплениях. По этим цифрам выходило, что к 31 марта потери наших войск во Франции составят 260 100 человек, т. е. мы будем терять по 26 700 человек в месяц. Это было смехотворное преувеличение, и очень трудно не видеть в этом сознательное искажение перспективы**. Предполагалось, что в течение зимы мы будем только удерживать наши позиции; эти цифры не учитывали потерь от возможных больших

* Military Operations in France and Belgium, 1918, Vol. I p. 27.

** Общее количество потерь, фактически понесенных нашими армиями во Франции между 1 января и 31 марта 1918 г. составляло 195 567 человек. В это число уже входят тяжелые потери, понесенные в битве при Сен-Кантэне.

сражений, а Петэн оценивал свои потери за такой же период по гораздо большей линии в 40 тысяч человек в месяц. Общая потребность армий в пополнениях к концу сентября 1918 г. была исчислена в 1304 тысячи человек. Оказывалось, что, если даже учесть тех, кто уже носит форму цвета хаки в Англии, а также выздоравливающих после ранений и болезни, нам потребуется еще 600 тысяч новых рекрутов.

Когда пересматриваешь эти подсчеты, видишь, что, во-первых, они резко противоречат друг другу, и, во-вторых, они с каждым разом становятся все более паническими и хищническими.

Другая характерная черта в этих подсчетах военного министерства: они концентрировали все внимание на пехоте и почти совсем игнорировали ту живую силу, которая обслуживала другие части войск. По мере того как продолжалась война, состав механизированных частей наших армий возрастал. В артиллерии, пулеметных частях, в авиации, танках и на транспорте механизация играла все более важную роль и, следовательно, поглощала все больше людей. Превосходство союзников над немцами по механизации в 1918 г. в значительной мере ускорило нашу победу и обеспечило ее полноту. Поэтому ограничивать расчеты пехотой значило вводить в заблуждение. В полемических наскоках на правительство эти люди сознательно запутывали вопрос и сбивали с толку тех, кто ее знал, из чего состоят современные армии. Так например, указывалось, что в течение 1918 г. правительство обеспечило британской армии во Франции подкрепление всего в 100 тысяч человек. Это, конечно, вопиющая ложь.

Письмо сэра Дугласа Хейга военному министерству от 3 ноября 1917 г. указывало, что общая потребность в живой силе на ближайшие двенадцать месяцев, с учетом новых рекрутов и выздоравливающих, составляет 688 тысяч человек. Мы могли надеяться, что сможем обеспечить эти 688 тысяч, но не все это число могло быть отдано пехоте. Надо было сделать несколько вычитаний, из них самое серьезное — те 110 тысяч человек, которые должны были составить новые части авиационного корпуса, новые артиллерийские части, пулеметный корпус, танки, военные железные дороги; еще 80 тысяч человек мы должны были выделить в качестве резерва для уже существующих механизированных частей. Совершенно очевидно, что танковые и пулеметные части по боевой ценности во много раз превосходили соответствующие пехотные подразделения. И поэтому, если мы из потенциальных резервов пехоты выделяли некоторое количество людей и посылали их на фронт в виде новых боевых механизированных единиц, которые начинали играть все большую роль в военном состязании, — мы не уменьшали, а увеличивали боевую ценность живой силы, посылаемой на фронт. Но военные власти по своей косности не могли оценить этих самых наглядных уроков мировой войны. Когда военное министерство представляло нам данные о своей потребности в живой силе, люди, необходимые для обслуживания этих грозных военных машин, совершенно не учитывались. Нам сообщали цифры

«винтовок». Им мало дела было до того, что один танк со своей командой может прорвать неприятельскую линию с большими результатами и с меньшими потерями, чем целая рота пехоты; что подюжины пулеметов, если они хорошо размещены, могут поддерживать целый батальон. Все это неспособно было их утешить; они знали только, что потенциальные подкрепления пехоты сокращаются. Если уже эти новые орудия войны, о которых им ничего не рассказывали на лекциях в Военной академии, должны применяться в военных действиях (а они постепенно начинали понимать, что эти орудия тоже имеют некоторую вспомогательную ценность), — правительство должно было давать для них людей без ущерба для пехоты.

И вплоть до настоящего момента, если нужно обвинить правительство в невыполнении своего долга перед армией или изобрести какое-нибудь оправдание для провалившихся генералов, все наши противники приводят только цифры, относящиеся к пехотным контингентам. Они совершенно игнорируют тот факт, что нам приходилось изыскивать живую силу для укомплектования все возрастающих механизированных частей армии — артиллерии, пулеметных частей, танков, аэропланов и фронтовых железных дорог, — а между тем эти части в сотни раз увеличивали боевые возможности армии. По сравнению с первыми днями войны механизированные средства обороны в британской армии колоссально увеличились. Количество орудий тяжелой артиллерии, которая определялась раньше десятками, теперь исчислялась в тысячах, а по весу, калибру и дальности они возрастали еще более бурно. В 1914 г. у нас было несколько жалких сотен пулеметов; а в 1918 — десятки тысяч. О танках в те дни никто еще даже не думал, теперь же они играли очень существенную роль в каждом большом наступлении. Что касается авиации, то она возросла безмерно и по количеству машин и по мощи. Пехота, конечно, и сейчас еще была необходима, чтобы удерживать позиции и извлекать все результаты от работы механизированных частей. Но каждый пехотинец стоял теперь во много раз больше, чем в те мрачные дни, когда его можно было безнаказанно забросать бомбами в его окопах и когда защищавшая его слабенькая артиллерия не умела даже прорвать заграждение из колючей проволоки. А он должен был наступать на эти заграждения и на траншеи, в которых были спрятаны неприятельские бойцы и неприятельские пулеметы, косившие наши наступающие войска. Механические орудия сделали работу пехоты более легкой и менее опасной. Артиллерия пробивала заграждения из колючей проволоки, сметала окопы и пулеметные гнезда неприятеля, защищала наступающие войска, одновременно бомбардируя противника; танки прорывались через все препятствия и поддерживали наступающую пехоту. Авиация не только проводила разведку и наблюдение за противником, но уже принимала непосредственное участие в борьбе. Во время весенних сражений, когда превосходные германские части упорно теснили нашу пехоту, наши аэропланы атаковали противника с воздуха при помощи бомб и пулеметов и помогли разрядить обста-

повку и сдерживать напор германского наступления. Только те, кто пережил Певшанель, Фестюберт и Лоос, когда наших пехотинцев спокойно расстреливали перед неприступной для них линией колючей проволоки, понимали, что значили для британской пехоты новые механические средства войны. Ни один пехотинец не стал бы возражать против того, чтобы мощь этих военных машин была усилена даже за счет некоторого сокращения численного состава его дивизии. Огромные улучшения наших коммуникаций за линией фронта составляли также источник новой силы для наших армий. Мы построили сотни миль новых шоссе и железных дорог для облегчения переброски людей и материалов на позиции и по боковым направлениям — с одного участка фронта на другой. Легкость и быстрота, с которыми мы могли перебрасывать войска с одного участка фронта на другой, делали излишним концентрирование таких больших войсковых соединений на каждом участке. Этот факт отмечал известный германский штабной офицер полковник Ветцель, когда он перед мартовским наступлением советовал Людендорфу:

«Мы можем быстро перебрасывать необычайно большие силы по железной дороге, но наш неприятель на западном фронте может делать это еще быстрее, так как располагает превосходной сетью железнодорожных коммуникаций за линией своего фронта. Кроме того, обе стороны располагают большим количеством автомашин, которые уже не раз оказывали решающие услуги (Верден) в деле быстрого стягивания подкреплений... Мы должны считаться с возможностью очень быстрых контрмер на севере со стороны англичан и на юге со стороны французов, которые будут им облегчены ввиду широко развитой у неприятеля сети коммуникаций. Мы должны ясно представлять себе, что даже если наши войска будут иметь с самого начала большой успех, придется затем вести изнурительную борьбу с главными силами каждого из наших противников».

Полковник Ветцель был прав, когда высказывал опасение, что превосходные коммуникации за линией союзного фронта погубят германское наступление. Эти железные дороги спасли наши третью и пятую армии во время весеннего наступления, когда у противника было подавляющее превосходство в численности. И если бы мы ранее воспользовались этими возможностями, можно было гораздо ранее остановить германское наступление. Дороги позволили нам своевременно перебросить подкрепления на реку Лис и остановить немцев, которые готовили прорыв наших линий. Шоссе и железные дороги составляют фундаментальную часть оборудования современной армии. Они — грозное оружие войны. Интересно отметить, что улучшение наших коммуникаций было проведено в сентябре 1916 г. силами гражданской транспортной организации во Франции, вопреки воле военного министерства. Эта работа привела даже к конфликту между мною и военным советом в то время. И оказа-

лось, что наличие хорошего транспорта явилось одной из основных причин успехов в этой войне*. Коммуникационные линии не только спасли нас от катастрофы в марте и апреле; они сыграли очень важную роль при концентрации наших войск и артиллерии, которые в конце концов взорвали германские армии осенью 1918 г.

Но улучшения в деле механизации армии, которые составляли важнейшую черту этой войны, требовали отвлечения значительных кадров живой силы из пехоты и кавалерии на другие, новые участки. Все армии, кроме британской, достаточно рано осознали этот факт и сократили соответственно обычный численный контингент своих бригад и дивизий. Немцы первые поняли, что пулеметы автоматически увеличивают номинальное число бойцов. За ними вскоре последовали французы. Мы последние переоборудовали денности и позже всех приспособили наши дивизионные контингенты к новым условиям.

Сравнение цифр 1914 г. с цифрами последнего года войны лучше всего показывает, что распределение живой силы в армии изменилось коренным образом. Я привожу эти цифры ниже в специальной таблице, показывающей общую численность регулярных и территориальных (включая индийские и колониальные войска) частей британской армии, на родине и за границей, в августе 1914 г. и в марте 1918 г. Поскольку речь идет о цифрах за август 1914 г., надо помнить, что больше половины всех номинальных контингентов состояло из территориальных войск, которые были еще очень плохо обучены и еще очень не скоро могли принять участие в активных военных действиях. Количество солдат территориальных войск я привожу в скобках рядом с общим количеством наших сил в 1914 г. (см. табл. на стр. 326).

Из этой таблицы явствует, что численность пехоты возросла почти в шесть раз, но численность войск других родов оружия (исключая кавалерию, которая увеличилась только вдвое) возросла в четырнадцать раз. Увеличение механической мощи наших войск в четырнадцать раз дает еще гораздо большее увеличение боевой ценности всей нашей армии в целом. А вот другая характерная черта этого роста наших сил, которая имеет непосредственное отношение к обвинениям, предъявляемым военному кабинету: армия маршала Хейга имела гораздо более высокий процент механических частей в сравнении с общей численностью его человеческого состава на данном театре войны, чем какая-либо другая наша армия на другом фронте.

В свете этих поразительных цифр просто бесчестно говорить только о числе пехотинцев, точно это само по себе дает достаточное представление о работе правительства по снабжению живой силой наших армий на различных фронтах.

Целесообразно было кабинету, располагавшему очень сбивчивыми и противоречивыми данными, решить, каковы подлинные нужды армии. А знать это было существенно необходимо для разумного

* «Военные мемуары», т. II, гл. 28, «Транспорт».

Род оружия	Август 1914 г.		Март 1918 г.
	Общее число солдат британской армии	В том числе территориальные войска	Общее число солдат британской армии
Кавалерия	46 496	(25 418)	89 074
Артиллерия: легкая	58 766	(39 977)	339 135
» тяжелая	27 275	(—)	194 540
Саперы	24 035	(13 808)	301 241
Гвардейская пехота и армейская пехота	306 654	(166 701)	1 750 202
Самокатчики	—	—	20 430
Пулеметчики	—	—	100 879
Танкисты	—	—	20 173
Авиация	1 200	—	144 078
Вспомогательные части	14 491	(8 184)	318 700
Военно-санитарные части	17 840	(13 770)	141 740
Связисты	3 588	(153)	78 966
Трудовые части	—	—	34 555
Нестроевые части	—	—	3 277
Итого	500 345	(268 011)	3 889 990

распределения наших убывающих запасов живой силы с наибольшей пользой для дела между различными конкурирующими отраслями, из которых каждая требовала свою долю.

Нам говорили, что война, повидимому, затянется до 1919 г. и придется дать людей еще для двух кампаний. Поэтому мы в декабре 1917 г. решили организовать специальный комитет при кабинете для изучения проблемы живой силы и разработки необходимых мероприятий. В состав кабинета входили лорд Керзон, г. Барнес, сэр Эдвард Карсон и генерал Смутс. Председателем был я. Все необходимые данные были представлены министерством национального обслуживания из соответствующих учреждений, включая и военное министерство. Комитет рассмотрел следующие вопросы: соотношение сил союзников и неприятеля на западном фронте; наличные резервы каждой из сторон; гражданские кадры живой силы в Англии; для каких целей необходима живая сила; сколько можно мобилизовать людей для военных целей. Основным принципом работы комитета было следующее положение: главная цель — сохранение боевой силы союзников на прежнем уровне вплоть до того момента, когда американцы с их огромными ресурсами вступят в строй и создадут перевес в нашу пользу. Эта мера означала не только поддержку армии, но и поддержку нации в целом.

«Официальная история» отмечает с укоризной, что ни один из членов этого комитета не был военным. Генерал Смутс не признавался военным, — это замечательно характерный пример того, как работают мозги у профессиональных военных. Верно, ко-

печно, что он не посвятил всю свою жизнь военной службе, но это можно сказать и о сэре Герберте Лоуренсе, начальнике штаба сэра Дугласа Хейга. Те, кто воевал против Смутса в южноафриканскую войну, вряд ли стали бы отрицать за ним замечательные способности военного руководителя. И во время великой войны, после блестящей кампании в германской Юго-западной Африке, он в течение 1916 г. командовал нашими силами в Восточной Африке против фон Леттов-Форбека.

Во всяком случае это был комитет при правительстве, составленный из министров короны, отвечающих не только за управление страной и защиту интересов ее граждан, но и за ведение войны в целом на суше и на море. Армия не несет столь широкой ответственности; и офицеры-профессионалы не имели бы ни необходимых знаний, ни достаточного авторитета, чтобы решать вопросы, которые касаются всей экономической жизни нации и всей ее работы на войну в дипломатической, морской, промышленной, коммерческой и финансовой областях. Офицеры не изучали специально этих вопросов, и армия имеет столько же права претендовать на своего представителя в этом комитете, как и флот, министерства снабжения, финансов, промышленности, труда и земледелия, как управления судоходством, угольной или пищевой промышленностью. Однако «комитет по вопросам живой силы» располагал цифрами, которые представлял ему генеральный штаб военного министерства и которые основывались на результатах их исследований; начальник отдела военной разведки и генерал-адъютант присутствовали на заседаниях комитета, чтобы давать от имени военного министерства объяснения, которые мог бы от них потребовать комитет. Протоколы заседаний комитета представлялись в военное министерство для замечаний. Поэтому указание «Официальной истории», что в комитете не находила отражения точка зрения военных, надо признать неостроумным.

Отметим раньше всего данные комитета о соотношении союзных сил и сил неприятеля на западном фронте. Когда мы составили первый наш доклад, генеральный штаб сейчас же признал, что наши цифры о соотношении сил слишком оптимистичны, и противопоставил им другие цифры. Но даже и эти цифры вряд ли можно было признать очень тревожными.

По окончательным данным генерального штаба в декабре 1917 г. соотношение сил на западе было таково: у союзников было на французском фронте $169\frac{1}{2}$ дивизий, у немцев 151 дивизия; это составляло 3 420 тысяч (исключая 11 800 индийских войск) союзных бойцов по сравнению с 2 536 тысячами германских бойцов, т. е. превосходство на стороне союзников на $18\frac{1}{2}$ дивизии, или 884 тысячи бойцов. На итальянском фронте союзники имели превосходство над соединенными силами австрийцев и немцев на 409 тысяч бойцов.

Несмотря на значительное превосходство, мы оказались неспособными прорвать германский фронт. В сущности уже с 1915 г. союзники имели на западном фронте несомненное численное превос-

ходство. В 1917 г. соотношение равнялось уже 7 к 4 в пользу союзников. К концу 1917 г. общая численность боевых сил (а не номинальная численность) французских и английских войск на всех театрах войны составляла 3 700 тысяч человек, тогда как у немцев на всех фронтах, на востоке и западе, было 3 400 тысяч. Если сравнить общую численность союзных сил на всех фронтах (включая бельгийцев, итальянцев, португальцев и т. д.) с численностью войск центральных держав и их турецкого и болгарского союзников, — союзники, не считая русских и румын, имели 5 400 тысяч бойцов, а центральные державы — 5 200 тысяч.

Русских и румын мы не приняли в расчет. Но даже если бы они заключили сепаратный мир с Германией, ей все же пришлось бы содержать значительные силы на восточном фронте по причинам, о которых я говорил в другой главе. Германия, конечно, могла в таком случае перебросить некоторое количество дивизий на запад; это дало бы ей некоторое превосходство над союзниками по числу дивизий и приблизительное равенство по числу бойцов, но не по артиллерии, танкам и аэропланам. Но ведь союзники при соотношении 7:4 все же не могли прорвать германские линии в 1917 г. Какие же были основания считать, что немцы, имея приблизительное равенство с нами по числу бойцов, но располагая войсками плохого качества и весьма низкой боеспособности (см. меморандум Хейга от 8 октября 1917 г.), смогут порвать союзные линии весной 1918 г., когда они уже значительно уступали союзникам в отношении механизации и мобилизации своих войск?

Мы должны были ясно сознавать, что то превосходство, которое мы имели еще в декабре 1917 г., быстро уменьшалось, по мере того как Германия перебрасывала войска с русского фронта. Поэтому к весне, пока еще не прибыли американцы, могло установиться приблизительное равенство сил. Комитет должен был подготовиться к тому положению, которое могло создаться в мае 1918 г. При этом надо было исходить из того, что немцы снимут с русского фронта столько дивизий, сколько окажется возможным снять при неустойчивом положении в этой стране и в зависимости от их собственных потребностей по организации снабжения Германии недостающими ей продовольствием и сырьем. Генеральный штаб подсчитал, что в этих условиях Германия сможет перебросить 41 дивизию, т. е. 824 тысячи бойцов. Мы считались также с возможностью переброски австрийских дивизий на западный фронт, но признали это — и совершенно правильно, как оказалось впоследствии, — маловероятным, поскольку речь идет о значительных диффах.

Но и союзники могли перебросить во Францию войска с других фронтов. Мы, так же как и военный совет в Версале, считали, что надо отозвать из Италии британские и французские дивизии или же надо итальянские дивизии перебросить во Францию. Генеральные штабы полностью отвечают за те задержки в переброске войск из Италии, которые имели место. Их дело, а не дело соответствующих правительств, было позаботиться о переброске войск, раз уже было получено согласие правительств на эти

передвижения. Мы знали также, что в случае особой крайности придется отозвать войска из Египта и Палестины, поскольку мы до смешного преувеличивали количество войск, необходимое для кампании в Турции. Мы решили также составить три белые дивизии из индийских войск, чтобы иметь возможность перебросить британские части во Францию. И в этом случае военные власти допустили необъяснимую и преступную медлительность. Но независимо от подкреплений с других театров войны, главные наши надежды связывались, конечно, с прибытием американских войск. Было неясно, как скоро это произойдет. Генерал Блисс в ту пору рассчитывал иметь во Франции к маю 10 боеспособных дивизий и 2 резервные, и еще столько же — в декабре 1918 г. Будем помнить, что американская дивизия по численности в три раза превосходила английскую, французскую или германскую дивизию.

Если сложить эти цифры, окажется, что в мае 1918 г. у союзников будет 176 дивизий против 192 германских и 3578 тысяч бойцов по сравнению с 3360 тысячами у немцев. Разница в нашу пользу будет возрастать из месяца в месяц.

Перехожу от вопроса о дополнительных подкреплениях к вопросу о резервах. Комитет подсчитал, какими резервами располагают обе стороны для поддержания своих сил на фронте на прежнем уровне и для пополнения потерь 1918 г. Если предполагать, что после отправки 41 дивизии на западный фронт немцы смогут взять из остающихся на русском фронте дивизий 76 тысяч человек, общая численность германских резервов в течение всего года составит 926 тысяч человек. Предположительные резервы английских, французских и американских войск у союзников в течение года были исчислены в 1356400 человек. В это число включались 202400 человек американских резервов, не считая тех 20 дивизий, которые, как мы надеялись, вступят в строй еще до конца 1918 г. Фактически численность американских войск, участвовавших в борьбе до заключения перемирия в ноябре 1918 г., значительно превышала эти предположительные цифры, что стало возможным в результате тех специальных мероприятий, которые мы привели для переброски американских войск из Америки в Европу на британских судах.

Комитет отмечал, что дело не ограничивается статистическими величинами; есть еще такие вещи, как руководство армией, организация армии, настроение в тылу, боевой дух армии. У союзников были в качестве последнего ресурса огромные потенциальные возможности Соединенных Штатов. В рядах союзников было меньше мальчиков и стариков, чем в неприятельской армии. У них было больше артиллерии, танков, аэропланов и грузовиков. Защитники мартовского наступления доказывали комиссии рейхстага, что у немцев было незначительное численное превосходство, но и они признавали, что немцы уступали нам по количеству орудий и механических средств.

«Комитет по вопросам живой силы» учитывал все эти факторы, но подгадал, что:

«они не меняют общего вывода: союзники должны иметь возможность удержать свои позиции на западном фронте вплоть до того момента, когда достаточное укрепление за счет американских рекрутов начнет создавать перевес в их пользу».

Хотя во время весенних операций союзники показали невиданные еще примеры стратегической и тактической глупости, это предсказание, в конце концов, оправдалось.

После этого комитет в своем докладе переходит к разбору вопроса о наличной живой силе в Англии: для каких целей она используется в настоящее время; каков характер заявок на живую силу; какое количество живой силы может быть переброшено из различных отраслей гражданской службы в армию и во флот. Комитет рассмотрел заявки на новых рекрутов, которые поступили от различных организаций, и проверил расчеты, на которых основывались эти заявки; подсчитал количество мужчин призывного возраста, которые остаются еще в тылу на гражданской работе, установил профессии и должности этих лиц и степень необходимости той работы, которую они выполняют; рекомендовал ряд административных и законодательных мероприятий, чтобы обеспечить наилучшее распределение рабочей силы и максимальное укрепление нашей армии.

Заявки на физически полноценных мужчин составляли: 90 тысяч для флота и авиации и 600 тысяч для армии. Весь этот контингент мы должны были набрать из числа лиц гражданских профессий и передать в распоряжение соответствующих военных организаций. В этот расчет не входят контингенты мужчин неполной годности для нестроевой работы в армии и авиации. Не учитываются также юноши, годные для действительной военной службы по достижении ими 18-летнего возраста.

Представители флота не смогли обосновать свою заявку на 90 тысяч человек, поэтому комитет не смог проанализировать их расчет. Все же комитет в своих предложениях кабинету выделил 50 тысяч человек для флота из числа тех мужчин категории «А», которых он считал возможным перебросить с гражданской работы в строй.

Заявка армии на дополнительные 600 тысяч рекрутов из числа гражданского населения была обоснована длинными и подробными выкладками. Некоторые из этих таблиц никак нельзя было признать убедительными.

Военные власти определяли общее количество необходимой им дополнительной живой силы в 1918 г. в 1 304 тысячи человек. Из них 165 300 человек требовалось для пополнения состава авиации и артиллерии и новых, быстро возраставших, специальных отрядов войск, как пулеметные части, танковые части и т. д.; 95 тысяч — для доведения частей нашей армии во Франции до нормальных контингентов; 671 тысяча — для восполнения потерь нашей армии во Франции до 30 сентября 1918 г.; 192 тысячи — для восполнения потерь наших армий на других театрах войны до 31 октября; 160 ты-

саяч — для военного обучения и последующего использования в целях возмещения потерь на всех театрах войны между октябрём и концом января 1919 г.; 20 тысяч — для замещения опытных судостроительных рабочих, которые по требованию флота должны быть возвращены из рядов армии и переброшены на выполнение судостроительной программы.

Военные власти полагали, что из общего числа 1 304 тысячи человек 449 тысяч мужчин категории «А» будут получены за счет формирований в Англии вплоть до 31 октября 1918 г., а возвращающиеся в строй больные и раненые солдаты дадут еще 240 тысяч человек. Все это давало в общей сложности 689 тысяч. Оставался дефицит в 615 тысяч человек.

Однако объяснения, которые давали по этому поводу военные власти, в некоторых случаях вызвали недоумение. На некоторые из недоуменных мест комитет обратил внимание.

Начать с того, что общая численность наших боевых сил вовсе не должна была сократиться, если бы люди, необходимые для усиления артиллерии, авиации, пулеметных и танковых частей, были набраны из числа нормально мобилизуемых. Конечно, это сократило бы контингенты пехоты, но ведь новые специальные формирования этого рода в очень большой мере повышали бы боевую ценность пехоты. Поскольку возрастало количество наших пушек, мы могли экономить на «пушечном мясе».

Поскольку мы не имели возможности усилить новые специальные части до желательного предела, сохраняя в то же время нормальные традиционные контингенты пехотных дивизий, приходилось либо сократить число дивизий, либо сократить контингент пехоты каждой дивизии. Все важнейшие воюющие армии стали на путь сокращения пехотного контингента дивизий. Французы в свое время требовали от нас того же самого. Чтобы получить максимальную пользу от новых механизированных частей — пулеметов, траншейных мортир и т. п. — и от значительно увеличившей свои силы артиллерии, естественно, надо было придать эти специальные части к максимально большому количеству пехотных частей. В этих целях французы и немцы уже провели сокращение числа батальонов дивизий с 12 до 9; контингент каждого батальона также был сокращен. Это не значило, что обе эти воюющие страны уже истощили свои запасы. В самом деле, Германия имела в 1918 г. значительно больше солдат на всех своих фронтах, чем в 1914 г. Но колоссальное увеличение механических средств войны позволило придавать каждой вновь формируемой части механизированную часть. И результат был тот, что новая дивизия с сокращенным контингентом пехоты была все же втрое сильнее, чем ее пехотная дивизия в начале войны.

Сэр Дуглас Хейг, однако, противился такой реконструкции. Он считал, что если невозможно поддерживать состав дивизий на старом уровне, лучше расформировать некоторое число дивизий, но не сводить состав всех дивизий к 9 батальонам. Фош же, наоборот, всегда подчеркивал важность сохранения прежнего числа дивизий, даже если невозможно обеспечить в прошлом признанный состав

в каждой такой части. Точно так же поступал германский штаб, и германские дивизии в конце концов насчитывали сплошь и рядом только 2—3 тысячи человек. Трудно предположить, что военные власти Франции и Германии уступали бы английским генералам в опытности, эрудиции и умении разобраться в вопросах военной организации. Наш военный совет и наш главнокомандующий упорно противились такой реорганизации. Они привыкли к двенадцати-батальонному составу дивизии, и они никак не могли понять, что методы войны коренным образом изменились с тех пор, когда сила нашего экспедиционного корпуса 1914 г. измерялась количеством и качеством наших стрелков и их знанием штыковых приемов. Наша артиллерия тогда состояла почти целиком из легких орудий, у нас было очень немного аэропланов, очень немного пулеметов и совсем не было танков.

«Комитет по вопросам живой силы» энергично требовал, чтобы мы последовали примеру французов и немцев и сократили контингент пехоты в дивизиях. Было совершенно очевидно, что возражения военных властей против этого проекта ничем не обоснованы. Даже «Официальная история», хотя она и считает нужным солидаризироваться с военным советом и главнокомандующим, не принимает их доводов и приводит совсем другие соображения:

«Можно было бы возражать не столько против самой реорганизации, которая увеличила бы соотношение числа орудий на тысячу человек пехоты, что было, конечно, чрезвычайно желательно, сколько против времени, которое было избрано для проведения этого мероприятия».

Интересно знать, какое можно было выбрать более удачное время для проведения этой «чрезвычайно желательной» реорганизации? Почему январь и февраль — сравнительно тихое время на фронте — не являются наиболее подходящими? Дневник войны показывает, что с конца декабря 1917 г. до середины марта 1918 г. на западном фронте совершенно прекратились даже самые незначительные боевые операции. Это был самый длинный период передышки за последние два года.

Предложенное комитетом сокращение контингента дивизий было, наконец, проведено военным министерством 10 января 1918 г. Предполагалось, что реорганизация будет закончена 15 февраля. На самом деле она проводилась гораздо медленнее. Только три из наших четырех армий во Франции закончили свою по-дивизионную реорганизацию до конца февраля, а четвертая армия — 4 марта. Пехота, стоявшая в Пашенделе, не должна была быть сокращена до самого последнего момента, что бы ни случилось на других фронтах. Все это — и гнев военного совета и главнокомандующего, и волокита при проведении этих мероприятий, и недовольный тон «Официальной истории» — дает еще одну печальную иллюстрацию той косности и упорного нежелания применить новые методы в новых условиях, косности и упорства, которые так тормозили наши усилия в этой войне, и по-прежнему такие тяжелые и бессельные жертвы. Гражданские деятели

должны были заставить армию ввести и усовершенствовать применение танков, пулеметных частей, тяжелых орудий, взрывчатых веществ, новых транспортных средств и всего того, что могло сэкономить живую силу и повысить ее боевую ценность. В этой связи стоит, пожалуй, отметить, что 15 января 1918 г. военный кабинет решил послать военным представителям в верховном военном совете в Версале телеграмму, в которой говорилось:

«Для того, чтобы мы могли использовать опыт других союзных армий, мы просим военных представителей в Версале сообщить нам срочно, какую экономию живой силы и транспортных средств дает максимальное и рациональное применение пулеметов, автоматических ружей, танков и других механических средств войны».

Кроме того, мы запрашивали военных представителей о предполагаемом количестве потерь. Количество потерь возросло по сравнению с 1917 г., когда имели место самые кровопролитные сражения и когда мы вели наступательную тактику. Французский опыт показал, что чистые потери (общее число жертв минус число раненых и больных, возвращающихся в строй) составляют только 25% всего состава частей, а наше военное министерство приводило соответственно цифру 55%. Британская армия, разумеется, очень упорно воевала во время своего наступления в 1917 г.; но так как в первой половине 1918 г. она должна была придерживаться оборонительной тактики, комитет признал расчеты военных учреждений преувеличенными.

В ответе комитету военный совет выражал свое негодование по поводу якобы ошибочного мнения комитета, что оборона требует меньших жертв, чем наступление. Военный совет заявлял:

«В истории этой войны или какой-либо другой войны ничто не говорит о том, что — раз уже началось сражение — оборонительная тактика обязательно влечет за собой меньше жертв, чем наступательная тактика. Поэтому, по мнению членов военного совета, наше решение об оборонительной тактике не дает оснований предвидеть меньшее число потерь, чем то, которое предусмотрено военным министерством...»

Однако опыт всей войны в целом, как впоследствии выяснилось, вовсе не подкрепляет это утверждение военного совета. Цифры потерь в этой войне, разработанные очень тщательно исторической комиссией комитета имперской защиты в 1922 г., показывают неопровержимо, что во время наших наступлений — а за исключением весны 1918 г. наши армии во Франции вели почти непрерывное наступление — наши потери относились к потерям наших германских противников на этом же фронте, как 3 : 2. На Сомме, во Фландрии и в других местах мы обычно несли на 50% больше тех потерь, которые мы причиняли нашему противнику. С другой стороны, во время больших германских наступлений в марте и апреле соотношение было обратным. Между 21 марта и 30 апреля 1918 г. общие потери

убитыми и ранеными на английском фронте составляли: 209 466 англичан, 308 825 немцев. Верно, что в результате крупнейшего наступления немцев на наши линии наши потери пленными и пропавшими без вести были больше их потерь в соответствующих обстоятельствах. Но если присоединить и эти цифры к данным о потерях каждой из сторон, баланс будет все же не в пользу немцев: англичане потеряли 302 869 человек, немцы — 343 769. Наши военные власти часто обвиняли немцев в том, что они преуменьшают свои потери, особенно в последний период войны. Если это обвинение основательно, — следовательно, немецкие потери во время их наступления еще больше превышали потери наших войск.

Только убитые, конечно, могут рассматриваться, как окончательные потери — значительное количество раненых поправляется и возвращается в строй. В английской армии соотношение возвращающихся в строй раненых составляло 5 из 9; остальные по выздоровлении возвращались к работе на гражданских должностях и освобождали других людей для армии. Число убитых во время германских наступлений в марте и апреле составляло: англичан — 28 128, немцев — 56 639. Таким образом, по числу убитых потери немцев были вдвое больше наших.

Когда позже, летом, мы возобновили наступление, наши жертвы опять оказались по сравнению с германскими в соотношении 3 к 2.

В расчетах, представленных военными властями «комитету по вопросам живой силы», особенно преувеличенными казались цифры потерь на других театрах войны. Общее число фактических потерь на других театрах войны, за исключением Франции, составило в 1917 г. 48 тысяч человек. Для 1918 г. военный совет исчислял потери в 192 тысячи человек. Министерство национального обслуживания считало, что даже при самых неблагоприятных обстоятельствах соответствующая цифра не будет превышать 120 тысяч человек. Независимо от того, правильной ли была цифра 120 тысяч или 192 тысячи, во всяком случае было ясно, что в первой половине года потребуется сравнительно немного из этого числа, и поэтому, если весной во Франции будет крайняя нужда в подкреплениях, можно будет перебросить значительные силы из восточных армий на французский фронт.

Военное министерство всячески раздувало цифры необходимых ему новых рекрутов в 1918 г. и одновременно всячески преуменьшало цифры тех сил, которыми оно уже располагало. Даже «Официальная история» несколько удивлена предположением военных властей, что они смогут перебросить из Англии только 449 тысяч человек. По отчетам военного министерства видно, что на 1 января 1918 г. в Соединенном королевстве насчитывалось 74 403 офицера и 1 486 459 других чинов английской армии, из которых 38 225 офицеров и 607 403 «других чинов» были уже «готовы» для службы в действующей армии. 78 886 человек входили в постоянные кадры, а остальные — около 800 170 — были рекрутами, проходившими обучение, работниками административной службы и «незаменимыми». Значительная часть этих 800 тысяч, которые проходили обучение,

уже скоро должна была быть готова, в случае необходимости, для переброски во Францию. Свыше 100 тысяч из них были юноши, еще не достигшие 19-летнего возраста. Парламент дал торжественное обязательство, что эти юноши будут отправлены на фронт только в случае большой опасности для нации. После мартовского наступления лимит — 19 лет — был снижен до 18½. В этом отношении мы последовали примеру Германии и Франции. Таким образом, мы имели основания считать, что если возникнет кризис, мы сможем перебросить из Англии на фронт гораздо больше, чем 449 тысяч человек.

Но сверх английских войск, находившихся на британской земле, мы имели в Англии еще наши заокеанские контингенты — исключая постоянные кадры — 8324 офицера, из них 4493 годных для службы в действующей армии и 187491 других чинов, из них 41065 подготовленных для военной службы.

В печати указывалось, что я будто бы задерживал в Англии такие большие воинские силы, потому что находился во власти «навождения» о германском нашествии на Англию. Никогда не было у меня этого навождения. Я всегда считал это жуупелом, который изобрели военные, добивавшиеся восстановления постоянной воинской повинности. Я всегда соглашался с мнением правительства Асквита, что немцы смогут только произвести налет на Англию или в худшем случае рейд без артиллерийской поддержки.

Таким образом, кроме тех пополнений, которые можно было наскрести из числа мужчин категории «А», работавших еще на гражданских должностях, военные власти имели в своем распоряжении значительное число войск, уже одетых в форму, из которых они также могли почерпнуть подкрепления для своих армий. Дело шло к тому, чтобы наилучшим образом использовать уже имеющиеся кадры. В итоге комитет имел основания считать, что, располагая огромными резервами обученных и обучаемых солдат в Англии, — резервами, которые все увеличиваются в результате мероприятий министерства национального обслуживания, — наши армии смогут продержаться в 1918 г. до того момента, когда приход американцев превратит равенство сил в наше численное превосходство над неприятелем. Это будет возможно, если будут приняты определенные меры для сокращения потерь и наилучшего использования наличных сил. «Комитет по вопросам живой силы» указывал, что путем применения более целесообразной стратегии и тактики, а также путем усовершенствования наших защитных укреплений необходимо избежать ужасающей растраты войск. Комитет предложил, чтобы контингенты дивизий были сокращены с четырех батальонов до трех в каждой бригаде; чтобы основные массы кавалерии были расформированы и использованы для укрепления танковых и авиационных частей; чтобы воинские части в самой Англии были в большей мере использованы для укрепления нашей действующей армии и для пополнения вспомогательных частей мужчинами категории «Б». Французы и немцы уже отправили людей этого класса в окопы на более спокойных участках фронта. У германцев

было на фронте 14 дивизий ландштурма. Однако Хейг и военное министерство отказывались следовать этому курсу. Они хотели иметь на фронте только солдат категории «А». В течение лета 1918 г. по настоянию Фоша наши генералы отказались от этого возражения, и результаты были превосходны. Люди категории «Б» отлично воевали.

Было некоторое утешение в том, что потребности армии, хотя и очень велики, но не так невыполнимы, как можно было думать, судя по цифрам военного командования. Многие можно было сделать путем исправления статистики военного министерства, а остальное могло быть достигнуто путем лучшего использования живой силы в самой армии. Когда комитет стал изучать остатки живой силы, которая оставалась еще на гражданской работе в тылу, оказалось, что эти остатки почти исчерпаны и, конечно, уже не смогут дать тех 600 тысяч рекрутов категории «А» в придачу к юношам 18 лет и мужчинам других военных категорий, о которых говорили военные власти.

У нас было еще в Англии на гражданских должностях три с половиной миллиона мужчин призывного возраста. Но из них только 950 тысяч были годны для службы в действующей армии. 355 тысяч из этих 950 тысяч работали на военных заводах и судостроительных верфях, 330 тысяч в угольной промышленности и сельском хозяйстве, 187 тысяч — на железных дорогах, на транспорте и в коммунальных предприятиях, а остальные 78 тысяч человек состояли из много раз прочищенных профессионалов разного рода, которых военные комиссии до сих пор признавали незаменимыми. С точки зрения практической было совершенно невозможно снять этих людей с работы. С одной стороны, некоторые из этих работ требовали большой физической силы и, стало быть, физически полноценных работников. Здоровые люди требовались для торгового флота, для судостроения, для судоремонтных доков, для угольной промышленности, сталелитейных и сталепрокатных заводов, для заводов тяжелого вооружения, лесопильных заводов, сельского хозяйства, железных дорог и для некоторых других отраслей промышленности и обслуживания. Далее: многие годные для военной службы мужчины оставались на своем посту в тылу, как высококвалифицированные и незаменимые работники — опытные инженеры, основные работники промышленности, торговли, финансов, правительственных учреждений. Они приносили нации большую пользу, чем если бы они работали винтовкой. По этой причине пришлось немало работников вернуть из окопов на заводы. Ведь в это самое время мы как раз искали в армии еще 20 тысяч опытных судостроительных рабочих, которые срочно потребовались для выполнения нашей судостроительной программы; надо было срочно возместить потери, которые причинили нашему флоту германские подводные лодки. Наш флот, от которого всегда зависело существование нашей нации, в 1918 г. должен был сыграть в защите страны и приближении победы союзников особую выдающуюся роль — флот должен был перебросить американские войска во Францию. Это был настоящий подвиг — люди, работавшие

на верфях или вернувшиеся на верфи с фронта, давали гораздо большие подкрепления нашим армиям во Франции, чем они могли бы сделать это, оставаясь на фронте.

Поэтому, хотя мы упорно продолжали проводить замену работников мужчин, годных для военной службы, женщинами и мужчинами, признанными военными комиссиями негодными для службы в действующей армии, оставалось еще некоторое количество профессий, по отношению к которым замена оказывалась невозможной. Военные власти приходили в ярость при виде каждого здорового мужчины, не одетого в форму. Но военное командование не несло ответственности за управление страной и нормальную работу различных областей народного хозяйства — вот факт, которого не уяснили себе до конца ни они сами, ни некоторые из их историков и апологетов.

При рассмотрении вопроса о замене и отправке на фронт людей категории «А», хорошо оплачиваемые места которых должны были занять менее годные для военной службы люди, надо помнить, как я уже указывал ранее*, что в Англии, в отличие от континентальных стран, общество не было подготовлено к тому, чтобы принять всеобщую воинскую повинность, как нечто вполне естественное. На континенте юноши росли с полным сознанием, что в свое время они должны будут пойти в армию и отслужить там свой срок и что в случае национальной опасности они будут призваны в армию, какую бы работу они ни делали в тот момент. Но в Англии служба в армии была всегда добровольной. Самая мысль о том, что людей можно заставить уйти с хорошо оплачиваемой работы на самую рискованную, самую низко оплачиваемую и самую несвободную из всех профессий, была совершенно новой, необычной для английских традиций. С этим было связано самым непосредственным образом так называемое «разводнение»**. Это было угрозой всему тому медленно воздымавшемуся зданию традиционных правил и норм, которые должны были оградить рабочего от каких бы то ни было покушений на его труд. Союзы встретили эти мероприятия, не скажу с озлоблением, но во всяком случае без энтузиазма и согласились только потому, что этого требовала тяжелая военная обстановка. Патриотизм выше всего, и профсоюзные лидеры пошли во имя родины на такие уступки, на которые они не пошли бы во имя чего бы то ни было другого. Мы должны были принимать эти уступки бережно, тактично, а не тиранически. Даже во время войны невозможно вести целую нацию на плацпарад, министры не могут орать на целую нацию и отдавать ей приказы, которые должны точно и немедленно выполняться под страхом попасть на гауптвахту. Есть страны, которые уже к этому приближаются. Но даже во времена самодержавия кроткие русские люди в конце концов восстали против такого с ними обращения.

Поэтому, подсчитывая максимальные цифры набора в армию

* «Военные мемуары», т. II, гл. 23.

** Т. е. замена высококвалифицированных работников менее подготовленными. — (Прим. перев.)

из числа мужчин категории «А», которые были заняты на гражданских профессиях, мы должны были не только избежать захирения важнейших профессий, но думать также о сохранении мира на внутреннем фронте. Остатки годных мужчин из числа рабочих состояли в большой мере из тех, кто не пожелал в свое время пойти волонтером в армию, и тех, которых не пустили в армию руководители предприятий, потому что без их помощи предприятия не могли бы нормально работать. Надо еще добавить к ним тех, которые в свое время записались в добровольцы и даже отправились во Францию, но затем вернулись назад на рудники и заводы или доки, потому что было признано, что их нельзя заменить. Эти последние не хотели, чтобы мы швырялись ими, как нам вздумается. Они были в большинстве добровольцами. Если бы мы их оставили в армии, они бы исполнили там свой долг, но мы без каких бы то ни было настояний с их стороны освободили их из армии и сказали им, что они должны служить своей стране, работая в тылу. Они, естественно, были бы очень раздражены, если бы мы их опять вытащили из заводов, одели в хаки, занумеровали как новобранцев и бросили в зловонные окопы для зимнего времяпровождения. Охота за людьми в Германии в последние несколько месяцев войны заставила десятки тысяч человек стать дезертирами, а еще через несколько месяцев сотни тысяч восстали и низвергли кайзера с престола. Некоторые из влиятельных лидеров профессиональных союзов уже начинали серьезно противиться дальнейшему «прочищению» их рядов для фронта.

Поэтому мы должны были тщательно взвесить: сколько мы сможем набрать работников гражданских профессий для армии и флота. Мы должны были, с одной стороны, установить, сколько можно будет набрать в армию, без того чтобы дезорганизовать и разгромить самые важные отрасли промышленности. И с другой стороны, как бы не зайти слишком далеко, не возродить методов вербовочных отрядов, которые насильно забривали людей в армию, и не вызвать такой психологической реакции, которая могла повлечь за собой катастрофу и погубить все дело. Управление государством в какой-то мере — наука, но в еще большей мере — искусство. Чтобы иметь успех, надо применять не только власть, но и благоразумие.

«Комитет по вопросам живой силы» пришел к заключению, что при учете относительной важности заявок первое место надо отдать заявкам флота. Как я уже указывал, работа флота имела бесспорно наикрупнейшее значение для нации и для всего дела союзников. Если бы флот не справился со своей задачей, крушение союзников стало бы неизбежным. С флотом тесно связывалась авиация. Развитие авиации с начала войны превзошло все ожидания и все предсказания военных специалистов до войны. Господство в воздухе стало одной из важнейших предпосылок победы. Авиация играла еще другую чрезвычайно важную роль — защищала наши города от вражеских налетов с воздуха. За флотом и авиацией следовали заявки судостроительных и судоремонтных предприятий, а также заявки торгового флота на судовые команды. Чтобы

прокормить нацию, перевозить войска, вооружение и продовольствие на различные театры войны, чтобы помочь нашим союзникам, чтобы перевозить американские войска, — для всего этого надо было восстановить потери нашего торгового флота, которые создали набеги подводных лодок. Не менее важное значение имело производство вооружений и механических орудий войны. Это требовало добычи угля для нас и для наших союзников. А за ними следовали пищевая и лесная промышленность.

Требованиям на боевой состав флота и авиации мы отдали абсолютный приоритет над всеми; в отношении живой силы для других важнейших отраслей промышленности мы предложили министерству национального обслуживания провести максимальную экономию, чтобы освободить возможно больше людей для армии. После тщательного изучения заявок на рабочих «комитет по вопросам живой силы» пришел к заключению, что путем некоторого общего нивелирования наличной рабочей силы в Англии и дальнейшей замены здоровых мужчин женщинами и физически неполноценными мужчинами можно будет получить для армии в 1918 г. из числа мужчин призывного возраста, занятых на гражданских профессиях, еще 150 тысяч человек категории «А» и 100 тысяч других категорий. Из этого числа комитет предложил отдать 50 тысяч мужчин категории «А» флоту, оставив 100 тысяч человек категории «А» и 100 тысяч низких категорий для армии. Эти последние 100 тысяч не годились для службы в действительной армии, но они могли быть использованы на вспомогательных работах в армии, освобождая тем самым здоровых мужчин для фронта и увеличивая нашу боевую мощь.

Итак, армия требовала 600 тысяч солдат категории «А» из гражданского населения в течение 1918 г., а комитет находил возможным дать, после самой решительной чистки, не больше 100 тысяч человек категории «А» и еще 100 тысяч более низких категорий, в придачу к тем 120 тысячам юношей, которые в этом году достигнут призывного возраста. Если окинуть взглядом прошлое, станет ясным, что на той стадии войны комитет уже не мог обещать больше, чем он обещал. Заявка армии на 600 тысяч во всяком случае, как я уже указывал выше, не могла быть обоснована никакими серьезными соображениями. Когда немцы в марте 1918 г. прорвали наш фронт и для нас стало делом жизни или смерти послать на фронт каждого мужчину, способного носить оружие, мы еще раз отчаянно прочистили важнейшие отрасли военной промышленности, взяли все, что можно было взять из скудных ресурсов живой силы на родине. Только стремление восстановить во что бы то ни стало равновесие в момент паники, которую создает большое поражение, могло оправдать эти мероприятия. Мы получили не много новых рекрутов для фронта, но самое напряжение всех сил нации внесло некоторое успокоение. Мы провели тогда сокращения, которые раньше были бы психологически невозможны: наши рабочие приняли эти требования только потому, что видели всю опасность положения. Последние из здоровых мужчин

были брошены в армию. Но даже эти крайние меры не могли дать нам сколько-нибудь значительные дополнительные силы. Как я уже указывал, «комитет по вопросам живой силы» предусмотрел для 1918 г. набор во флот и армию мужчин категории «А» (не считая юношей, достигших призывного возраста) в размере 150 тысяч человек. Фактическое число взрослых мужчин категории «А», которые были взяты в армию в 1918 г., составило 284 649. Превышение на 135 тысяч без малого, по сравнению с первоначальной сметой, после того как мы провели максимальный нажим и пошли на максимальный риск!

Много говорили вздора и много было предъявлено глупых обвинений правительству, от которого требовали наибольшего количества рекрутов в первой половине 1918 г. Очень яркий пример этого вздора находим в «Официальной истории»*, в списке, в которой приводятся цифры войск, посланных во Францию в течение января — августа 1918 г. Автор сообщает, что 548 327 мужчин категории «А» были посланы во Францию в течение этих восьми месяцев и делает из этого следующий любопытный вывод:

«Очевидно, что британские армии во Франции могли быть полностью укомплектованы еще до 21 марта без излишнего ослабления наших сил на других фронтах, если бы правительство этого хотело».

Это удивительное заявление со стороны человека, который имеет доступ к официальной статистике, о работе Британской империи на войну. Раньше всего, он должен знать, что эти 548 327 мужчин категории «А» не могли быть призваны путем набора, как бы этого ни хотело правительство. Большая часть этого контингента составила из войск, которые уже были одеты в форму в начале 1918 г. и из войск, которые находились в распоряжении военных властей в Англии — уже обученных или обучаемых или выздоравливающих после ранений и болезней. Поэтому, на мой взгляд, если военный историк считает себя вправе кого-нибудь обвинять, он должен обвинять военное командование.

А затем: совершенно непростительно военному писателю предполагать, что если такие-то количества солдат были посланы в августе, то они с равным успехом могли быть посланы и в марте. Из всего числа войск, находившихся в Англии в марте 1918 г., включая регулярную армию, территориальные части и контингенты из доминионов, — свыше 700 тысяч человек составляли офицеры и рядовые категории «А»; но из них только 227 545 офицеров и рядовых фигурировали в отчетах военного министерства, как обученные и готовые для отправки на фронт, включая и тех юношей, еще не достигших 19 лет, которые прошли уже необходимый срок обучения. Остальные мужчины категории «А» были еще не обученные рекруты или больные и раненые, еще не оправившиеся и не окрепшие после выздоровления. Каждый месяц новая партия ока-

* Military Operations in France and Belgium, Vol. I, p. 52.

зывалась готовой для отправки на фронт. Официальная статистика неопровержимо показывает, что солдаты, которые были отправлены во Францию между апрелем и августом, еще не были готовы к этому в марте. Автор «Официальной истории» должен был знать эти факты, или, может быть, он был настолько занят самим писательством, что не имел времени изучать факты, — в таких случаях писатели обычно полагаются на сплетни. Он должен был знать, что и запоздалый набор в армию, проведенный правительством, не дал такого удивительного увеличения контингентов, которое свидетельствовало бы о том, что правительство раньше небрежно отнеслось к своей задаче. Он должен был знать и то, что факт отправки таких-то контингентов в августе вовсе не говорит о том, что можно было послать эти контингенты в марте.

Часто приходится слышать обвинение, что британское правительство будто бы не давало людей для армии. Это обвинение не выдерживает никакой, даже самой поверхностной критики: достаточно присмотреться к официальным цифрам, опубликованным военным министерством. Рассмотрим цифры: а) общей численности британской армии, мобилизованной в Соединенном королевстве; б) общей численности наших экспедиционных сил на всех театрах войны; в) общей численности британских войск всех родов оружия во всей империи.

а) В марте 1918 г. общая численность британской армии, регулярной и территориальной, мобилизованной в самой Англии, — не считая войск доминионов, колониальных, индийских и туземных, — составляла 3 889 990 человек*. Вот каков этот гигант, которого военный кабинет, по словам его обвинителей, низвел до размеров пичтожной армии. Это была максимальная численность боевых сил, какими когда-либо располагала английская армия. Ни в один момент за все время войны в рядах армии, на родине и на фронтах не было столько бойцов, как во время германского наступления в марте 1918 г. Это была наивысшая точка войны, наивысшая точка в истории Англии, поскольку речь идет о мобилизации ее сынов на службу родины. Несмотря на страшную бойню на Сомме, несмотря на чудовищную резню в Пашенделе, наши военные власти имели в своем распоряжении в марте 1918 г. больше солдат, чем раньше, и все они были мобилизованы на нашем маленьком острове.

б) Равным образом общая численность британских вооруженных сил на всех театрах войны — наши экспедиционные силы, включая части из доминионов и другие контингенты из империи, но исключая цветные трудовые части, достигла в марте 1918 г. наивысшего предела в 2 834 890 человек. Это также была рекордная цифра работы британской империи на войну за все ее время. В эту цифру входит около 253 тысяч человек индийских и африканских войск.

Экспедиционные силы на западном фронте понесли тяжкие

* Statistics of the Military Effort of the British Empire, 1914—1920, p. 231.

потери за время фландрской кампании. Эти потери категорически превысили все предусмотренные нами цифры вероятных потерь. Перед началом этой кампании 1 августа 1917 г. общая численность британских экспедиционных сил во Франции составляла 2 044 627 человек (исключая диветные трудовые батальоны) — больше, чем когда-либо. Невозможно быстрее обучить людей и перебросить их на фронт, чтобы возместить потери, достигающие почти 400 тысяч. Но к 1 марта 1918 г. общая численность британских экспедиционных войск во Франции вместе с войсками, которые были отправлены из Франции на итальянский фронт (итальянцы обещали нам дать такое же количество своих войск), составляла 2 019 773 человека — на 25 тысяч человек меньше до-пашендельского уровня.

в) Общая численность всех вооруженных сил империи — в самой Англии, на различных театрах войны, в Индии и в портах, в которых мы имели свои горизонты, достигла своего максимума — в марте 1918 г., составляя 5 559 573 человек. В это число входили 4 982 254 человека британских войск, войск из доминионов, Индии и т. д. и 577 319 составляли туземные трудовые батальоны. Каждая из этих цифр представляет собою максимум за все время войны. Это потребовало невероятных усилий от государства, в котором не было традиций всеобщей воинской повинности и которое должно было пожертвовать свободой миллионов своих граждан и жизнью сотен тысяч в войне, которая велась за независимость другой нации. Враг не совершил набега на нашу землю, он не разрушил наших городов и сел, как это было во Франции. Мы не должны были освобождать народ нашей крови и нашего языка от чужеземного ига, как это было в Италии. Мы боролись за международное право, которое было нарушено в тот момент, когда враг напал на маленькую страну, которую мы обязались защищать.

В свете этих фактов и цифр, которые все приведены в официальной статистике военного министерства, обвинение правительства в том, что оно весной 1918 г. не давало людей в армию, покажется не только ложным, но и глупым.

2. ПЕРЕГОВОРЫ С ТРЭД-ЮНИОНАМИ И ИРЛАНДИЕЙ

Выполнение предложения «комитета по вопросам живой силы» о наборе еще 150 тысяч человек группы «А» и 100 тысяч человек более низких категорий из оставшегося трудоспособного населения оказалось далеко не легкой задачей. Все оставшиеся мужчины призывных возрастов были уже многократно просеяны, все полностью или условно освобождены от военной службы; новый призыв большого количества из них требовал осторожной дипломатии и откровенных переговоров с лидерами трэд-юнионов. Сэр Окланд Геддес, министр национального обслуживания, созвал общее совещание с лидерами трэд-юнионов, которое он должен был прервать в начале января, чтобы достигнуть соглашения с каждой группой трэд-юнионов в отдельности относительно мероприятий, которые необходимо провести в данной отрасли промышленности для вы-

полнения программы набора рекрутов. Общая конференция возобновила свои работы 18 января 1918 г. в Централ Холле, в Вестминстере, где присутствовало 350 делегатов от всех частей страны.

Председательствование на этом собрании было поручено г. Джорджу Барнесу, представителю трэд-юнионов в кабинете. Присутствовали также два других лейбориста, занимавших министерские посты — г. Дж. Х. Робертс и г. Клайнс. Я присутствовал на предыдущем совещании конференции 5 января, где произнес речь, в которой изложил мирные цели Антанты. Я выступил также и на этом втором совещании делегатов, указывая на существующую ситуацию и доказывая необходимость принятия дальнейших шагов для привлечения людей в армию и флот из рядов, бывших до сих пор освобожденными от военной службы.

Я говорил о необходимости полнейшей откровенности между правительством и представителями трэд-юнионов и обещал ответить в конце моего выступления на любой вопрос, касающийся общей политики. Затем я продолжал:

«Что касается предложений правительства, я хочу с самого начала сказать о методе их выполнения. Для получения солдат мы должны либо повысить призывной возраст, как это было сделано в Австрии, до 55 лет, либо вновь и вновь посылать раненых обратно на поле сражения... Что же касается неотложного характера этой потребности, то ни один человек, стоящий подобно мне и моим коллегам на наблюдательном посту, не сможет этого отрицать. Если бы эта потребность не была столь срочной, мы не выдвинули бы теперь этого вопроса... Точка зрения правительства такова: было бы безумием оторвать от промышленности людей хоть на один час раньше, чем в этом возникла необходимость. С другой стороны, было бы предательством по отношению к государству, к родине, к демократии, изменой делу свободы, если бы мы не выдвинули этого требования, когда в нем возникла необходимость».

Я указал на то, что если мы не сможем устоять против военной мощи Пруссии, нам никогда не удастся добиться от кайзера и Людендорфа даже самых скромных условий, о которых даже самые миролюбивые из нас не могли бы сказать, что они приемлемы. Вопрос вовсе не заключается в том, чтобы продолжать бороться для достижения какой-либо крупной империалистической цели. Я уже изложил перед ними наши мирные условия две недели назад; президент Вильсон почти в то же время изложил в основном те же требования. Эти условия были встречены во всех союзных странах с одобрением, за исключением разве некоторых экстремистов, которые считали, что они должны были быть более жесткими.

«Как были приняты они в Германии? Я прошу обратить на это внимание, особенно тех, кто думает, что мы виновны в бесконечном продолжении этого ужаса. Я бы не хотел иметь

этой войны на своей совести и в течение одной секунды, если бы мог прекратить ее с честью... Мы не получили ни одного отклика, ни от одного человека, занимающего какое-либо ответственное положение в Германии, который указывал бы на желание со стороны правящих кругов этой стороны подойти к вопросу в духе справедливости.

Мы требуем восстановления Бельгии. Есть здесь хоть один человек, который согласится на мир без полного восстановления Бельгии и возмещения причиненных ей несправедливостей? (Крики: «Нет!») Есть здесь такой человек? («Нет!»). Я бы хотел его видеть. Есть ли человек, который бы это сделал? — Что отвечает Германия? Мы получили только один ответ, от фон Тирпица, из глубины его души — «Никогда».

Такой же ответ, указал я, был дан на предложение о восстановлении Эльзас-Лотарингии и на требование, чтобы над Месопотамией и Палестиной не была восстановлена турецкая тирания. На мирные предложения, сформулированные самими британскими трэд-юнионами, в Германии не было ни одного благоприятного отклика от такого лица, которое имело бы право говорить по этим вопросам. В действительности от гражданских властей Германии вообще не было никакого ответа. Фон Кюльман молчит под давлением военных кругов; их ответ цивилизации передается через жерла пушек.

«Давайте отбросим иллюзии... Лучше совсем прекратить борьбу, если вы не собираетесь бороться, как надо. Если вы не хотите применить всю свою силу, вы совершаете убийство отважных воинов, которые находятся там уже три года. (Крики одобрения)... Если имеются люди, которые говорят, что не пойдут в окопы, то те, которые уже находятся в окопах, имеют право сказать: «Тогда и мы не останемся здесь». Предположим, что они это сделают, приведет ли это войну к концу? Да, приведет, но к какому концу?»

Я напомнил им, что русские солдаты это сделали, и немцы записали Ригу и русские острова Балтики. Если мы прекратим сейчас войну, то предоставим Англию, так же как и Францию на милость савойской жестокой военной автократии, которую когда-либо знал мир. Мы не можем выгнать Гинделбурга из Бельгии с помощью профсоюзных резолюций, но можем это сделать с помощью трэд-юнионных пушек и членов трэд-юнионов позади них. Только такими средствами добьемся мы торжества тех великих целей, которые были выдвинуты и трэд-юнионистами, и правительством, и президентом Вильсоном, — целей, за которые мы взяли на себя обязательство бороться.

«Не будем обманывать себя иллюзиями. Мы должны принять мир таким, каков он есть, а история демократии нам показала, что ни одна демократия никогда надолго не переживала отказа своих приверженцев умереть за нее... Если хоть одна профессия, одно ремесло, одна группа или один

класс в обществе считает себя свободным от обязательств, возложенных на остальных, то это является настоящим извращением принципов демократии... Мы боремся сейчас против привилегий, которых себе требует каста милитаристов. Демократия означает, что люди всех классов должны объединить свои привилегии и свои права... Мои личные убеждения сводятся к тому, что народ либо должен идти вперед, либо быть поработанным».

В конце речи по моему приглашению мне был поставлен ряд вопросов, большинство которых касалось проблемы возможности вести мирные переговоры на данной стадии войны и целесообразности встречи английских и германских социалистов и представителей трэд-юнионов в Стокгольме или каком-либо другом месте. На этот вопрос, повторявшийся в разных вариациях, я ответил, что в конечном итоге мирные переговоры могут вестись только аккредитованными представителями правительств данных стран. Великие демократические страны, как Америка и Франция, так же как и Италия и Англия, — все придерживаются такой же точки зрения.

«Глубочайшей ошибкой в понимании демократии является взгляд, что какая-либо часть, как бы она ни была влиятельна, в действительности представляет весь народ. Кто бы ни был направлен туда для ведения переговоров, он должен представлять всю страну, а не часть ее».

Я сказал, что тщательно ознакомился с этим вопросом, имея вначале склонность к поддержке таких секционных конференций; но был вынужден прийти к выводу, что это оказалось бы чрезвычайно опасным начинанием. Если мы позволим встретиться социалистическим группировкам для обсуждения условий мира, мы должны будем сделать то же самое для других организаций — филиппинских деятелей Германии и Англии, предпринимателей, торговцев и т. д. Все это закончилось бы полным беспорядком. Единственно эффективным путем для народов всех стран является стремление, чтобы их правительства представляли точку зрения населения, а затем предоставление правительству ведения мирных переговоров.

Один из делегатов задал мне вопрос, не предполагается ли национализация производства вооружений и прекращение таким образом частной наживы на производстве этих машин разрушения. В ответ я заявил:

«Все что я могу сказать, говоря о себе, это то, что я вполне разделяю предложение, высказанное в этом вопросе. Я считаю, что не должно существовать корыстной цели для поддержки производства вооружений во всем мире, и я полностью симпатизирую тому настроению, которое выражено в этом вопросе».

Следующий вопрос касался нашей политики в отношении Эльзаса и Лотарингии. На это я ответил следующим образом:

«Я думаю, что полностью высказал точку зрения правительства в последнем своем выступлении. Моя точка зрения заключается в том, что народ нашей страны поддержит французский народ. Этот вопрос должен быть решен ими. Вы должны помнить, что в действительности это не вопрос территории для французов. Это важнейший принципиальный вопрос. Он был подобен открытой ране на теле Франции на протяжении 50 лет. Они не могли жить спокойно на протяжении этого периода, и их точка зрения, без сомнения, заключается в том, что во Франции не может быть мира, пока этот вопрос не будет разрешен раз и навсегда. Если же не будет мира во Франции, не может быть мира и в Европе. Этот вопрос должен быть разрешен, если мы не хотим иметь длинный ряд войн в Европе».

Другой вопрос, который явно занимал умы трэд-юнионистов, заключался в том, какую лепту должны внести богачи на нужды войны. Собираюсь ли я провести их регистрацию? Я ответил, что «ни в одной стране ни при одной из войн богачи не были так высоко обложены налогами для военных целей, как в нашей стране. В настоящий момент обложение налогами доходов в нашей стране даже выше, чем в какой-либо иной из воюющих стран, не исключая и Германии. И если человек, задавший этот вопрос, посмотрит на бюджеты всего мира, он убедится, что мы пошли по этому пути дальше, чем какая-либо иная страна. Я не говорю, что мы пришли к концу этой дороги». В другом ответе на вопрос о налоговом обложении в противоположность займам я указал, что мы сохранили более высокое процентное отношение налогов к займам, чем в какой-либо другой стране.

Под конец я заверил моих слушателей, что мы прилагаем все усилия к тому, чтобы те цели, которые поставили себе в этой войне Америка и союзные страны, были насколько возможно и наиболее полно гарантированы; что мы стремимся установить такой мир, который позволил бы отменить воинскую повинность не только в нашей стране, но и во всем мире. Однако, до тех пор пока сила милитаризма не будет полностью сломлена, это останется недостижимым.

Этот откровенный обмен мнений закончился полной договоренностью между правительством и представителями трэд-юнионов, что дало возможность обеспечить их согласие на дальнейшие мероприятия по набору рекрутов, необходимых для обеспечения добавочным количеством людей флота и армии, согласно предложению «комитета по вопросам живой силы».

Законопроект, обеспечивающий проведение необходимых мероприятий по отмене освобождений и для дальнейшего набора, был уже внесен на обсуждение саром Окландом Геддесом, министром национального обслуживания, 14 января. После достижения этого соглашения с представителями труда мы могли уже ускорить продвижение наших мероприятий через дальнейшие стадии, и 6 февраля

1918 г. они получили санкцию короля. Главное возражение, высказанное в парламенте, исходило от представителей Ольстера, пожелавших включить набор рекрутов в Ирландии в предлагаемый законопроект. Сэр Окланд Геддес заявил по этому поводу:

«Причиной того, что правительство исключило какое-либо напоминание об Ирландии в этом законопроекте, заключается в том, что, по его мнению, после полного изучения этого вопроса предложение ввести обязательную воинскую повинность в Ирландии не помогло бы ведению войны. В настоящий момент нельзя рисковать, откладывая на недели и месяцы мероприятия, которые мы предлагаем провести в жизнь, если хотим получить людей, которых требует армия» *.

Это, однако, был вопрос, который причинил нам большие неприятности на протяжении всего года.

Когда началось великое германское наступление на нашем фронте в марте 1918 г., мы немедленно составили план для дальнейших мероприятий по набору рекрутов. На заседании военного кабинета 25 марта сэру Окланду Геддесу было поручено заготовить в ближайшее время краткий проект закона, который дал бы нам полномочия повысить подлежащий призыву возраст до 50 или 55 лет, брать на военную службу духовенство, посылать на работы за границу лиц, не вступавших в ряды войск по убеждениям совести, в парламенте и вне его. Разногласия эти не совсем совпадали с отношением партий. Бонар Лоу, подобно мне, сомневался в мудрости этого мероприятия, но другие юнионистские члены военного кабинета настаивали на проведении его. Кроме того, мы узнали, что трэд-юнионы будут чрезвычайно недовольны крайними мерами, принятыми в отношении английского населения, если население Ирландии останется ими незатронутым. Г-н Дьюк, генеральный секретарь по делам Ирландии, решительно высказался против такого метода пополнения армии и 27 марта представил нам меморандум генерала Магона. Меморандум гласил следующее:

«Призыв можно провести, но с величайшими затруднениями. Ему самым решительным образом будут противиться объединенные националисты и духовенство. Настоящий момент — самый неподходящий для такого мероприятия за все время моего пребывания в Ирландии. Будет брошен клич: «Долой Англию — пришло время Ирландии!» Произойдут забастовки, которые нарушат всю жизнь страны. Будет прервана железнодорожная, почтовая и телеграфная связь. В Ирландии в настоящее время меньше войск, чем это было на протяжении значительного периода времени. Часть войск еще должна быть отсюда взята. На это время нам понадобятся добавочные силы, по крайней мере две бригады (по моему

* «Official Report», 17 jan. 1918, Vol. 101, Col. 579.

нению, гораздо больше). И такое положение, я не сомневаюсь, продлится больше трех месяцев.

Ирландию надо будет разделить на несколько округов. Надо будет обсудить вопрос, проводить ли призыв всюду одновременно или округ за округом. Каким бы путем мы это ни делали, в стране необходимо будет ввести военное положение. Правосудие надо будет на время оставить в стороне, поскольку, по крайней мере в первые две недели, несомненно будут кровопролития и иные страдания для гражданского населения.

Количество людей, которое мы сможем получить в Ирландии, мне трудно определить. Десять месяцев назад я насчитал 160 тысяч человек при очень либеральном подходе к призыву. Сейчас, с увеличением возраста, мы сможем получить больше. Я думаю, что некоторые из призванных станут хорошими и преданными солдатами (значительное число призванных по всей вероятности причинит нам большие затруднения).

Полицию придется объединить в более крупные соединения, чем несомненно сократится ее полезность. Придется считаться с возможностью нарушения береговой охраны и с опасностью выступлений в деревнях.

Первое мероприятие, которое я предлагаю, заключается в том, чтобы немедленно устранить всех известных вожаков; добавочные войска должны прибыть на места всюду одновременно; каждый замеченный в неповиновении, кто бы он ни был, должен быть немедленно арестован.

Меры эти суровы, но положение очень серьезно. Иначе не обсуждался бы здесь вопрос о необходимости проведения призыва в такое неподходящее время».

Этот документ показывает, насколько серьезны были возражения против введения воинской повинности со стороны тех, кто был знаком с положением в Ирландии. Мы назначили второе совещание кабинета по этому вопросу, и на следующее утро, 28 марта, я вызвал сэра Джемса Кемпбелла, ирландского верховного судью, для того чтобы он изложил перед кабинетом свою точку зрения. Сэр Эдвард Карсон, ушедший из кабинета вследствие нашего решения вступить снова в переговоры с ирландскими националистами по вопросу о предоставлении гомруля, приемлемого для всего ирландского народа, был также приглашен для изложения своего мнения.

Сэр Джемс Кемпбелл решительно заявил, что введение воинской повинности в Ирландии будет стоить тяжелого кровопролития, а количество людей, которое оно нам даст, будет чрезвычайно незначительным. Его мнение имело особый интерес, так как Кемпбелл был решительным сторонником введения воинской повинности в Ирландии. К некоторому удивлению для нас сэр Эдвард Карсон с ним согласился. Он заявил, что с большим сожалением пришел к тому выводу, что результаты введения воинской повинности в Ирландии не оправдают себя вследствие осложнений, которые оно там вызовет. Если же, однако, британское правительство считает невозмож-

ным получение в Англии людей без введения воинской повинности в Ирландии, вопрос примет совершенно иной характер.

Почти невозможно описать, с какими осложнениями был связан вопрос о введении воинской повинности в Ирландии. В то время все еще заседал ирландский конвент, и мы надеялись, что он предложит нам какой-либо метод соглашения, на основе которого мы могли бы сформулировать и провести это мероприятие. Мы не могли рассчитывать на поддержку юнионистов, но мы были предупреждены, что если будет объявлено о намерении ввести эту меру, конвент немедленно будет распущен. Некоторые из наших советников утверждали, что новобранцы, которых таким образом получили, нам будут совершенно бесполезны. Г-н Дьюк, например, считал, что мы с одинаковым успехом могли бы взять в армию немцев. Военные же руководители, наоборот, высказывали очень мало опасений, и Хейг утверждал, что, как только новобранцы попадут во Францию, с ними не будет никаких хлопот. Против предложения, что введение воинской повинности в Ирландии вызовет там очень большое недовольство, было выдвинуто мнение, что уход молодежи в армию отрубит лапы шифферерам. Призыв ирландцев на военную службу, особенно без введения гомруля, создал бы в Америке чрезвычайно неприятное впечатление. Но если не будут найдены пути для разрешения этого вопроса, я ясно понимал, что мы потеряем всякую надежду на проведение законопроекта о повышении призывного возраста и дальнейших ограничений для освобождения от военной службы. Организованные рабочие заявили, что они самым решительным образом будут возражать против проведения мероприятия, которое волеет в армию еще десятки тысяч членов профсоюзов, уже давших армии миллионы солдат, оставляя в то же время в покое ирландских крестьян, наживающихся на войне и не давших взамен ничего, кроме неприятностей. В конце концов, мы боремся за восстановление маленькой католической страны, независимость которой была нарушена. Ирландцы, требующие для себя независимости, должны быть готовы взамен принести свою ленту для достижения подобной цели.

После тщательного рассмотрения этих противоречивых взглядов и соображений мы окончательно решили, что не будем немедленно вводить воинскую повинность в Ирландии, но внесем в законопроект пункт, дающий правительству право введения воинской повинности путем королевского указа. Мы будем также, но уже самостоятельно, проводить подготовку к введению гомруля в Ирландии. Мы считали, что, если этого удастся добиться к тому времени, когда мы закончим нашу подготовку для введения в Ирландии воинской повинности, самые тяжелые затруднения, стоящие перед нами в этой области, будут таким образом устранены.

Новый законопроект о военной службе был внесен 9 апреля. По этому закону все мужчины в возрасте до 51 года подлежали призыву на военную службу. Закон предусматривал также право ввести путем королевского указа повышения призывного возраста до 56 лет. В закон входило также постановление об отмене освобож-

дений и ограничение прав трибуналов в предоставлении ограничений. В отношении Ирландии предусматривалось следующее:

«Его Величество может путем издания указа распространить новый закон о военной службе на Ирландию; этот закон, будучи изменен и дополнен с целью применения его к Ирландии, будет иметь такую же силу».

Отношение к этому мероприятию в парламенте и во всей стране было таким же разноречивым, как и в кабинете. Представители Южной Ирландии, как и следовало ожидать, решительно восстали против этого параграфа, хотя при обсуждении его в комитете г. Девлин обещал присоединиться к нему, если мы добьемся создания ирландского парламента. Г-н Асквит также возражал против него, но, считаясь с чрезвычайным положением в стране, обещал не переносить свою оппозицию в кулуары. Исполнительный комитет Национальной либеральной федерации принял резолюцию, требующую проведения закона о предоставлении гомруля через обе палаты одновременно с применением закона о военной службе к Ирландии. При обсуждении вопроса в комитете г. Бонар Лоу обещал, что правительство примет все меры, чтобы добиться этого. В палате лордов и лорд Ленсдаун и лорд Лондондерри возражали против применения закона о военной службе к Ирландии. Закон, однако, благополучно был принят обеими палатами и 18 апреля получил королевское одобрение.

Прежде чем применить закон о военной службе к Ирландии, мы решили предпринять еще одну попытку получить там людей на добровольных началах. Г-н Дьюк выработал проект, предлагающий каждому округу, подобно организации старой милиции, представить определенный контингент рекрутов для создания ирландских полков. Одновременно мы принимали меры для проведения гомруля. Пока все это готовилось, мы получили сведения о том, что германские агенты готовят новое восстание в Ирландии, в котором принимают участие и лидеры шинфейнеров. Сведения носили такой характер, который заставил нас принять меры к аресту этих вождей и их интернированию. Вследствие этого надежда на проведение согласованного закона о гомруле на время отпала, и принятие закона о введении воинской повинности в Ирландии также было отложено. Мы продолжали кампанию поокружного набора, но без большого успеха. Время от времени от нас настойчиво требовали применения закона о военной службе; 21 октября 1918 г. сэр Генри Вильсон потратил целый вечер, горячо убеждая меня в этом. Однако я твердо придерживался нашего решения о том, что закон о военной службе и предоставление гомруля должны быть введены одновременно. Если мы не можем добиться последнего, мы не можем применить и первого.

Было бы пустой тратой времени гадать о том, что бы случилось, если бы мы сделали серьезную попытку ввести в Ирландии воинскую повинность в 1918 г. Нет никакого сомнения в том, что это вызвало бы кровопролитие и жестокое сопротивление, а также в том, что в Америке это вызвало бы большое раздражение. Трудно ска-

затѣ, удалось ли бы нам получить соответствующую компенсацию в виде необходимого нам количества людей. К счастью, мы добились победы без применения такого отчаянного мероприятия. Как я уже указал, наш последний закон о военной службе не дал нам каково-нибудь значительного количества рекрутов; без Ирландии такой набор и не был возможен, так как, вопреки всей критике, правительство уже сделало все, что было мыслимо, чтобы снабдить нашу действующую армию необходимым количеством людей. И это количество оказалось достаточным для существующей ситуации. Когда в ноябре был дан сигнал «прекратить огонь», три с половиной миллиона сыновей Британии все еще были под ружьем; наш морской флот сохранил за собой господство на морях, и наши торговые суда продолжали бороздить семь океанов; наши предприятия продолжали выпускать вооружение в большем количестве, чем когда бы то ни было, и наши склады были заполнены самым большим урожаем, какого наша страна не имела за многие годы. Во всех областях, где сыны Британии были призваны оказать свою поддержку победе союзников, они оказались достойными порученного им дела.

Глава восемьдесят первая

ДЕБАТЫ ПО ДЕЛУ МОРИСА

После того как второе германское наступление 1918 г. было успешно приостановлено, возник спор по вопросу о причинах, приведших к мартовскому поражению. Эти споры угрожали существованию правительства, а следовательно, оказали разрушительное влияние на судьбу либеральной партии.

Те, кто стремился избежать ответственности за тяжелое поражение, которое потерпела наша армия при первом весеннем наступлении, приписывали его целиком неумению правительства сделать все необходимое для пополнения тяжелых потерь, понесенных осенью нашей действующей армией во Фландрии. Положение дел изображалось таким образом, что 21 марта британская армия была отеснена неприятелем, численно значительно превышавшим ее, в то время как для подкрепления армии, попавшей в затруднительное положение, не было в наличии достаточных резервов. Хейг при встрече с Гофом после поражения заявил: «Мы не можем сражаться без людей». Распространялись самые фантастические цифры о разбитых остатках войск, с которыми Хейг должен был принять крупнейшую битву за все время войны и сражаться против всей мощи огромной германской армии. Ярким примером этой вредной болтовни является заявление, сделанное в это время г. Арнольдом Беннетом в одном из его наиболее фантастических «Рассказов старых кумушек», где он говорит, что численность английской пехоты снизилась до 250 тысяч человек.

Милитаристская печать подхватила это утверждение. В прессе, в общественных кругах, в клубах и кулуарах парламента была поднята кампания, которая в конце концов достигла кульминационной точки. Была создана политическая клика, неустанно, но тщетно стремившаяся свергнуть правительство за его попытки создать резерв для нашей находящейся под угрозой армии. Со времени войны апологеты генерального штаба неоднократно повторяли свои обвинения, не подтверждая их какими-либо статистическими данными. Поэтому я считаю своим долгом рассеять эту клевету, приведя официальные цифры, представленные правительству военным министерством. Я не буду ссылаться на иные данные, кроме тех, которые были официально представлены в то время соответствующим

шими военными властями. Моим главным свидетелем будет сэр Фредерик Морис, эта шипящая динамитная бомба, предназначенная для того, чтобы взорвать правительство.

Я уже достаточно подробно изложил те трудности, с которыми столкнулось правительство при комплектовании новыми кадрами своих вооруженных сил. Для каждой из воюющих сторон на пятом году войны это было нормальным явлением. Во всех и в каждой из этих стран военные штабы напрягали все свое влияние для изыскания последних пригодных для боины людей. В каждой стране они критиковали и старались запугать свои правительства за то, что последние оставляли пригодных людей для выполнения необходимой работы, вместо того чтобы отправлять их на фронт. В Германии Людендорф жаловался на то, что нехватает снаряжения для фронта и что противник гораздо лучше вооружен. В том же самом документе он протестовал против того, что на заводах слишком много годных для фронта людей, и требовал, чтобы они были выявлены и отправлены в армию. Подобные нападки на политических деятелей были лишь обычной формой бессмысленных придилок со стороны тех, кто не сумел использовать наилучшим образом материал, предоставленный в их распоряжение. Каковы же были обвинения, выдвинутые против правительства некоторыми из наших кабинетных вояк?

1. Мы недостаточно тщательно проверяли важнейшие отрасли промышленности нашей страны для изыскания пополнений чрезвычайных потерь, понесенных при Пашенделе. (Не будь этих чрезвычайных потерь, понесенных в этой кампании, пополнения были бы с избытком достигнуты теми мероприятиями, которые были приняты нами для набора солдат внутри страны и для замены индийскими войсками из Месопотамии белых войск в Египте.)

2. Зная о неизбежности столкновения нашей армии со значительно превосходящей ее германской армией, мы не приняли необходимых мер для усиления ее (лишь потому, что у нас не было достаточно мужества стать лицом к лицу с недовольством трэджюнионов, которое могли бы вызвать эти мероприятия.)

3. Мы отвлекали слишком большое количество наших войск на второстепенные участки, где успех ни в какой мере не мог помочь нам выиграть войну.

Что касается первого обвинения, то я полностью исчерпал его в главе о живой силе. Я доказал, что с точки зрения эффективного ведения войны правительство значительно лучше использовало человеческие резервы страны, чем использовали генералы ту прекрасную человеческую силу, которую они получили в свое распоряжение. Мы сделали все возможное, для того, чтобы избежать расточительности в отношении этого драгоценного фонда нации. Может ли кто-либо, беспристрастно ознакомившись с суровой историей наших бесплодных военных действий, сделать тот же вывод в отношении военных руководителей союзных армий — России, Франции или Англии?

Что же касается второго обвинения правительства в том, что оно вследствие небрежности или трусости допустило численное

превѣхсдство непрнятеля на западном фронте в такой степени, что военное командование было лишено возможности успешно бороться против германского наступления, то я приведу данные, представленные мне в то время теми самыми лицами из военного министерства, которые были нашими главными критиками. Моим главным осведомителем в этом вопросе был сэр Фредерик Морис, который впоследствии явился инициатором бешеной травли правительства в парламенте. Вплоть до конца апреля он оставался в штабе военного министерства в качестве начальника оперативного отдела, и именно он время от времени информировал правительство об относительной мощноти германских и союзных сил на западном фронте. 13 марта, за неделю до великого сражения, он доставил мне сведения о том, что «на этом фронте непрнятель имеет приблизительно около 1370 тысяч винтовок и 15 700 орудий, тогда как все войска союзников на западном фронте насчитывают 1 500 тысяч человек пехоты и 16 600 орудий. Относительная мощноти английской дивизии несколько превышает мощноти германской дивизии». Это обеспечивало наше превосхдство на 130 тысяч человек в отношении одной только пехоты. Если добавить к этому численное превосхдство бойцов в артиллерии, на танках и на самолетах, то это превосхдство будет еще значительно бльшим. 22 марта, на второй день великого мартовского сражения, нам были сообщены новые цифры. Статистические данные военного министерства были всегда подобны пескам пустыни. Малейшее изменение ветра превращало овраги в холмы и холмы в овраги, в зависимости от направления ветра. Вот как выглядели цифры, представленные кабинету сэром Фредериком Морисом, на этот раз подтвержденные не столь непостоянным математиком генералом Макдонофом, начальником военной разведки. Количество винтовок у немцев — 1402 тысячи, у союзников — 1418 тысяч, т. е. у союзников было превосхдство, равное двум германским дивизиям. При этом не учитывалось наше превосхдство в авиации, артиллерии, снарядах, пулеметах, танках и транспорте, которые усиливали нашу боевую мощь как в отношении людей, так и в отношении снаряжения.

Я уже приводил данные военного министерства о количестве орудий. 20 марта нам были представлены сравнительные данные о силах союзников и непрнятеля по другим видам оружия.

По этим данным, пулеметов у союзников было 100 тысяч, у непрнятеля — 64 тысячи. В кавалерии было: у союзников — 84 тысячи человек, у непрнятеля — 38 тысяч.

В сражении спешенная кавалерия представляет собою ценный резерв. В отношении танков мы обладали подавляющим преимуществом. По крайней мере в одном крупном бою это превосхдство обеспечило нам победу. 10 апреля, когда после битвы при Амьене наступило затишье и британская армия была накануне второго дня второго сражения на западном фронте, сэр Фредерик Морис представил кабинету «некоторые детали о соотношении сил союзных и непрнятельских дивизий в настоящий момент на западном фронте». Он признавал, что португальские дивизи-

зи вышли из строя; поэтому они не входят в эти данные. Пехота неприятеля была определена в 1370 тысяч человек, сражение и потери португальцев сократили количество винтовок союзников до 1450 тысяч. С самого начала первого сражения шесть или семь германских дивизий были переброшены с русского фронта. Морис считал, что они компенсировали германские потери при атаке. Он исчислял эти потери в 250 тысяч человек. Семь полных германских дивизий не составили бы и 60 тысяч человек — фактически только 50 тысяч винтовок. Во всех этих подсчетах заметно стремление преувеличить силы неприятеля и преуменьшить наши собственные силы. С другой стороны, преувеличивались наши собственные потери. Сопоставление производилось на основе количества винтовок, что не дает беспристрастного представления о действительном превосходстве нашей боевой мощи. Однако после гибельного сражения, во время которого Хейг жаловался, что он не может сражаться без людей, союзники на западном фронте все же обладали превосходством в отношении пехоты в 80 тысяч человек. Если сюда включить численное превосходство людей, занятых в артиллерии, на танках, на самолетах и в кавалерии, оно составило бы по крайней мере 150 тысяч человек. И все же наш главнокомандующий не смог удержать линии окопов, укрепленных и обнесенных проволочными заграждениями, при наступлении численно меньших сил неприятеля, качество которых, по его же признанию, было весьма низким. Почему? Потому что он не имел достаточно людей, видите ли! Это — оскорбление для английских и французских солдат, которые сражались с такой геройской доблестью. И если превосходство союзников в отношении человеческой и механизированной силы не было использовано таким образом, чтобы извлечь из них все преимущества в момент сражения, то на кого падает за это вина?

Вышеприведенные данные были представлены кабинету сэром Фредериком Морисом 10 апреля. В дальнейшем мы не получили никаких сведений, которые поколебали бы нашу уверенность, созданную тщательным и оптимистическим анализом генерала Мориса на основании данных разведки генерального штаба. 18 апреля начальник имперского штаба, который, по его словам, «только что возвратился из Франции», сообщил, что англичане и французы имели в резерве на три дивизии больше, чем немцы. Сюда не входили американцы, которые имели в резерве две или три дивизии. Увы, все наше превосходство внезапно исчезло в течение двух дней. В понедельник 22 апреля я узнал из еженедельной сводки, издаваемой генеральным штабом, что наше превосходство на 86 тысяч винтовок превратилось в превосходство немцев на 330 тысяч. Произошла ли в войсках союзников неожиданная катастрофа, подобная чуме, которая уничтожила в течение одной ночи армию Сеннахериба, — не знаю. По нашим сведениям, поступавшим из Франции, немцы понесли значительно более тяжелые потери, чем союзники. Германские официальные данные, попавшие к нам позднее, подтверждали нашу оценку. По это внезапное бедствие, создавшее такую зияющую пропасть в союзных батальонах, произо-

шло не на залитых кровью полях Франции или Фландрии, а в установленном коврами кабинете военного министерства. Причиной опустошения наших рядов была не германская артиллерия, а английское самопишущее перо. Что же произошло такого, что вызвало это бедствие? Сэр Генри Вильсон стремился обеспечить пост начальника оперативного отдела за лицом, к которому он имел бы большее доверие, чем к тому лицу, которое занимало его в данный момент. Поэтому он назначил генерала П. де Б. Радклиффа вместо генерала сэра Фредерика Мориса. Я не хочу обсуждать достоинства этих двух лиц. Я только считаю нужным отметить гибельное действие этой перемены на нашу несчастную, истерзанную частыми атаками пехоту во Франции и на наш обманутый народ. Немцы неожиданно получили подкрепление в 200 тысяч штыков, а 120 тысяч наших стрелков растворились в тумане. Американские дивизии были уничтожены полностью. Какое неожиданное бедствие! Естественно, я был потрясен этой необъяснимой переменой. Я понял, что битва переместилась на внутренний фронт. Поэтому я послал следующий документ генеральному штабу с тем, чтобы получить от него какое-либо объяснение этой катастрофической перемены в нашем военном положении.

«Военному министру.

Я совершенно не могу понять цифры о количестве винтовок союзников и неприятеля, напечатанные в сводке за прошлую неделю. Прежде чем я сделал свое заявление при внесении законопроекта о кадрах для армии в палате общин, я запросил штаб о предоставлении мне сведений о силах противника на западном фронте к началу сражения. Эти данные показывали незначительное превосходство союзников в отношении пехоты, превосходство $3\frac{1}{2}$ к 1 в отношении кавалерии, весьма значительное превосходство в отношении пулеметов и решающее превосходство в отношении авиации. Не было, однако, сведений о количестве самолетов с обеих сторон. Теперь мне сообщают, что после четырехнедельных боев количество винтовок неприятеля превышает силы союзников на 333 тысячи. Что произошло? Объяснение, данное в сводке, безусловно неудовлетворительно. Вот это объяснение: «С этого времени положение существенно изменилось вследствие уменьшения английских сил на шесть дивизий, потери для боевых целей португальских войск и переброски еще 18 германских дивизий из России, Италии и Балкан».

Я впервые услышал о 18 дивизиях, прибывших с Востока и Балкан, в самом начале сражения, так как данные, представленные мне штабом, сообщали о соотношении сил на 21 марта. Однако, если допустить даже, что прибыло именно 18 дивизий, общее увеличение германских сил далеко не достигало 333 тысяч винтовок.

Исчезновение восьми союзных дивизий составит в крайнем случае потерю около 70—80 тысяч человек. 18 герман-

ских дивизий составили бы еще 135 тысяч. Прибавьте эту цифру к минусу в 80 тысяч на стороне союзников, и общая сумма будет 215 тысяч.

Кроме того, автор этих строк не принимает во внимание дивизии, прибывшие во Францию для пополнения союзных сил с 21 марта. Их было шесть: две английских и четыре французских. Это составит по крайней мере 50 тысяч винтовок. Вычтем эту цифру из 215 тысяч. Остается 165 тысяч винтовок, составляющих ровно половину того превосходства, которое признавалось за немцами в тот момент. Если сведения, представленные мне штабом две недели назад, были ошибочны, то документ заключающий ошибочные сведения, должен был быть немедленно же пересмотрен, и министры, которые пользовались этим документом, должны были быть предупреждены о серьезной ошибке, заключающейся в нем. Если же, с другой стороны, я, а вследствие этого и палата общин и вся страна были введены в заблуждение две недели назад, то, значит, наступило время, чтобы ответственный за эту информацию департамент был коренным образом перестроен.

Но моя критика данных, содержащихся в военных сводках, не кончается на этом. Пулеметчики вовсе не были приняты во внимание, как будто они ни в какой мере не усиливали боевую мощь наших войск. Почему? Не потому ли, что союзники обладали весьма значительным превосходством в отношении пулеметов и для автора этого документа было нежелательным вносить в него какие-либо данные, преуменьшающие германские силы? То же соображение можно также применить в отношении неупоминания о кавалерии. Многие французские и, я полагаю, английские кавалерийские дивизии усилили количество винтовок союзных армий и сражаются теперь в рядах пехоты. Наше превосходство в отношении артиллерии составляет от 40 до 50 тысяч человек. Почему это не должно быть учтено?

Каким образом высчитал он, что 205 неприятельских дивизий составят 1617 тысяч винтовок? Мне известно, что неприятель имеет 9 батальонов в каждой дивизии и что каждый батальон состоит из 750 человек. Это составит менее 1400 тысяч винтовок. Неделю назад говорилось, что численность батальона неприятеля была увеличена перед сражением до 850 человек. Если это имело место, то это увеличение могло произойти за счет пулеметчиков или переброски 180 тысяч человек из тыловых частей. Если бы имело место первое, то количество пулеметчиков должно было быть учтено при исчислении количества винтовок на стороне французов и англичан. Если же имело место второе, то 180 тысяч человек должны были быть вычтены из 400-тысячного резерва, которым якобы располагали немцы к моменту начала сражений. И если бы последнее предположение подтвердилось, то, приняв во внимание потери немцев, выразившиеся в 300 тысяч человек и даже пред-

положив, что все 400 тысяч человек их запаса составляла пехота, что мало вероятно, у немцев нехватило бы 80 тысяч винтовок для пополнения своих дивизий.

С любой точки зрения этот документ чрезвычайно перьяпливо составлен, и я предлагаю провести тщательное расследование о том, как и кем он был составлен и кто ответствен за его просмотр и выпуск.

Д. Л. Л. Дж.

22. 4. 18.»

В тот же день я представил кабинету это любопытное произведение штаба военного министерства и потребовал разъяснения от начальника имперского генерального штаба. Пи Морис, бывший начальник оперативного отдела, ни Радклифф, его преемник, не присутствовали. Сэр Генри Вильсон, повидимому, даже не видел отчета и не был в состоянии объяснить расхождение между данными, представленными Морисом кабинету несколько дней назад, и теми данными, которые появились в еженедельном обзоре. Он уклонился от ответственности за представленные данные, но обещал произвести расследование и сообщить о его результатах. Я обнаружил, что начальник военной разведки, которому представляются все сведения о силах неприятеля и который их тщательно проверяет, ничего не знал о представленных мне последних данных. Новый начальник оперативного отдела еще не приступал к работе в момент, когда составлялись эти данные. В это время ответственность все еще лежала на Морисе. О Веллингтоне говорили, что его длинный нос стоит многих тысяч для солдат британской армии. О сэре Фредерике Морисе можно было бы сказать, что когда ему натянули нос, неприятель получил 400 тысяч штыков.

Известно было, что Морис надеялся получить командование или назначение в штаб во Франции, но Хейг не был склонен ввязываться в политическую интригу в Англии и в особенности в личную вражду, которая его не касалась. Судьба Робертсона не трогала его. Почему должен он беспокоиться о таком незначительном человеке? Итак, Морис не попал во Францию. Он провел свой неожиданный отпуск, интригуя против правительства среди противников его в парламенте и в прессе. Его суждения никогда не были особенно здравыми, а теперь, когда он был снят со своего ответственного поста в штабе, он стал совершенно невменяем. Более мягкого объяснения его поведению не может быть. Возможно, он советовался с друзьями. И если так, они, очевидно, были друзьями кого-то другого. Во всяком случае, они не были его друзьями. Он поместил в печати письмо, в котором уличал неточность сведений по военным вопросам, оглашенных в палате общин двумя членами правительства, — г. Бонаром Лоу и мною. Он все еще числился на военной службе. Сведения, которыми он обладал по этим вопросам, он мог получить лишь как член штаба. Действительно, он заявлял, что источником его осведомленности по одному вопросу был военный совет, на заседании которого он

присутствовал. Морис не просил разрешения огласить их. Если бы он был офицером английского экспедиционного корпуса и опубликовал письмо, подвергающее сомнению точность официального коммюнике, которое, по его заявлению, создает ложное представление о сражении, в котором он принимал участие, он был бы немедленно предан военно-полевому суду. То обстоятельство, что его обвинения были ложными, лишь усугубляет его вину. Текст письма сэра Фредерика Мориса был следующим:

«Редактору... газеты.

Сэр, мое внимание было привлечено ответами, данными г. Бонаром Лоу в палате общин 23 апреля на запросы г. Дж. Ламберта, полковника Берна и г. Прингля о протяжении британского фронта во Франции (*Hensard*, vol. 105, № 34, p. 815). Эти ответы содержат в себе некоторые извращения, которые в общей сложности дают ложное представление о случившемся. Здесь не место вступать в дискуссию по поводу всех этих фактов, но в тексте парламентского протокола по этому поводу сказано следующее:

«Г-н Прингль: обсуждался ли когда-либо этот вопрос на версальском военном совете?

Г-н Бонар Лоу: этот вопрос на версальском военном совете вовсе не был затронут».

Я был в Версале, когда этот вопрос решался верховным военным советом, на рассмотрение которого он был направлен.

Это — самое последнее из ряда неверных сведений, сделанных за последнее время в палате общин существующим правительством.

9 апреля премьер-министр заявил:

«Каково было положение в начале сражения? Несмотря на тяжелые потери в 1917 г. армия во Франции была значительно сильнее на 1 января 1918 г., чем на 1 января 1917 г.» (*Hensard*, vol. 104, № 24, p. 1328).

Это заявление предполагает, что боевая мощь армии сэра Дугласа Хейга накануне великой битвы, начавшейся 21 марта, не уменьшилась.

Это неправильно.

Кроме того в той же речи премьер-министр заявил:

«В Месопотамии имеется лишь одна белая дивизия, а в Египте и Палестине только три; остальные либо индийские, либо смешанные дивизии с очень незначительной долей английских войск — я говорю о пехотных дивизиях» (*Ibid.*, p. 1327).

Это также неправильно.

Итак, сэр, это письмо не является результатом военного заговора. Его не видел ни один солдат. Я по происхождению и по убеждениям столь же искренний демократ, как и премьер-министр, и я отнюдь не желаю, чтобы нашей страной управляли военные.

Причины, заставившие меня предпринять столь серьезный

шаг и написать это письмо, заключаются в том, что приведенное выше заявление известно в широких военных кругах как несоответствующее действительности. Это порождает к правительству недоверие, которое может в конце концов повредить прекрасному моральному состоянию наших войск, в то время как должно быть сделано все возможное, чтобы улучшить его.

Поэтому я решил, целиком сознавая последствия этого шага для меня лично, что мой долг гражданина должен превзойти мой долг солдата, вследствие чего прошу Вас опубликовать это письмо в надежде, что парламент, может быть, сочтет нужным произвести расследование сделанных мною заявлений.

Остаюсь преданный вам
Ф. Морис, генерал-майор.

20, Кенсингтон парк Гарденс,

6 мая 1918 г.»

Я должен несколько подробнее обсудить этот поступок не только потому, что он представляет собою последнюю из ряда попыток оппозиции и ее союзников в военных кругах, попыток, направленных к созданию трудностей для правительства и свержению его. Это имеет особенно большое значение потому, что оппозиция добивалась свержения правительства в тот критический момент, когда мы должны были напрячь все свои нервы и способности, чтобы выйти из создавшегося тяжелого положения. Этот поступок важно обсудить и потому, что он сыграл решающую роль на всеобщих выборах в конце года. Ни я, ни Бонар Лоу не упоминали об этом инциденте в течение всей выборной кампании, но избиратели не забыли и не простили тем, кто был инициатором или принял участие в заговоре в напряженнейший момент войны, и сторонники Мориса при голосовании потерпели поражение.

Вскоре стало очевидно, что сэр Фредерик Морис был орудием в руках более хитрых людей, которые использовали его для своих личных и партийных целей. Еще до появления письма наиболее яркими противниками правительства были в палате сделаны запросы, явно основанные на сведениях, полученных из военных источников. Когда впервые появилось письмо Мориса, оппозиционная печать подхватила его как повод для свержения правительства. «Вестминстерская газета», ныне уже прекратившая свое существование, и вдохновлявшая г. Мак-Кенна, лидера оппозиции, тотчас же ответила: «Должна произойти коренная перемена, и, если она повлечет за собою смену правительства, она должна также последовать. Правительство лишилось доверия страны». Статья заявляла о первом шаге оппозиции — создании парламентского комитета для проведения тщательного расследования обвинений генерала Мориса. «Таймс» требовал, чтобы расследование не ограничилось этими вопросами и включило вопрос о людском составе —

использовала ли армия должным образом те живые силы, которые были предоставлены в ее распоряжение, а также вопрос о версальском совете и, наконец, о единстве командования. Я сознавал, что подобное расследование, проводимое в момент великой битвы, было бы весьма опасным. Оно парализовало бы все военное руководство, так как отвлекло бы внимание министров и штаба от важнейших вопросов; оно раскололо бы нацию, и этот раскол распространился бы, без сомнения, и на армию. Поэтому я был сторонником того, чтобы принять вызов оппозиции на трибуне палаты общин при первой же возможности и так или иначе покончить с ним. Однако г. Бонар Лоу считал, что была задета его честь, и настоял на создании трибунала, состоящего из двух судей для расследования этих обвинений. Г-н Асквит требовал создания парламентского комитета (Select Committee). Г-н Бонар Лоу предложил создать судебный трибунал. Последнее предложение было отвергнуто оппозицией. В ответ на это г. Асквит уведомил, что он выдвинет предложение о назначении избранного комитета палаты.

Предложение для обсуждения, выдвинутое г. Асквитом, гласило:

«Должен быть назначен избранный комитет палаты для расследования обвинений в неточности некоторых заявлений, сделанных королевскими министрами палате, обвинений, содержащихся в письме генерала-майора Мориса, бывшего начальника оперативного отдела, опубликованном в печати 7 мая».

Это предложение было встречено противниками правительства как прямой вызов его авторитету, и оппозиционная печать уже начала обсуждать в заголовках своих статей шансы падения кабинета и возможность формирования очередного правительства. Правительство, говорили они, предложением создания судебного трибунала приняло принцип обследования. Но единственный приговор, который приняла бы оппозиция, должен был быть приговором избранного комитета. Характер данных, подлежащих расследованию, был таков, что они не могли быть представлены избранному комитету. Поэтому правительство должно уйти в отставку.

На следующий день 9 мая 1918 г., в палате общин состоялись дебаты по делу Мориса. Выдвигая свое предложение, г. Асквит несколько неожиданно опроверг какое-либо намерение напасть на министерство. «Предложение, которое я хочу сделать, — заявил он, — по своим мотивам или действию ни в коей мере не являясь воступом недоверия правительству, как оно было неправильно истолковано». Принимая во внимание, что поддерживающая его печать за последние два дня совершенно ясно высказывалась за то, что правительство не может принять это предложение, оставаясь у власти, это отрицание никого не могло обмануть. Г-н Асквит упорно защищал преимущества парламентского комитета обследования и драматически вопрошал: «Разве у нас есть еще альтернатива?»

«Будем продолжать войну», — предложил г. Стэнтон, представитель горняков. Г-н Асквит охарактеризовал это замечание, как «не относящееся к делу». Это замечание, однако, было встречено таким взры-

вом аплодисментов, какой мне редко приходилось слышать в палате. Свой ответ я начал с того, что отметил непоследовательность, которая характеризовала поведение генерала Мориса:

«Генерал, и генерал выдающийся, который вследствие тех или иных причин перестал занимать пост, на котором он находился в течение двух лет, подвергает сомнению, после того как он покинул свой пост, заявление, сделанное двумя министрами в течение того времени, когда он занимал этот пост. Занимая свой пост, он имел доступ не только к официальным сведениям, но и к самим министрам, и все же он тогда не подвергал сомнению эти заявления».

Генерал Морис был ежедневно в контакте со мною. В дни, последовавшие за тем заявлением, в точности которого он теперь выражал сомнение, он не присутствовал на военном совете. Ни на этих совещаниях, ни в частном порядке он не высказывал протеста ни мне как премьер-министру, ни своим непосредственным начальникам, военному министру или начальнику имперского генерального штаба, по вопросу, который теперь является для него столь важным, что заставляет его нарушить королевский указ и показать всей армии пример недисциплинированности.

Затем я разобрал предложение о создании парламентского комитета, выдвинутое г. Асквитом. Я указал, что разбираемый вопрос мог бы быть легко разрешен двумя беспристрастными судьями, но он связан с массой секретных сведений, которые являются государственной военной тайной не только нашей, но и наших союзников. Было бы в высшей степени нежелательно раскрыть их комитету палаты, и особенно такому комитету, в котором, несомненно, сильно разгорятся партийные страсти. С другой стороны, стало совершенно ясно, что предложение правительства о создании судебного трибунала неприемлемо для оппозиции. Враждебная печать, «которая подстрекала моего уважаемого друга, подталкивая его и указывая ему, что он должен сделать что-либо для свержения правительства», показала совершенно ясно, что никакое заявление, никакое решение любого секретного трибунала никогда не будет принято.

Поэтому я отказался от мысли организовать расследование и вместо этого предложил представить палате важнейшие факты, опровергающие обвинения генерала Мориса. По вопросу о сравнительной мощи британской армии на 1 января 1917 г. и на 1 января 1918 г. я показал, что данные, на которых основывался ответ на запрос по этому поводу 18 апреля, были взяты из сводки, полученной из собственного департамента сэра Мориса.

В действительности же — хотя я не мог привести эти данные палате, так как это повлекло бы за собою разглашение секретных сведений военного министерства, — официальные военные цифры оперативного отдела, на которых основывалось мое первое заявление, показывали, что общая численность британского экспедиционного корпуса во Франции составляла на 1 января 1917 г. 1594 тысячи человек и что на 1 января 1918 г. она равнялась 1970 тысячам

человек. Эти цифры включают в себя некоторые нестроевые части — китайцев, индусов и т. д. Если их исключить, то численность частей, строевых и нестроевых, указанная в «Статистических данных о военных силах Британской империи», будет следующей:

1 января 1917	1 591 745
1 марта 1917	1 802 048
1 января 1918	1 828 616
1 марта 1918	1 886 073

Сведения, представленные мне департаментом сэра Мориса 18 апреля, показывают, что боевая мощь только во Франции равнялась:

в январе 1917	1 253 000
в январе 1918	1 298 000

Я процитировал палате содержание сопровождавшего сводку письма из департамента сэра Фредерика Мориса, которое гласило:

«Из прилагаемой сводки можно видеть, что боевая мощь британской армии была на 1 января 1918 г. больше, чем на 1 января 1917 г.»

На это я заметил:

«Это сообщение поступило из собственного департамента сэра Мориса, через девять дней после того, как я сделал свое заявление! Я оставляю в стороне то, что все те части, которые были исключены как «нестроевые», представляют собою существенную долю мощи британской армии во Франции. В моем распоряжении имеются сведения, касающиеся частей, определяемых строевыми, которые показывают, что наше положение на 1 января 1918 г. было лучше, чем на 1 января 1917 г. В действительности между 1 января и мартом 1918 г. произошло увеличение, но я предпочел взять первый месяц года».

Далее я указал, что по вопросу о соотношении наших сил и неприятельских в марте 1918 г. самим генералом Морисом были сделаны 27 марта и 3 апреля следующие заявления, появившиеся в американской прессе:

«На всем фронте силы обеих сторон при начале сражения были приблизительно равными, и потому восстановление равновесия на поле сражения являлось лишь вопросом времени».

Если в сделанном мною заявлении и были какие-либо неточности, в которых меня обвинял генерал Морис, то они основывались на сведениях и цифрах, представленных собственным департаментом генерала, и, таким образом, он сам являлся ответственным за введение в заблуждение премьера, а следовательно всего населения.

Переходя к вопросу о количестве английских дивизий на востоке, я заявил, что не может быть и речи о том, что число их составляет только одну дивизию в Месопотамии. Что же касается количества дивизий в Египте и Палестине, то начальник имперского генерального

штаба информировал меня в присутствии Мориса, что их было всего три. Представленные мне сведения являются официальными. Однако я узнал впоследствии, что перестройка других дивизий путем замены британских войск индусами в то время еще не была закончена. Если в замене белых войск индусами произошла задержка, то правительство не является за это ответственным. Протокол совещания, куда было занесено заявление начальника имперского генерального штаба, был представлен Морису, не внесшему туда никаких исправлений. Нелепо обвинять меня в попытке ввести в заблуждение страну только за то, что я цитировал официальные сведения, полученные из департамента, непосредственная ответственность за которые лежит на том самом генерале, который оспаривает теперь точность моих сообщений.

По вопросу о протяжении британского фронта я, во-первых, указал, что генерал Морис не присутствовал, как он это утверждает, на заседании совета в Версале, когда обсуждался этот вопрос, и что его утверждение, приведенное в письме, ложно. Во-вторых, я разъяснил, что расширение британского фронта было установлено Петэном и Хейгом и, по собственному заявлению Хейга, было уже осуществлено. В дальнейшем предполагалось еще раз удлинить линию фронта, что так и не было проведено в жизнь. В-третьих, я перешел к обсуждению обвинения в том, что военный кабинет якобы навязал Робертсону и Хейгу против их воли расширение линии фронта. Тщательно подбирая выражения, с тем чтобы не задеть наших союзников, я сообщил палате о том, что французы настояли, как на военной необходимости, на принятии нами более длинной линии фронта; что Робертсон согласился на это при условии, что вопрос о том, какой участок фронта может быть им взят на себя, будет обсужден Хейгом совместно с Петэном. Таким образом, принятое расширение фронта ни в какой мере не было навязано кабинетом сопротивляющемуся военному командованию; оно явилось следствием настойчивого требования французского военного командования, которое согласовало его с нашим командованием. Расширение фронта было затем проведено в жизнь обоими главнокомандующими. В этой связи я зачитал палате меморандум сэра Виллиама Робертсона от 18 октября 1917 г., подтверждающий тот факт, что ни одно решение не было принято политическими лидерами за спиной сэра Дугласа Хейга. Меморандум гласил следующее:

«На последней конференции в Булони между премьер-министром, г. Пенлеве, генералом Фошем и мной французские представители подняли вопрос о расширении нашего фронта. Был дан ответ, что, хотя мы принципиально готовы сделать все возможное, вопрос этот, однако, не может обсуждаться в отсутствие сэра Дугласа Хейга или во время настоящих операций, и что в этом отношении оперативному плану следующего года должно быть уделено особое внимание. Было выдвинуто предложение о том, чтобы фельдмаршал договорился с гене-

ралом Петроном, как только это станет возможным. Насколько мне известно, дальнейшего официального обсуждения не было и потому вопрос этот нельзя считать решенным. Больше того, я совершенно убежден, что военный кабинет не предполагал разрешать столь важный вопрос, не запросив предварительно мнения сэра Дугласа Хейга. Я пишу ему об этом».

Я процитировал также протокол заседания военного кабинета от 24 октября 1917 г., с тем чтобы показать, что принятое тогда решение в отношении протяженности фронта совпадало с предложением сэра Виллиама Робертсона. Я бегло рассказал дальнейшую историю этого вопроса, которая подтверждает тот факт, что сэр Дуглас Хейг пользовался полной поддержкой и одобрением военного кабинета в предпринятых ими шагах для расширения линии фронта. Однако это мероприятие не было результатом решения кабинета, но было приято под давлением французского правительства и военного командования — давлением, которому он не мог противостоять.

Последствием дискуссии о протяженности британского фронта явилось выявление необходимости единства командования:

«Вопрос о протяженности линии фронта никогда бы не возник, если бы фактически существовало единство командования. Вместо одной армии и одного командующего, ответственного за один участок фронта, и другой армии и другого командующего, ответственного за другой участок фронта, одна единая армия — одно единое командование, ответственное за все в целом и за каждый участок, — было единственным способом, обеспечивающим безопасность. Я рад, что мы, наконец, поняли это. Это не было вопросом протяженности одного участка фронта, охраняемого одной частью вооруженных сил, и протяженностью другого участка фронта, охраняемого другой армией. Это было вопросом резервов, сгруппированных за этой линией. Если бы мы перебросили еще две или три дивизии на линию фронта, мы имели бы на две или три дивизии меньше в наших резервах, французы же имели бы еще две или три дивизии, которые они могли поместить в резерв».

Я выразил сожаление, что г. Асквит не осудил серьезное нарушение дисциплины, совершенное генералом Морисом, которое послужило чрезвычайно отрицательным примером для всей армии. Я закончил призывом к национальному единению перед лицом того серьезного положения, которое переживает наша страна. Спор подобного рода является напрасной тратой времени и энергии, которые правительство должно было бы использовать для подготовки к новому германскому наступлению.

«Я призываю вас к защите нашей общей родины, судьба которой решается на протяжении ближайших недель, чтобы положить конец всем этим раздорам».

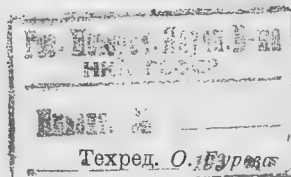
Сэр Эдвард Карсон тисетно призывал г. Асквита взять свое

предложение обратно. Несомненно Асквит обещал своим сторонникам довести дело до раскола и не мог взять предложение обратно. Оно было отвергнуто 293 голосами против 106. Оппозиционная печать не могла скрыть на следующий день, что оппозиция потерпела поражение не только в результате голосования, но и в результате того обстоятельства, что при ближайшем рассмотрении не оказалось оснований для выдвигаемых ими обвинений.

Генералом Морисом занялись военные власти, которые тут же уволили его из действующей армии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Глава шестидесят девятая. Перспективы 1918 г.	15
Глава семьдесятая. «Воюющие стороны формулируют условия мира»	25
Приложения	50
Глава семьдесят первая. Большевизм завоевывает Россию	63
Глава семьдесят вторая. Военное положение	102
1. Взгляды сэра Дугласа Хейга	—
2. План кампании 1918 г.	108
3. Стратегия союзников в 1918 г.	112
4. Совецание верховного союзного совета	123
Приложения	131
Глава семьдесят третья. Расширение линии британского фронта	141
Глава семьдесят четвертая. Падение Робертсона	155
Глава семьдесят пятая. Клемансо	182
Глава семьдесят шестая. Перед наступлением	191
Глава семьдесят седьмая. Мартовское отступление	217
Глава семьдесят восьмая. Бовэ и Северная кампания	237
Приложение	265
Глава семьдесят девятая. Американские армии во Франции	268
Глава восемьдесятая. Проблема живой силы	311
1. Перспективы на 1918 г.	—
2. Переговоры с тред-юнионами и Ирландией	342
Глава восемьдесят первая. Дебаты по делу Мориса	352

Редактор *А. Островская*

Корректоры: *А. Новакович, Е. Юревич*

Сдано в набор 7/V—37 г.

Подписано к печати 8/IX—37 г.

С матриц 1-й Образцовой типографии Огиза

Серия: Мемуары. Тираж 10000 экз.

Огиз № 1936.

Заказ № 506.

Формат бумаги 62×94¹/₁₆

23 печ. л. Авт. л. 27, 31.

Уполномоченный Главлита № Б-28543.

Цена книги 6 р. 85 коп. Переплет 1 р. 25 коп.

5-я тип. Травсжелдориздата, НКПС. Москва, Каланчевский туп., д. 3/5.

СОЦГИЗ

КОГИЗ

„ПАРТКНИГА“

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ
**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ
ИМПЕРИАЛИЗМА**

ДОКУМЕНТЫ ИЗ АРХИВОВ ЦАРСКОГО И ВРЕМЕННОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВА 1878—1917 гг. Серия III. 1914—1917 гг.
(Комиссия при ЦИК СССР по изданию документов эпохи
империализма под председательством **М. Н. Покровского**).
Соцгиз

- Том I. 14 января—13 марта 1914 г. 1931. Стр. XVIII + 614.
Ц. 7 р. 50 к., в пер. 8 р. 50 к.
- Том II. 14 марта—13 мая 1914 г. 1933. Стр. XXV + 550.
Ц. 8 р., в пер. 9 р.
- Том III. 14 мая—27 июня 1914 г. 1933. Стр. XVII + 468.
Ц. 10 р.
- Том IV. 28 июня—22 июля 1914 г. 1932. Стр. XVI + 423.
Ц. 10 р.
- Том V. 23 июля—4 августа 1914 г. 1933. Стр. XXIII + 297.
Ц. 9 р., в пер. 10 р.
- Том VI. 5 августа—15 января 1915 г.
Часть 1-я. 1935. Стр. 481. Ц. 8 р., в пер. 9 р.
Часть 2-я. 1935. Стр. 388. Ц. 7 р., в пер. 8 р.
- Том VII. 14 января—23 мая 1915 г.
Часть 1-я. 1935. Стр. 568. Ц. в пер. 11 р.
Часть 2-я. 1935. Стр. 539. Ц. в пер. 10 р.
- Том VIII. 24/11 мая—16/3 октября 1915 г.
Часть 1-я. 1935. Стр. 578. Ц. 9 р., в пер. 10 р.
Часть 2-я. 1935. Стр. XX + 528. Ц. 8 р., в пер. 9 р.

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ
ИМПЕРИАЛИЗМА**

Сокращенное издание. Документы из архивов царского и временного правительства. Серия III. 1914—1917 гг. Том 1.
14 января—4 августа 1914 г. 1935. (Комиссия при ЦИК СССР по изданию документов эпохи империализма, Ин-т истории Комкадемии)

Продажа во всех книжных магазинах Когиза

